

Ю. В. Арсеньевъ.

Геральдика.

ЛЕКЦИИ,

читанныя въ Московскомъ Археологическомъ
Институтѣ въ 1907^г, году.

Digitized by A.M. Gerasimov. Moscow. 1908.

H9129.08

M A R V A R D C O L L E C T I O N M Y
GIFT OF
A R C H I B A L D C A R Y C O O L I D G E
S E P . 8 1923



Печатано по постановлению Совета Московского Археологического Института.
Директоръ Института Александра Успенскій.

Содержание лекций.

Часть общая.

Стр.

I. Предмет геральдики, какъ научной дисциплины, ея связь съ сфрагистикой и различие отъ послѣдней. Значеніе ея для исторіи культуры. Общее понятіе о символахъ и отличительныхъ знакахъ въ бытѣ народовъ. Тотемизмъ. Тамги у азіатскихъ народовъ. Символы у народовъ древности. Древніе отличительные знаки на оружіи и знаменахъ. Система отличительныхъ знаковъ въ Византії. Символические знаки у народовъ Западной Европы въ Средніе вѣка. Существенное различие отличительныхъ знаковъ древности отъ средневѣковыхъ гербовъ. Гербъ, какъ продуктъ средневѣковой христіанской культуры. Соответствіе герба съ художественнымъ стилемъ различныхъ эпохъ.

1—17

II. Начало геральдики въ Средніе вѣка и причины, вызвавшія ея появленіе у народовъ Западной Европы. Не научные предположенія о существованіи геральдики въ древнійшія времена. Потребность въ гербахъ, вызванная характеромъ рыцарского вооруженія. Переходъ отличительныхъ знаковъ въ наследственные гербы. Вліяніе крестовыхъ походовъ на распространение гербовъ. Появленіе гербовъ на средневѣковыхъ печатахъ. Городскіе гербы. Вліяніе сношенія Западной Европы съ Востокомъ на развитіе геральдики. Венеція.

17—30

III. Развитіе геральдики, какъ специального знанія. Происхожденіе названий: „геральдика“ и „блазонъ“. Геральдический языкъ. Средневѣковые герольды. Ихъ прототипы въ классической древности.

Обязанности средневѣковыхъ герольдовъ и ихъ организація въ Германіи, Англіи и Франціи. Спеціальная сочиненія, написанныя герольдами. Позднѣйшія учрежденія по герольдіи въ западно-европейскихъ государствахъ. Геральдика, какъ спеціальная наука. Начало государственной геральдики въ Россіи и появление частныхъ гербовъ въ XVII вѣкѣ.

30—46

IV. Связь геральдики съ исторіей дворянства въ европейскихъ государствахъ. Главнѣйшія отличительныя черты развитія феодального дворянства во Франціи, Германіи, Англіи, Италии и Испаніи.

46—59

V. Рыцарство и причины, вызвавшія его появление. Рыцарская служба. Духовные рыцарские ордена въ Средніе вѣка и историческая свѣдѣнія о нихъ. Рыцарские ордена свѣтскаго характера. Внутренняя организація и бытъ рыцарства Западной Европы.

59—70

VI. Вліяніе рыцарскихъ обычаевъ и турнировъ на развитіе геральдики. Происхожденіе турнировъ и распространеніе ихъ въ Западной Европѣ. Турнирныя общества въ Германіи. Обычаи, соблюдавшіеся при турнирахъ. Причины, вызвавшія ихъ запрещеніе.

70—85

VII. Эпоха расцвѣта рыцарской геральдики въ западной Европѣ и распространеніе геральдического вкуса въ искусствѣ и бытѣ. Вліяніе геральдики на костюмъ. Геральдическія эмблемы корпораций, цѣховъ и пр. Распространеніе гербовыхъ печатей и окончательно выработавшійся типъ наслѣдственнаго герба. Домовые знаки [*Haustmarken*]. Гербы на монетахъ и жетонахъ. Усиленное распространеніе гербовъ во Франціи въ XVII вѣкѣ. Примѣненіе геральдики въ зодчествѣ и другихъ прикладныхъ искусствахъ. Геральдическія украшенія надгробныхъ памятниковъ. Обычай „погребенія герба“ на Западѣ.

Значеніе геральдики при изученіи исторіи и другихъ ея вспомогательныхъ дисциплинъ. Важность знанія геральдики для прикладнаго искусства.

85—100

III

Теоретическая геральдика.

Смр.

VIII. Определение понятия о гербѣ и составныхъ частяхъ его. Подраздѣленіе гербовъ по ихъ принадлежности и по нѣкоторымъ особымъ признакамъ.

Научное подраздѣленіе геральдики. Понятие о специальной литературѣ ея въ различныхъ странахъ Европы. Источники для изученія геральдики по ея памятникамъ. Раздѣленіе исторіи геральдики на періоды.

100—117

IX. Геральдический щитъ. Формы щита у различныхъ народовъ древности. Средневѣковые щиты. Геральдическія формы щитовъ и сохранившіяся ихъ образцы

118—127

X. Геральдические цвѣта (или финифти) и металлы. Символика ихъ. Различные системы обозначенія геральдическихъ цвѣтовъ и металловъ посредствомъ штриховки. Геральдические мѣха и ихъ происхожденіе

127—139

XI. Гербовыя фигуры, ихъ раздѣленіе на геральдическія и обыкновенные. Различіе геральдическихъ фигуръ отъ дѣленій, или сѣченій. Дѣленіе геральдического щита. Геральдическое обозначеніе сторонъ, правой и лѣвой. Фигуры дѣленій и ихъ разновидности.

139—150

XII. Раздѣленіе геральдическихъ фігуръ на фигуры 1-го и 2-го порядка. Описаніе этихъ фігуръ.

151—164

XIII. Обыкновенные (негеральдическія фигуры). Подраздѣленіе ихъ на естественные и искусственные. Описаніе главнѣйшихъ типовъ естественныхъ фігуръ.

164—186

XIV. Описаніе главнѣйшихъ типовъ искусственныхъ фігуръ

186—205

XV. Геральдический шлемъ. Различные формы средневѣковыхъ шлемовъ. Геральдическія формы шлема. Различные системы изображенія шлемовъ для обозначенія сана и достоинства.

205—213

XVI. Нашлемникъ, или шлемовый клейнодъ. Его происхожденіе. Главныя формы клейнода и способъ его изображенія. Шлемовый намѣтъ и его развитіе въ гербахъ

213—226

XVII. Геральдические знаки достоинствъ и званій: короны, головные уборы, отличительные знаки званій и орденские знаки. Описаніе главнѣйшихъ типовъ коронъ различныхъ государствъ и степеней и дворянства	226—239
XVIII. Геральдические придаточные знаки роскоши. Щитодержатели. Мантія и сѣнь. Девизы.	240—248
XIX. Различительные знаки особаго рода, или добавленія (<i>brisures</i>)	249—253
XX. Составные гербы и способы соединенія гербовъ. Порядокъ описанія гербовъ, или блазонированіе	253—260
XXI. Особенности геральдики въ различныхъ странахъ на Западѣ. Польская геральдика, ея особый характеръ и влияніе на русскую.	260—279
XXII. Начала геральдики въ Россіи и ея составные элементы. Заключеніе	279—295

I.

Со временъ такъ называемой эпохи умственного просвѣщеннія, конца XVIII-го столѣтія и до нашихъ дней нерѣдко слышались и еще слышатся голоса, заявляющіе, что занятія геральдикой и сфрагистикой, а равно и генеалогіей не могутъ имѣть никакого научнаго значенія и являются лишь безполезною тратою времени. Причина подобныхъ ошибочныхъ сужденій заключается въ томъ, что въ область чистой науки переносятся личные политическія воззрѣнія. При этомъ совершенно забываются, что для правильнаго разрѣшенія научныхъ вопросовъ необходимо строго остерегаться какой-либо тенденціи, или предвзятыхъ взглядовъ.

Еще весьма недавно научное понятіе объ „исторії“ ограничивалось одною лишь „политической“ ея частію, при чемъ совсѣмъ не обращалось вниманія на ея археологическое значеніе, на изученіе специально историческихъ вопросовъ и мѣстныхъ бытовыхъ условій. Понятіе о *культурной исторіи* долгое время совершенно отсутствовало въ наукѣ.

Междудѣмъ исторія, по словамъ Спенсера, имѣть право на свое значеніе именно какъ наука, непосредственно относящаяся къ жизни общества. Даже элементарные факты политической исторіи, говорить онъ, суть вопросы такого рода, которые требуется разрѣшить прежде, чѣмъ можно будетъ составить какія-нибудь правильныя заключенія о развитіи политическихъ учрежденій. По отношенію къ изслѣдованію о человѣческомъ обществѣ, замѣчаетъ Майръ, особенно оправдывается афоризмъ, что все существующее заслуживаетъ изученія. Вспомнимъ известное изреченіе римскаго писателя Теренція: „*Homo sum, humani nihil a me alienum puto*“.

Такъ - какъ для человѣческаго ума не существуетъ болѣе важнаго объекта для познанія, какъ изученіе самого себя, то и всякое явленіе человѣческой культуры безусловно представляетъ научный интересъ, ибо культура и выражаетъ собою развитіе человѣческаго духа въ предѣлахъ народности и другихъ историческихъ условій.

Итакъ, изученіе гербовъ и печатей, составляя часть культурной исторіи, не можетъ быть маловажнымъ, а тѣмъ болѣе бесполезнымъ. Отсюда очевидно, что посвященныя этому изученію, геральдика — наука о гербахъ, и сфрагистика — наука о печатяхъ, получаютъ совершенно опредѣленное мѣсто въ ряду вспомогательныхъ историческихъ знаній, или дисциплинъ, и служа необходимыми вспомогательными средствами при изученіи историческихъ памятниковъ, даютъ весьма важное пособіе, какъ для исторіи, такъ и для археологіи.

Но между геральдикой и сфрагистикой, какъ ни тѣсно связаны между собою эти двѣ родственныя дисциплины, имѣется однако рѣзкое и существенное различіе, на которое слѣдуетъ обратить ваше вниманіе.

Въ то время, какъ сфрагистика, или ученіе о печатяхъ, тѣсно связанная по своему назначению съ дипломатикой, составляетъ часть всеобщей международной культурной исторіи, геральдика, или ученіе о гербахъ, принадлежитъ къ болѣе ограниченной области христіанской культуры, исключительно европейскихъ народовъ.

Гербы являются продуктомъ христіанской эпохи и вмѣсть съ тѣмъ европейской средневѣковой культуры, хотя въ основаніе ихъ развитія и могли войти, какъ элементы, нѣкоторые пережитки быта и вѣрованій народовъ древняго міра, а впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, ими восприняты были и новые образы, занесенные въ Западную Европу преимущественно съ Востока.

Чтобы убѣдиться въ вѣрности этого положенія, намъ прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ о символахъ или отличительныхъ знакахъ, какъ они примѣнялись въ бытовой жизни различныхъ народовъ въ разныя историческія времена.

Обычай, заключающійся въ томъ, что известный символъ,

преимущественно изображение какого-либо животного, или растения, принимается какъ отличительный знакъ отдельной личности, рода или цѣлаго племени, распространенъ по всему свѣту, преимущественно у первобытныхъ народовъ и можетъ быть признанъ общечеловѣческимъ. Основаніе этого обычая религіозное и онъ представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода натурализмъ, т. е. обоготовленіе силъ природы, но въ болѣе ограниченной формѣ, относящейся къ отдельнымъ ея явленіямъ. Но онъ является также и правовымъ, встрѣчающимъ у весьма многихъ народовъ, и извѣстенъ въ этнографіи подъ названіемъ *тотемизма* (оть слова—*totem* на языкѣ краснокожихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, означающаго—отличительный знакъ).

Тотемизмъ, который мы еще встрѣчаемъ въ полномъ развитіи и въ настоящее время у Индѣйскихъ племенъ и у Австралийскихъ дикарей, (у которыхъ онъ называется *Kobong*), состоить въ принятіи отдельнымъ семействомъ, или племенемъ извѣстнаго животного, или растенія своимъ символомъ. Изображеніе послѣдняго носится всѣми членами семьи, или племени на тѣлѣ, въ видѣ татуировки; украшения также заимствуются отъ того-же животного, или растенія, причемъ первое иногда признается даже родоначальникомъ племени. Такой *тотемъ* имѣть важное значеніе при религіозномъ культе: отношеніе между извѣстнымъ родомъ и его тотемомъ не дозволяетъ убивать избраннаго животного и уничтожать извѣстнаго растенія. Имѣющіе общаго *тотема* не могутъ заключать между собою брачныхъ союзовъ.

Какъ другой примѣръ подобныхъ отличительныхъ знаковъ рода, или отдельной семьи мы укажемъ на такъ называемыя *тамги*, встрѣчающіяся у народовъ сѣверной Азіи, тюркскаго и монгольского происхожденія. Это обыкновенно изображеніе какого-нибудь звѣря, птицы или оружія. Каждое племя имѣть свою подобную тамгу, изображаетъ ее на своихъ знаменахъ и значкахъ и выжигаетъ на лошадяхъ, рогатомъ скотѣ, а иногда и на своемъ тѣлѣ. Таковы, напримѣръ, тамги у Киргизъ. Тамга, по мнѣнію Харузина, не есть знакъ собственности, а знакъ родовой. Каждый родъ у Киргизъ Букеевской орды, по словамъ этого

изслѣдователя, имѣть свою тамгу, хотя за послѣднее время появляются самостоятельные тамги и у отдельній; рода: Султанскій, Ходеринскій и Теленгутовъ имѣютъ одну общую тамгу, родъ Ногаевъ имѣть 6 тамговъ. Тамга обыкновенно выжигается у Киргизъ на лѣвой ляжкѣ лошади; на рогатый скотъ, барановъ, верблюдовъ, на кибитку или на другое движимое имущество она не кладется. Киргизъ ставить также свою тамгу, вмѣсто подписи, на офиціальныхъ бумагахъ. Другой изслѣдователь этнографіи Киргизъ, М. Иванинъ дѣлаетъ слѣдующее интересное предположеніе о значеніи тамговъ. Онъ пишетъ: „судя по тамгамъ, или печатямъ, означающимъ до настоящаго времени родовое отличіе у многихъ кочевыхъ племенъ Средней Азіи, прикладываемымъ къ бумагамъ, вмѣсто подписи, и изображающимъ копье, мечъ, стрѣлу, лукъ и проч., можно полагать, что тамги эти выражали или родъ оружія, которымъ были вооружены полки или отряды хановъ потомства Чингисъ-хана, или выражали родъ службы и занятій разныхъ киргизскихъ племенъ“. Дѣйствительно, глядя на тамги, мы можемъ во многихъ изъ нихъ безъ труда усмотрѣть изображеніе, (хотя и грубое), того или другаго оружія. У Киргизъ существуетъ преданіе, что тамги отдельнымъ родамъ были даны самимъ Чингисъ-ханомъ вмѣстѣ съ назначеніемъ каждому роду *урономъ*, т.-е. боевымъ крикомъ — (*cri de guerre* у западныхъ народовъ). Еще недавно, по словамъ Харузина, каждый родъ у Киргизъ, имѣлъ свой уранъ и примѣнялъ его въ бою. По словамъ Левшина и Гебеля, каждый родъ у нихъ въ прежнее время различался также отъ другихъ знаменами, значками и цвѣтомъ башлыковъ.

Мы остановились на этихъ родовыхъ отличительныхъ знакахъ азіатскихъ народовъ съ нѣкоторою подробностью, такъ-вакъ, кромѣ ихъ общаго значенія при изученію геральдики, они представляютъ для нась специальный интересъ, служа элементомъ нѣкоторыхъ нашихъ гербовъ, принадлежащихъ фамиліямъ инородческаго происхожденія.

Переходя къ всеобщей исторіи человѣчества, мы видимъ, что отличительные знаки въ видѣ извѣстныхъ символовъ, употреблялись съ незапамятныхъ временъ для различенія отдель-

ныхъ лицъ, или сообществъ и даже цѣлыхъ странъ, какъ на войнѣ, такъ и въ частной жизни. Такіе знаки встрѣчаются уже въ глубокой древности у народовъ Востока и Запада, въ особенности же у Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные памятники ихъ искусства, письменности и быта. Такими символами пользовались прежде всего лица, отличавшіяся отъ другихъ какими-либо особыми превосходными качествами или положеніемъ, какъ, напримѣръ, герои, цари, полководцы и т. под. Они служили еще и средствомъ къувѣковѣченію какого-либо дѣянія, подвига или событія изъ жизни извѣстного лица. Иногда знаки эти представляли олицетвореніе нравственной эмблемы въ образѣ животныхъ, растеній и т. под. Уже Гомеръ, Виргилій и Пліній, говорить обѣ изображеніяхъ на щитахъ героевъ осады Трои. Эсхилъ въ „Походѣ семи противъ Фивъ“ также даетъ поэтическое описание эмблемъ на щитахъ сражающихся. Филостратъ упоминаетъ о золотомъ орлѣ, какъ о символѣ персидскихъ царей и въ томъ числѣ Кира, что подтверждаетъ и Ксенофонтъ въ своей Биропедіи. Греческие исторические писатели описываютъ отличительные боевые знаки также и другихъ персидскихъ царей: Камбиза, Дарія и Ксеркса. Напомнившисъ, наконецъ, о символахъ нѣкоторыхъ народовъ древности, какъ напр. льва — колѣна Іудова, голубя — Ассирии, сову — Афинской республики и о многочисленныхъ символахъ на памятникахъ Египта, *) которые достаточно извѣстны.

Изображенія на щитѣ, а затѣмъ и на шлемѣ, въ древности не составляли какого-либо исключенія, но были во всеобщемъ употребленіи: почти всѣ шлемы и щиты того времени имѣютъ ихъ. Такъ напр. мы встрѣчаемъ изображеніе морского коня — на шлемѣ Александра Македонскаго, льва — на шлемѣ Ахиллеса, пса — на шлемѣ Массиниссы, орла — на шлемѣ Каракаллы. Но подобная изображенія не служили отличительнымъ признакомъ рода и были личными, передаваясь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

*) Между послѣдними мы встрѣчаемъ напр. символические знаки отдѣльныхъ провинцій верхняго Египта, которые носились на дливныхъ древкахъ во время торжественныхъ церемоній (см. *Ermann Aegypten u. aegyptisches Leben im Alterthum.* I 36).

Примѣръ такой передачи встрѣчаемъ у Овидія, который повѣстуетъ, что царь Эгей узналъ своего сына Тезея по родовымъ знакамъ на єфесѣ его меча. Другой единичный примѣръ наследственной эмблемы можно указать изъ Римской исторіи: потомки римскаго полководца Валерія Корва носили на шлемахъ изображеніе ворона (*cogrus*) въ память необычной побѣды, одержанной, по преданію, ихъ предкомъ при помощи этой птицы, хотя она и считалась предзнаменованіемъ несчастія. Вообще римскіе полководцы изображали нерѣдко на своихъ вооруженіяхъ эмблемы, свидѣтельствовавшія о совершенныхъ ими подвигахъ; но украшенія эти имѣли случайный и произвольный характеръ и не подчинялись никакимъ правиламъ, въ чемъ и заключается ихъ главнѣйшее отличие отъ наследственного герба Среднихъ вѣковъ.

По свидѣтельству Тацита, древніе Германцы окрашивали свои боевые щиты для различія въ разные цвета: „*scuta lectissimis coloribus distinguunt*“, пишетъ онъ въ своей „Германіи“. Так же и римскіе легіоны имѣли на своихъ щитахъ изображенія, которыми когорты различались между собою и отъ каковыхъ получали иногда названія. Особыми изображеніями убирались также и римскія знамена, называвшіяся *vexilla*, кромѣ того, въ римскихъ войскахъ существовали особые значки (*signa*) для различія легіоновъ и когортъ, состоявшіе изъ фигуръ различныхъ животныхъ, напр. орла, волчицы, льва, минотавра, коня, вепря и т. под., водруженныхъ на длинныхъ древкахъ: въ бою они носились впереди войска. Фигуры эти большею частью имѣли какое-либо отношеніе къ исторіи вѣчнаго города. На границѣ христіанской эпохи мы, наконецъ, встрѣчаемъ извѣстный „*labarum*“ Константина Великаго, увѣнчанный крестомъ, который замѣнилъ языческія символы и доставилъ ему побѣду надъ Максентіемъ.

Въ эпоху паденія Римской имперіи и въ послѣдующія времена система отличительныхъ знаковъ и символовъ, вошедшая въ обычай у Римлянъ, не могла развиваться въ прежнемъ направлениі, вслѣдствіе нарушенія всѣхъ установившихся общественныхъ отношеній при нашествіи варваровъ. Употребленіе такихъ

отличій, однако, стало развиваться на новыхъ началахъ при христіанскихъ императорахъ. При Аркадіи и Гоноріѣ, въ началѣ V-го вѣка по Р. Х., когда въ Западной Римской Имперіи уже утверждалось владычество Готовъ, Свевовъ, Вандаловъ и Алановъ и начиналось усиленіе Франковъ, система отличительныхъ знаковъ стала вновь примѣняться въ императорскихъ войскахъ, а также и при дворѣ греческихъ императоровъ, отличавшемся необыкновенною пышностью и великолѣпіемъ. Какъ о томъ свидѣтельствуетъ современное сочиненіе: „Notitia utraque dignitatum et administrationum in partibus Orientis et Occidentis“, эти отличія присвоивались между прочимъ многочисленнымъ придворнымъ и государственнымъ сановникамъ Византіи, которые различались между собою въ чинахъ и должностяхъ вицѣшими признаками. Они получали на свое званіе отъ императора особый дипломъ или грамату (*codicilli dignitatis*), въ которой находилось изображеніе присвоенного ихъ достоинству отличительного знака (*insigne, signum*), что представляеть вѣкоторое сходство съ дворянскими граматами съ пожалованіемъ герба.

Обращаясь наконецъ къ другимъ народамъ Западной Европы, начинавшимъ въ эти времена свою историческую жизнь, мы встрѣчаемъ вѣкоторые символы и отличительные знаки, хотя впрочемъ въ весьма незначительномъ развитіи, у Готовъ (полумѣсяцъ, крестъ), Франковъ (крестъ надъ кругомъ), Лонгобардовъ (также крестъ), Англовъ (крести различныхъ формъ, въ сопровожденіи птицъ, шаровъ и т. д.; также драконъ), Саксовъ (черный конь Виттекинда, который послѣдній, по принятіи христіанства, измѣнилъ на бѣлаго; также левъ и роза), Датчанъ (воронъ, различные кресты) и Норманновъ. Объ этихъ послѣднихъ монахъ Аббонъ, очевидецъ осады Парижа Норманнами въ 886 году, упоминаетъ въ своей поэмѣ, посвященной этому событию, говори, что у нихъ имѣлись щиты, окрашенные въ самые яркие отличительные цвета*) Подобную же отличительную окраску Норианы давали также и своимъ кораблямъ.

*) Въ одной поэмѣ Ермолъда Чернаго (*Nigellus*), относящейся въ 815 году, Норманскій вождь даетъ слѣдующій отвѣтъ посланцу короля Людовика Доброчудного: „я видѣю раскрашенные щиты, если ты имѣешь бѣлые.“.

Хотя, во всѣхъ приведенныхъ нами здѣсь примѣрахъ символовъ или отличительныхъ знаковъ у древнихъ и первобытныхъ народовъ мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя черты сходства съ средневѣковымъ обычаемъ изображеній и отличительныхъ знаковъ на щитѣ и шлемѣ, но это не даетъ намъ права говорить о какомъ-либо геральдикѣ первобытныхъ или древнихъ народовъ дохристіанской эпохи.

Геральдику можно опредѣлить простѣйшимъ образомъ, каѳь ученіе о гербахъ, а мы увидимъ, что существенную и необходимую часть всякаго герба составляетъ уврашенный изображеніемъ или цвѣтомъ щитъ и дополняющій этотъ послѣдній шлемъ съ его атрибутами. Слѣдовательно, вполнѣ ясно, что гербъ является произведеніемъ эпохи рыцарства, продуктомъ крестовыхъ походовъ и турнировъ, однимъ словомъ, Среднихъ вѣковъ.

Поэтому гербъ мыслимъ геральдически только въ опредѣленныхъ формахъ извѣстнаго стиля: гербъ въ древнеегипетскомъ, или дорійскомъ стилѣ явился бы безмыслицей.

Геральдикѣ свойственны только два стиля: *ютическій* и стиль *эпохи Возрожденія*. Эпоха стиля *Рококо*, хотя таковой и встрѣчается въ гербахъ, совпадаетъ уже съ временемъ упадка геральдики. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ характерные особенности стиля не только въ геральдикѣ различныхъ эпохъ, но и въ предѣлахъ одной и той-же эпохи въ ней можно усмотреть существенные различія, свойственные той или другой странѣ, гдѣ она получила развитіе. Такъ, напримѣръ, мы можемъ замѣтить національные особенности въ геральдической *ютицѣ* Англіи, Франціи, Испаніи и Германіи. На эту интересный и важный для исторіи искусства вопросъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало обращено было вниманія при геральдическихъ изслѣдованіяхъ.

Стремленіе средневѣковыхъ ученыхъ придавать всему таинственное и отдаленѣйшее происхожденіе вовлекло первыхъ исследователей науки о гербахъ въ самыя неизброятныя предположенія. Такъ французъ *Фавенъ* (1620 г.) относилъ начало геральдики къ первымъ временамъ человѣчества и баснословилъ,

будто потомки Сиёа, желая отличаться отъ сыновъ Каина, изображали на своихъ щитахъ различные предметы животнаго и растительного царства, тогда какъ послѣдніе избирали себѣ для той же цѣли предметы искусственные. *Сегюэнг* (1648 г.) приписывалъ изображеніе гербовъ сыновьямъ Ноя, ссылаясь на какие-то сомнительныя апокрифические источники. Нашлись и такие фантазеры, которые изобрѣтали гербы для Адама, пророковъ, ветхозавѣтныхъ патріарховъ и еврейскихъ царей. Другіе, читая въ книгѣ Числъ, что Евреи по выходѣ изъ Египта разбивали свой лагерь по племенамъ и семействамъ, различавшимся своими знаками и знаменами, заключали отсюда, что 12 колѣнъ Израиля изображали на послѣднихъ знаки зодіака, кавовые и сочли гербами ихъ; или же, основываясь на апокрифическомъ предсказаніи патріарха Іакова сыновьямъ, утверждали, что каждый изъ нихъ избралъ себѣ гербъ сообразно съ тѣмъ, что ожидало его въ будущемъ. Такъ Іуда принялъ изображеніе льва, Завулонъ—якоря, Иссахаръ—осла, Гадъ—воина, Данъ—змѣи, Симеонъ—мечи, Вениамиинъ—волка и т. д. — Любопытно, что это извѣстіе объ отличительныхъ знакахъ библейскихъ патріарховъ проникло съ Запада и къ намъ и встрѣчается въ одной рукописи XVII вѣка съ приложеніемъ соотвѣтственныхъ изображеній, (изд. А. И. Успенскимъ въ Член. Общ. Ист. и Древн. М. 1904; подъ заглавіемъ „Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ, или прaporовъ“). Геральдистъ XVI-го вѣка *de-Bara* нашелъ возможнымъ дать описание гербовъ Неиврода, Гербулеса, Семирамиды и т. под. Къ менѣе фантастичнымъ толкователямъ эмблемъ и отличій древности принадлежить аббатъ *Монз* (1631 г.), доказывавшій, что истинное начало гербовъ и отличительной окраски щитовъ и оружія относится къ эпохѣ римскаго императора Октавія Августа, преемники котораго распространили этотъ обычай, перешедшій затѣмъ въ Галлію и другія страны, покоренные Римомъ. Такое мнѣніе, какъ мы видѣли, вполнѣ приемлемо по отношенію къ эмблемамъ и отличіямъ, существовавшимъ у древнихъ, но оно ошибочно въ стремлѣніи искать у Римлянъ какую-либо систематически выработанную геральдику.

Извѣстный французскій геральдистъ XVII вѣка *Менестріз*,

который признается отцомъ геральдики, въ своей книгѣ о происхождениі гербовъ (*Origine des armoiries*, изд. въ 1650 г.), начинаетъ ее съ перечисленія различныхъ авторовъ, писавшихъ до него по этому предмету. Онъ насчитываетъ таковыхъ 18 и безъ труда обнаруживается, что ни одинъ изъ нихъ не стоялъ на почвѣ исторической правды. „Изъ столь разнообразныхъ мнѣній, говорить онъ, можно сдѣлать лишь одивъ выводъ: что съ незапамятныхъ временъ существовали эмблемы и девизы, чтобы различаться и узнавать другъ друга, но что таковые въ эти первобытныи времена никогда не являлись наследственными знаками благороднаго происхождениія, установленными на основаніи точно опредѣленныхъ правилъ геральдики, какъ это существуетъ въ наше время“. Такое заключеніе является, какъ мы видѣли, вполнѣ справедливымъ, а также достовѣрно и то, что Египтяне, а позднѣе Ереи, заимствовавшиe изъкоторые египетскіе обычай, различали другъ друга во время своихъ кочеваний и походовъ посредствомъ знаковъ, изображенныхыхъ на шатрахъ, знаменахъ и щитахъ. Этотъ обычай, съдовательно, существовалъ на Востокѣ съ древнѣйшихъ временъ, прежде чѣмъ установленъ былъ какими-либо писанными узаконеніями.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вполнѣ достовѣрное начало геральдики у христіанскпхъ народовъ Европы должно быть отнесено ко времени крестовыхъ походовъ и расцвѣта рыцарства, т. е. къ концу XI-го, или, вѣрнѣе, къ XII-му столѣтію. Только лишь съ этихъ поръ употребленіе гербовъ стало входить въ обычай почти во всей Европѣ, въ особенности благодаря крестовыи походамъ, а также вслѣдствіе развитія феодальной системы съ присущими этой послѣдней разрядами владѣтелей крупныхъ и мелкихъ леновъ и ихъ вассаловъ. Въ это время явился обычай присоединять къ личнымъ именамъ еще фамильныи прозвища и названія земельныхъ владѣній, что не мало повлияло на распространеніе гербовъ, которые уже съ XII-го вѣка стали жаловаться королями и владѣтельными князьями также въ видѣ отличий. При этомъ у каждого народа гербы получали своеобразный национальный отпечатокъ.

Германскіе народы, вторгаясь въ чужую землю, прежде

всего заботились о захватѣ земельной собственности. Поэтому раздѣль пріобрѣтенный оружиемъ земли являлся первымъ слѣдствиемъ побѣды и завоевавія. Вождь избиралъ себѣ лучшій участокъ, а остальные дѣлились между его боевыми тварищами. Послѣдніе могли на полученной землѣ селить разныхъ лицъ, подчиненныхъ имъ и обязанныхъ, въ случаѣ похода или междуусобія, являться къ своему владѣльцу для его защиты. Когда же самимъ владѣльцамъ участковъ приходилось собираться по зову верховнаго вождя, то они вынуждены были употреблять отличительные знаки, называвшіеся у французскихъ феодаловъ *connaisances* или *entresains*. Эти отличительные знаки помѣщались на вооруженіи и знаменахъ и были необходимы не только для различія благородныхъ отъ *roturiers*—подвластныхъ, но и для того, чтобы можно было распознавать отъ другихъ главнаго представителя вассального участка.

Въ средневѣковыхъ хроникахъ встрѣчаются кое-гдѣ упоминанія о такихъ отличительныхъ знакахъ или *connaisances*. Но въ эпоху, когда мы ихъ впервые встрѣчаемъ, знаки эти, еще въ то время весьма несложные, не служили еще для образования особаго рода сочетаній, сдѣлавшихся впослѣдствіи исключительною принадлежностью того или другаго семейства и легшихъ въ основаніе правилъ геральдической науки. Они были въ это время въ нѣкоторомъ смыслѣ общимъ достояніемъ, и каждый могъ присваивать ихъ себѣ по собственному желанію и вкусу. Иоаннъ де Гарландъ, написавшій любопытное описание города Парижа около 1280 года, сообщаетъ, что купцы, торговавшіе боевыми щитами и снабжавшіе своимъ товаромъ всѣ города Франціи, продавали ихъ рыцарямъ покрытыми сверху холстомъ, кожею или золотою мастикою, на которыхъ изображались въ краскахъ львы и лилии.

Во всей Европѣ въ Средніе вѣка люди, достаточно богатые для того, чтобы не имѣть надобности работать, составляютъ привилегированный классъ, строго отдѣленный отъ остальной части общества. Въ этомъ высшемъ классѣ всѣ, исключая духовныхъ лицъ,— воины по профессіи.

Уже Карлъ Великій обязалъ всѣхъ свободныхъ людей своей

имперіи носить оружіе. Необходимость защищать себя, склонность къ приключenіямъ и предрасположеніе въ пользу воинской жизни привели во всей Европѣ къ образованію военной аристократіи. Такъ какъ свѣтскіе люди считали военную службу единственнымъ почетнымъ образомъ жизни, то каждый и стремился къ ней. Первымъ условіемъ для этого была возможность вооружиться на свой счетъ. Начиная съ IX-го вѣка, сражались исключительно на лошадяхъ: поэтому средневѣковой воинъ назывался во Франціи — *chevalier*, на югѣ — *cavaler*, въ Испаніи — *caballero*, въ Германіи — *ritter*. Въ латинскихъ текстахъ название воина — *miles* сдѣгалось синонимомъ рыцаря.

Во всей Европѣ война велась однимъ и тѣмъ же способомъ и воины вооружены были почти одинаково. Впрочемъ, одежда и снаряженіе рыцаря существенно измѣнялись въ различныя эпохи.

Еще римская конница имѣла вооруженіемъ панцырь, состоявший изъ металлической чешуи, нашитой на кожаную одежду; по примѣру Римлянъ, Готы, Алланы, Франки и другія варварскія племена стали носить такое же вооруженіе. Таковыми же оно оставалось въ Европѣ почти до конца XI-го вѣка. Но позднѣе этой первобытный панцырь повсюду вытѣсняетъ кольчуга — рубашка изъ металлическихъ колецъ съ рукавицами и капюшономъ и съ прорѣзомъ сверху, такъ что ее можно было одѣвать, какъ рубаху. На Байёскомъ коврѣ (*tapisserie de Bayeux*), сдѣланномъ чрезъ нѣсколько нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія Англіи Норманнами (1066 г.), большинство рыцарей изображены еще въ чешуйчатыхъ доспѣхахъ, но на нѣкоторыхъ мы видимъ уже кольчуги. Во время крестовыхъ походовъ первые встрѣчи рыцарей Западной Европы съ сарацинскою конницей, носившей исключительно легкія кольчуги, еще болѣе повліяли на распространеніе этой послѣдней. Она называлась на Западѣ *haubert* и первоначально доходила до ступней; когда ее укоротили до колѣнъ, то ноги, для защиты, стали закрывать чулками изъ колецъ, къ которымъ прикрѣплялись шпоры. Во время битвы рыцарь одѣвалъ на голову, сверхъ капюшона, шлемъ — стальную шапку конической формы, кончавшуюся металлическимъ навершиемъ

(*cimier*). Шлемъ былъ снабженъ сталью пластинкою (*nasal*), защищавшею носъ, и привязывался къ кольчугѣ ремнями.

Съ течениемъ времени кольчуга постепенно подкрѣплялась желѣзными пластинами на мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ ударамъ противника. Съ конца XIV-го вѣка эти, отдѣльные пластины начинаютъ постепенно покрывать всю кольчугу и соединяются въ полный доспѣхъ. Что же касается шлема, то онъ превращается въ совершенно закрывающій лицо уже съ половины XII-го вѣка. Рубавицы изъ колецъ защищали руки, а заостренные башмаки изъ стали — ноги рыцаря. Тяжелая массивность этого вооруженія несолько оживлялась яркою окраскою щита, висѣвшаго на шей на широкомъ ремнѣ, и вышивкою на тунике (*cotte d'armes, surcot*), опущенной мѣхомъ, которая надѣвалась сверхъ кольчуги. Въ такомъ вооруженіи сражались герои крестовыхъ походовъ; Готфридъ Бульонскій и Танкредъ. Именно на щитахъ и туникахъ стали рыцари въ то время изображать свои наследственные эмблемы или гербы. Наступательнымъ оружіемъ ихъ былъ мечъ (*branc, schwert*), обыкновенно широкій и короткій, съ плоской рукой, и копье съ длиннымъ и тонкимъ древкомъ изъ ясеня или граба, кончавшееся желѣзнымъ наконечникомъ; къ послѣднему прикрѣплялась узкая полоса матеріи (*gonfanon* — значевъ), которая развѣвалась по вѣтру.

Одѣтый и вооруженный такимъ образомъ, рыцарь былъ почти неуязвимъ, и съ течениемъ времени вооруженіе все болѣе совершенствовалось, дѣлая воина похожимъ на живую брѣость. Но вмѣсть съ тѣмъ онъ становится настолько тяжелымъ, что для битвы ему нужна особаго рода лошадь. Рыцарь имѣеть при себѣ двухъ коней: обыкновенного (*palefroi*) — для ъзды, и боеваго (*dextrier*), котораго ведеть подъ уздцы слуга. Кони рыцарей сначала были совершенно лишены броневой защиты, но послѣ того какъ въ битвѣ при Дорилеумѣ (1097 г.) и въ другихъ сраженіяхъ крестоносцевъ съ Сарацинами, стрѣлы послѣднихъ производили страшныя опустошенія въ ихъ рядахъ, поражая коней цѣлыми массами, стало входить въ обычай облекать и боевыхъ коней въ полныя латы. Самое вооруженіе рыцарей и ихъ коней дѣлало болѣе необходимымъ, чѣмъ прежде, тѣ от-

личительные знаки и символы, безъ которыхъ ихъ трудно стало распознавать. Закованные въ мало-отличающіеся жалѣзные доспѣхи, рыцари какъ бы теряли индивидуальныя свои отличія, такъ-что выразителемъ отдѣльной личности являлся лишь его щитъ съ изображеніемъ на немъ гербомъ, который повторялся иногда на шлемѣ и тунике. Слѣдуетъ замѣтить, говорить *Вѣнециано* въ своей „*Історії оружія*“, что въ періодъ, начинающійся съ 1170-го года, т. е. именно съ того времени, когда шлемы стали закрывать все лицо, сталъ особенно распространяться обычай помѣщать на щитахъ и шлемахъ, а впослѣдствіи и на знаменахъ, сѣдахъ и конскихъ чалдарахъ извѣстныя изображенія, служившія для распознаванія отдѣльныхъ лицъ, и это именно дало сильный толчекъ развитию рыцарской геральдики.

Чтобы свои уиѣли различать, кто именно есть закованный въ стальнуя броню рыцарь, необходимо было изучить, какое поле на его щитѣ, какіе на немъ цвета и фигуры, о чёмъ гласить девизъ, какія перья или изображенія украшаютъ шлемъ, какъ спущено забрало и т. под.

Во времія крестовыхъ походовъ, когда множество феодаловъ отправлялось въ походъ въ сопровожденіи своихъ вассаловъ и челяди, необходимость для лицъ одного военнаго сообщества узнавать другъ друга посредствомъ отличительныхъ изображеній на оружіи стала еще настоятельнѣе. Другимъ поводомъ къ распространенію гербовъ можно признать желаніеувѣковѣчить извѣстныя события, и подвиги въ своемъ потомствѣ. На это въ то времія имѣло повидимому вліяніе распространявшееся въ Западной Европѣ знакомство съ обычаями Востока, ибо Арабы въ тѣ времена уже имѣли выработанную своеобразную систему гербовъ и нѣкоторые изъ ихъ отличительныхъ эмблемъ, какъ мы увидимъ, получили тогда доступъ въ геральдику Запада и были ею восприняты.

По мѣрѣ того, какъ обычай употребленія гербовъ получалъ все большее распространеніе въ Европѣ, произвольный выборъ эмблемъ тѣмъ или другимъ феодаломъ сталъ уступать мѣстѣ наследственнымъ, и мы замѣчаемъ, что личные отличительные знаки или *connaissances* начинаютъ упрочиваться въ нѣкоторыхъ

фамилияхъ и становятся постоянными. Такъ напр. своеобразный сквозной крестъ (*scoix vidée, cléchée et pommetée*), который Реймондъ де Сенъ-Жиль имѣлъ на своей печати, приложенной къ акту, относящемуся къ 1088-му году, сохранился донынѣ, какъ постоянный гербъ графовъ Тулузскихъ. Точно также двѣ геральдические рыбы (*bars*) на печати Тиерри II-го, графа Монбельяръ и Барь ле Дюкъ перешли въ гербъ его потомковъ. Наконецъ, молодые львы (*lionceaux*), которые фамилия Плантагенетовъ имѣла въ своемъ гербу въ 1127 году, сохраняются до нашихъ дней подъ именемъ *леопардовъ* въ королевскомъ гербѣ Великобританіи.

Еще болѣе древними являются гербовые печати, сохранившіяся на брачномъ договорѣ Санхо, инфанта Кастильскаго съ Вильгельминой, дочерью Гастона II, виконта Беарнскаго и относящіяся къ 1000-му году. Къ этому послѣднему акту приложено было 7 печатей, изъ которыхъ 2 сохранились въ цѣлости. На одной изъ нихъ изображена борзая собака, а на второй щитъ, пересѣченный поясами; первая печать принадлежала, вѣроятно, Гарцю Арно, графу Орь и Маньоакъ, потомки которого всегда имѣли въ своемъ гербѣ изображеніе собаки.

Извѣстны также двѣ печати Адальберта, герцога Лотарингскаго, приложенныя къ двумъ актамъ 1030 и 1037 годовъ, на которыхъ изображенъ въ щитѣ орелъ съ опущенными крыльями. Гербовая печать Роберта Фризона, графа Фландрскаго, съ изображеніемъ льва Фландріи, относится къ 1072 году.

Итакъ, древнѣйшіе извѣстные намъ гербы принадлежать къ XI-му вѣку, но они настолько рѣдки, что, надо полагать, были еще весьма мало распространены въ то время. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ гербовыхъ печатей изъ этой ранней эпохи. Въ Германіи уже въ половинѣ XI-го вѣка встрѣчается на рыцарской печати маркграфа Австрійскаго — орелъ. Въ Италии встрѣчаемъ въ томъ же вѣкѣ на родовыхъ печатяхъ гербы фамилій Баносса (собаку съ костью во рту), Капуа (пересѣченный справа щитъ) и Салерно (щитъ съ рукою, выходяще слѣва). Гораздо чаще гербы на оружіи и печатяхъ начинаютъ встрѣчаться съ XII-го вѣка и здѣсь нельзя не видѣть вліянія первого крестового похода и распространившагося тогда повсемѣстно обычая рыцар-

скихъ турнировъ и такъ-называемыхъ состязательныхъ боевъ (*joutes, wettkämpfe*). Къ этому времени относится печать французского короля Людовика VII Юнаго, который первый изъ французскихъ королей принялъ въ свой королевскій гербъ лялю.

Первый римскій папа, имѣвшій гербъ, былъ Вонифатій VIII, занимавшій папскій престолъ съ 1294—1303 годъ.

Здѣсь слѣдуетъ сказать также нѣсколько словъ о происхожденіи *городскихъ гербовъ* на Западѣ. Печати и знамена городовъ въ Западной Европѣ, откуда произошли и гербы ихъ, относятся къ разнымъ эпохамъ. Древнѣйшія изъ нихъ принадлежать городамъ южной Европы, которые, несмотря на нашествіе варваровъ, не утратили окончательно своихъ правъ и вольностей временъ римскаго владычества и выѣстъ съ тѣмъ сохранили и свои єблѣмы той эпохи. Что же касается городовъ съвера, во Франціи и Германіи, которые получили права и самостоятельность гораздо позже, то ихъ гербы по большей части не восходятъ раньше XI-го, XII-го и XIII-го столѣтій.

Менестрѣ упоминаетъ въ своемъ изслѣдованіи о гербахъ исторію Жофруа, графа Анжуискаго, зятя короля Англіи Генриха I, написанную монахомъ изъ Мармустье, какъ древнѣйшее сочиненіе, въ которомъ упоминается о гербахъ. «Этотъ принцъ, говорится въ этой хроникѣ, въ 1130 году по случаю своего брака, появился на одномъ турнирѣ со щитомъ, на которомъ изображены были въ краскахъ леопарды, служившіе ему гербомъ».

Вліяніе крестовыхъ походовъ и турнировъ на развитіе генальдики, какъ науки съ опредѣленными, точно установленными правилами, не подлежитъ сомнѣнію. Таковою мы встрѣчаемъ ее прежде всего въ Венеціи. Въ этой аристократической республикѣ знаменитыя фамиліи, изъ которыхъ со временемъ ея основанія избирались верховные вожди, или дожи, учредили у себя такъ называемую *Золотую книгу* (*Livre d'or*) для точной записи родословій венеціанскаго дворянства. Этотъ древнѣйшій извѣстный намъ сборникъ такого рода, заключающій въ себѣ безъ перерыва до новѣйшаго времени имена венеціанскихъ патриціевъ съ ихъ гербами, брачными связями и датами рождения и смерти, состоитъ изъ цѣлой серии томовъ, переплетенныхъ въ красный бархатъ и

писанныхъ на пергаментѣ, изъ которыхъ первый имѣть датою 1315 годъ. Сборникъ этотъ донынѣ сохраняется въ Венециѣ, въ монастырѣ Фари, служащемъ хранилищемъ древняго венецианскаго государственнаго архива.

Ученый изслѣдователь французской геральдикѣ Adalbert de Beaumont дѣлаетъ весьма интересное и вѣроятное предположеніе, что Венеция развила свою геральдиву подъ непосредственнымъ вліяніемъ Востока, съ которымъ она находилась издавна въ торговыхъ сношеніяхъ, служа главнымъ соединительнымъ звѣномъ между двумя цивилизациими, западно-европейскою и восточною. Дѣйствительно мы видимъ, что съ начала Среднихъ вѣковъ вся европейская торговля находилась исключительно въ рукахъ Венецианцевъ, и флотъ ихъ былъ тогда единственнымъ въ Европѣ. Торговыя сношения Венеции простирались въ то время не только до Константиноополя, но достигали далѣе, сухимъ караваннымъ путемъ, до нѣкоторыхъ странъ Средней Азии и Африки. Впослѣдствіи, а именно съ половины XIII вѣка, соперницею Венеции въ международной торговлѣ является Генуя.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ и особенно оживившихся въ тѣ времена торговыя сношениія названныхъ итальянскихъ республикъ съ Востокомъ вліяніе восточной цивилизаціи на Европу начинаетъ сказываться во многомъ, и это вліяніе находить себѣ весьма характерное выраженіе именно въ геральдикѣ.

II.

Крестовые походы, по мнѣнію извѣстнаго историка Гервікуса, суть высшия, даже поворотныя точки отъ древняго міра къ новому, великий переходъ отъ античной жизни въ ново-европейской.

Три вѣка ранѣе Каролинги противостояли магометанамъ на Западѣ; теперь Европа поднялась не на однихъ только мавровъ въ Испаніи, но и на восточныхъ нехристей, какъ будто бы хлынула обратно бурная волна великаго переселенія народовъ. Но вмѣстѣ съ крестовыми походами и черезъ нихъ совершился

поворотъ во всей внутренней и виѣшней жизни къ новому пе-
риоду исторіи.

Крестовые походы, говорить *Каррьеरо*, начинаютъ откры-
вать міръ для постоянныхъ и неудержимыхъ впредь междуна-
родныхъ сношеній и доводить виѣсть съ тѣмъ духовную жизнь
Европы до полнаго расцвѣта. Свѣжіе исторические народы пере-
ходятъ изъ ребячества въ юношескій возрастъ. Отъ всего этого
времени вѣеть виѣшнимъ молодечествомъ и восторженной теп-
лотою чувства, что придаетъ ему какую-то прелестъ, какой-то
особый ароматъ, подъ которыми мѣстами таится еще много не-
складнаго, дикаго, незрѣлаго, мѣстами — много преувеличеннаго,
чрезмѣрнаго.

Съ бликомъ: „такъ Богу угодно!“ (*Dieu le volt*), прикрѣпляли
себѣ къ плечу крестъ не только цѣлыя тысячи рыцарей, но и
простой, бѣдный народъ толпами валилъ къ престарѣлому от-
шельнику, обѣзжавшему весь край верхомъ на осѣ; даже дѣти
собрались въ походъ къ Іерусалиму. Въ такомъ всеобщемъ подъемѣ
душъ силою одной идеи, видимъ мы руку міровластительного
Промысла: не внутренний ли, въ самомъ дѣлѣ, переживъ высказы-
вался въ кликѣ: „такъ угодно Богу“.

Приведемъ здѣсь также слова другаго изслѣдователя европейской
культурной исторіи, *Гизо*. Двѣ великия причины, говорить онъ,
вызвали въ средневѣковой Европѣ крестовые походы: первая была
нравственная, а вторая — соціальная. Нравственною причиною
являлись религіозныя побужденія и вѣрованія. Съ конца VII-го
вѣка христіанство вступило въ борьбу съ исламомъ. Оно побѣ-
дило его въ Европѣ, испытавъ большую опасность со стороны
этого грознаго тогда противника, и ограничивъ область его гос-
подства Испаніей, и въ этой послѣдней стремилось еще все время
окончательно его вытѣснить.

Крестовые походы иногда представляли событиемъ какъ бы
совершенно случайнаго характера, возникшимъ вдругъ и вполнѣ
неожиданно, подъ влияніемъ проповѣди Петра пустынника. Но
это не вѣрно: крестовые походы являлись продолженіемъ, вы-
шимъ кульминаціоннымъ пунктомъ великой борьбы, длившейся
впродолженіи четырехъ столѣтій между христіанствомъ и исла-

можь. До тѣхъ порь театромъ этой борьбы была Европа; теперь онъ перенесенъ былъ въ Азію. Великій смыслъ этой борьбы заключался въ столкновеніи двухъ религіозныхъ и соціальныхъ міровоззрѣній, и крестовые походы были главнымъ ея кризисомъ.

Второю причиною, вызвавшею крестовые походы, былъ соціальный строй Европы въ XI-мъ вѣкѣ, сложившійся въ узкихъ формахъ феодализма. Съ течениемъ времени общественная мысль не могла болѣе удовлетворяться этиими формами, ей нуженъ былъ просторъ, движение впередъ. Народы Европы устремились въ крестовые походы, ища въ нихъ выхода къ болѣе живому и полному существованію, открывавшему имъ широкія перспективы будущаго.

Эпоха крестовыхъ походовъ представляетъ особенно интересный предметъ изученія, не только въ политическомъ ихъ значеніи, но и во всѣхъ связанныхъ съ ними подробностяхъ общественной жизни и быта. Вотъ почему мы должны особенно внимательно остановиться на этой эпохѣ при изученіи геральдики.

Гербы стали особенно распространяться въ Западной Европѣ въ теченіе XII и XIII вѣка и, какъ мы уже замѣтили, въ этомъ ясно сказывалось вліяніе крестовыхъ походовъ.

Достойно вниманія, что весьма многія характерныя учрежденія средневѣковой эпохи возникали подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ. Такъ это было и съ родовыми отличіями, состоявшими изъ фамильныхъ прозвищъ и гербовъ. Если некоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, и существовали до крестовыхъ походовъ, то они являлись еще довольно рѣдкими, тогда какъ общая потребность въ нихъ сказалаась именно съ этой эпохи. При огромномъ стеченіи рыцарей всѣхъ странъ въ войскѣ крестоносцевъ стало необходимо различаться, какъ по національностямъ, такъ и по личнымъ владѣніямъ, и это достигалось именно чрезъ прозвища и гербы, помѣщавшіеся на знаменахъ, шлемахъ и щитахъ. Въ этомъ крестоносцы брали примѣръ съ мусульманъ, уже имѣвшихъ для военного времени отличительные цвѣта и личные символы. Большая часть сарацинскихъ эмировъ, подражая самому Саладину, отличались строгою простотою своего боевого снаряже-

нія. Вся роскошь послѣдняго заключалась въ красотѣ ихъ коней и блескѣ оружія и знаменъ, на которыхъ они имѣли написанныя золотомъ и красками изображенія различныхъ эмблемъ, преимущественно растеній, цвѣтовъ и плодовъ.

Нѣкоторые намеки на такие своеобразные гербы у нехристіанскихъ народовъ встрѣчаются въ средневѣковой поэзіи. Такъ *Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ*, повѣстуя о подвигахъ Карла Великаго противъ мавровъ Испаніи, упоминаетъ объ изображеніяхъ языческихъ боговъ на щитахъ послѣднихъ.

Въ другой героической поэмѣ, начала XIII вѣка, воспѣвающей крестовый походъ ландграфа Людвига Благочестиваго, описываются боевые отличительные знаки Саладина и его сподвижниковъ и также упоминаются изображенія языческихъ боговъ на ихъ щитахъ. Но эти поэтическія описанія болѣе, чѣмъ сомнительны, ибо мусульмане, во 1-хъ, не допускаютъ никакого многобожія и, во 2-хъ, даже запрещаютъ употреблять изображенія какихъ-либо оживленныхъ существъ. Болѣе достовѣрнымъ является описание вооруженія сарацинскаго витязя у *Конрада Вюрцбургскаго*, причемъ упоминаются языческія письмена на его щитѣ. Такія надписи дѣйствительно встрѣчались въ видѣ отличительныхъ знаковъ на щитахъ мавровъ и сарацинъ, какъ встрѣчаются на нихъ также изображенія растеній и плодовъ.

„Все побуждаетъ насъ думать, говорить историкъ крестовыхъ походовъ Michaud, что происхожденіе прозвищъ и въ особенности гербовъ обязано своимъ началомъ крестовымъ походамъ. Феодальный сеньёръ не нуждался въ отличительномъ знакѣ, пока не покидалъ своего наследственного замка, но для него явилось необходимымъ различаться отъ другихъ, когда онъ оказывался вдали отъ своей родины и терялся въ массѣ крестоносцевъ различныхъ странъ.

Большое число фамилій угасло во время этихъ религіозныхъ войнъ, не менѣе число раззорилось, и эти послѣднія особенно дорожили освятительными доказательствами своего благородного происхожденія, остававшагося ихъ единственнымъ преимуществомъ. Послѣ того, какъ многія благородныя фамиліи угасли, явилось необходимымъ замѣнить ихъ другими: съ этихъ поръ, а именно

при Филиппѣ Смѣломъ вошелъ въ силу обычай во Франціи **жадовать** дворянское достоинство, а какъ только появились новые дворяне, стали болѣе цѣнить дворянство старинное. Одно лишь владѣніе землею не признавалось уже достаточнымъ для сохраненія и передачи потомству имени, которое уже само по себѣ становилось также собственностью, освященною исторіей и призданною обществомъ. Съ этихъ поръ дворянство стало болѣе дорожить отличительными знаками, каковыми являлись гербы.

Въ первомъ крестовомъ походѣ, начавшемся въ 1096 году, находилось множество герцоговъ, графовъ и рыцарей изъ Италии, Германіи, Фландріи, Франціи и Англіи, и, несомнѣнно, каждый отдельный отрядъ имѣлъ свои отличительные знаки. Общимъ же знакомъ для всѣхъ крестоносцевъ, какъ показываетъ самое ихъ название, являлся крестъ. Онъ дѣлался изъ краснаго сукна, или шелка и нашивался на правомъ плечѣ одежды, или же укрѣплялся на шлемѣ; изображался онъ также на значкѣ копья и на латахъ, какъ это видно на древнихъ расписныхъ стеклахъ аббатства С. Девы въ Парижѣ и другихъ современныхъ рисункахъ. Князья и рыцари имѣли на своихъ стягахъ изображенія и знаки, служившіе для сбора ихъ воиновъ; на некоторыхъ изъ нихъ видѣлись леопарды и львы, на другихъ — птицы, звѣзды, башни, кресты и изображенія различныхъ деревьевъ востока и запада. Иногда они различались только по цветамъ: такъ знамя Боземунда было крово-красное, а короля Балдуина — блѣлое. На стягѣ герцога Танкреда было изображеніе таѣ-называемаго креста св. Антонія — въ видѣ буквы Т, съ шаровидными украшеніями на концахъ. Жители покоренныхъ крестоносцами городовъ Малой Азіи нерѣдко выставляли на своихъ стѣнахъ такие отличительные знаки своихъ завоевателей, чтобы оградить свою безопасность отъ другихъ военныхъ отрядовъ.

Появлялись тогда также гербовые эмблемы и на щитахъ. Братья первого короля Іерусалимскаго, Готфрида Бульонскаго, герцогъ Эдесский имѣлъ золотой щитъ съ изображеніемъ орла, который онъ приказалъ носить предъ собою въ походѣ, о чёмъ повѣстествуетъ современная хроника Гиберта. Можно полагать, что

такія гербовыя фигуры имѣлись также на щитахъ менѣе знатныхъ рыцарей¹⁾.

Въ хроникѣ Матея Парижскаго говорится, что при взятии Иерусалима крестоносцами каждый рыцарь, занимая дому, вывѣшивалъ надъ его входомъ, какъ признакъ занятія его — свой щитъ. Многіе рыцари въ эти героическія времена не имѣли другихъ обозначеній въ современныхъ хроникахъ, кроме признаковъ ихъ гербовыхъ щитовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1150 году одинъ испанскій рыцарь, прославившійся въ Палестинѣ выдающимися подвигами, обозначался не иначе, какъ рыцарь *съ зеленымъ полемъ въ щите*.

Дю-Канжъ въ своихъ прінѣчаніяхъ къ византійской хроникѣ Аны Комниной говоритъ, что въ третьемъ крестовомъ походѣ (въ 1188 году), въ которомъ приняли участіе короли: Филиппъ Французскій, Генрихъ Англійскій и графъ Филиппъ Фландрскій, по взаимному соглашенію этихъ вождей, приняты были для различія крестоносцевъ разныхъ національностей: красные кресты — для французовъ, бѣлыя — для англичанъ и зеленые — для фландрцевъ.

Къ этой же эпохѣ относятся первыя пожалованія гербовъ и дополненія ихъ новыми геральдическими эмблемами, въ видѣ особой награды за участіе въ крестовыхъ походахъ. Такъ мы читаемъ въ хроникѣ города Бремена, что когда въ 1110 году въ Германіи повсемѣстно производился сборъ добровольцевъ для участія въ предстоявшемъ крестовомъ походѣ, иѣсколько гражданъ Бремена, слѣдя призыву своего архіепископа и подъ предводительствомъ двухъ городскихъ консуловъ, отправились на востокъ и отличились тамъ при взятіи Бернта и Сидона. Гербъ, дарованный послѣ того городу Бремену императоромъ, засвидѣтельствовалъ услуги, которыя его граждане оказали святому дѣлу основоображенія гроба Господня отъ невѣрныхъ. Гербъ этотъ изображалъ серебряный ключъ въ красномъ полѣ.

¹⁾ Въ Турийскомъ музѣ оружія (Armeria Reale) сохраняется весьма тяжелый щитъ овальной формы, въ эпохи крестовыхъ походовъ, на которомъ имѣется рельефное изображеніе изъ серебра лежащаго льва, надъ которымъ большой четырехъконечный крестъ. Это символизировало силу и мужество рыцарей въ защитѣ христіянства.

Подобное же отличие за участие въ крестовомъ походѣ было даровано городу Гарлему въ Голландіи императоромъ Фридрихомъ II въ 1122 году: гербъ этого города, состоявшій изъ 3-хъ звѣздъ, дополненъ былъ тогда, въ видѣ особой награды, изображеніемъ серебрянаго меча.

Наконецъ, крестовые походы вызвали учрежденіе рыцарскихъ орденовъ, между которыми главнѣйшими были орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго (впослѣдствіи Мальтійскій), Храмовниковъ, или Темпліеровъ и Тевтонскій, или Меченосцевъ. Ордена эти имѣли немалое вліяніе на развитіе дворянства и даже на политику послѣдующихъ временъ. Мы остановимся на нихъ болѣе подробно, когда будемъ говорить о рыцарствѣ, теперь же замѣтимъ лишь, что эти ордена требовали отъ вступающихъ доказательствъ наследственнаго дворянства въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ и этимъ не мало способствовали развитію генеалогіи и учрежденію фамильныхъ гербовъ.

Крестовые походы содѣйствовали сближенію Западной Европы съ Востокомъ, о чмъ мы уже имѣли случай говорить. Тогда проложенъ быль путь международнымъ связямъ, открылись торговые сношенія съ Востокомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стало развиваться сознаніе народности. Извѣстно, что сближеніе съ Востокомъ началось еще гораздо раньше въ южной Европѣ.

Восточная культура господствовала по всему африканскому побережью и въ южной Испаніи: христіане находились въ пра-вильныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ египетскими, тунисскими и испанскими мусульманами и съ византійскими греками. Въ Испаніи и Италии, подъ вліяніемъ мавровъ и арабовъ, восточная пышность давно уже вошла въ моду. При Карлѣ Великомъ восточное вліяніе начало сказываться и въ Германіи. Для пилигримовъ, направлявшихся на Востокъ сухимъ путемъ, Германія еще въ то время явилась главною дорогою и поэтому она должна была воспринять раньше Франціи не мало обычаевъ великой византійской цивилизациі. Рейнъ и Дунай были во времена Карла Великаго большими дорогами, ведшими въ Константинополь. Въ общемъ намъ хорошо известно, что заимствовали христіане у Востока; но относительно отдельныхъ предметовъ или обычаевъ

мы рѣдко знаемъ, перешли ли они въ Европу чрезъ Испанию, Сицилию, Византійскую имперію, или крестоносцевъ. Приписывать влиянию крестовыхъ походовъ всѣ восточные обычаи, господствовавшіе въ Европѣ въ Средніе вѣка, говорить *Сеньобосъ*, значитъ преувеличивать ихъ влияніе или подводить подъ нихъ иная всѣ сношенія христіанъ съ мусульманами. Несомнѣнно, что средневѣковая Европа многое усвоила отъ мусульманскихъ народовъ, но невозможно съ точностью определить роль крестовыхъ походовъ въ этомъ воспитательномъ влияніи Востока на Европу. Единственное, что можно приписать имъ съ увѣренностью, это—перенесеніе на Западъ тѣхъ обычаевъ, которые возникли въ самой Сиріи; таковы были, въ области военного искусства, арбалетъ, барабанъ, конь съ перевязью, таковымъ былъ также распространившійся во время крестовыхъ походовъ обычай украшать свои щиты отличительными знаками, которые становятся фамильными и уже не меняются.

Такъ возникла система гербовъ. Она сложилась на Востокѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самый выборъ и название первоначальныхъ геральдическихъ цвѣтовъ, или финифтей. Голубой цвѣтъ или лазурь — *azur* на геральдическомъ языке, также называвшійся *lapis lazuli*, только что въ то время былъ вывезенъ въ Европу съ Востока и современное его название ультра-марина (*bleu d'outre-mer*) еще служить живымъ воспоминаніемъ объ этихъ дальнихъ военныхъ экспедиціяхъ въ Палестину. Замѣтимъ, что название *azur* иронічески происходитъ отъ персидскаго *azurk*—синій, производнаго отъ арабскаго глагола—синѣть; отсюда же происходитъ *lapis azurk*, или *lazulite*—название драгоценнаго мрамора, получившаго свою окраску отъ мѣди, подобно бирюзѣ: его находятъ преимущественно въ Персіи и изъ него производится краска, называемая ультрамариномъ.

Красный цвѣтъ, геральдическое название котораго *gueules*, получилъ такое отъ украшеній изъ мѣховъ, которыми рыцари-крестоносцы обшивали свои походныя одежды вокругъ шеи и рукавовъ, окрашивая ихъ въ красный цвѣтъ пурпуровою краскою. „*Rubicatas pelliculas, quas gulas vocant*“, говорить св. Бернардъ, апостолъ втораго крестового похода. Название *gueules* также

происходить отъ персидского *gul*—красный (по турецки—*ghiul*). Это слово на персидскоиъ языке обозначаетъ также название розы, которая на Востокѣ преимущественно бываетъ красною. Поэтому для обозначенія краснаго цвѣта говорили тоже: *rosa* *color*—розовый цвѣтъ.

Слово *sinople* обозначаетъ въ геральдикѣ зеленый цвѣтъ, довольно рѣдко встрѣчающійся въ гербахъ Занадной Европы, такъ какъ одѣжды рѣже бывали этого цвѣта. Геральдистъ de Beaumont, на основаніи своихъ изслѣдований, утверждаетъ, что корень слова *sinople*—греческое и происходитъ, чрезъ искаженіе, отъ словъ *ρυάσινα* *hopla*—зеленая вооруженія, выраженіе, употреблявшееся въ Византіи на играхъ гипподрома партіею зеленыхъ. Опуская первый слогъ—*pra*, остается *sina hopla*, подобно тому, какъ въ словѣ Фессалоника, изъ которого вышло Салоника; такое отпаденіе слога весьма часто въ различныхъ языкахъ и во многихъ словаряхъ. Нѣкоторые авторы указываютъ другое словообразование, менѣе обоснованное. *Sinople*, по ихъ мнѣнію, произошло отъ Синопа, города въ Каппадокіи, на берегу Чернаго моря. По Плінию, название этого города происходитъ отъ *sinopis*, особаго рода почвы темно-краснаго цвѣта, которая употреблялась въ живописи и которая первоначально добывалась въ этой мѣстности, близь Чернаго моря. Но, спрашивается, какимъ образомъ темно-красный цвѣтъ могъ соотвѣтствовать зеленої тинктурѣ геральдики?. Впрочемъ подобная смышенія словъ, переходящія изъ одного языка въ другой, довольно обычны; смѣжное расположение двухъ цвѣтовъ въ гербу могло послужить достаточную причиной отнести ѿ одному, а не къ другому цвѣту иностранное название, смыслъ котораго былъ непонятенъ. Къ тому же Исидоръ Севильскій, авторъ словаря корней, говоритъ, что *sinople* есть особый сортъ зеленаго мыла изъ Ливіи. Напротивъ того, *Sicile*, знаменитый герольдъ XV вѣка, былъ того мнѣнія, что *sinople* есть название краснаго цвѣта. Наконецъ, въ одной рукописи 1400 года встрѣчаемъ толкованіе, призывающее эти разногласія, а именно въ трактатѣ „*De distempragandis coloribus*“ говорится: „*Synoplum utrumque venit de urbe Sinopli, et est bonum; aliud viride, aliud rubescundum*“. Итакъ, во всякомъ случаѣ, восточное происхожденіе этого слова несомнѣнно.

Оранжевый цветъ, мало употребительный въ гербахъ континента, но довольно обычный въ Англіи, на геральдическомъ языке носить название *tenné*. Слово это происходит отъ арабского *henné* — это название кустарного растенія — *lausania inermis*, листья которого служатъ жителямъ Востока для окрашиванія ногтей въ оранжевый цветъ. По всей Азіи и у арабовъ воїди еще въ древности имѣли обычай, который сохраняютъ и донынѣ, окрашивать въ этотъ цветъ гриву, хвостъ и брюхо своихъ боевыхъ коней. Въ изображеніяхъ, встрѣчающихся въ персидскихъ рукописяхъ, мы часто находимъ на это указанія. Иногда даже воїди опускаютъ правую руку, которую держать мечъ, въ эту краску, чтобы имѣть, по ихъ мнѣнію, болѣе воинственный видъ, ибо подобная окраска производить впечатлѣніе, какъ будто всадникъ и его конь только-что вышли изъ кровавой сѣчи. Фамилія Оранскаго владѣтельнаго дома (d'Orange) имѣеть гербовый щитъ цвета *tenné*, объясняющій его фамильное прозвище — это прізвѣсь тѣхъ-называемыхъ *armes parlantes* (гласныхъ гербовъ), о которыхъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

Бромъ цветовъ, существующіе въ геральдикѣ и другіе признаки, указывающіе на ея восточное происхожденіе. Слово *targe* (тарчъ), которое употребляется въ геральдикѣ для обозначенія щита, происходит отъ сходнаго арабскаго слова, означающаго щитъ съ ущербомъ съ правой стороны, чтобы пропускать копье. Существуетъ монета герцоговъ Бургундскихъ, которая неситъ это же название — *targe*; на оборотной ея сторонѣ имѣется изображеніе подобнаго щита съ выемкою. Отсюда произошла древняя французская пословица: „il n'a ni escu, ni targe“ — (онъ не имѣеть ни гроша).

Любопытно также происхожденіе другаго геральдического термина: *lambrequin* (отъ латинскаго *lambellum* — ключекъ, кусокъ материі). Онъ обозначалъ вырезки материі, которыя свѣшивались со шлемовъ рыцарей и развѣвались по вѣтру. Геральдисты долго считали, что такой *lambrequin*, или шлемный наметъ былъ простымъ украшеніемъ герба, тогда какъ происхожденіе его совершенно иное. Чтобы оградить себя отъ палящихъ лучей солнца, арабы пустыни всегда имѣли и имѣютъ еще обычай покрывать голову

вускомъ материі: послѣдній носить название — *keffieh* и укрѣпляется вокругъ головы веревкою изъ верблюжьаго волоса, обвитою шелковыми нитями. Подъ лучами африканскаго солнца безъ этой необходимой предосторожности шлемы сильно накаливались бы и становились нечносными. И действительно, мы видимъ, что персидские и арабскіе воины всегда употребляютъ такие наиметы.

Въ бояхъ сабельные удары по шлему должны были неизбѣжно разсыпать этотъ *keffieh* и превращать его въ клочья. Всѣдствіе этого, чѣмъ болѣе наиметъ становился вложковатымъ (*lambrequiné*), тѣмъ яснѣе сражавшійся доказывалъ этимъ, что онъ проявилъ храбрость и находился въ самомъ жаркомъ мѣстѣ боя.

Во времія крестовыхъ походовъ христіанскіе рыцари нерѣнили этотъ восточный обычай носить *keffieh*, чтобы защищать себя отъ палиющаго солнца Египта и Сиріи, и отсюда произошли эти наиметы — *lambrequins* — имѣвшіе видъ клочьевъ, почему древніе геральдисты называли ихъ рубцами — *hachements*, не подозрѣвая истиннаго ихъ значенія.

Отсюда же произошла и геральдическая повязка, или *tortil*. Это ничто иное, какъ веревка изъ верблюжьаго волоса, которая обвязывается у арабовъ вокругъ головного наимета. Подобныя повязки на шлемахъ, поразительно схожія съ восточными, встречаются особенно часто въ англійской геральдикѣ. Когда повязка изображается въ щитѣ, какъ фигура герба, то называется на геральдическомъ языкѣ *турбаномъ*, обыкновенно украшающимъ головы мавровъ (*têtes de Maures*).

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ геральдическихъ фигуръ, которые особенно выразительно говорятъ объ эпохѣ крестовыхъ походовъ. Таковы, напр., золотые кружки, такъ называемые *безантны*, обозначающіе въ гербахъ золотыя монеты. Название ихъ происходитъ отъ золотой монеты византійскихъ владѣтелей — *pennitus byzantinus*, французы перевели его словомъ *besant*. Эту монету, подражая византійской, чеканили также нѣкоторые владѣтели Западной Европы, подобно тому, какъ чеканились также въ Европѣ *маработины*, золотыя монеты, происходившія отъ Испанскихъ мавровъ, и *секини* (*sequins*), название вторыхъ происходить отъ арабскаго *sekke* — монета. На венеціанскомъ нарѣчіи

до сихъ поръ употребляется слово *gækka*, означающее монетный дворъ. Нѣкоторые объясняли происхожденіе этой геральдической фигуры тѣмъ, что крестоносцы, возвращаясь на родину изъ Палестины, прибивали къ своимъ щитамъ подобные византійскія монеты, откуда онѣ и перешли въ ихъ гербы. Характерны также встрѣчающіяся въ западныхъ гербахъ, въ особенности во французскихъ и англійскихъ, небольшія птицы (изображенная въ профиль, безъ клюва и лапъ) и известная подъ названіемъ *merlettes* — похожія на ласточекъ. Крестоносцы, отправляясь на Востокъ, помѣщали изображеніе этихъ перелетныхъ птицъ на своихъ щитахъ, показывая тѣмъ, что и они странствуютъ и бездомны. Лишеніе же итичекъ клюва и ногъ означало тѣ раны и лишенія, которымъ подвергались рыцари въ дальнемъ и трудномъ походѣ. Символъ этотъ получилъ въ тѣ времена большое распространеніе и если онъ встрѣчается въ гербѣ какой-нибудь благородной фамиліи Западной Европы, можно почти навѣрное сказать, что кто-нибудь изъ членовъ этой фамиліи былъ въ крестовыхъ походахъ и вынесъ этотъ знакъ съ собою.

Такое же значеніе имѣютъ кресты, появляющиеся въ древнихъ гербахъ весьма часто и во всевозможныхъ очертаніяхъ, указывая на участіе въ крестовыхъ походахъ. О томъ же свидѣтельствуютъ, наконецъ, изображенія *полумъсяца* (*croissant*) и раковины, составлявшія принадлежность одежды пилигримовъ. Послѣднія встрѣчаются въ гербахъ крестоносцевъ съ начала XIII вѣка также очень часто, подъ названіями раковины св. Іакова, или св. Михаила.

Специальный терминъ — *эмаль* (*émail*, переводимый у насъ словомъ *фанифть*), который въ геральдическихъ руководствахъ издавна примѣняется ко всѣмъ цвѣтамъ въ гербахъ, получилъ такое значеніе потому, что цвѣта эти наблюдалась дѣйственно посредствомъ эмали. Это родъ живописи, который умѣли примѣнять, и донынѣ еще примѣняютъ въ Персіи, а также въ Византіи и Аравіи, на золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ сосудахъ, на оружіи, мебели и другихъ предметахъ. Итаія издавна подражала Персіи и Византіи въ искусствѣ эмали: этимъ именно способомъ расписывались гербы на латахъ, щитахъ и металлич-

ческихъ доскахъ (plaques), которые герольды и сами владѣльцы гербовъ выставляли предъ собою на турнирахъ. Это слово эмаль происходит отъ персидского *mīnā*, что означаетъ синій цвѣтъ неба, такъ какъ первыя издѣлія изъ эмали были синими. Дѣйствительно, древніе авторы всегда упоминаютъ сине-эмалевый цветъ (bleu d'émail). Затѣмъ терминъ эмаль сдѣлался общимъ для обозначенія всѣхъ геральдическихъ цвѣтовъ. Въ старинныхъ словаряхъ слово *mīnā* переводится и объясняется чрезъ *vitreus globulus* или *detta adulterina coerulea* (стекловидный составъ, фальшивый синій камень).

Всего сказанного, кажется, достаточно, чтобы показать, во-первыхъ, какое несомнѣнное вліяніе имѣли крестовые походы на развитіе и распространеніе гербовъ въ Западной Европѣ, а во-вторыхъ, установить связь между европейскою геральдикой и Востокомъ. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, восточное вліяніе рельефно отразилось въ древнѣйшей геральдикѣ Западной Европы и первые гербы, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, часто были подражаніемъ гербовъ арабовъ и сарацинъ, народовъ по природѣ своей рыцарскихъ. Рыцари-крестоносцы съ увлеченіемъ заимствовали на Востокѣ, открывавшемся тогда предъ ними во всей своей неизвѣданной привлекательности, множество обычаевъ, какъ военного, такъ и мирнаго характера, носившихъ отпечатокъ восточнаго изящества и роскоши. Почти всѣ названія цвѣтовъ, дорогихъ тканей и драгоцѣнныхъ камней перешли тогда въ европейскія нарѣчія съ Востока. Когда видишь вблизи всѣ эти чудеса блестящей эпохи арабской культуры, то становится понятнымъ, какое неотразимое впечатлѣніе она должна была производить на цвѣты рыцарства Западной Европы, явившійся изъ своихъ мало-культурныхъ странъ въ эти чудныя края съ богатѣйшею древнею цивилизацией.

Эмблемы старинной геральдики, каковы *стоящіе и шествующіе* (garpants, passants) львы и леопарды, *крылатые кони*, быки и т. под., изображаемые во всевозможныхъ изысканныхъ положеніяхъ; даѣте вся эта серія *аллегорическихъ животныхъ*: пеликанъ, саламандра, грифонъ, гарпія, ибисъ и множество другихъ, изъ которыхъ ни одно не свойственно европейскимъ странамъ и кото-

рыя, напротивъ, всецѣло принадлежать Востоку—всѣ эти образы были издревле излюбленными въ восточной поэзіи, столь богатой символизмомъ и таинственностью, начиная съ древнѣйшаго гиератического языка Египта и до позднѣйшихъ временъ.

Итакъ, этотъ богатый символическими образами языкъ Востока былъ тогда отчасти воспринятъ Европою и нашелъ себѣ новое выраженіе въ средневѣковой геральдикѣ.

III.

Въ чёмъ именно крестовые походы могли дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовать развитию геральдики, какъ специальной науки, распространенію ея особыхъ знаковъ, такъ сказать, геральдической азбуки, и выработкѣ ея техническаго языка? На эти вопросы трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Несомнѣнно лишь то, что геральдика или *блазонъ*, какъ его въ тѣ времена называли, появилась въ видѣ такого специального знанія именно въ эпоху крестовыхъ походовъ, и такъ-какъ по существу своему гербы имѣютъ тѣсную связь съ предметами вооруженія, то это и дало главное основаніе видѣть въ этихъ дальнихъ заморскихъ походахъ причину возникновенія геральдики. Слѣдуетъ замѣтить, что приблизительно въ ту же эпоху началъ распространяться въ Западной Европѣ обычай *турнировъ*, и особыя правила и церемоніи, соблюдавшіяся при этихъ военныхъ состязаніяхъ рыцарства, немало способствовали выработкѣ болѣе точныхъ выражений въ геральдикѣ и такъ-называемаго геральдического языка, или жаргона (*jargon du blason*). Весь этотъ своеобразный языкъ появляется именно въ эпоху крестовыхъ походовъ: овъ безпрестанно встрѣчается въ хроникахъ, въ рыцарскихъ романахъ и другихъ поэтическихъ произведеніяхъ того времени, тогда какъ столѣтіемъ раньше мы его вовсе не находимъ.

Окончательное распространеніе геральдическихъ формулъ въ теченіи XI-го вѣка и появление въ языкѣ того времени главнѣйшихъ терминовъ, которые съ тѣхъ поръ стали употребляться въ геральдикѣ, представляетъ столь установленный и опредѣлен-

ный исторический фактъ, что вполнѣ оправдываетъ ученыхъ геральдистовъ, относящихъ начало геральдики именно къ этой эпохѣ. Вполнѣ соглашаясь съ ихъ мнѣніемъ, что наука гербовъ первоначально вырабатываетъ свою теорію въ XI вѣкѣ, мы однако усматриваемъ въ этой послѣдней лишь развитіе болѣе раннихъ началь, которыхъ до тѣхъ порь были весьма измѣнчивы и мало объединены, а не созданіе чего-то новаго и до тѣхъ порь совершенно неизвѣстнаго.

Такъ, съ XI-го вѣка получаютъ всеобщее распространеніе новые формулы геральдики; но латинскія хроники и рыцарскіе романы начинаютъ примѣнять этотъ новый геральдическій языкъ нѣсколько позднѣе, а именно съ XII-го вѣка. Въ извѣстномъ рыцарскомъ романѣ: „*Li romans de Berthe aus grans piés*“ — Адемеза, который написанъ около 1260 года, встрѣчается вполнѣ правильно выраженная геральдическая формула въ слѣдующемъ стихѣ:

„Elle estait du lignage au preus conte Glausur,
Qui l'escu portait d'or à un lyon d'azur“ (verset XLI).

Вполнѣ понятно, что геральдика, сдѣлавшася съ этого времени весьма сложной и головоломной наукой, получила свои своеобразные знаки и фигуры и ихъ безконечныя сочетанія, а также дѣленія гербового щита и различные ключи къ своему алфавиту не случайно: для этихъ познаній, очевидно, уже должны были существовать свои ученыe, и таковыми являлись именно такъ называемые *герольды*.

Самое название нашей науки *геральдикою*, или *геральдикой* показываетъ, что она была создана именно герольдами, имѣвшими обязанность при турнирахъ *блазонировать*, т. е. описывать гербъ, провѣрять и записывать дворянскія права рыцарей. Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ для насъ словомъ *блазонъ*, отъ которого производное *блазонировать*; необходимо его объяснить.

Слово *blazon*, обозначающее гербы вообще, по наиболѣе принятому толкованію, происходитъ отъ нѣмецкаго глагола *blasen* — трубить въ рогъ, потому что явившіеся на турниры рыцари трубили въ рогъ, а герольды, убѣдившись, что они дѣйстви-

тельно принадлежать къ рыцарству, *блазонировали* ихъ гербы, т. е. во всеуслышаніе ихъ описывали. Это *блазонированіе* передъ турниромъ имѣть характеръ заимствованія съ Востока, напоминая весьма распространенный тамъ обычай восхваленія и благородного вызова, предшествующихъ у восточныхъ народовъ вступленію въ бой. «Герольды, говорить древній французскій ученый *Nicot*, блазонируя гербъ феодального владѣтеля или рыцаря, объявляли во всеуслышаніе о высокомъ значеніи его гербовыхъ эмблемъ, присоединя къ этому похвалы его доблести, и т. под.»¹⁾). Такое блазонированіе гербовъ герольдами, прежде чѣмъ оно стало записываться и подтверждаться на основаніи геральдическихъ правилъ, долгое время состояло лишь въ устной передачѣ и объясненіи на память гербовыхъ фигуръ и эмблемъ.

Но остановимся теперь подробнѣе на томъ, что такое собственно были *герольды* въ Средаіе вѣка и въ послѣдующія времена.

Званіе, соотвѣтствующее во многихъ отношеніяхъ средневѣковымъ герольдамъ, существовало еще въ классической древности. Это были лица, облеченные извѣстными правами и состоявшія при главѣ государства. На нихъ возлагались особыя обязанности по международнымъ сношеніямъ и они являлись въ нихъ судьями и посредниками, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. У Грековъ это были такъ называемые *хирохес*, о которыхъ упоминаетъ Гомеръ въ *Иліадѣ*. При единоборствѣ между Гекторомъ и Аяксомъ со стороны Троянцевъ и Грековъ выступаютъ такие посредники, которые, простирая свои *жезлы* между сражающимися, прекращаютъ этимъ условнымъ знакомъ поединокъ.

У Римлянъ мы встрѣчаемъ таѣ называемыхъ *feciales* съ подобными же обязанностями: они разбирали международныя распри, объявляли войну и сопровождая посольства, отправлявшіяся для мирныхъ переговоровъ, гарантировали ииъ своимъ присут-

¹⁾) Отсюда произошло название—*blason*, присвоенное гербамъ. Существуетъ, впрочемъ, и нѣсколько другихъ объясненій этого слова. Его производятъ также отъ англійского слова *blare*—свѣтъ, блескъ. Наконецъ, на древне-французскомъ *blason* означаетъ щитъ, а также—похвалу, восхваленіе.

ствиемъ безопасность. По словамъ Аппіана, въ такихъ случаяхъ у пословъ обыкновенно спрашивали, находится ли при нихъ мирный фециа.^{из}. При объявлении войны фециалы имѣли при себѣ метательное копье, которое они, по пронзнесении известной установленной формулы, бросали чрезъ границу непріятельской земли. Чрезъ этихъ же должностныхъ лицъ обнародывались различныя распоряженія высшихъ властей, при чмъ они предварительно во дворяли въ общественныхъ собраніяхъ тишину и затѣмъ уже, во всеусыпаніе, объявляли то, что ииъ было поручено. Фециалы у Римлянъ составляли особую священную корпорацію, состоявшую изъ пожизненно избранныхъ патриціевъ, во главѣ которой стоялъ верховный фециалъ, или *pater patratus*. Они пользовались правомъ неприкосновенности и имъ присвоена была особая бѣлая одежда, или *stola* и жезль, которымъ они подавали знакъ къ прекращенію поединковъ.

Хотя средневѣковые герольды и имѣли нѣкоторое сходство съ этими священными герольдами древности въ исполненіи ими также нѣкоторыхъ обязанностей по международному праву, но къ таковымъ у нихъ присоединились еще и другія, вытекавшія изъ условій средневѣковаго быта.

Средневѣковые герольды, въ общепринятомъ значеніи этого слова, были лица изъ военного званія, состоявшія при дворахъ владѣтельныхъ особъ, или при главахъ рыцарскихъ оденовъ. Кроме обязанностей дипломатического характера, они должны были распоряжаться при различныхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, руководить рыцарскими состязаніями и турнирами, а также являться посредниками и судьями въ различныхъ спорахъ между дворянами, разрѣшившихся оружиемъ. При поединкахъ они обязаны были наблюдать, чтобы не нарушались установленные для таcовыхъ правила. Такъ какъ гербы въ Средніе вѣка сдѣлались признакомъ благородного происхожденія, а иногда и особымъ отличиемъ, даровавшимся государями рыцарямъ за славныя дѣянія и особыя заслуги, то на правильность и законность пользованія ими вскорѣ обращено было вниманіе властей. Виѣстъ съ тѣмъ, при дворахъ владѣтельныхъ особъ стала ощущаться потребность въ такихъ лицахъ, которая, обладая

известною эрудиціей, могли бы разбираться въ многочисленныхъ уже существовавшихъ гербахъ и вырабатывать точныя правила для ихъ составленія и пользованія ими.

Эти же лица должны были имѣть знакомство и съ генеалогіей знатныхъ и рыцарскихъ домовъ и вести родословныя записи, подтверждавшія права лицъ благороднаго происхожденія на участіе въ турнирахъ, и другія привилегіи. Такими лицами и были такъ называемые герольды, которые являлись, какъ мы сказали, главными распорядителями при турнирахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ радостныхъ, такъ и печальныхъ.

Если вѣрить свидѣтельству одного англійскаго историка, епископа Вильяма (*Irish histor. library.* 1724), то въ Ирландіи уже издавна существовали такія свѣдущія въ гербахъ лица, руководившіяся при ихъ составленіи опредѣленными правилами. Одинъ изъ ирландскихъ королей X-го вѣка, Олламъ издалъ даже особый законъ, обязывавшій лицъ благороднаго происхожденія избирать себѣ фамильные гербы, или исправлять уже существовавшіе, при содѣйствіи этихъ свѣдущихъ лицъ. О подобномъ же, вполнѣ достовѣрномъ фактѣ сообщаетъ историкъ Шотландіи *Буккенакъ* (*Rer. Scoticor. hist.*). Замѣчательно, что при шотландскомъ королѣ Кеннетѣ III, въ концѣ X-го вѣка, здѣсь уже встрѣчается установленный порядокъ пожалованія дворянства и герба—древнійшій въ Средніе вѣка; такъ нѣкто Гойюсь съ сыновьями его былъ возведенъ названнымъ королемъ въ дворянское достоинство, награжденъ помѣстьями и гербомъ, представлявшимъ три красныхъ щита въ серебряномъ полѣ.

Весьма интересно прослѣдить процессъ развитія института герольдовъ въ Германіи. Заслуживаетъ вниманія, что самое слово *herold*—несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія. Нѣкоторые исследователи, какъ напр. *Bernd*, производили его отъ нѣмецкаго возраженія: «*dem Heere Holde*», т. е. обязанные, служащіе при войску; другое—отъ *Heer* (войско) и *alt* (старый), т. е. ветеранъ; но самое правильное объясненіе далъ *Seyler* въ своей *Исторіи геральдики*: онъ производить это слово отъ древне-германскаго *her*—отъ *harēn*—звать, вы кликать и *alt*—отъ *walten*—управлять, распоряжаться. Такимъ образомъ наименование *herold* обо-

значало издревле лицо, имѣвшее обязанности вѣстника или глашатая. Первоначально оно извѣстно было въ германскомъ средневѣковьѣ, до половины XIV вѣка лишь какъ прозвище. Ни въ древнѣйшихъ историческихъ актахъ, ни въ рыцарскихъ поэмахъ этого времени мы еще не встрѣчаемъ никакихъ указаний на какое-либо особое званіе *герольда* въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ. Отсюда можно вывести два предположенія: или герольды въ этотъ ранній периодъ играли еще очень незначительную, едва замѣтную роль, или же соотвѣтствовавшія ихъ званію лица носили въ то время какое-либо другое наименование. Это послѣднее предположеніе оказывается вѣрнымъ и находитъ себѣ подтвержденіе въ историческихъ памятникахъ, начиная съ XII-го вѣка. Приблизительно съ 1180 года древніе тексты рыцарскихъ поэмъ свидѣтельствуютъ о томъ, что при состязательныхъ бояхъ и турнирахъ того времени, а также при церемоніяхъ, сопровождавшихъ посвященіе въ рыцарство и брачныя торжества знатныхъ лицъ, появляется новый классъ людей, которыхъ эти памятники называютъ общимъ наименованіемъ „странствующаго, или перѣѣзжаго люда“ (*fahrendes Volk*). Эти люди, появляясь при дворахъ государей и другихъ владѣтельныхъ особъ, разносить повсюду славу ихъ щедрости и другихъ высшихъ качествъ, восхваляя ихъ въ особыхъ, слагаемыхъ ими, пѣсняхъ. Но ихъ необходимо за это щедро вознаграждать, чтобы не заслужить ихъ неудовольствія. Отсюда произошелъ обычай, чтобы побѣдитель на войнѣ, или при поединкѣ предоставлять въ пользу этого странствующаго люда часть своей военной добычи. Такъ, напримѣръ, въ одной рыцарской поэмѣ XIV-го вѣка повѣствуется, что когда легендарный рыцарь Орендель убилъ въ Іерусалимѣ, на поединкѣ сарафина-великаномъ, то отдалъ его тѣло со всѣми доспѣхами убитаго странствующему люду, находившемуся при этомъ.

Тѣ же памятники средневѣковой поэзіи говорять намъ, что этотъ странствующій классъ составляли въ то время *гарцуны* (*gagçune*), *кругиреры* (*crogiraere*) и, наконецъ, то, что у насъ называлось скоморохами (*spielente*). Первые изъ нихъ, т. е. гарцуны, стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ классу рыцарей. Название ихъ, несомнѣнно, происходитъ отъ французского слова *gar-*

çon и переводится ученымъ *Wackernagel*омъ чрезъ выражение: благородный отрокъ въ должности вѣстника, (*Edelknabe als Bote*); но гораздо ближе передаетъ его современное ему въ древнихъ немецкихъ актахъ название — *varender knappe* или *bot*, т. е. посыльный оруженосецъ, гонецъ.

Итакъ, можно отсюда заключить, что эти гарцуны у феодаловъ несли службу гонцовъ, перевозя съ мѣста на мѣсто. Ихъ присвоивался особый костюмъ и жезль изъ слоновой кости, который впослѣдствіи, у герольдовъ сталъ называться скипетромъ. Сходство это съ герольдами послѣдующихъ временъ заключалось и въ обязанностяхъ, исполнявшихся гарцунами: они объявляли войну, вызывали противника въ бой, касаясь своимъ жезломъ его щита и т. д. Различие между гарцуномъ и кротиреромъ трудно уловимо; кажется, что первый имѣлъ предъ послѣднимъ старшинство. И тѣ, и другіе въ рыцарскихъ поэмахъ XIII-го вѣка, характеризуются какъ люди «военного вѣча» (*Leute vom waffenschrei*), которые испытываютъ и описываютъ (blasnieren — блазовируютъ) щиты и шлемы рыцарей, восхваляютъ ихъ подвиги, и при появлѣніи ихъ на турнирахъ, привлекаютъ къ нимъ общее вниманіе. По окончаніи турнира тѣ же гарцуны и кротиреры превозносятъ побѣдителей въ самыхъ цвѣтистыхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ. Зайдемъ, что до половины XIII-го вѣка упомянутые представители этого странствующаго люда встрѣчаются лишь въ одиночку, безъ какой-либо правильной корпоративной организаціи. На послѣднемъ разрядѣ — скомороховъ, (*spielente*), мы здѣсь останавливаться не будемъ.

Со временъ императора Рудольфа Габсбургскаго, т. е. съ конца XIII вѣка наименованія гарцуна и кротирера постепенно исчезаютъ въ памятникахъ словесности и вмѣсто нихъ начинаютъ упоминаться такъ называемые *гербовые оруженосцы* (*Knappen von den Wappen*) или гербовые пажи (*Wappenknechten*), появляющіеся при рыцарскихъ турнирахъ. Съ этого же времени обязанности ихъ становятся болѣе опредѣленными, а именно, они находятся на вѣстяхъ у своихъ рыцарскихъ господъ и исполняютъ извѣстные установленные дѣйствія при турнирахъ и поединкахъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить по-

дробиѣ. Они же оповѣщаютъ государей и рыцарей Германіи и другихъ странъ о предстоящемъ турнирѣ, приглашая ихъ пріѣхать къ таковому. При этомъ эти *Wappenknarren* пользуются вездѣ правомъ свободнаго проѣзда.

Название *герольдъ* (*eralden*) въ общепринятомъ значеніи мы встрѣчаемъ въ Германіи лишь съ XIV вѣка. Оно появляется впервые у автора рыцарской поэмы *Петра Зухенвирта*, писавшаго между 1356 и 1395 годами. Онъ самъ исполнялъ обязанность герольда, и стихи его являются особенно цѣнными по ботатству заключающагося въ нихъ геральдического материала.

Съ XIV-го вѣка институтъ герольдовъ въ Германіи вполвѣ устанавливается, и постепенно развиваясь, достигаетъ до позднѣйшаго времени. Герольды съ этихъ поръ образуютъ особый, весьма многочисленный цѣхъ, во главѣ котораго стоитъ такъ называемый *гербовый король* — *Wappenkönig*. Сохранился до нашего времени дипломъ, выданный на это званіе (гсч heraldorum) императоромъ германскимъ Фридрихомъ III въ 1442 г. герольду Рудольфу Ромрху, въ которомъ перечисляются всѣ обязанности, относящіяся къ этой должности. Отдельные государства и провинції Германіи имѣли своихъ особыхъ гербовыхъ королей, обслуживавшихъ по своей специальности рыцарства извѣстной мѣстности. Такъ напр., особый гербовый король учрежденъ былъ въ Майнцскомъ архіепископствѣ и въ при-Рейнскомъ Пфальцѣ. Вслѣдствіе этого герольды получали иногда названія тѣхъ государствъ и провинцій, въ которыхъ принадлежали. Такъ напр., герольдъ императора германскаго (свящ. Римской имперіи) назывался *Romreich*; другимъ присвоивались наименования отдельныхъ германскихъ государствъ: *Sachsenland*, *Bairland*, *Kravatland* (Броація) и т. под. Иногда впрочемъ герольдамъ давались и болѣе произвольныя названія, намекавшія на ихъ обязанности; таковы напр. имена: *Suchenwirt* (ищетъ хозяина), *Suchensinn* (ищетъ значенія), *Lob den Frumen* (восхваленіе доблести) и т. д. — Слѣдуетъ замѣтить, что въ Средніе вѣка право учреждать герольдовъ вовсе не составляло исключительной привилегіи императоровъ и другихъ владѣтельныхъ князей, какъ это было впослѣдствіи. Въ тѣ времена каждый графъ, или другой феодалъ

имѣть право имѣть своего герольда. При дворѣ германскихъ императоровъ было 5 герольдовъ: 2—для Римско-Германской имперіи, 1 для Австрійскихъ наследственныхъ земель, 1 для Богеміи и 1 для Венгрии.

Но въ Германии, всегда раздѣлившися на множество малыхъ государствъ, учрежденіе герольдовъ никогда не достигало той пышности и блеска, которые мы видимъ въ некоторыхъ другихъ странахъ Западной Европы, гдѣ королевская власть являлась болѣе развитою и могущественнюю. Въ Англіи, напримѣръ, уже съ XII-го вѣка герольды примѣняли свои знанія и искусство при дворѣ королей, и званіе ихъ пользовалось особымъ почетомъ. Король Эдуардъ III (1327—1376) далъ имъ правильную организацію. Раздѣливъ свое королевство на двѣ провинціи, къ сѣверу и югу отъ рѣки Трентъ, онъ учредилъ въ каждой изъ нихъ особую корпорацію герольдовъ, съ гербовымъ королемъ во главѣ. Сѣверный назывался *Northroy* или *Norroy*, а южный—*Southroy* или *Surroy*; этотъ послѣдній, впрочемъ, впослѣдствіи получилъ название *Clarendieux*, по имени герцога Кларенса, брата короля Генриха V-го. При учрежденіи извѣстнаго англійскаго ордена Подвязки королемъ Эдуардомъ III въ 1344 году, герольдъ этого ордена, имѣвшій отсюда наименование *Garter* (подвязка), получилъ старшинство надъ двумя первыми герольдами и поставленъ былъ во главѣ учрежденной королемъ почти одновременно геральдической коллегіи (*Collegium Heraldorum*). Герольды отдѣльныхъ графствъ Англіи различались цвѣтами своего костюма, который, кроме того, украшался соотвѣтствующими гербами. Названія ихъ также указывали на гербовую эмблему или имя того или другаго владѣтельнаго лица. Таковы напр. названія герольдовъ: *Carlisle*, *York*, *Rose Blanche* (эмблема дома Йоркъ), *Blanch Sanglier* (блѣлый вепрь—гербовая эмблема короля Ричарда III); *Eagle* (орелъ—шлемное украшеніе Эдуарда III) и т. под.

Во Франціи самая ранняя организація службы герольдовъ приписывается королю Людовику VII-му, который установилъ ихъ обязанности при коронованіи своего сына, Филиппа-Августа и повелѣлъ украсить изображеніями лилій всѣ предметы королев-

скихъ регалій, служивши при этой церемоніи. Но учрежденіе герольдовъ во Франціи получило полное развитіе при Карлѣ VI въ началѣ XV-го вѣка. Здѣсь они также имѣли особо присвоеній имъ пышный костюмъ и носили названія отдельныхъ большихъ феодальныхъ владѣній королевства, причемъ число ихъ достигало 30-ти. Такъ напр. герольдъ герцоговъ Бретанскихъ назывался *Bretagne*, Нормандскихъ — *Normandie*, Бургундскихъ — *Bourgogne* и т. д. Только одинъ изъ нихъ, герольдъ самого короля Франціи составлялъ въ этомъ отношеніи исключение и назывался *Montjoie*, (напоминая этимъ военный кличъ Франціи — *Montjoie St. Denis*). Вспомнимъ здѣсь известную сцену Шекспира, изъ его Генриха V-го (дѣйств. IV, сц. 7-я). На полѣ битвы при Азенкурѣ этотъ король Англіи обращается къ герольду Франціи, *Montjoie*. Между ними происходитъ слѣдующій диалогъ:

Король Генрихъ. Герольдъ, сказать по правдѣ, я не знаю,
Кто одержалъ побѣду: мы, или вы?
Вѣдь по полю не мало разъѣзжаетъ
Французовъ и до сей поры.

Montjoie. Побѣда
Осталася за вами.

К. Генрихъ. Но себя,
А Господа мы за неё прославимъ!
Какъ замокъ тотъ зовется?

Montjoie. Азенкуртъ.

К. Генрихъ. Такъ назовемъ мы Азенкурской битвой
Сраженіе, что было здѣсь дано
Въ день двухъ святыхъ, Криспина съ
Криспіаномъ.

Здѣсь интересно указаніе на одну изъ обязанностей герольдовъ въ военное время, а именно имъ поручалось рѣшать, за кѣмъ въ сраженіи осталася побѣда. Любопытно замѣтить, что въ приведенномъ отрывкѣ Шекспиръ совершенно согласуется съ современною этой битвѣ французскою хроникою *Monstrelet*.

Кромѣ отдельныхъ странъ, имѣли своихъ герольдовъ также различные рыцарскіе ордена. Мы уже упоминали про герольда ордена Подвазки въ Англіи. Герольдъ Бургундіи, котораго императоръ Карлъ V въ 1521 году послалъ къ французскому ко-

ролю Франциску I, носилъ название *Toison d'Or* (Золотое руно), будучи вмѣсть съ тѣмъ и герольдомъ этого знаменитаго ордена. Въ статутѣ французскаго ордена св. Михаила, учрѣденаго королемъ Людовикомъ XI въ 1469 году, говорится: «учрѣждается должностъ, именуемая *герольдъ — король герба*, названіе его будетъ — *Mont St. Michel*, въ каковую должность быть избираемъ человѣкъ испытанный, съ хорошою репутацией и имѣющій достаточныя познанія по своей части».

Итакъ вездѣ, гдѣ учрѣждались герольды, въ это званіе избирались люди опытные въ специальности, касавшейся гербовъ. Они утверждали правила для изготошенія таковыхъ и выработали изъ этого съ теченіемъ времени весьма сложную науку. Познанія свои герольды приобрѣтали не сразу, а путемъ извѣстной подготовки. То, что сохранилось въ этомъ отношеніи отъ римской эпохи и Среднихъ вѣковъ безъ сомнѣнія легло въ основаніе этихъ специальныхъ знаній. Герольды дополняли и обогащали таковыя чрезъ изученіе существовавшихъ еще въ ихъ время древнихъ монетъ, оружія и другихъ памятниковъ древности, и собранное такимъ образомъ изъ собственныхъ наблюдений приводили въ связь съ тѣмъ, что уже ранѣе вошло въ употребленіе въ гербахъ. Замѣтимъ, что при выработкѣ правилъ для составленія новыхъ гербовъ герольды нѣрѣдко переходили цѣлесообразную мысль въ своей наукѣ, исказя первоначальный характеръ „доброго старого искусства герольдовъ“, своихъ предшественниковъ, излишними осложненіями. Это замѣчается особенно въ геральдикѣ XVII-го вѣка.

Съ XIV-го столѣтія герольды, какъ мы видѣли, образовали изъ своей среды особые цѣхи, въ которыхъ существовали степени, а именно мастеровъ, или герольдовъ, ихъ товарищей, или замѣняющихъ, такъ называемыхъ *свѣдущихъ въ гербахъ* (*warrenkundige*) или *persevanten* (*poursuivants*) и наконецъ учениковъ, называвшихся также вѣстниками (*boten*) или гонцами (*lÄufer*), пѣшихъ и конныхъ. Эти послѣдніе исполняли маловажныя должностія, подготавливаясь къ высшимъ степенямъ. Какъ было уже сказано, во главѣ корпораціи герольдовъ стоялъ *гербовый король* (*warrenkönig, roi d'armes*), торжественно возводив-

шійся въ это званіе и получавшій при этомъ корону, скипетръ и золотую цѣпь, означавшие его достоинство.

Герольдамъ мы обязаны первыми сочиненіями геральдическаго характера, дошедшими до насъ. Съ XIV-го вѣка иѣкоторая часть науки герольдовъ стала распространяться, сначала посредствомъ рукописей, а съ открытия книгопечатанія она становится уже общимъ достояніемъ. Во Франціи однимъ изъ древнейшихъ рукописныхъ произведеній геральдического содержанія было сочиненіе *Якова Бретекса*, относящееся къ 1285 году, въ которомъ онъ описываетъ въ стихахъ турниры, промсодившиe въ г. Шонансѣ, при чёмъ блазонируетъ гербы участвовавшихъ рыцарей. Существуетъ также и другая французская рукопись 1253 года подъ заглавіемъ: «объ обязанностяхъ герольдовъ и о цвѣтахъ, употребляемыхъ въ гербахъ»—она представляетъ извлеченіе изъ болѣе древняго трактата. Наконецъ, дошелъ до насъ французскій гербовникъ (*armorial*) 1312 года, содержащий: «имена и гербы рыцарей, находившихся въ Римѣ при коронованіи Генриха VII го». Впрочемъ геральдическое содержаніе этихъ произведеній еще довольно скучно. Гораздо замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи сочиненія двухъ французскихъ герольдовъ XV-го вѣка, *Berry* и *Sicile*.

Berry былъ главнымъ герольдомъ Франціи (*premier hérault*) при королѣ Карлѣ VII († 1461), который возвелъ его въ званіе гербового короля. Онъ объѣхалъ всю Францію, собирая гербы существующихъ и отчасти угасшихъ фамилій, для чего изслѣдовалъ замки, а также надгробные памятники въ церквяхъ и аббатствахъ. Результатомъ его изслѣдований было сочиненіе подъ заглавіемъ «*Le registre de noblesse*», заключавшее въ 13-ти главахъ описание гербовъ короля, принцевъ, высшаго и низшаго дворянства Франціи, а также и другихъсосѣднихъ странъ. Изъ этого сочиненія *Berry*, оставшагося въ рукописи, мы узнаемъ также, что герольды вели особыя родословныя записи, въ которыхъ заносились благородныя фамиліи съ ихъ гербами. Такой порядокъ велся во Франціи и въ послѣдующія времена, до саіой революціи.

Сочиненіе другого герольда, *Sicile* не есть, подобно книгѣ

Berry, простой список гербовъ, или арморіаль; это, напротивъ, трактать о геральдическомъ искусствѣ. *Sicile* жилъ и писалъ приблизительно въ ту же эпоху, т. е. въ первой половинѣ XV-го вѣка и посвятилъ свой трактать королю Арагонскому Альфонсу V (1416—1458). Въ своемъ введеніи *Sicile* говоритъ, что будетъ излагать новый способъ блаzonированія и этимъ устанавливается существованіе двухъ различныхъ блаzоновъ, а именно древняго и новаго, каковому полагаетъ начало и который, развиваясь въ послѣдующія времена, дошелъ и до насъ.

Въ Германіи древнѣйшимъ извѣстнымъ намъ поэтомъ-герольдомъ является *Конрадъ Вюрцбургскій* (+ 1287 г.). Его стихотворенія, преимущественно легендарного содержанія, свидѣтельствуютъ объ его эрудиціи и обширныхъ познаніяхъ въ области гербовѣдѣнія. Въ его стихахъ встрѣчается значительная примѣсь геральдическихъ подробностей (при описаніи гербовъ). Изъ другихъ подобныхъ же писателей этого периода, имѣющихъ отяшеніе къ геральдики, можно назвать *Hierselein* (начала XIV в.), *Оденвальского короля* (1340 г.) и *Виганда Марбургскаго* (XIV в.), воспѣвавшаго подвиги Тевтонскаго ордена Меченощевъ. Но особенно плодовитымъ является австрійскій *персевантъ* (wappenkundige) *Петръ Зухенвиртъ*: его стихотворенія (Ehrenlieder), восхваляющія славныя дѣянія австрійскихъ рыцарей, представляютъ весьма цѣнныи матеріалъ для изученія древней геральдики и дошли до насть почти всѣ. Наконецъ баварскій герольдъ *Holland* составилъ въ 1420 году перечень въ стихахъ всѣхъ баварскихъ рыцарскихъ родовъ, имѣвшихъ право участвовать въ турнирахъ.

Закончили нашъ обзоръ этихъ древнѣйшихъ геральдистовъ учеными правовѣдомъ *Bartolus a Saxoferrato*, который жилъ между 1313 и 1355 г. и былъ тайнымъ совѣтникомъ при дворѣ императора Карла IV. Онъ собралъ основныи правила науки герольдовъ въ своемъ трактатѣ „De insignis et armis“, который въ первый разъ былъ напечатанъ въ Венеціи въ 1472 году.

Герольды по самому характеру своей должности часто имѣли знакомство съ иностранными языками, преимущественно съ французскимъ, которому принадлежала вся геральдическая терминология, перешедшая въ Англію, Испанію и Италію, а также и съ

латынью. Упоминавшийся нами баварский герольдъ *Holland* въ своемъ сочиненіи хвалится знаніемъ 6-ти европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ польского и венгерскаго. Но, несомнѣнно, самымъ необходимымъ и существеннымъ знаніемъ для герольдовъ было гербовѣдѣніе, ибо въ тѣ времена знаніе гербовъ было тождественно съ знаніемъ лицъ.

Конечно, къ этимъ познаніямъ герольдовъ примѣшивалось не мало недостовѣрнаго и баснословнаго, но тѣмъ не менѣе они часто являлись людьми весьма учеными по тогдашнему времени.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о позднѣйшей судьбѣ института герольдовъ въ Европѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ обязанность герольдовъ становилась государственною, прежний ея средневѣковой характеръ сталъ постепенно исчезать. Герольды XVIII-го столѣтія уже не имѣютъ корпоративной организаціи и превращаются въ почетную должность. Это по большей части придворныя лица, которые облечаются въ пышную одежду герольдовъ лишь при различныхъ торжественныхъ случаяхъ. Во Франціи при Людовикѣ XIII должность королевскаго герольда преобразована была въ новую, но сившую названіе совѣтника и генерального судьи гербовъ (*conseiller-juge général d'armes*). Слѣдуетъ замѣтить, что когда королевская власть во Франціи замѣнила всѣхъ феодальныхъ князей, то и герольдъ короля замѣнилъ всѣхъ прочихъ. Должность судьи гербовъ снова замѣнена была при Людовикѣ XIV въ 1696 году генеральнымъ гросмайстеромъ гербовъ (*grand maître général des armoiries*) и хранителемъ арморіала. Извѣстный геральдистъ Барль д'Озье (*d'Hozier*), дворянинъ изъ Прованса, занималъ эту послѣднюю должность. Въ это время верховная власть во Франціи предоставила себѣ исключительное право пожалованія и утвержденія герба и установила штрафы за употребленіе неутвержденыхъ гербовъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость подтверждать свои права на употребляемый гербъ. Тогда же установлена была такса за такое утвержденіе и подъ именемъ „разыскиванія правъ на гербъ“, (*droit de rechercho*), явился значительный фискальный доходъ; онъ установленъ былъ въ 1696 г. въ размѣрѣ 20-ти ливровъ за каждый гербъ, и число послѣднихъ возрасло

тогда во Франції до 30-ти тысячъ. Въ 1701 году, еще при Людовику XIV возстановлена была должность суды гербовъ, которая и просуществовала до самой французской революціи, когда была окончательно упразднена, вмѣстѣ съ другими учрежденіями древней Франціи, въ знаменитую ночь на 4-е августа 1789 года.

Въ Англії учрежденіе герольдовъ оказалось наиболѣе прочнымъ и существуетъ почти безъ измѣненій до настоящаго времени. Коллегія герольдовъ (College of heralds), преобразованная въ XV-мъ вѣкѣ изъ древнѣйшаго учрежденія королемъ Ричардомъ III и состоявшая тогда изъ 3-хъ гербовыхъ королей и извѣстнаго числа герольдовъ и персевантовъ, впослѣдствіи дополнена была гербовымъ королемъ Шотландіи — съ наименованіемъ *Lyon* и Ирландіи — съ именемъ *Ulster*. Эта палата, или коллегія герольдовъ, члены которой всѣ должны быть природные англичане дворянскаго происхожденія, завѣдуютъ донынѣ всею гербовою частью соединенного королевства Великобританіи. Они имѣютъ наблюденіе за гербами, а также сохраняютъ въ своемъ архивѣ родословные списки знатныхъ и благородныхъ фамилій, чтобы имѣть возможность давать справки о происхожденіи и брачныхъ связяхъ рода.

Въ другихъ государствахъ Европы подобныя учрежденія возникали и въ позднѣйшее время. Такъ въ Бельгіи палата герольдовъ въ Брюсселе учреждена была въ 1628 году, а въ Пруссіи — при королѣ Фридрихѣ I въ 1706 г.; тогда же учреждена была въ Верливѣ при дворянской академіи (Ritteracademie) первая въ Европѣ каѳедра геральдики, въ лицѣ сына извѣстнаго геральдиста *Spener*'а. — У насъ, въ Россіи герольдмейстерская часть учреждена была, по примѣру Пруссіи, Петромъ Великимъ въ 1722 году. Замѣтимъ здѣсь, что гербы въ Россіи начинаютъ появляться со второй половины XVII-го вѣка подъ влияніемъ постоянныхъ сношеній, установившихся съ Польшею и Западной Европой. Русская геральдика обязана своимъ происхожденіемъ царю Алексѣю Михайловичу. Если до него и существовали нѣкоторые эмблемы, какъ напр. двуглавый орелъ государственной печати, печати нѣкоторыхъ городовъ и т. под., то онѣ не имѣли полноты и законченности, не усвоили себѣ еще постоянныхъ

геральдическихъ формъ. По просьбѣ царя, императоръ Леопольдъ I прислалъ въ Москву своего герольдмейстера *Лаврентія Курелича* (или *Хурелевича*), который въ 1673 году написалъ сочиненіе, (оставшееся въ рукописи): «О родословіи Россійскихъ великихъ князей и государей, поднесенное царю Алексѣю Михайловичу отъ цесарскаго совѣтника и герольдмейстера Лаврентія Курелича, съ показаніемъ имѣющагося посредствомъ браковъ сродства между Россіею и восьмью Европейскими державами, т. е. цесаремъ римскимъ и королями: англійскимъ, дацкимъ, французскимъ, гішпанскимъ, польскимъ, португальскимъ и шведскимъ, и съ изображеніемъ оныхъ королевскихъ гербовъ, а въ срединѣ ихъ — великаго князя св. Владимира, на концѣ же — портрета царя Алексѣя Михайловича». Сочиненіе это служило важнымъ пособіемъ для Посольского приказа; (подлинникъ его, на латинскомъ и русской переводѣ, хранится въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ). Не меньшее значеніе имѣлъ трудъ государева печатника, боярина *Артамона Сергиевича Матвеева*: «Всѣхъ великихъ князей Московскіхъ и всяя Россіи самодержцевъ персоны, и титла, и печати». Труды эти, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на созданіе первыхъ русскихъ гербовъ. Однако во времена царя Алексѣя Михайловича, какъ говорить Ботошихинъ, въ Россіи еще не были введены гербы для частныхъ лицъ. Подъ вліяніемъ Польши въ это время появляются впрочемъ у нѣкоторыхъ бояръ и у патріарха Никона—такъ наз. *клейноты*, (замѣнявшіе гербы). Такъ и у архіепископа Аѳанасія холмогорскаго, по словамъ Двинской гійтописи, былъ «рисунокъ, съ примѣромъ клейнота патріарха, а подъ гербомъ на клейнотѣ надпись латинскими литерами имени архіепископа». Впервые упоминается у насъ опредѣленно о гербахъ въ Петровской табели о рангахъ (1722 г.), но говорится какъ объ учрежденіи, уже существующемъ. Слѣдовательно, нужно полагать, что гербы введены въ Россіи при Феодорѣ Алексѣевичѣ, царевнѣ Софѣ и Петру Великому. Многіе дворяне въ то время уже составляли себѣ гербы и употребляли таковые. Необходимо было привести это учрежденіе, перешедшее само собою съ Запада въ русское дворянство, въ порядокъ, дать ему опредѣленность и законность.

Для разборки и доказательствъ дворянства, для составленія и утвержденія гербовъ 12-го января 1722 г. была учреждена Петромъ Великимъ должность *герольдмейстера* и герольдмейстерская контора при немъ, и дана ему инструкція, что онъ долженъ составлять и утверждать гербы дворянскімъ родамъ, а «такъ-какъ это дѣло новое, т. е. какимъ порядкомъ знатныя и прочія фамиліи въ родословныхъ и прежнихъ гербахъ и вновь давныхъ содержаны быть имѣютъ, то пріискивать и переводить пристойныя книги другихъ государствъ и что по тому изобрѣтено будетъ, о томъ доносить Сенату, а въ Сенатѣ разсмотря, докладывать Намъ».

Выходцы, иностранные дворяне, перешедшіе въ Россію, могли просить правительство объ утвержденіи ихъ иностранного герба. При этомъ правительство наше справлялось въ иностранныхъ государствахъ, дѣйствительно ли такой-то дворянскій родъ имѣеть такой гербъ, и послѣ этого уже утверждало таковой за извѣстнымъ родомъ.

Впослѣдствіи, для такихъ справокъ была переведена въ Посольскомъ приказѣ латинская книга, называемая «Гербовникъ шляхетскій Польского и Литовскаго народа» — *Окольскаго и „Ogibis Polonus“*, изданный въ Краковѣ въ 1641 году.

Преобразованіе герольдіи произошло затѣмъ при Екатеринѣ II, внесшей въ дворянскіе гербы нѣкоторыя усовершенствованія.

Самое слово — *гербъ* заимствовано было у нась съ польскаго *herb* и встрѣчается во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*herb*, *erb*, *irb*) въ значеніи: наслѣдникъ, или наслѣдство. Такимъ образомъ самое название этой эмблемы указываетъ на ея наследственность и неизмѣняемость.

IV.

Исторія геральдики имѣеть тѣсную связь съ исторіей дворянства въ европейскихъ государствахъ и нерѣдко первая восполняетъ и объясняетъ собою послѣднюю. Поэтому не излишнимъ будетъ ознакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ историческимъ

характеромъ дворянского сословія главнѣйшихъ странъ Западной Европы, въ которыхъ получила свое начало и геральдика.

Всѣ историки Среднихъ вѣковъ согласны между собою въ томъ, что въ франко-германскихъ государствахъ Европы дворянское сословіе развилось на почвѣ феодализма. Однако ранѣе эпохи крестовыхъ походовъ въ Западной Европѣ не существовало еще ничего похожаго на то, что впослѣдствіи стало называться дворянствомъ, т. е. рѣзко обособленнаго класса, различавшагося отъ другихъ наследственными титулами, родословіями, прозвищами и фамильными гербами. Что же касается дворянства, основанного на владѣніи леномъ, или на исполненіи военной службы, какъ особой почетной обязанности, то таковое встрѣчается и ранѣе указанной эпохи. Еще Карлъ Великій призвалъ классъ всадниковъ къ службѣ въ войскахъ. Со временемъ германскаго императора Генриха Птицелова, т. е. съ X-го вѣка, военная служба почти исключительно исправлялась этими всадниками и ишло по малу перешла совершенно къ дворянству, которое несло его со своими подвластными.

Зарожденіе дворянского сословія во Франціи относится еще къ эпохѣ Меровинговъ. У Франковъ не существовало наследственного дворянства, но въ это время образовался особый классъ дворянства личнаго, основанного на службѣ и придворныхъ отшенияхъ къ королю. Весьмаѣмѣроятно, что фамиліи, отличавшіяся древностью, пользовались у Франковъ особымъ уваженіемъ и что члены ихъ входили въ составъ королевскихъ приближенныхъ, или такъ называемыхъ *антрустіоновъ*. Но известно, что въ число этихъ послѣднихъ допускались также и другіе свободные люди изъ Франковъ и Германцевъ и что высшаго положенія при короляхъ достигали нерѣдко лица, принадлежавшія къ простому классу и даже изъ несвободныхъ людей. Эти антрустіоны пользовались извѣстными привилегіями, и за убийство одного изъ нихъ полагалась тройная плата противъ цѣны простыхъ гражданъ, по Салическимъ законамъ. Но высокое положеніе и преимущества этихъ королевскихъ приближенныхъ оставались только личными, пока пожаловавія этиимъ придворнымъ королевскихъ *бенефицій*, состоявшихъ изъ земельныхъ владѣній, не превратили ихъ мало

по малу въ наследственные. Въ этихъ пожалованіяхъ коренились начала послѣдующихъ феодальныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ и развились дворянское сословіе франко-германскихъ государствъ.

Владѣльцы бенефицій въ періодъ Каролинговъ являются уже самыми богатыми и знатными лицами въ государствѣ. Они стоять близко къ королю и раздѣляютъ съ нимъ высшій судь и веденіе государственныхъ дѣлъ, причемъ ихъ высокое положеніе постепенно становится наследственнымъ. Герцоги и графы, управлявшіе вѣренными имъ провинціями почти на правахъ самостоятельныхъ государей, стали во главѣ зарождавшагося благородкаго класса. Въ подражаніе имъ, ихъ собственные вассалы, а равно и вассалы короны, и даже богатые владѣльцы еще не исчезнувшихъ аллодовъ, (наследственныхъ имѣній), принимали титулы отъ владѣемыхъ ими городовъ, замковъ и земель и образовали цѣлый влассъ мелкихъ графовъ, бароновъ и виконтовъ. Этотъ разрядъ дворянства сталъ распространяться въ веносредственной связи съ развитиемъ феодальной системы. Такимъ образомъ съ XI-го вѣка, при Капетингахъ дворянство во Франціи является уже организованнымъ сословіемъ, т. е. обладающимъ известными привилегіями и притомъ наследственнымъ. Оно естественно подраздѣлялось на вышее, среднее и низшее.

Каждый держатель ленного участка былъ дворяниномъ, хотя бы онъ владѣлъ лишь нѣсколькими акрами земли и могъ выставить лишь одного воина, снаряженного къ бою. Съ этого времени стала сказываться необходимость въ какомъ-либо особомъ признакѣ благороднаго происхожденія, помимо владѣнія леномъ. Такая потребность вызвала два нововведенія, которые входятъ въ обычай въ XI-мъ и особенно въ XII и XIII столѣтіяхъ, а именно принятіе *фамильныхъ прозвищъ* и *гербовъ*. Первые появляются нѣсколько раньше, а именно съ того времени, какъ сеньёры стали прибавлять къ личнымъ своимъ именамъ названія территориальныхъ владѣній, или же, нося какое-либо личное прозвище, стали передавать его своему потомству. Такіе примѣры восходять еще къ X-му вѣку. Что же касается гербовъ, то мы уже говорили о глубокой древности отличительныхъ эмблемъ во-

обще, а также и о томъ, что въ видѣ специально-геральдическихъ символовъ таковые встрѣчаются не ранѣе XI вѣка, во всеобщее же употребленіе входятъ лишь съ XII-го и XIII столѣтій.

Во Франціи держатели крупныхъ феодовъ, непосредственно зависѣвшихъ оть короля, какіе бы титулы они при этомъ не носили, составляли классъ *высокихъ бароновъ* (*hauts barons*). Они были первоначально *парами* (*pairs*) королевскаго двора, имѣли высшую территориальную юрисдикцію и право вести вассаловъ на войну подъ своимъ знаменемъ (*banni re*). Подчиненнымъ классомъ являлись вассалы этого высшаго дворянства, которымъ присвоивалось общее название *вавассоровъ*. Владѣльцы земель (*chtelains*) принадлежали къ этому классу вавассоровъ: они стояли выше прочихъ мелкихъ ленныхъ владѣльцевъ и заимствовали свои фамильныя прозвища отъ своихъ земель, что имѣло по тому времени особое значеніе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что во Франціи первоначальное дворянство возникло изъ условій феодальной системы и не происходило чрезъ какое-либо пожалованіе со стороны государей, какъ мы это замѣчаемъ впослѣдствіи. Но уже съ конца XIII-го столѣтія французскіе короли начали присваивать себѣ исключительное право жаловать дворянство собственою властію и безо всякаго отношенія къ ленному владѣнію. Филиппъ Сильный въ 1271 г. былъ первымъ французскимъ королемъ, который началъ давать жалованія грамоты на дворянство, а при Филиппѣ Красивомъ и его преемникахъ таковыя сдавались весьма обычными.

Это произвело перемѣну въ характерѣ французскаго дворянства и сильно повлияло на уменьшеніе его политическаго могущества и независимости феодальной аристократіи. Привилегіи, которыхъ до тѣхъ порь соединялись лишь съ древностью рода и обширностью земельныхъ владѣній, стали даваться лицамъ случайного и незнанаго происхожденія, вслѣдствіе чего утратили свою цѣну и право на особое уваженіе. Съ этихъ порь законы о дворянствѣ были истолкованы въ такомъ смыслѣ, что оно не можетъ существовать безъ королевскаго пожалованія. Отсюда явилось слѣдствіемъ, что и гражданскія должности администра-тивнаго и судебнаго характера стали давать право на такое по-

жалованіе (такъ наз. *noblesse de robe*). Учрежденіе рыцарства также значительно увеличило количество благородныхъ, такъ-какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ давало и дворянство.

Задѣтимъ здѣсь, что дворянство въ Западной Европѣ вообще различалось отъ рыцарства. Можно было быть дворяниномъ, не будучи рыцаремъ, рыцарство же давало дворянство *ipso facto*. Одинъ средневѣковой писатель выражается такъ: „*Nemo eques nascitur, sed fit per habentem potestatem solita sub formula*“ . Рыцарское достоинство всегда оставалось личнымъ и не передавалось по наслѣдству. Даже сыновья королей не рождались рыцарями, по крайней мѣрѣ въ Средніе вѣка.

Ménétrier приводить въ примѣръ письмо германскаго императора Конрада, сына Фридриха II, въ которомъ онъ извѣщалъ гражданъ г. Палермо, что желаетъ среди нихъ принять достоинство и поясъ рыцаря. Извѣстно также, что французскій король Францискъ I пожелалъ получить рыцарское посвященіе отъ знаменитаго Байярда на полѣ битвы при Мариньянѣ. Впрочемъ, по свидѣтельству *Monstrelet*, дѣти государей въ XIV и XV вѣкѣ иногда получали рыцарское достоинство и отъ самой купели: такъ напр. второй сынъ императора Карла V при крещеніи имѣлъ восприемникомъ по рыцарству знаменитаго Дю-Гекленна. Въ феодальную эпоху всѣ владѣтельныя сеньёры считали себя въ правѣ передавать другимъ рыцарское достоинство чрезъ посвященіе, но впослѣдствіи государи оставили это право за собою.

Рыцари во Франціи подраздѣлялись на рыцарей-баннеретовъ (*chevaliers bannerets*), имѣвшихъ свое знамя, и рыцарей низшаго достоинства (*bacheliers*). Отличіемъ послѣднихъ служилъ значекъ съ длинною косицею (*renon à queue*). Право на рыцарское достоинство давало благородное происхожденіе, которое доказывалось „*по именіи и гербѣ*“ (*gentilesse de nom et d'armes*) т. е., по объясненію Дю-Канжа, требовалось удостовѣрить свое дворянство не только по отцу и дѣду, (что считалось достаточнымъ для утвержденія въ простомъ дворянствѣ), но еще и по женскимъ линіямъ, въ двухъ поколѣніяхъ. Впрочемъ, съ XIV-го столѣтія короли имѣли право возводить въ рыцарство, въ награду

за особо выдающіяся заслуги, и лицъ изъ низшихъ классовъ, которые такимъ образомъ и получали дворянство.

Итакъ, рыцарство являлось достоинствомъ, которое прибавлялось къ благородному происхожденію. Но, независимо отъ этого, права рожденія и наследственность установили въ рядахъ дворянства Франціи особую сословную іерархію, степени которой различались обычаями узаконенного старшинства. Мы уже упоминали о пэратахъ Франціи: первоначально ихъ было 12, по числу, освященному поэзіей Среднихъ вѣковъ (*chansons do gestos*), воспѣвавшей легендарные подвиги Александра Македонскаго, Карла Великаго и англійскаго короля Альфреда. Изъ нихъ 6-ти сельскими пэрами присвоивались титулы главныхъ феодовъ французской короны: Бургундіи, Нормандіи, Гюеннна, Фландріи, Тулузы и Шампань; 6-ю же духовными пэрами были старшіе архіепископы и епископы королевства. Исторія пэріи во Франціи представляетъ четыре периода. Первый кончается съ исчезновениемъ упомянутыхъ большихъ феодовъ чрезъ присоединеніе ихъ къ коронѣ, кроме Фландріи, которая отдѣлилась отъ королевства. Съ этихъ поръ, во второмъ періодѣ, французские короли стали давать пэрію и герцогство (*ducat*), какъ почетные титулы, не соединявшиеся уже, какъ было до тѣхъ поръ, съ феодальнымъ владѣніемъ. Іоаннъ Бретанскій былъ первымъ изъ такихъ пожалованныхъ пэровъ, въ 1297 году. Третій періодъ пэріи отиѣчается возведеніемъ въ это почетное достоинство иностранныхъ принцевъ съ 1505 года и, наконецъ, четвертый — возведеніемъ въ герцогства, соединенные съ пэрію, важнейшихъ дворянскихъ владѣній въ королевствѣ.

Непосредственно за пэрами слѣдовали по достоинству: герцоги (*ducs*), маркизы и графы (*comtes*). Первые подраздѣлялись на герцоговъ-пэровъ и простыхъ герцоговъ, наследственныхъ и пожизненныхъ. При торжественныхъ случаяхъ и церемоніяхъ эти титулованныя лица различались виѣшними знаками своего достоинства. „Инвеститура герцога, по словамъ писателя XV-го столѣтія *La Sale*, состояла въ возложеніи на голову золотой герцогской шапки, украшенной жемчужнами; маркиза — чрезъ перстень съ рубиномъ; графа — чрезъ перстень съ алмазомъ. Корона

герцоговъ имѣть украшения въ видѣ цветковъ (fleuronné) изъ драгоценныхъ камней, графская — украшена жемчужинами; маркиза — украшена на половину цветками, на половину — жемчужинами". Затѣмъ шли по порядку старшинства: *виконты*, *видамы* (vidames) и *бароны*. Этотъ послѣдній титулъ имѣлъ первоначально болѣе общее значение и обозначалъ вообще вассаловъ короны, не имѣвшихъ другихъ титуловъ. Низшую степень дворянства составляли владѣльцы замковъ (châtelains), оруженосцы (écuers) и простые дворяне (gentilshommes).

Исторія польско-литовского дворянства (Adel) отличается нѣсколько-
кими существенными особенностями отъ французского.

Въ Германіи до конца XIII-го столѣтія почитался за настоящее государственное дворянство (Reichsadels) лишь одинъ древній классъ *князей* (Fürsten) и *господъ* (Herren), нѣсколько увеличившійся съ теченіемъ времени чрезъ воспринятіе новыхъ фамилій.

Къ этому классу принадлежали *свѣтскіе князья* (герцоги, маркь — и пфальцграфы, ландграфы, бургграфы) съ наследственнымъ достоинствомъ, *высшее духовенство* (geistliche Fürsten), не по рождению, а лишь по занимаемымъ должностямъ и, наконецъ, *свободные господа* (Freie Herren). Эти послѣдніе, хотя наследственно владѣли не княжествами, а дворянскими имѣніями (Herrschaften) съ правами высшей юрисдикціи, но имѣли право также являться на государственные собрания наравнѣ съ князьями. Этотъ разрядъ свободныхъ господъ, носивший также по швабскому закону (Schwabenspiegel) название *вполнѣ свободныхъ* (sempre freie, sendbar freie, также hochfreie), имѣлъ особенную характеристическую для Германіи черту: вполнѣ самостоятельное господство въ своихъ владѣніяхъ (Landeshoheit) и образовалъ съ теченіемъ времени нечто вродѣ мѣстныхъ владѣльческихъ династій. Они относились непосредственно къ государству, завися только отъ императора.

Междуду этимъ высшимъ дворянствомъ и простымъ классомъ стояли такъ называемые *полу-свободные* (Mittelfreie). Этотъ классъ составляли, во первыхъ, тѣ изъ свободныхъ, которые первоначально за свои помѣстья обязаны были нести конную службу и впослѣдствіи не пріобрѣли полной независимости отъ

мѣстныхъ властей, и, во вторыхъ, находившіеся въ вассаль-
ныхъ отношеніяхъ къ высшему государственному дворянству и
обязанные подъ его начальствомъ нести конную службу въ ка-
чествѣ мѣньшихъ воиновъ (*milites minores*). Они также предъяв-
ляли права свои на титулъ благородныхъ и получили большое
значеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Конрадъ II узаконилъ
наследственность и въ низшихъ ленныхъ владѣніяхъ. Такимъ
образомъ возникло въ Германіи мало по малу высшее и низшее
дворянство. Эти то свободные и полу-свободные со своими вас-
салами несли совмѣстно государственную военную службу и об-
разовали то, что вслѣдствіи разумѣлось подъ названіемъ дво-
рянства, тогда какъ другіе свободные классы въ Германіи (такъ
наз. *gemeinfrcie*) были совершенно исключены изъ этой почет-
ной обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли также и правъ на
пріобрѣтеніе рыцарского достоинства. Въ нѣкоторыхъ имперскихъ
городахъ Германіи къ этому послѣднему разряду принадлежали
именитые граждане (*geschlechter, Patricier*), отличившіеся заслу-
гами по городскому управлению и происходившіе нерѣдко изъ фа-
милій рыцарского достоинства.

Образовавшіяся такимъ образомъ общественные группы вы-
шаго и низшаго дворянства дѣлились на особые разряды, кото-
рые носили въ Германіи въ Средніе вѣка название *войсковыхъ*
щитовъ (*Heerschilde*). Первоначально таковыхъ существовало
только шесть, и лишь въ XIII вѣкѣ къ нимъ присоединился седь-
мой щитъ. Относительно внутренней организаціи этихъ разря-
довъ дошедшія до насъ свѣдѣнія довольно скучны. Изъ феодаль-
ного права Швабіи мы узнаемъ, что они пополнялись только
лицами, имѣвшими право достигать рыцарского достоинства (*Rit-
sterm ssige*). Но уже около 1300 года, вскорѣ послѣ паденія
Гогенштауфеновъ, это дѣленіе исчезаетъ совершенно и его замѣ-
няетъ болѣе опредѣленное раздѣленіе дворянскаго сословія въ
Германіи на князей, графовъ (*Grafen, Freie*), служащихъ господъ
(*Dienstmannen, Dienstherren*) и правоспособныхъ къ рыцарству,
называвшихъся также просто благородными (*Edelleute, Einschild-
ritter*), къ которымъ примыкали также оруженосцы (*Edelknechte,*
Dienstleute) и другіе представители низшаго дворянства.

Въ Германії не образовалось столь многочисленного класса пожалованного дворянства, происшедшаго изъ военныхъ и гражданскихъ должностей, какое мы видимъ во Франціи. Здѣсь мы встрѣчаемъ такое пожалованіе въ дворянѣ только изъ среды ученыхъ; но зато Германія изобилуетъ пожалованными дворянскими титулами, въ чёмъ выражилось подражаніе французамъ.

Въ Англіи дворянство въ Средніе вѣка составилось изъ двухъ различныхъ національностей, а именно изъ Anglo-Саксонской и Норманской. Норманы въ первые вѣка послѣ покоренія Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ (1066 г.) имѣли фактическій перевѣсъ надъ Саксами, но въ то же время между этими національностями оказалось много общаго въ образѣ жизни, обычаяхъ и воспитаніи. Национальное дворянство Саксовъ составлялъ классъ *эрловъ* (Earls), различавшійся своимъ привилегированнымъ положеніемъ отъ простонародья (Ceorls).

Ленная система проникла и въ Англію, но здѣсь она получила своеобразное развитіе. Раньше существовало мнѣніе, что она введена была въ Англію Норманнами, но новѣйшія изслѣдованія доказали, что она существовала здѣсь и раньше и что саксонскіе *таны* были тѣ же ленные владѣльцы, обязанные вѣрностью и военною службою королю. Норманское же господство дѣйствительно закрѣпило этотъ строй и дало Англіи болѣе выработанный характеръ феодального государства. Но Вильгельмъ завоеватель ввелъ въ покоренной имъ странѣ военную организацію феодализма лишь настолько, насколько это было нужно для безопасности его завоеваній. Поощряя введеніе въ Англіи той ленной системы землевладѣнія, какая была въ употребленіи въ Нормандіи, онъ въ то же время принималъ мѣры противъ усиленія могущества норманскихъ феодальныхъ владѣтелей. Лены и помѣсты, которые онъ раздавалъ, не составляли большихъ феодальныхъ владѣній.

Въ началѣ норманского периода коронные вассалы считали себя правящимъ классомъ, на подъ-вассаловъ смотрѣли какъ на среднее сословіе, а на остальное населеніе, какъ на податной классъ.

Ленная система имѣла повсюду стремленіе создать наслед-

ственний классъ подвластныхъ людей посредствомъ сліянія должності съ владѣніемъ и превращеніе всякихъ отношеній зависимости въ материальное подчиненіе. Въ Англіи королевская власть остановила развитіе подобного порядка вещей. „Государство было здѣсь достаточно сильно, говорить *Гнейстѣ*, чтобы ставить всякое увеличеніе правъ въ зависимости отъ высшихъ услугъ государству и помѣшать такимъ образомъ обращенію дворянства и рыцарства въ наследственныя сословія, а напротивъ того, придать имъ характеръ общественнаго класса“.

Такимъ образомъ, благодаря влиянию королевской власти, въ Англіи образовались три слѣдующія общественные группы.

Первою изъ нихъ былъ классъ *крупныхъ вассаловъ*, подвергавшійся наибольшимъ перемѣнамъ: онъ обнималъ, при первоначальномъ распределеніи послѣ завоеванія, тѣхъ лицъ, которые уже на континентѣ были графами, или доставляли цѣлые отряды въ составъ войска. Это такъ называемые *barones maiores*.

Второй классъ образуютъ менѣе значительные коронные вассалы въ ихъ постепенномъ сліяніи съ подвассалами. Мелкие коронные вассалы ничѣмъ не отличаются въ ихъ правѣ владѣнія (*tenure*) отъ крупныхъ владѣльцевъ. Многіе изъ нихъ посредствомъ влиятельныхъ должностей пріобрѣтали и вышеупомянутое положеніе въ государствѣ, равное крупнымъ вассалаи. Въ первоначальномъ числѣ четырехсотъ этихъ такъ наз. *barones minores* большая часть состояла изъ лицъ, уже владѣвшихъ рыцарскими ленами въ Нормандіи, или изъ ихъ младшихъ братьевъ и сыновей.

Наконецъ, третьимъ классомъ были свободные и несвободные землемѣльцы, жившіе на чужихъ земляхъ.

Вслѣдствіе отчужденія и раздѣленія рыцарскихъ помѣстій, особенно усилившихся въ эпоху крестовыхъ походовъ, и дробленія леновъ, число мелкихъ ленныхъ владѣльцевъ въ Англіи съ течениемъ времени значительно увеличилось. Всѣ указанныя причины помѣшали английскому рыцарству въ Средніе вѣка превратиться въ замкнутое наследственное сословіе. Не владѣніе само по себѣ, а достоинство, достигнутое военною службой, которая составляла повинность коронныхъ вассаловъ, давало право на титулъ *господина* (*dominus, sir*), какъ выраженіе личнаго по-

чета. Въ Средніе вѣка онъ давался также и лицамъ высшаго духовенства и получившимъ ученую степень въ университѣтѣ. Болѣе специальна обозначаетъ рыцарское достоинство слово *knight*. Владѣльцы рыцарскихъ помѣстій, не достигшіе рыцарскаго званія, назывались *scutarii*, *esquires*. Усвоеніе фамильныхъ гербовъ становится съ крестовыхъ походовъ и въ Англіи все болѣе распространеннымъ обычаемъ, который вызванъ былъ въ то время, какъ мы показали это раньше, необходимостью, вслѣдствіе характера тогдашняго вооруженія.

Процессъ правового развитія сословій въ Англіи продолжался довольно долго и лишь къ концу XV-го вѣка выработалъ законченныя формы, стоявшія въ тѣсной связи съ парламентскимъ строемъ.

Быть тому времени высшее сословіе Англіи составляютъ духовные и свѣтскіе пэры, между которыми первые пользуются въ силу стародавняго обычая, старшинствомъ. Свѣтскіе пэры раздѣляются на пять разрядовъ, а именно: *герцоговъ* (dukes), *маркизовъ* (marquises), *графовъ* (earls), *ви́скоутовъ* (viscounts) и *бароновъ* (barons), которые имѣютъ право наследственнаго представительства въ парламентѣ. Слѣдующее мѣсто въ ряду сословій занимаютъ рыцари, или вѣрнѣе *владельцы рыцарскихъ помѣстій*. Этотъ классъ образовался изъ сліянія коронныхъ вассаловъ съ подвассалами и наиболѣе крупными изъ вольныхъ землевладѣльцевъ.

Рыцарское землевладѣніе въ Англіи никогда не имѣло характера прирожденного званія, но владѣльцы этихъ помѣстій имѣли однако одну сословную привилегію, быть избираемыми представителями графства, при чемъ преимущество отдавалось наиболѣе именитымъ фамиліямъ. Среднее землевладѣльческое дворянство (gentry) очень дорожило этою привилегіей и гордилось древностію рода и герба.

Заслуживаетъ вниманія, что война съ Франціей въ XV столѣтіи имѣла большое влияніе на распространеніе въ Англіи французскихъ обычаевъ. Частыя соприкосновенія съ французскимъ дворянствомъ и съ его сословными взглядами способствовало усиленію сословнаго духа и въ англійскомъ рыцарствѣ. Турниры,

которые раньше подвергались въ Англіи строгому запрещению, вошли тогда въ обычай. Употребление гербовъ, какъ фамильныхъ эмблемъ, со времени войны съ Франціей сдѣлался всеобщимъ и даже считался наследственнымъ правомъ. Вообще въ эту эпоху геральдика со своими правилами для турнировъ, гербовыми щитами и родословными играетъ въ Англіи видную роль. При Эдуардѣ III и Генрихѣ IV учреждаются почетные рыцарские ордена Бани и Подвязки. Обрядъ посвященія въ рыцарское достоинство также воскрешается въ то время во всей своей торжественности.

Дворянство Англіи имѣть въ государственномъ строѣ этой страны самыя крѣпкія национальныя основы и является до настоящаго времени замѣчательнымъ живымъ образцомъ древнѣйшаго сословнаго учрежденія въ Европѣ.

Въ *Италіи* феодальныя учрежденія не имѣли ни тѣхъ выработанныхъ формъ, ни той прочности, какія мы видѣли въ упомянутыхъ нашихъ государствахъ Западной Европы. Первоначально феодализмъ введенъ былъ въ Ломбардскомъ королевствѣ, гдѣ существовало 30 герцогствъ или маркизатовъ. При Карлѣ Великомъ и его преемникахъ число ихъ уменьшилось, но въ то же время здѣсь возникъ многочисленный классъ графовъ и низшихъ вассаловъ, между которыми каждый герцогъ раздѣлилъ предоставленную ему провинцію, подъ условіемъ исполненія ленныхъ обязанностей его подвластными. Графы въ свою очередь раздѣлили свои лены между рыцарями, становившимися подъ ихъ знамена. Частныя войны и вторженія, которыми подвергалась Италія въ Средніе вѣка, вызвали появленіе множества укрѣпленныхъ замковъ, служившихъ резиденціею этихъ феодаловъ. Укрѣплявшіеся въ эту эпоху города начали проявлять свою независимость, и вслѣдствіе этого феодалы, простиравшіе ка нихъ до тѣхъ поръ свое владычество, теперь окончательно удалились въ свои замки, стараясь сохранить свое могущество привлечениемъ различными льготами сельскаго населенія на свои земли. Съ начала XII вѣка, съ развитиемъ феодальнаго дворянства въ Италіи, здѣсь появляются и дворянскіе гербы. Но въ Италіи развитіе этого сословія встрѣтило препятствія въ послѣдующія времена въ политическихъ обстоятельствахъ этой страны. Главнѣйшимъ изъ нихъ

было возникновение республик въ съверной Италии въ XII вѣкѣ. Феодальное дворянство въ Италии было гораздо менѣе могущественнымъ, чѣмъ въ другихъ странахъ Западной Европы, являясь здѣсь лишь союзникомъ городовъ. Нерѣдко на службу этихъ городскихъ республикъ поступали отряды наемныхъ всадниковъ, отчасти изъ дворянъ, обладавшихъ незначительнымъ состояніемъ, но большимъ честолюбiemъ. Военная сила нерѣдко попадала въ руки ихъ предводителей, что имѣло послѣдствiемъ превращеніе республикъ въ военные деспотіи. Этимъ путемъ возвысились многія знаменитыя въ исторіи Италии фамиліи, каковы Висконти, Сфорцы, Медичи и другія.

Заканчивая нашъ краткій обзоръ исторіи дворянства въ Западной Европѣ, скажемъ нѣсколько словъ о дворянствѣ въ Испанiи.

Испанія Среднихъ вѣковъ представляла особенно выгодныя условія для развитія аристократіи, и здѣсь феодализмъ совершилъ своеобразный, отличный отъ другихъ странъ Западной Европы, характеръ. Короли Испаніи, вмѣстѣ съ воинственнымъ дворянствомъ страны, шагъ за шагомъ отвоевывали страну у Ма-ровъ, при чемъ раздавали своимъ вассаламъ въ награду обширные помѣстья, территории и подданныхъ. Это способствовало возникновенiuю могущественной и часто грозной аристократіи. Она обладала громадными богатствами и землями; такъ напр. владѣнія Іоанна Бискайскаго въ XIV столѣтіи заключали въ себѣ болѣе 80-ти городовъ и укрѣпленныхъ замковъ, а Альваро ди Луна имѣлъ двадцать тысячъ вассаловъ.

Высшее дворянство Испаніи захватило въ свои руки всѣ важнѣйшия должности въ королевствахъ, пользовалось большими привилегіями и имѣло даже право освобождать себя отъ зависимости королю и переходить къ его противнику, объявляя о томъ чрезъ своего герольда.

Феодальный строй получилъ наибольшее развитіе въ Арагоніи, тогда какъ въ Кастиліи онъ почти не существовалъ. Въ первой существовало нечто вродѣ феода, подъ названіемъ *honor*, который давался королями лицамъ высшаго дворянства, называемагося *ricos hombres*. Они въ свою очередь распредѣляли свои

феоды между вассалами (*mesnaderios*): дворянами (*hidalgos, infanzones*) и рыцарями (*caballeros*). Послѣднія два разряда составляли среднее и низшее дворянство.

Королевская власть въ Испаніи не теряла высшаго господства надъ всѣми своими подданными, каково бы ни было званіе послѣднихъ; отъ имени короля созывались *кортесы* и производился судъ; въ случаяхъ крайней необходимости и государственной опасности король имѣлъ право занимать земли и крѣпости сеньёровъ, и все населеніе обязано было помогать ему на войнѣ.

Испанія особенно славилась своимъ рыцарствомъ и справедливо почиталась рыцарскою страною по преимуществу. Здѣсь это учрежденіе Среднихъ вѣковъ находило чрезвычайно благопріятную почву для своего развитія и достигло особенного блеска, закаляясь въ долго не прекращавшейся борьбѣ съ Маврами и прославляя себя почти легендарными подвигами. Особенно прославился въ этой борьбѣ знаменитый Сидъ, воспѣтый испанской поэзіей. Рыцарство пользовалось особыеннымъ покровительствомъ завоевателей Кастиліи и его широкія права и обязанности были здѣсь особенно точно определены. Но вопросу о рыцарствѣ, имѣвшемъ столь значительное влияніе на развитіе средневѣковой геральдики, мы посвятимъ наше слѣдующее чтеніе.

V.

Вытоваисторія Среднихъ вѣковъ особенно оживляется блестящимъ учрежденіемъ *рыцарства*. Дѣйствительно, рыцарство составляетъ одно изъ самыхъ замѣтныхъ явлений этой исторической эпохи. Здѣсь рыцарь является центральною фигурую картины — образцомъ для средневѣкового искусства, героемъ средневѣковой литературы: мы встречаемъ его на первомъ мѣстѣ при каждомъ феодальномъ празднествѣ, на охотѣ, на блестящемъ турнире и на оживленномъ полѣ битвы.

Происхожденіе рыцарства не можетъ быть установлено никакою точною датою. Въ то время, когда въ Римѣ правили Цезари, зачатки этого учрежденія уже существовали среди герман-

скихъ лѣсовъ. Объ этомъ мы находимъ намекъ у Тацита, который говоритъ, что у Германцевъ „юноши самаго благороднаго происхожденія не считали для себя унизеніемъ находиться въ числѣ вѣрныхъ соратниковъ какого-либо знаменитаго вождя, которому они посвящали свое оружіе и свою службу“.

Другое мнѣніе высказываетъ *Дю-Канжэ*, усматривающій начало рыцарства еще въ римскую эпоху. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводить нѣсколько цитатъ изъ Кассiodора, изъ которыхъ можно замѣтить нѣкоторую аналогію между обычаемъ посвященія въ воинское званіе у Римлянъ и рыцарскимъ посвященіемъ Среднихъ вѣковъ. Наконецъ, нѣкоторые исследователи старались доказать, что рыцарство создалось подъ сильнымъ влияніемъ Востока, проникавшаго въ Западную Европу сначала черезъ испанскихъ мавровъ, а впослѣдствіи, въ эпоху крестовыхъ походовъ, и непосредственно. Но несомнѣнно, самымъ вѣрнымъ и обоснованнымъ является мнѣніе, что рыцарство создалось на почвѣ германскихъ нравовъ и общественныхъ отношеній феодальной эпохи въ Европѣ. Сначала незамѣтно, но пріобрѣтая твердое основаніе въ средневѣковомъ бытѣ, рыцарство росло и развивалось среди бурныхъ волнъ, которые пронеслись надъ Европой послѣ паденія Западной Римской имперіи. Въ эпоху Карла Великаго оно получило могучій толчекъ къ дальнѣйшему своему развитію. Въ это время *cavallarii*, или всадники получали отъ высшей власти особый призывъ служить въ войскѣ.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ рыцарство было тѣсно связано съ военною новинностью феодаловъ. *Cavallarii* въ капитуляріяхъ IX-го вѣка и *milites* — XI-го и XII-го вв. были держателями феодальной земли, которые слѣдовали за своимъ феодаломъ, или государемъ на войну. Извѣстное количество земли, соединенное съ таюю повинностью, называлось въ Англіи рыцарскимъ феодомъ, или въ Нормандіи — *feudum loricae, fief de haubert* — отъ кольчуги (*haubert*), которую обязанъ былъ носить въ бою держатель такого земельного участка.

Такимъ образомъ подобное военное землепользованіе связано было со службою рыцаря. Эта служба заключалась въ обязанности вассаловъ являться вооруженнымъ и на конѣ. Будучи об-

щею повинностью табовыхъ, она не давала никакихъ правъ на какія-либо сословныя преимущества.

Но рыцарскую службу, основанную на феодальной повинности, сдѣлуетъ тщательно различать отъ того особаго рода рыцарства, которое, будучи независимымъ и добровольнымъ, являлось высшимъ военнымъ достоинствомъ. Этотъ родъ рыцарства сталъ развиваться лишь съ того времени, когда феодальная система леновъ начала ужеклониться къ упадку, а именно въ XIII вѣкѣ. Основаніемъ такого личнаго рыцарства было свободное поступление на службу къ какому-либо феодалу, или владѣтельному князю, обыкновенно съ цѣлью материальнаго вознагражденія, но иногда и съ безкорыстнымъ стремленіемъ пріобрѣсти славу и отличие въ частыхъ междуусобіяхъ этихъ вождей. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда рыцари служили за жалованье, то становились въ буквальномъ смыслѣ наемными войсками того или другого феодала. Чрезвычайное обѣднѣніе низшаго дворянства, вслѣдствіе дробленія леновъ, а также щедрость богатыхъ феодаловъ дѣлала эту вновь установленную связь по пайму столь же прочной, какъ и прежняя, основанная на ленной системѣ. Младший сынъ, покидая отцовскій ленъ, въ которомъ имѣлъ ничтожное участіе, могъ пріобрѣсти славу и достигнуть высшаго достоинства на службѣ у могущественнаго феодала. Достигнуть рыцарства, не составлявшаго прирожденного права, становилось для него цѣлью его честолюбивыхъ стремленій. Оно возвышало его общественное положеніе, сравнивая его по одеждѣ, вооруженію и титулу съ богатыми и знатными феодалами.

Этотъ классъ благородныхъ и доблестныхъ рыцарей, служившихъ, хотя и за жалованье, но на самыхъ почетныхъ условіяхъ, сдѣлался весьма многочисленнымъ въ Европѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Во время дальнихъ войнъ, на которыхъ обязательная феодальная служба не распространялась, богатые феодалы были вынуждены принять на свою службу столько рыцарей, сколько имъ позволяли средства, предоставляемыя послѣднимъ и долю участія въ военной добычѣ. Въ периодъ крестовыхъ походовъ институтъ рыцарства достигаетъ полнаго своего развитія, какъ особый родъ личнаго дворянства, и хотя его пер-

воначальное отношение къ феодальному владѣнію и не вполне исчезаетъ въ это время, но становится едва замѣтнымъ, при томъ блескъ и почетъ, которые съ этихъ поръ отличаютъ его.

Духовные рыцарские ордена, образовавшіеся въ эпоху крестовыхъ походовъ, особенно содѣйствовали къ возвышенію рыцарского званія. Сочетаніе церкви и рыцарства и войны съ религіей, говорить современный историкъ *Сантъи*, выразилось въ учрежденіяхъ, которыхъ были не знакомы народамъ прежнихъ временъ и находились въ тѣсной связи съ крестовыми походами, а именно въ рыцарскихъ орденахъ. Нигдѣ рыцарство не являлось столь достойнымъ удивленія, какъ въ этихъ военно-религіозныхъ учрежденіяхъ: здѣсь оно принимало на себя отреченіе отъ всѣхъ земныхъ привязанностей, отъ славы воина и отъ спокойной жизни монаха и возлагало бремя этихъ двухъ призваній на одного человѣка, обрекая его на опасности битъ и на служеніе страждущему человѣчеству.

Еще съ половины XI столѣтія итальянскіе купцы изъ гор. Амальфи исходатайствовали у Египетскаго халифа разрѣшеніе построить въ Іерусалимѣ больницу, во имя св. Иоанна Предтечи, въ которой призрѣвались бѣдные пилигримы, совершившіе паломничество въ Святую Землю. Готфридъ Бульонскій и его преемники оказали щедрое покровительство этому учрежденію, которое вскорѣ получило большое развитіе. Петръ Жераръ, уроженецъ Прованса, предложилъ братьямъ, посвятившимъ себя служенію при этой больнице, отречься отъ міра и принять монашеское одѣяніе съ названіемъ *больничниковъ св. Иоанна* (*hospitaliers*). Папа Паскаль II въ 1113 году утвердилъ уставъ нового ордена, который принялъ подъ свое покровительство, поставивъ во главѣ его Жерара. Правила ордена, кромѣ трехъ монашескихъ обѣтовъ: послушанія, цѣломудрія и нищеты, возлагали на братьевъ обязанности страннопріимства и военного ремесла, для защиты Іерусалимскаго королевства отъ невѣрныхъ. Когда Саладинъ въ 1191 г. снова овладѣлъ Іерусалимомъ, рыцари св. Иоанна были изгнаны отсюда, но удержались въ предѣлахъ Святой Земли, гдѣ имъ удалось овладѣть Акрой и снова основаться здѣсь. Вытѣсненные и отсюда въ 1291 году, они перешли на островъ Кипръ, а въ XIV-мъ

въкъ — на Родосъ. Здѣсь они особенно прославились своею геройскою борьбою съ сарацинами и турками, продолжавшуюся болѣе двухъ столѣтій, и стали извѣстны подъ названіемъ *Родосскихъ рыцарей*. Наконецъ, въ началѣ XVI-го столѣтія, послѣ славной защиты Родоса отъ турокъ при Солиманѣ Великолѣпномъ, въ 1522 г., они принуждены были уступить превосходившимъ ихъ силамъ турокъ и удалиться на самыхъ почетныхъ для ордена условіяхъ на островъ Мальту, который былъ предоставленъ имъ императоромъ Карломъ I. Дальнѣйшее существованіе ордена связано съ этимъ островомъ, отъ которого онъ получилъ новое название — *Мальтийскаю*. Орденъ и здѣсь пріобрѣлъ большую славу своею защитою. Мальты отъ турокъ въ 1565 г., которые были отбиты знаменитымъ гросмайстеромъ Иоанномъ *La Valette*. Рыцарство всей Западной Европы стекалось на Мальту для постуپленія въ орденъ, который сталъ въ это время особенно могущественнымъ. Онъ раздѣлялся на 8 пріоратовъ, по отдѣльнымъ національностямъ рыцарей. Пріораты, въ свою очередь, подраздѣлялись на многочисленныя командорства. Къ концу XVIII-го столѣтія Мальтийскій орденъ сталъ оскудѣвать и клониться къ упадку. Въ 1798 г. французскій флотъ въ эпоху директоріи, подъ начальствомъ Бонапарта овладѣлъ Мальтою. Изгнанные отсюда рыцари нашли убѣжище въ Россіи, гдѣ императоръ Павелъ I принялъ на себя званіе гросмайстера Мальтийскаго ордена.

Орденскій костюмъ Мальтийскихъ рыцарей всѣхъ національностей съ древнѣйшаго времени состоялъ изъ черной мантіи съ бѣлымъ осьминогочеснѣмъ крестомъ на лѣвой сторонѣ. Впослѣдствіи они стали носить такой-же крестъ изъ золота съ бѣлою эмалью на черной лентѣ. Знамя ордена было красное съ серебряными (бѣлыми) крестомъ.

Въ ту же эпоху крестовыхъ походовъ, приблизительно чрезъ 20 лѣтъ послѣ учрежденія ордена больничниковъ св. Иоанна Іерусалимскаго, возникъ другой могущественный рыцарскій орденъ. Девять французскихъ рыцарей, имена которыхъ сохранила намъ исторія, прибывъ въ Палестину, получили отъ короля Балдуина II-го разрѣшеніе основать здѣсь новое рыцарское братство, имѣвшее цѣлью дѣйствовать въ союзѣ съ Іоаннитами противъ невѣр-

ныхъ, покровительствовать пилигримамъ, охраняя ихъ путь, и блюсти храмъ Соломона.

Послѣдняя обязанность имѣла основаніемъ то, что Балдуинъ отвелъ новому братству помѣщеніе въ оградѣ Соломонова храма, откуда и произошло ихъ название — *Темпліеровъ* или *рыцарей Храма*. Первоначально они отличались строгимъ исполненіемъ монашескихъ обѣтовъ и называли себя не иначе, какъ *нищими воинами Христа*. Ихъ самоотверженное служеніе низшей братіи пріобрѣло имъ расположеніе королей Іерусалимскихъ и христіанъ Востока. Утвержденный въ 1128 г. папою, оденъ Темпліеровъ вскорѣ сдѣлался весьма многочисленнымъ и сильнымъ, наводя трепетъ на враговъ Креста. Храмовники имѣли знамя на половину бѣлое, на половину черное, называвшееся *Bancant*; на немъ была надпись: „не намъ, Господи, не чамъ, а имени Твоему даждь славу“. Рыцари носили сверхъ латы мантію изъ бѣлой льняной ткани, украшенную краснымъ такъ наз. *патріаршизмъ* крестомъ (съ оконечностями въ видѣ буквъ г); по другимъ описаніямъ этотъ крестъ былъ осьмиконечный, также красный, шитый золотомъ. Въ XIII столѣтіи оденъ Темпліеровъ достигъ высшей степени своего могущества и къ нему стевались несмѣтные богатства и всевозможныя привилегіи; но съ этого же времени стали появляться и признаки его духовнаго упадка. Чрезвычайные богатства ордена внесли въ него обычай роскоши и нравственной распущенности. Къ тому же онъ стремился къ полной независимости отъ мѣстныхъ государей.

Въ началѣ XIV столѣтія французскій король Филиппъ Красивый, желая воспользоваться несмѣтными богатствами Темпліеровъ во Франціи, потребовалъ отъ папы Климента V назначить слѣдствіе надъ злоупотребленіями ордена. Подъ этимъ предлогомъ онъ велѣлъ схватить гросмейстера Темпліеровъ, Якова Мола и безо всячаго суда подвергъ его и рыцарей ордена жестокой казни, чрезъ сожженіе. Въ другихъ странахъ Западной Европы Темпліеры также подверглись суду и гоненіямъ, и всѣ имущество ихъ отобраны были въ пользу церкви. Таковъ былъ печальный конецъ этого ордена.

Въ Средніе вѣка и въ эпоху возрожденія учреждались также

и другіе рыцарскіе ордена съ такимъ же смѣшаннымъ военно-религіознымъ характеромъ. Главнѣйшія изъ нихъ были: въ Испаніи—ордена Калатравы, Алькантары и Монтезы и въ Германіи—орденъ Тевтонскихъ рыцарей.

Рыцарскій орденъ Калатравы основанъ былъ картезіанскимъ монахомъ Раймондомъ де Фитеро, который далъ ему монашескій уставъ (въ 1158 г.) Онъ проявилъ себя блестищими подвигами въ войнахъ съ маврами Испаніи и съверной Африки и получилъ за это большія богатства и привилегіи отъ королей Испаніи, которые, со временемъ Фердинанда и Изабеллы, всегда носили званіе гросмейстеровъ этого ордена. Онъ сохранилъ въ Испаніи большое значеніе, хотя впослѣдствіи и служилъ лишь знакомъ знатности рода. Орденъ Алькантары, основанный въ Испаніи въ 1156 г., имѣлъ тѣ же цѣли и судьбы, какъ и предъидущій. Наконецъ, орденъ Монтезы, основанный въ 1317 г. королемъ Арагонскимъ Яковомъ II, замѣнилъ въ Испаніи упраздненный въ это время орденъ Темплеровъ, имущества котораго перешли къ нему здѣсь.

Нѣмецкій рыцарскій орденъ *Меченосцевъ*, или *Тевтонскій* учрежденъ былъ въ 1128 г. въ Іерусалимѣ нѣмецкими крестоносцами. Онъ былъ также монашескимъ. Рыцари его носили на бѣлой мантіи черный крестъ съ нѣсколько уширенными концами (*patté*) и съ серебряною каймою на лѣвой сторонѣ. Первый ихъ гросмейстеръ, Генрихъ фонъ Вальпотъ имѣлъ пребываніе въ окрестностяхъ Абры, въ Палестинѣ; но особенную славу орденъ приобрѣлъ при гросмейстерѣ Германѣ Зальца (1210 г.), который примирилъ императора Фридриха II съ папой Гоноріемъ III, за что получилъ отъ обоихъ большія имѣнія и почетныя привилегіи для ордена. Тевтонскіе рыцари послѣ того завоевали Пруссію, Ливонію и Курляндію и съ 1283 года сдѣлались областелями всей страны между Вислою и Нѣманомъ. Свою столицею они избрали Мариенбургъ. Орденъ въ это время достигъ высшаго своего процвѣтанія, и его господствующее положеніе въ Германіи имѣло для Пруссіи самыя выгодныя послѣдствія. Но роскошь, проникшая въ среду рыцарей, стала вредно вліять на религіозный характеръ ордена и начавшіяся внутреннія неурядицы явились главною причиною начавшагося его упадка. Орденъ былъ

вовлеченъ въ безконечныя войны съ Литвой и Польшей и въ борьбѣ съ послѣднею потерпѣлъ тяжкое пораженіе въ Гринвальденской битвѣ (въ 1410 году), гдѣ потерялъ свое знамя, сокровища и лучшихъ своихъ вождей. Хотя послѣ того гросмейстеръ Генрихъ фонъ Плауенъ и вернулъ ордену на нѣкоторое время утраченныя имъ владѣнія, но не на долго. Польскій король Казимиръ IV изгналъ Тевтонскихъ рыцарей изъ Маріенбурга и они сохранили за собою лишь Восточную Пруссию съ Кенигсбергомъ, причемъ должны были признать свою зависимость отъ Польши.

Послѣднимъ гросмейстеромъ ордена былъ Альбертъ Бранденбургскій, принявший протестантство и этимъ освободившій себя отъ монашескихъ обѣтовъ и другихъ обязательствъ. Онъ раздѣлялъ владѣнія ордена съ дядею, королемъ Сигизмундомъ Польскимъ, который при этомъ призналъ его наследственнымъ герцогомъ Прусскимъ (1525 г.). Таково было происхожденіе дворянства и правящей власти въ Пруссіи. Альбертъ женился на дочери короля Датскаго. Существованіе Тевтонскаго ордена въ это же время окончательно прекратилось.

Кромѣ упомянутыхъ рыцарскихъ орденовъ съ религіознымъ характеромъ, возникало не мало другихъ, имѣвшихъ свѣтскій характеръ. Мы остановимся здѣсь лишь на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Извѣстный рыцарскій орденъ *Золотаго руна* учрежденъ былъ въ 1429 г. Филиппомъ Добрымъ, герцогомъ Бургундскимъ, графомъ Фландріи, съ цѣлью привлечь своихъ приближенныхъ къ участію въ предполагавшемся тогда крестовомъ походѣ противъ Турокъ. Хотя этотъ походъ и не состоялся въ то время, но орденъ продолжалъ существовать и существуетъ и донынѣ, какъ геральдическое отличие. Со временеми брака Филиппа Красиваго съ Іоанной Арагонской (1496 г.), король Испанскій и императоръ Австрійскій, каждый въ своемъ государствѣ, считаются главами ордена Золотаго руна.

Въ древней Франціи существовали рыцарскіе ордена *св. Михаила*, учрежденный въ 1469 г. Людовикомъ XI, и *Св. Духа*, который былъ основанъ Генрихомъ III въ 1578 году, по примеру болѣе древняго ордена того-же названія, существовавшаго во Франціи въ XIV вѣкѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Изъ другихъ рыцарскихъ орденовъ, имѣвшихъ характеръ военныхъ братствъ, назовемъ еще орденъ *Христа* въ Португалии (XIV в.), св. *Маврикія* и *Лазаря* въ Савойѣ (XIV в.) и св. *Степана* въ Тосканѣ (1561 г.). Вообще мы видимъ, что во времена процвѣтанія рыцарства, въ особенности въ эпоху крестовыхъ походовъ, люди военного сословія тѣсно соединялись между собою, имѣя одни и тѣ-же идеалы и интересы.

Уже съ начала XII-го столѣтія все рыцарство Западной Европы является замкнутою общиной съ религіознымъ характеромъ, хотя и безъ строго монашескихъ обѣтовъ, произносившихся, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ рыцарскихъ орденахъ. Доступъ въ эту общину открывался извѣстнаго рода служеніемъ. Съ этихъ поръ рыцарство сдѣлалось главною цѣлью въ воспитаніи благороднаго сословія. Въ Средніе вѣка уже вошло въ обычай, что сыновья вассаловъ, при переходѣ изъ дѣтскаго возраста въ отрочество, отвозились ко двору сюзерена, или въ замокъ какого-либо уважаемаго рыцаря, гдѣ они поступали на службу, сначала въ пажи, а затѣмъ переходили въ оруженосцы. Здѣсь они находили лучшую школу рыцарской учтивости (*courtoisie*) и доблести.

Въ то же время обычай этотъ являлся самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для укрѣпленія феодальныхъ отношеній, связывавшихъ сюзерена съ его вассалами. Поступавшіе такимъ образомъ на службу въ рыцарскій домъ для обученія военному дѣлу, прежде всего обязаны были нести домовыя должности: служить при трапезѣ сюзерена (*dapiferi, senescalcii*), имѣть попеченіе о лошадяхъ (*magescalci*) и т. под. Всѣ они обозначались въ Германіи общимъ названіемъ *knappen* (отроковъ).

Такое военное обученіе начиналось съ 7-ми или 8-ми лѣтняго возраста. Служба пажа или варлета (*varlet*) была преимущественно при дамахъ, хоziйкахъ замка, которыхъ онъ сопровождалъ на прогулкахъ и на охотѣ. Въ отплату за эти услуги онъ получалъ обученіе въ пользованіи легкимъ оружіемъ, въ первоначальныхъ познаніяхъ по религіи, а также въ музыкѣ, пѣніи и игрѣ въ шахматы. Въ возрастѣ отъ 13—14-ти лѣтъ пажъ обыкновенно достигалъ производства въ оруженосцы. Роди-

тели его, имъя въ рукахъ зажженныя свѣчи, приводили его къ алтарю, гдѣ священникъ съ молитвою и благословеніемъ передавалъ ему мечъ и поясъ. Введеніе такой религіозной санкціи въ рыцарскія церемоніи, что мы встрѣчаемъ впрочемъ не ранѣе временъ Карла Великаго, дало этому учрежденію его главнѣйшую силу и значеніе. И дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ, и притомъ въ самомъ точномъ, рыцарство можетъ быть по справедливости названо *религіей Среднихъ вековъ*, ибо его вліяніе сказывалось въ смягчающемъ его дѣйствіи на грубые варварскіе обычай: оно, несомнѣнно, дало болѣе мягкости и выработанности общественнымъ отношеніямъ этой эпохи.

Главною обязанностью оруженосца (*famulus, armiger*) было сопровождать своего господина на войну или на турниръ, носить въ этихъ случаихъ его щитъ (*scutum, écu, schild*), откуда произошло название *écuier, schildknappe*, и вообще служить ему личнымъ тѣлохранителемъ. Передъ сраженіемъ оруженосецъ велъ за рыцаремъ боеваго коня. На высокое сѣдло этого послѣдняго складывалось при этомъ боевое вооруженіе рыцаря, который самъѣхалъ впереди на другомъ конѣ, одѣтый въ болѣе легкую походную одежду. Когда же наступалъ часъ битвы, то оруженосецъ облекалъ своего господина въ латы, соединяя отдѣльныя ихъ части съ особою снаряжкою, требовавшею продолжительного навыка. Во время самого боя онъ находился все время при своемъ господинѣ, подавалъ ему новое копье, подводилъ коня, если рыцарь терялъ своего, устремлялся ему на выручку, если видѣлъ его въ опасности, и часто выносилъ изъ битвы раненымъ и истекающимъ кровью въ безопасное мѣсто. Таковы были обязанности оруженосца, пока онъ не достигалъ 21 года. Прослуживъ съ честью въ этомъ званіи и доказавъ свою вѣрность, храбрость и способность къ военному дѣлу, онъ въ этомъ возрастѣ, наконецъ, самъ поступалъ въ военное братство рыцарей.

Переходъ отъ степени оруженосца къ рыцарству сопровождался всегда большою торжественностью. Для посвященія въ рыцари, обыкновенно избирались праздничные дни, Пасха, Рождество, Троицынъ день, также дни коронованій и т. под. Нерѣдко посвящалось одновременно по нѣскольку человѣкъ. Церковная

инвеститура въ этой церемоніи присоединялась къ инвеститурѣ феодальной, вслѣдствіе чего рыцарство могло быть принимаемо почти за религіозный орденъ. Рыцарскій ритуалъ, *l'Ordene*, есть несомнѣнно, копія съ римскаго Понтификала: онъ содержитъ степени, соотвѣтствующія священству, новиціату и ординаціи. Обряды посвященія въ рыцарство также представляютъ аналогію съ церковными таинствами. Этимъ торжественнымъ обрядамъ предшествовалъ строгій постъ, всенародная исповѣдь и ночное бдѣніе въ вооруженіи (*veillée d'armes*), которое посвящаемый проводилъ въ церкви, въ молитвѣ. На слѣдующее утро, послѣ омовенія, его облекали въ новые одежды, сверхъ которыхъ надѣвалась епанча съ изображеніемъ герба. Слѣдя затѣмъ въ церковь, онъ приносилъ свой мечъ къ алтарю, гдѣ священникъ благословлялъ послѣдній. При этомъ произносилась особая молитва и давалася обѣтъ защищать церковь, вдовъ и сиротъ и сражаться за христіанъ противъ невѣрныхъ. Послѣ того произносилась другая молитва и пѣлась часть 44-го псалма. Затѣмъ посвященному предлагались его воспріемниками—рыцарями установленные вопросы о цѣляхъ, побуждавшихъ его искать рыцарства, и отбирались отъ него окончательно клятвенное обѣщаніе. Тогда онъ получалъ отъ своихъ воспріемниковъ, а иногда и отъ присутствовавшихъ дамъ, свое рыцарское вооруженіе: поясъ, шпоры, кольчугу, латы, наручи, перчатки и мечъ.

Вооруженный такимъ образомъ, (что выражалось французскимъ словомъ *adoube*), онъ, наконецъ, получалъ рыцарское посвященіе посредствомъ удара мечемъ плашмя по плечу, или шеѣ (*accolade*), причемъ воспріемникъ, обращаясь къ посвящаемому, произносилъ: «во имя Божіе, святаго Михаила и св. Георгія дѣлаю тебя рыцаремъ. Будь благочестивъ, смѣль и благороденъ». Это торжественное посвященіе считалось столь важнымъ, что владѣтельныя лица, какъ мы уже говорили ранѣе, нерѣдко признавали необходимымъ поступать въ число рыцарей, прежде чѣмъ принять королевскій санъ.

Преимущество рыцарей заключалось въ томъ, что они принадлежали къ избранному, недоступному для непосвященныхъ, кругу людей; затѣмъ, каждый рыцарь имѣлъ право посвящать

другихъ въ рыцарство ударомъ меча, и принимать участіе въ рыцарскихъ играхъ, или *турнирахъ* (*torneamenta*, *tournois*, *turney*, *turnier*). Эти игры, по всей справедливости, можно называть воспитательными учрежденіями дворянскаго сословія въ Западной Европѣ. Турниры являлись звѣномъ, соединившимъ мирную и боевую жизнь рыцаря.

Съ точки зрењія геральдики, рыцарские турниры представляютъ особенный интересъ, такъ-какъ они, по мнѣнію *Ménéstrier* и другихъ ученыхъ, не менѣе крестовыхъ походовъ способствовали обычаю употреблять гербы. Они же ввели въ эти послѣдніе нѣкоторые свои атрибуты, какъ напр. турнирный шлемъ съ его разнообразными и причудливыми нашлемными украшеніями (*Helmkleinod*, *cimier*, *crest*), турнирный воротникъ (*lambel*), а также нѣкоторая геральдическая фигуры, каковы напр. *шевронъ*, *столбъ*, *поясъ* и т. под., въ которыхъ геральдисты видятъ намѣки на составныя части турнирного барьера. Отъ турнировъ же произошли во многихъ случаяхъ изображенія звѣздъ и животныхъ въ гербахъ: на этихъ рыцарскихъ состязаніяхъ партіи, оборонявшаяся (*tenants*) и нападавшая (*assailants*) часто избирали себѣ отличительныя названія и соответствующія гербовыя эмблемы. Такъ мы встрѣчаемъ на турнирахъ — рыцарей солнца, звѣзды, полуумѣсяца, льва, дракона, орла, лебедя и т. под. Не забудемъ, что въ то время свободный выборъ герба еще представлялся каждому рыцарю. О тѣхъ же турнирахъ говорять намъ копья, шпоры, шлемы, мечи, будавы, и т. под. предметы вооруженія, часто встрѣчающіеся въ рыцарскихъ гербахъ.

Въ виду такого значенія турнировъ для геральдики, мы остановимся на этомъ интересномъ явленіи рыцарского быта Среднихъ вѣковъ болѣе подробно.

VI.

То, что мы теперь разумѣемъ подъ словомъ «*турниръ*», не вполнѣ исчерпываетъ понятія, которое соединялось съ этимъ словомъ въ прежнія времена; притомъ, въ теченіи столѣтій подъ

названиемъ турнира не всегда подразумѣвался одинъ и тотъ же обычай.

Подъ названиемъ турниръ (*turney*) мы вообще разумѣемъ воинственное состязаніе въ мирное время, военную игру.

Но если принимать этотъ терминъ въ буквальномъ его значеніи, то онъ заключаетъ въ себѣ также понятіе о дѣйствительномъ боѣ между отдельными лицами, единоборствѣ или такъ наз. «Божьемъ судѣ», а равно и о рыцарскомъ состязаніи между двумя противниками по извѣстнымъ установленнымъ правиламъ, при которомъ имѣлась цѣль не столько нанести вредъ другъ другу, сколько—выказать собственное искусство въ умѣніи пользоваться оружіемъ. Однако, въ цѣляхъ ясности, удобнѣе удержать для всѣхъ подобныхъ воинственныхъ состязаній название турнира, хотя таковое на technicalномъ языке относилось лишь къ извѣстнаго рода военнымъ упражненіямъ.

Тацитова „Germania“, пѣснь о Бсовульфѣ и обѣ Эдды содержатъ древнѣйшія указанія на пристрастіе Германцевъ къ примѣрнымъ боямъ. Изъ замѣчаній Тацита, (глава 24-я), даже какъ будто вытекаетъ, что римскіе императоры ввели бои гладіаторовъ подъ вліяніемъ этой страсти Германцевъ.

Въ этой же древне-германской любви къ военному дѣлу слѣдуетъ исбать начала военныхъ игръ въ Средніе вѣка. Ниттартъ, племянникъ Карла Великаго, разсказываетъ въ своей хроникѣ, (кн. III), какъ въ 844 году свиты Людовика Нѣмецкаго и его брата Карла, во время ихъ свиданія въ Страсбургѣ раздѣлились на равныя по числу стороны и устроили примѣрный бой, при чёмъ и оба эти короля стали сами во главѣ юныхъ воиновъ и приняли участіе въ этомъ состязаніи. Готфридъ де Прѣльи (*Preuilly*), французскій рыцарь изъ Турена, умершій въ 1066 г., первый, кажется, установилъ для подобной военной игры извѣстные правила. До тѣхъ поръ они обыкновенно обозначались словомъ *buhurt*, тогда какъ название *turnier* происшедшее отъ *tourner*, *tornare*, появляется лишь съ XII-го вѣка и притомъ у французовъ, для обозначенія военныхъ состязаній многочисленными партіями, отъ которыхъ оно переходитъ и къ другимъ націямъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему съ этого

времени исчезаютъ первоначальные нѣмецкіе техническіе термины, примѣнявшіеся въ этихъ военныхъ играхъ, и ихъ совершенно замѣняютъ французскіе, а впослѣдствіи итальянскіе, которые и становятся обычными.

Впрочемъ вопросъ о томъ, гдѣ первоначально возникли турниры, является нѣсколько спорнымъ: какъ Франція, такъ и Германия приписывали ихъ учрежденіе себѣ. Въ пользу послѣдней говоритъ историческое извѣстіе, что первый турниръ происходилъ при дворѣ германскаго императора Генриха I Птицелова въ 938 году. Если вѣрить *Турнирной книѣ Рикснера*, послѣ того турниры имѣли уже мѣсто въ различныхъ городахъ Германіи въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ.

Но несомнѣнно, что настоящіе турниры появляются лишь въ XII-мъ вѣкѣ, при чёмъ древнія военные состязанія Германцевъ были усовершенствованы извѣстными обычаями такихъ боевъ, которые соблюдались во Франціи, почему ихъ и называли въ то время *ludi gallici*.

Нѣсколько позднѣе обычай турнировъ переходитъ въ Англію, а именно изъ Франціи, по свидѣтельству Матея Парижскаго („a *Francis torneamentorum usus accerere Angli*“...) Здѣсь они встрѣтили сначала противодѣйствіе со стороны королей Стефана и Генриха II, но за то при Ричардѣ Львиномъ сердцѣ, который самъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, весьма распространіились: онъ разрѣшилъ устройство турнировъ въ пяти мѣстностяхъ своего королевства. Въ Италіи турниры также появляются съ XII-го вѣка. Хроники сообщаютъ извѣстія о такихъ состязаніяхъ, устраивавшихся между итальянскими городами, напр. въ Пизѣ въ 1115 г. и въ Кремонѣ въ 1158 г. Но особенное распространеніе получили турниры въ Италіи при Карлѣ Анжуйскомъ въ 1265 г., когда онъ завладѣлъ Неаполемъ и Сициліей. Данть въ своей Божественной комедіи упоминаетъ о блестящихъ турнирахъ и поединкахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ (Адъ п. XXII). Для лучшаго уясненія турнирнаго боя необходимо ознакомиться въ общихъ чертахъ съ его пріемами и оружіемъ, которое употреблялось въ этихъ состязаніяхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что у различныхъ націй и въ разныя эпохи виѣшия

формы этихъ военныхъ игръ измѣнялись и разнообразились до невѣроятія.

Такъ напримѣръ, въ концѣ XI вѣка еще не было въ обычай при турнире нападать на противника съ разбѣгу, на конѣ, съ направленнымъ впередъ, подъ рукою, деревяннымъ копьемъ. На извѣстномъ коврѣ изъ *Bayeux* мы видимъ всадниковъ, держащихъ свои длинныя копья съ деревянными древками съ поднятою вверхъ рукою, подобно тому, какъ древніе управляли метательнымъ копьемъ, такъ называемымъ *pilum*.

До XIV-го вѣка турнирное вооруженіе ничѣмъ не отличалось отъ боеваго. Въ Нибелунгахъ при описаніи поединка изъ за Брунгильды упоминается боевая рубашка (*Waffenhemd*) изъ шелка и сверхъ нея крѣпкая кожаная *Brünne*, покрытая стальными пластинами. Шлемы въ то время привязывались. Щитъ, окаймленный золотомъ, былъ крѣпкій и широкій, съ щитовымъ ремнемъ, украшеннымъ драгоцѣнными камаями. Очень часто упоминается въ Нибелунгахъ о проткнутыхъ щитахъ и ломавшихся о нихъ древкахъ копій и пикъ.

Съ XIII-го вѣка цѣль военныхъ игръ измѣняется и получаетъ большую опредѣленность. Обѣ состязавшіяся стороны задавались цѣлью или ударить копьемъ въ щитъ противника, при чемъ древко копья разбивалось въ щепы, или же—высадить его изъ сѣда. Такой общій характеръ турниры сохраняли до конца XIV-го столѣтія, и вооруженіе, употреблявшееся при нихъ, вполнѣ слѣдовало тѣмъ измѣненіямъ, которыя замѣчались въ соотвѣтствующее время и на войнѣ. Только около 1350 года, или немного ранѣе турнирныхъ вооруженія начинаютъ различаться отъ употреблявшихся на войнѣ. Это вызывалось желаніемъ на турнирѣ увеличить эффектъ и впечатлѣніе на зрителей, проявляя большую смѣлость въ приемахъ борьбы.

Уже въ продолженіе XIV-го столѣтія прежній „бугуртъ“, переименованный въ „турниръ“, получилъ измѣненіе въ южной Франціи и Италии, вызванное тѣмъ, что противники по правилу обыкновенно ограничивались ломаніемъ одного копья и затѣмъ брались за тупые мечи, на которыхъ и происходила борьба ме-

жду двумя партіями рыцарей, пока одна изъ нихъ не признавала себя побѣжденною стороною.

Въ Германиі же съ начала XV-го вѣка вошелъ въ обычай такъ называемый *турниръ на палицахъ* — *Kolbenturnier*, происходившій на коняхъ и всегда между двумя противниками. Оружіе на этихъ турнирахъ заключалось въ тяжелыхъ мечахъ и палицахъ. Эти послѣднія изготавливались изъ твердаго дерева и имѣли среднюю длину въ 80 см.; рукоять состояла обыкновенно изъ шарообразнаго конца, а вмѣсто эфеса она имѣла шайбу изъ листоваго желѣза. Самая палица имѣла въ разрѣзѣ форму многоугольника и утолщеніе къ концу. Такое сильное по дѣйствію своему оружіе и явилось ближайшимъ поводомъ къ измѣненію *формы шлема* при конномъ турнирѣ, такъ-какъ ударъ, нанесенный такимъ оружіемъ по старому шлему, имѣвшему форму горшка (*Topfhelm*), каковой или вполнѣ надѣвался на темя, или по крайней мѣрѣ касался головы, могъ быть опаснымъ для жизни, даже смертельнымъ. Новый шлемъ поэтому строился въ формѣ шара и былъ такъ просторенъ, что нигдѣ не соприкасался съ головою и при этомъ сидѣлъ только на плечахъ и груди; тѣмъ не менѣе голова рыцаря сверхъ того еще защищалась шапкою, плотно подбитою паклою или хлюпкомъ (*werg*). Съ этихъ поръ мы впервые встрѣчаемъ шлемъ, очертанія которого близко слѣдуютъ формѣ шеи и затылка. Подобнаго рода *шарообразные шлемы* (*Kugelhelme*) встречаются въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, которые различаются между собою лишь въ подробностяхъ; весьма употребительными были шлемы, состоявшіе изъ крѣпкихъ стальныхъ реберъ, сверхъ которыхъ натянута была твердая кожа. Со стороны лица шлемъ былъ открытъ и имѣлъ защиту прочную решетку изъ желѣзныхъ полосъ и проволоки. Верхняя (теменная) часть этого шлема была покрыта натянутую парусиною, которая закрашивалась мѣлововою краскою: на ней изображалась, также въ краскахъ, гербовая эмблема владѣльца. Шейная, подбородочная и затылочная части состояли изъ желѣзныхъ пластинъ. Точно также, какъ горшковидные шлемы 12-го и 13-го вѣка, такой шарообразный шлемъ имѣлъ сверху такъ наз. шлемное украшеніе (*Helmezier*) или навершье (*Cimier*). Формы этихъ

украшений бывали всевозможные, соотвѣтствуя вкусу и охотѣ владѣльца. Иногда встрѣчались воспроизведенныя пластически гербовыя фигуры его, но нерѣдко и другія фантастическія эмблемы, намекавшія на возлюбленную даму; часто даже полученные отъ таковой на память платки, перчатки, вуали и т. под. прикрѣплялись къ навершью шлема. Изготовленіе подобныхъ фигуръ для шлемовъ, а равно конскихъ палобниковъ, чепраковъ изъ кожи и щитовъ, которые всѣ украшались живописью, при надлежало въ тѣ времена къ ремеслу шорниковъ. Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ выражалось стремленіе увеличить эффектность состязанія, которое при турнирѣ на палицахъ заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сбить противнику со шлема навершье. Мы уже упоминали о томъ, какое значеніе эти шлемные украшенія, вошедшія въ обычай на турнирахъ, пріобрѣли въ геральдикѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что форма турнирныхъ шлемовъ также были ею восприняты.

Съ XII-го вѣка мы встрѣчаемъ турниры двухъ родовъ: такъ называемые *странствующіе турниры* (*Wanderturniere*) — случайныя или намѣренныя встрѣчи двухъ рыцарей на пути съ цѣллю ломанія копій — и *турниры по приглашенію* (*ausgeschriebene Turniere*), которые устраивались по предварительному созыву рыцарства и на опредѣленныхъ мѣстахъ.

Этотъ послѣдній родъ турнировъ обыкновенно сопровождался особенною торжественностью и блескомъ. О нихъ разсылались заблаговременно извѣщенія, и рыцари успѣвали изготовлять себѣ къ этимъ состязаніямъ блестящія и богатыя вооруженія. По словамъ хроники Фруассара, къ различнымъ владѣтельнымъ дворамъ разсылались герольды, объявлявшіе о томъ, что ихъ государь: «назначивъ турниръ, приглашаетъ всѣхъ тѣхъ, кто гордится своимъ рыцарствомъ, а также достопочтенныхъ дамъ и дѣвицъ благороднаго происхожденія, прибыть въ избранный для турнира городъ съ доказательствами своихъ рыцарскихъ правъ».

Въ Германіи дѣло происходило нѣсколько иначе. За исключеніемъ Саксоніи, имѣвшей свои особые турниры, нѣмецкіе рыцари, которые имѣли право быть включеными въ турнирные списки, раздѣлялись на четыре большихъ турнирныхъ общества,

а именно: *при-Рейнское, Баварское, Швабское и Франконское*. Соединенные вмѣстѣ, они носили название: *рыцарства четырех стран* (Ritterschaft der vier Lande). Каждый округъ, соответствовавшій такому обществу, устраивалъ по-очередно свой турниръ и избиралъ своего старшину, или турнирного короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и судьею турнира. Въ свою очередь этотъ старшина избиралъ трехъ дамъ, чтобы выдавать оружіе рыцарямъ, и трехъ другихъ—для раздачи наградъ. Обыкновенно одна изъ этихъ дамъ избиралась изъ замужнихъ, другая—изъ вдовъ, а третья—изъ девицъ.

Первоначально для участія въ турнирѣ требовалось доказательство рыцарского происхожденія въ двухъ поколѣніяхъ съ каждой стороны, а доказывалось это лучше всего наследственнымъ гербомъ на щитѣ и отличительнымъ украшеніемъ (Helmzier) на шлемѣ.

Впрочемъ, столь строгая разборчивость, воспрещавшая доступъ къ турнирамъ лицамъ не родословнымъ, впослѣдствіи стала ослабляться почти повсемѣстно въ пользу лицъ, хотя и принадлежавшихъ къ низшему дворянству, но извѣстныхъ своею храбростью и умѣніемъ владѣть оружіемъ. Болѣе щепетильными были въ этомъ отношеніи нѣмцы, особенно дорожившіе природными правами для участія въ турнирахъ. Всякій прибывающій допускался къ турниру не иначе, какъ послѣ разсмотрѣнія его правъ на совѣтѣ избранныхъ турнирныхъ судей (*juges-disseurs* или *maréchaux de camp*—во Франціи; *turniervögte*—въ Германіи), предъ которыми онъ долженъ былъ явиться. Если кто-либо оказывался виновнымъ въ недостойномъ рыцаря поступкѣ и это могло быть доказано въ присутствіи судей турнира и дамъ, то это лишало его такого права. Никто, изобличенный въ хулѣ противъ Бога, въ оскорблѣніи дамы и нарушеніи данного слова, а равно покинувшій собрата по оружію въ сраженіи не могъ быть допущенъ на турниръ.

Высокое значеніе рыцарского достоинства поддерживалось также закономъ, лишавшимъ участія въ турнирѣ виновнаго въ бѣроломномъ нападеніи на противника.

Рыцарь, признанный безупречнымъ на этомъ судѣ, переда-

валъ свой стягъ (*bannièges*) и гербовый щитъ герольдамъ. Эти послѣдніе вывѣшивали гербы и бanniéres прибывшихъ изъ оконъ главной гостиницы на площади турнира и другихъ городскихъ домовъ, или же въ ближайшемъ монастырѣ, располагая ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, по знатности рыцарей: выше всѣхъ—гербы знатнѣйшихъ лицъ и крупныхъ феодаловъ, ниже—гербы рыцарей-баннеретовъ и, наконецъ, внизу—простыхъ рыцарей. Такая выставка гербовъ называлась во Франціи — *faire fenêtre*, а въ Германіи—*Wappenschau*. Своимъ разнообразiemъ и красивою яркостью гербовыхъ цвѣтовъ она привлекала всеобщее вниманіе и любопытство и являлась какъ бы программой предстоявшаго празднества. Но она имѣла и другое значеніе: герольды высказывали при этомъ свои сужденія относительно подлинности выставленныхъ гербовъ. Лицамъ не рыцарского происхожденія, выставленіе герба было строго воспрещено, и виновные въ томъ подвергались штрафу и отобранію коня и вооруженія въ пользу герольдовъ. Иногда пажи и варяты, находившіеся при гербовыхъ щитахъ своихъ рыцарей, бывали одѣты въ различные фантастические костюмы, напр. дикихъ людей, львовъ, медвѣдей и другихъ воинственныхъ животныхъ. Этотъ странный обычай, появившійся впервые на турнирахъ, далъ поводъ, по словамъ *Ménéstrier*, ввести въ геральдикѣ такъ наз. *щитодержателей* (*tenants*) при многихъ гербахъ. На такую выставку, для которой отводились часто и особыя помѣщенія, собирались толпами, чтобы рассматривать гербы, бanniéres и шлемы, узнавать по нимъ того или другаго рыцаря, и получать отъ персевантовъ и герольдовъ объясненія такихъ гербовъ и девизовъ, о которыхъ ранѣе не имѣлось свѣдѣній. Доказательство наследственной принадлежности гербового щита и шлемного увѣшенія служило въ то же время и доказательствомъ рыцарского происхожденія, дававшаго доступъ къ турниру.

Не всегда впрочемъ имена рыцарей, участвовавшихъ въ турнирѣ, объявлялись во всеобщее свѣдѣніе. Иногда дозволялось скрывать свои имена лицамъ, получившимъ незадолго предъ тѣмъ рыцарское достоинство, которые, явившись на турниръ для доказательства своей храбрости, не имѣли полной увѣренности въ

своемъ успѣхѣ. Бывали также случаи, что какія-либо непріязненные отношения въ хозяину турнира заставляли прибывшаго до времени скрывать свое имя. Наконецъ, на нѣкоторыхъ турнирахъ рыцари появлялись въ фантастическихъ вооруженіяхъ, заимствованныхъ отъ какихъ-либо историческихъ или легендарныхъ личностей прошлаго. Такъ напр., въ Англіи нерѣдко цѣлая группа рыцарей олицетворяла на турнирѣ короля Альфреда съ его легендарными рыцарями Круглого стола, а другая, противная сторона — Карла Великаго съ его палладинами. Это являлось блестящимъ способомъ воскрешать рыцарскія легенды въ дѣйствительности. Можно привести также примѣръ весьма неумѣстнаго заимствованія подобнаго рода, когда король Кастильскій дозволилъ себѣ кощунство явиться на турнирѣ въ Валладолидѣ въ 1428 году въ сопровожденіи 12-ти рыцарей, олицетворявшихъ 12 апостоловъ.

Мѣстомъ турнира было такъ называемое турнирное поле (*turnierhof*, франц. *lices*, англ. *lists*) широкое пространство, которое было обнесено оградою въ одинъ или два ряда, или же веревкою. Иногда поле раздѣлялось деревяннымъ барьеромъ, препятствовавшимъ конямъ противниковъ устремляться другъ на друга. Первоначально поле бывало круглымъ, а впослѣдствіи получило продолговатое, овальное очертаніе; оно украшалось съ пышностью, присущею феодальному быту. Барьеры расписывались обыкновенно золотомъ и красками, съ геральдическими эмблемами и девизами. Вокругъ турнирного поля устраивались ложи для присутствовавшихъ знатныхъ гостей, судей турнира и представительницъ прекраснаго пола; ложи эти также украшались богатыми тканями и коврами, на которыхъ были различныя изображенія (*histories*).

Дамы являлись высшими судьями на турнирахъ и если заявлялась жалоба противъ рыцаря, то они безъ-апелляціонно решали споръ. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, дамы передовѣряли свое рѣшающее право одному изъ рыцарей, по своему избранію, который въ знакъ такого отличія назывался почетнымъ рыцаремъ (*chevalier d'honneur*, *knight of honour*). При этомъ онъ украшалъ конецъ своего коня лентою или другимъ, полу-

ченнымъ отъ дамъ, знакомъ ихъ благоволенія (*merci des dames*). Этимъ символомъ власти онъ приводилъ самыхъ пылкихъ борцовъ изъ рыцарей турнира къ порядку и повиновенію.

Герольды прочитывали рыцарямъ правила турнира и объявляли, въ чёмъ будетъ заключаться призъ предстоящаго состязанія. Дамы и дѣвицы часто жертвовали отъ себя различныя драгоценности въ видѣ награды за проявленную на турнирѣ доблесть. Но иногда такая почетная награда имѣла болѣе военный характеръ: такъ, на извѣстномъ турнирѣ, происходившемъ во Флоренціи въ 1468 году, Лаврентій де Медичи получилъ призъ, состоявшій изъ серебрянаго шлема, украшенаго сверху фігурою Марса. На турнирахъ принять былъ также обычай, что побѣжденный рыцарь предоставлялъ свое вооруженіе и коня побѣдителю.

Отличительною чертою рыцарскихъ временъ являлась особенная, изысканная учтивость (*courtoisie, gallantry*). На одномъ турнирѣ, происходившемъ въ Смит菲尔дѣ, въ Англіи, при Ричардѣ II, королевою назначена была въ награду лучшему борцу золотая корона, если онъ будетъ изъ числа иноземныхъ гостей, и богатый браслетъ, если онъ окажется англичаниномъ. Подобное же учтивое предпочтеніе иностраннымъ гостямъ, явившимся на турниры, оказывалось и со стороны англійского рыцарства.

Канунъ дня, назначенаго для турнира, въ такъ называемое навечеріе (*vigiliae, turnierabend*) юные оруженосцы обыкновенно производили между собою пробныя состязанія на турнирномъ полѣ съ болѣе легкимъ и безопаснымъ оружіемъ, нежели то, которымъ боролись рыцари. Такія предварительныя состязанія, на которыхъ также присутствовали иногда дамы, назывались у французовъ *érouges, vêpres du tournoi, éscrémies*. Случалось, что некоторые изъ особенно отличившихся при этомъ оруженосцевъ тутъ же удостоивались возведенія въ рыцарство и получали позволеніе принять участіе въ предстоящемъ турнирѣ.

Въ самый день турнира, съ утра рыцари выѣзжали блестящею кавалькадою къ турнирному полю: во главѣ ихъ находились владѣтельныя особы, благородныя дамы и дѣвицы, однимъ словои весь цвѣтъ рыцарства и женской красоты, на коняхъ, богато изукрашенныхъ свѣшивающимися почти до земли попонами.

Иные дамы при этомъ вели за собою коней своихъ избранныхъ рыцарей на серебряныхъ щитахъ. Самый костюмъ дамъ соответствовалъ случаю и украшался золотыми или серебряными поясами, на которыхъ висѣли небольшіе легкіе мечи.

По прибытии рыцарей на турнирное поле, вооруженіе ихъ здѣсь осматривалось особо назначеннымъ приставомъ (*constable*) и при этомъ оружіе, не соотвѣтствовавшее по своей формѣ и издѣлію правильному турнирному образцу, отвергалось. Копья были безопасны, такъ-какъ имѣли тупые концы, или же съ надѣтыми на нихъ широкими наконечниками изъ дерева (*rockets*). По учитивому выраженію того времени, такія копья назывались *glaives courtois*. Турнирные мечи, какъ мы уже говорили, были тупые и укороченные; иногда они дѣлались изъ китовой кости, обтянутой кожею.

Впрочемъ, нерѣдко замѣчалось стремленіе превращать турниры въ настоящія битвы. Национальное соперничество иногда прорывалось, вопреки стѣсненіямъ, налагавшимся рыцарскою обходительностью. Соревнованіе въ военной доблести, или изъ-за любви женщины находило здѣсь случаи выказать весь свой нынѣ и поэтому, не смотря на авторитетъ короля герольдовъ, строго преслѣдовавшаго употребленіе боеваго оружія, бывали примѣры, что такое все же проникало на турниры путемъ подкупа, или чрезъ открытое насилие.

Извѣстенъ случай, что на турнирѣ въ Нейссѣ, близъ Кельна, происходившемъ въ 1240 году, пало болѣе 60-ти рыцарей, хотя на немъ было разрѣшено только турнирное оружіе. Подобные случаи превращенія красиваго турнирного состязанія въ смертоносное столкновеніе вызвало требование отъ рыцарей клятвенного обѣщанія, что они будутъ являться на турниры съ одною лишь цѣлью усовершенствоваться въ военному искусству, а отнюдь не для кровопролитія. Въ Англіи закономъ, изданнымъ къ концу XIII-го столѣтія, единственнымъ оружіемъ, разрѣшенымъ при турнирѣ для рыцаря и сквайра былъ уширенный мечъ, употребленіе же отпущенаго меча, острого книжала, боевой булавы или пернача, строго воспрещалось. Этимъ же закономъ изъ оборонительнаго оружія при турнирѣ дозволялось только надѣвать

шлемъ съ забрадомъ, наножинки (*cuiishes*) и наплечники (*shoulder-plates*). Зрителямъ вовсе запрещалось всякое вооруженіе, а герольды и министреи могли имѣть при себѣ лишь неотпущеные мечи.

Послѣ того всякое оружіе рыцарей было подробно осмотрѣно, герольды громко провозглашали призывъ: „*à l'ostelle, à l'ostelle!*“ по какому рыцари удалялись въ свои шатры, чтобы вооружиться къ бою. По второму клику герольдовъ: „*issez hors, chevaliers, issez hors!*“ они садились на коней и выѣзжали на турнирное поле, гдѣ становились у своихъ значковъ. Вооруженіе рыцарей при этомъ обыкновенно украшалось подарками дамъ, ожерельями, шарфами, или цветными лентами, называвшимися *fanfours*. Предъ началомъ турнира особо назначенныя лица — *officiers d'armes* — осматривали правильность сѣданія коней.

Послѣ того, какъ дамы и почетные гости успѣвали занять свои места въ ложахъ, а простонародье также размѣщалось, гдѣ было назначено, по распоряженію герольдовъ все замолкало. Тогда почетный рыцарь подавалъ знакъ для турнира и герольды возглашали: „*laissez aller!*“ По этому сигналу веревки, раздѣлявшія обѣ партии рыцарей, тотчасъ опускались и они устремлялись другъ другу на встрѣчу при звукѣ трубъ, игравшихъ рыцарскій призывъ: «*каждому исполнить свой долгъ*». За каждымъ рыцаремъ слѣдовали его оружепосы, число которыхъ въ Англіи, по древнему турнириому статуту, ограничивалось тремя. Они подавали своему рыцарю оружіе, поправляли на немъ вооруженіе и поднимали его съ земли, если противникъ выбивалъ его изъ сѣда.

Одна первая встрѣча противниковъ рѣдко решала судьбу турнира, такъ-какъ рыцари были весьма основательно снаряжены къ состязанію. Ломались копья, рыцари и кони опрокидывались и побѣда переходила то на одну, то на другую сторону турнирнаго поля. Воздухъ оглашался именами дамъ и боевые кличи замѣнялись болѣе мирными призывами. При всякомъ удачномъ оборотѣ боя персеванты возглашали: „*честь сынамъ храбрыхъ!*“ Министреи громко играли свою воинственную музыку, а рыцари зрителямъ отвѣчали, возглашая: „*Loyauté aux dames!*“

Зорkie и привычные въ наблюдениі глаза герольдовъ замѣчали всѣ обстоятельства происходившаго военнаго состязанія. Переломить копье между сѣдломъ и шлемомъ противника признавалось первою степенью успѣха. Чѣмъ выше оно бывало при этомъ направлено, тѣмъ больше было въ этомъ отличія, и вышею степенью успѣха считалось сломать копье, ударивъ имъ въ шлемъ, (что оцѣнивалось 10-ю пунктами). Выбить противника изъ сѣдла и лишить его возможности участвовать въ слѣдующемъ натискѣ оцѣнивалось 3-мя пунктами. Поестественному возникъ однажды любопытный вопросъ на одномъ турнирѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Неаполѣ. Рыцарь ударили своего противника съ такою силою, что лишилъ его щита, шлема и латъ, но самъ при этомъ упалъ съ коня. Суды турнира затруднялись опредѣлить, кто изъ обоихъ заслуживалъ меныщаго порицанія; наконецъ было решено, сообразуясь съ рыцарскими правилами, что упавшій съ коня былъ болѣе обезещенъ, ибо хорошее управление конемъ считалось первымъ боевымъ качествомъ рыцаря.

Поэтому на турнирѣ почиталось менѣе постыднымъ упасть вмѣстѣ съ своимъ конемъ, нежели вылетѣть изъ сѣдла. Тотъ, кто несъ свое копье твердо и красиво, заслуживалъ большей похвалы, хотя и не ломалъ его, чѣмъ тотъ, который, ломая копье, плохо управлялъ конемъ. Вообще мѣтить высоко свой ударъ и сидѣть твердо въ сѣдлѣ, давая коню выдержаный и мѣрный ходъ, заслуживало высшей похвалы.

Когда всѣ рыцари успѣвали въ полной мѣрѣ проявить свою храбрость и военное искусство, то хозяинъ турнира опускалъ свой жезль (*bâton de tournoi*, англ. *warder*), или подавалъ какой-либо знакъ герольдамъ. Послѣдніе возглашали тогда: «*ployez vos bannières*», и по этому сигналу бanniэры свивались и военное состязаніе кончалось.

Почетные гости и зрители спускались тогда съ своихъ мѣстъ и направлялись къ мѣсту пиршества, слѣдовавшаго за турниромъ.

Здѣсь рыцари, участники турнира, вступали въ палату пира при громкому звуку трубъ, облеченные въ яркія одежды, и занимали мѣста подъ шелковыми стягами съ ихъ гербами, свидѣтельствовавшими о древней славѣ ихъ рода. Наиболѣе храбрымъ

и отличившимся на турнирѣ рыцарямъ отводились самыя почетныя ѿѣста. Въ самый разгаръ пиршества герольды представляли дамамъ отличившихся. При этомъ та изъ дамъ, которая съ общаго согласія признавалась *царицею красоты и любви* — *la Royne de la Beaulte et des Amours* — раздавала призы колѣнно-преклоненнымъ рыцарямъ, обращаясь къ каждому изъ нихъ съ похвальною рѣчью. За пиршествомъ слѣдовали различныя увеселенія.

Турниръ не всегда ограничивался однимъ днемъ. Часто на слѣдующій день рыцари предоставляли турнирное поле своимъ оружепосцамъ, которые состязались на коняхъ и въ вооруженіи своихъ господъ. На утро третьяго дня происходилъ общій бой — *m le * — рыцарей и оруженосцевъ, и снова дамы рѣшали окончательно вопросъ о побѣдителяхъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ обычай и законы турнировъ въ дни процвѣтанія рыцарства. Изъ всего сказанного становится яснымъ, до какой степени эти рыцарскія игры должны были вліять на развитіе и распространеніе геральдического искусства и науки. Можно по справедливости сказать, что турниры были *геральдикою въ дѣствіи*.

Подробностями о турнирахъ мы наиболѣе обязаны замѣчательному сочиненію по этому вопросу, которое написано было въ XV-мъ столѣтіи королемъ Ренатомъ Анжуйскимъ (1408—1480 г.), известнымъ подъ именемъ «доброго короля Ренэ». Онъ лишь номинально считался нѣкоторое время королемъ Неаполя, который былъ отнятъ у него Альфонсомъ Арагонскимъ, и провелъ большую часть своей жизни въ своемъ наследственномъ владѣліи, Провансѣ въ южной Франціи. Будучи поклонникомъ поэзіи и искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнымъ любителемъ турнировъ и другихъ рыцарскихъ развлечений, король Ренатъ написалъ между прочимъ весьма обстоятельное сочиненіе о рыцарствѣ, которое собственно ручно украсилъ изящными миніатюрами, изображающими различные сцены изъ жизни рыцарей съ необыкновенною живостью. Эта интересная рукопись XV-го столѣтія дошла до насъ, составляя одно изъ лучшихъ украшеній Национальной ббліотеки въ Парижѣ; (она известна подъ названіемъ „*Touig-*

nois du roi René"). Въ этомъ сочиненіи Ренатъ описываетъ блестящій турниръ, на которомъ онъ самъ имѣлъ предсѣдательство. Въ живомъ разсказѣ турнирнаго состязанія между герцогами Бретонскими и Бурбонскими авторъ знакомитъ насъ до мельчайшихъ подробностей съ ходомъ большаго придворнаго турнира, съ обычнымъ при этомъ церемониаломъ и вооруженіемъ рыцарей. Описаніе турнировъ короля Рената тѣмъ интереснѣе для насъ, что вскорѣ послѣ него этотъ рыцарскій обычай, достигшій тогда своего полнаго блеска, началъ приходить въ упадокъ.

Турниры неоднократно вызывали противъ себя противодѣйствіе со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей, что имѣло причиной частые, бывавшіе при нихъ, смертные случаи. Папа Иннокентій III въ 1140 году и Евгеній III на Латеранскомъ соборѣ въ 1313 году возставали противъ турнировъ и даже произносили отлученія противъ принимавшихъ въ нихъ участіе. Но это не могло остановить этого глубоко укоренившагося обычая. Турниры иадолго пережили свою первоначальную цѣль и сохранялись, какъ національныя развлеченія, и въ послѣдующія времена, когда употребленіе огнестрѣльного оружія и артиллеріи па войнѣ начинало уже вытѣснить прежнюю рыцарскую доблесть съ полей сраженія. Во Франціи турниры еще продолжались при Карлѣ VI-мъ и Францискѣ I, старавшемся воскресить старое рыцарство, и только въ 1559 году, когда на турнирѣ въ Парижѣ король Генрихъ II былъ смертельно раненъ рыцаремъ де Лоржемъ, (графомъ Монгомери) ударомъ копья въ глазъ, (отъ чего король втотъ умеръ чрезъ 11 дней), турииры подверглись окончательному запрещенію. Ихъ замѣнили внослѣдствіи болѣе безопасныя карусели.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о другаго рода военныхъ играхъ рыцарской эпохи, о такъ называемыхъ *joutes* (англ., *joust*, нѣмецк. *gestech*), или поединкахъ между двумя противниками. Но эти поединки не могли, конечно, замѣнить турнировъ, такъ-какъ при нихъ не бывало ни пышной обстановки послѣднихъ, ни раздачи наградъ дамами.

Существовало два рода *joutes*: *joute à l'outrance*, т. е. боевая, и *joute à plaisirance*, т. е. мирная. Первая представляла поединокъ между двумя рыцарями, которые обыкновенно бывали

разныхъ национальностей. Къ этому же роду *joutes* можно причислить въ строгомъ смыслѣ и *судебный поединокъ* и всякую дуэль, какъ законную, такъ и незаконную. Но къ такимъ поединкамъ рыцарство прямаго отношенія не имѣло.

VII.

Съ половины XIII-го столѣтія вліяніе турнировъ на распросраненіе рыцарскихъ гербовъ становится особенно замѣтнымъ. Какъ мы сказали раньше, чрезъ турниры вошелъ въ употребленіе новый типъ рыцарского шлема, такъ-наз. турнирный или рѣшетчатый шлемъ (*Turnier—oder Spannghelm*), который украшался гербовыми эмблемами и вмѣстѣ съ гербовымъ щитомъ служилъ признакомъ «турнироспособности» (*Turnierfähigkeit*), т. е. рыцарского происхожденія носившаго ихъ. Можно сказать, что въ тѣ времена рыцарь и его гербъ, турнироспособность и дворянство являлись почти однозначущими понятіями, особенно если вспомнить, что гербовые щиты и шлемы были тогда тѣльствительными оружиемъ, которое носилось ихъ владѣльцами въ бою и на турнире, а не только лишь символическимъ, какъ это было впослѣдствіи.

Конецъ XIII-го и весь XIV-й вѣкъ представляютъ самую интересную и блестящую эпоху развитія рыцарской геральдики. Книжная образованность была въ то время еще мало распространена и поэтому общепонятный языкъ памятниковъ искусства имѣлъ особое значеніе, а здѣсь мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу геральдическія эмблемы и украшенія, которые вполнѣ соотвѣтствовали вкусу и потребностямъ той эпохи. Этотъ же геральдический вкусъ отразился и въ письменности. Французскій король Иоаннъ II Храбрый (1350—1364) много содѣствовалъ его распространенію чрезъ турниры и другіе рыцарскіе обычай, которые самъ весьма любилъ. При вступленіи на престолъ онъ учредилъ первый во Франціи рыцарскій орденъ Звѣзды. Современные хроники Фруассара, Монстрелэ и Оливье де ла Маршъ изобилуютъ въ своихъ описаніяхъ событій геральдическими подробностями.

Геральдика постепенно становится *образным языком* той эпохи, на которомъ все умѣютъ говорить, понимая значеніе ея знаковъ. Поэтому не удивительно, что она наложила свой отпечатокъ на весь бытъ Среднихъ вѣковъ, во всѣхъ его своеобразныхъ проявленіяхъ.

Во первыхъ, геральдика отразилась на *костюмѣ* того времени. Въ эпоху крестовыхъ походовъ рыцарство Западной Европы, подражая роскошнымъ восточнымъ одеждамъ, стало тоже носить, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, при всевозможныхъ церемоніяхъ и торжественныхъ случаяхъ длинныя туники съ узкими рукавами (*cotte*), сверхъ которыхъ надѣвался такъ называемый *surcot* или *cotte-hardie* (нѣчто вродѣ супервеста). Знатные лица носили таковыя тѣхъ цвѣтовъ, которые соотвѣтствовали ихъ гербу, украся ихъ вышитыми гербовыми фигурами и девизами. Обыкновенные дворяне получали такія геральдическая одежды (*livrées*) отъ королей, или отъ своихъ сеньёровъ, при чёмъ также носили ихъ гербовые цвѣта. Жуенвиль въ жизнеописаніи Людовика IX Святаго разсказываетъ, что на одномъ празднествѣ, данномъ въ честь короля, множество оруженосцевъ и почетной стражи имѣло одѣжды съ гербомъ хозяина праздника, герцога Пуатье. Въ описаніи другаго празднства, устроенного графомъ де Памюръ въ 1187 г., упоминается, что представители Фландріи и Брабанта были въ красныхъ одѣжахъ, усыпанныхъ золотыми леопардами, а прибывшіе изъ Вермандуа—въ зеленыхъ, съ золотыми орлами.

Съ конца царствованія Людовика IX женщины благороднаго происхожденія во Франціи начали носить платья съ изображеніемъ гербовъ: справа — герба мужа, а слѣва — своего. Обычай этотъ распространился и на другія страны. При этомъ гербы, или отдельныя гербовыя фигуры вышивались ими на удлиненномъ супервестѣ, или на самомъ платьѣ. Такъ напр., на одномъ старинномъ изображеніи XIV вѣка мы видимъ даму въ такомъ супервестѣ, состоящемъ изъ двухъ частей: верхняя — изъ горностая, съ пересѣкающимъ ее золотымъ геральдическимъ поясомъ, а нижняя — изъ серебряной парчи съ вышитыми на ней изображеніями льва и трехъ звѣздъ, краснаго цвѣта.

При Карлѣ V во Франціи вошли въ моду костюмы на половину одного, на половину другаго цвѣта (*mi-parti*), которые сначала носились дворянствомъ и его оруженосцами, но вскорѣ распространились и на лицъ городскихъ сословій. При торжественномъ вѣзѣ въ Парижъ Карла VI въ 1377 г. 500 горожанъ встрѣчали короля въ праздничныхъ одеждахъ, по-поламъ бѣлого и лиловаго цвѣта. Самъ вороль облечень былъ въ туннику краснаго цвѣта, а поверхъ ея — въ синюю королевскую мантію, усыпанную золотыми ліліями Франціи.

Впослѣдствіи двухцвѣтныя одежды были замѣнены гербовыми (*habits armoriés*), которые носились во Франціи до временъ Людовика XIII. Позднѣе у дворянства вошло въ обычай одѣвать своихъ слугъ въ гербовыя ливреи и помѣщать гербы на экипажахъ, а именно на дверцахъ варетъ. Конскіе уборы, ошейники собакъ и шапочки охотничихъ соколовъ издавна украшались также гербами. Наконецъ, дворянства различныхъ провинцій Франціи носили при торжественныхъ случаяхъ шарфы присвоенныхъ имъ цвѣтовъ.

Но не только лица благороднаго происхожденія, но также и различныя общины, аббатства, городскія гильдіи и ремесленные цѣхи съ теченіемъ времени пожелали имѣть свои отличительныя эмблемы, которымъ и придавали, слѣдуя общей модѣ, форму гербовъ. Ремесленные цѣхи во Франціи (*communautés de m tiers*) еще въ XIV столѣтіи получили правильную организацію и различные привилегіи отъ королей; въ томъ числѣ имъ дано было право на особые костюмы, или ливреи, и на гербы, которые при торжественныхъ случаяхъ носились или на цѣховыхъ значкахъ, или бanniерахъ. Такъ напр. цѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ г. Парижа получилъ отъ короля Филиппа Валуа гербъ, заключавшій въ себѣ королевскія ліліи въ соединеніи съ золотымъ крестомъ и эмблемами ихъ ремесла: золотыми священными сосудами и коронами, съ девизомъ: «*in sacra inque coronas*», (т. е. священные сосуды и короны — наше издѣліе). Подобные же гербы, такъ называемыя *armes parlantes*, переводящіе на геральдическій языкъ название ремесла или занятія, имѣли и другіе цѣхи: напр. аптекаря — вѣсы и ланцетъ, гвоздари — молотокъ и гвозди,

колесники—боды, фабриканты игральныхъ картъ—фигуры 4-хъ мастей, и т. под. Нерѣдко въ гербахъ ремесленныхъ цѣховъ изображались также святые, почитавшіеся покровителями извѣстнаго ремесла. Иногда нѣсколько цѣховъ одного города, при ихъ немногочисленности, соединялись вмѣстѣ и имѣли тогда одинъ общий гербъ и значекъ, заключавшіе ихъ отдельные эмблемы.

Купеческое сословіе во Франціи также впослѣдствіи получило гербы. Людовикъ XIII, желая поднять значение купечества, въ 1629 г. пожаловалъ 6-ти купеческимъ гильдіямъ г. Парижа гербы, въ которыхъ преобладающею эмблемою былъ корабль Париjskаго городскаго герба въ соединеніи съ знаками ремесль и съ соответствующими девизами. Между богатыми горожанами, въ подражаніе дворянству, давно уже распространился тогда обычай употреблять фамильные знаки на подобіе гербовъ, хотя они и не были узаконены до временъ Людовика XIV. Въ это время французское правительство, сильно нуждавшееся въ деньгахъ, воспользовалось общимъ пристрастиемъ къ гербамъ и за право имѣть таковой стало взимать налогъ, который введенъ былъ въ 1696 г. и далъ тогда правительству громадный доходъ. Но это значительно уронило во Франціи значение гербовъ и составлявшійся въ то время гербовымъ судью *d'Hozier* официальный гербовникъ (*Armorial de France*) переполнился гербами самаго сомнительнаго происхожденія, число которыхъ достигло тогда неимовѣрной цифры.

Такое всеобщее стремленіе употреблять гербы помимо ихъ первоначального, чисто-военного значенія, начавшееся въ Западной Европѣ съ весьма давнихъ поръ, имѣло основаніемъ практическія потребности мирнаго времени. Во первыхъ, гербы служили украшеніемъ, которое вполнѣ соответствовало вкусу той эпохи; а во вторыхъ, являлись общепонятнымъ признакомъ владѣнія, принадлежности извѣстної лицу, сообществу или учрежденію. Отсюда и произошло то характерное явленіе, которое одинъ нѣмецкій писатель весьма остроумно назвалъ: «*вездесущіемъ герба*».

Въ этой мирной области самымъ распространеннымъ и важнымъ примѣненіемъ гербовъ было *сфрагистическое*, т. е. на

печатяхъ. Мы уже упоминали раньше, что первые печати геральдического характера появляются въ Западной Европѣ, начиная съ XI-го вѣка. Заслуживаетъ вниманія, что на этихъ раннихъ печатяхъ мы уже встрѣчаемъ изображенія гербового щита, иногда въ рукахъ какой-либо рыцарской фигуры, а иногда и въ отдѣльности. При этомъ самая форма печати, начиная съ XII-го вѣка, нерѣдко принимаетъ очертаніе современнаго ей боеваго щита. Такъ древнѣйшія печати такого рода, (т. е. щитовидныя), имѣютъ форму *норманского щита*. Когда же въ началѣ XIII-го вѣка вошли въ моду трехъугольные щиты, то и печати приняли эту форму. Впослѣдствіи послѣдня сюда возвращаются въ круглой формѣ, но съ изображеніемъ на нихъ того же гербового щита. Изъ сказаннаго яствуетъ, что въ Западной Европѣ первоначальнѣй носителемъ герба былъ рыцарскій щитъ, а уже впослѣдствіи гербы переходятъ и на печати, тогда какъ у насъ, въ Россіи, наблюдается обратное явленіе. Многіе эмблемы нашихъ древнѣйшихъ княжескихъ и городскихъ печатей впослѣдствіи перешли въ гербы княжескихъ и дворянскихъ фамилій, а также и городовъ.

На Западѣ гербовыя печати сначала употреблялись лишь владѣтельными особами и представителями знатнѣйшихъ фамилій; во всеобщее же употребленіе онѣ вошли лишь со времени введенія наслѣдственности гербовъ и это имѣло большое вліяніе на развитіе гербового дѣла вообще. Употребленіе гербовыхъ печатей положило прочное основаніе выработавшемуся тогда, въ особенности въ Германіи, понятію о значеніи наслѣдственного родового герба, а также установило *геральдическую связь щита и шлема* въ гербѣ и орнаментальное развитіе шлемнаго намѣта.

Другимъ примѣненіемъ гербовъ въ той же мирной области было *пумизматическое*, т. е. на монетахъ. Первые французскія монеты съ изображеніемъ на нихъ королевскаго герба, геральдическихъ лілій, восходятъ къ XII-му вѣку. Нѣкоторые авторы предполагали, что король Людовикъ VII избралъ эту гербовую эмблему, какъ «armes parlantes», по созвучию названія ліліи — *lis* съ своимъ именемъ (*Loys*). Но какъ бы то ни было, всѣ преемники этого короля стали помѣщать ліліи на своихъ монетахъ, иногда въ

видъ отдельной фигуры, или укращеній, а иногда на гербовомъ щитѣ, при чемъ различіе замѣчается лишь въ количествѣ лілій. Такъ на золотомъ флоринѣ Людовика IX-го Святаго ихъ шесть, на такъ наз. *если* Филиппа VI Валуа все поле щита усѣяно ліліями и, наконецъ, съ Карла V число ихъ окончательно устанавливается на трехъ.

Феодальная эпоха въ Западной Европѣ вообще изобилуетъ монетами съ изображеніемъ гербовъ. Какъ известно, многіе феодальные владѣтели получали отъ императоровъ и королей право чеканить свою монету, на которой и помѣщали свои гербы, которые нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ становились и гербами владѣемыхъ ими провинцій, городовъ и другихъ населенныхъ мѣстъ. Отсюда понятно, какое значеніе приобрѣтаютъ гербы при изученіи исторіи различныхъ государствъ Западной Европы, территоріальный составъ которыхъ часто измѣнялся.

Упомянемъ здѣсь также о многочисленныхъ жестокахъ ремесленныхъ цѣховъ и различныхъ корпорацій, раздававшихся имъ членамъ, а также въ награду за извѣстныя заслуги (*штегэахъ*), которые появляются во Франціи со временемъ Филиппа Валуа: они также украшались изображеніями гербовъ.

Перейдемъ теперь къ примѣненіямъ геральдическихъ убраншений въ болѣе обширной области *архитектурныхъ* памятниковъ и различныхъ предметовъ домашняго быта. Изображенія гербовъ стали весьма обычными въ средневѣковомъ зодчествѣ, появляясь въ видѣ скульптурныхъ или живописныхъ укращеній на зданіяхъ, какъ въ замкахъ богатыхъ и знатныхъ лицъ, такъ и въ болѣе скромныхъ жилищахъ низшаго дворянства и горожанъ. Мы уже упоминали о томъ, что города имѣли свои гербы, которыми они пользовались на своихъ печатяхъ и знаменахъ, а также помѣщали таковые на общественныхъ зданіяхъ и городскихъ воротахъ. Но помимо этого, и дома частныхъ лицъ въ городахъ нерѣдко украшались гербами ихъ владѣльцевъ и при томъ не только дома именитыхъ горожанъ или патриціевъ, но и простыхъ купцовъ и ремесленниковъ. Этотъ обычай особенно распространень былъ въ Германіи. Такія изображенія гербовъ на щитахъ, помѣщавшихся обыкновенно надъ входами домовъ, служили по-

следнимъ отличительными признаками и назывались домовыми щитами (*Hauschilde*); отъ нихъ часто получала свое название и улица старинного нѣмецкаго города. Этотъ обычай различать дома по гербамъ весьма долго удерживался въ нѣкоторыхъ древнихъ городахъ и имѣеть близкое отношеніе къ весьма распространеннымъ въ средневѣковой Германиѣ и нѣкоторыхъ соседнихъ странахъ такъ называемымъ *домовымъ знакамъ* или *маркамъ* (*Hausmarken*). Эти домовые марки, завѣячившіяся обыкновенно въ какомъ-нибудь не замысловатомъ знакѣ, (нѣчто въ родѣ тамги), или буквы, рѣже въ изображеніи предмета изъ домашняго обихода или ремесла, въ древнѣйшія времена были во всеобщемъ употребленіи и всегда были связаны съ какимъ-нибудь владѣніемъ, ииѣя преимущественно личный характеръ. Такія марки имѣли и многія рыцарскія фамиліи Германиѣ, которые сохранили ихъ и въ позднѣйшее время въ своихъ наследственныхъ гербахъ; здѣсь эти знаки, сиыслѣ которыхъ часто оставался загадочнымъ, получили значеніе геральдическихъ фигуръ. Но у высшаго сословія эти домовые марки совершенно вытѣснены были наследственными гербами и они удержались въ своемъ прежнемъ значеніи только у городскихъ сословій и у поселянъ, владѣвшихъ недвижимою собственностью. У горожанъ эти знаки нерѣдко геральдизировались и помѣщались ими на домовыхъ щитахъ. Отсюда произошли въ большинствѣ случаевъ въ городахъ Германиѣ гербы бурггеровъ (*bürgerliche Wappen*), которые впослѣдствіи санкционировались высшою властью особыми грамотами, подобно дворянскимъ (съ XVI-го вѣка). Въ Средніе вѣка потребность въ гербахъ для городовъ вызывалась ихъ торговыми сношеніями и войнами, въ которыхъ они нерѣдко вовлекались.

Кромѣ упомянутыхъ домовыхъ марокъ, мы встрѣчаемъ въ Германиѣ еще особые знаки отличія, которые давались въ видѣ награды горнозаводскимъ цѣхамъ (*Steinmetzzeichen*), также имѣвшіе характеръ гербовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе появляются на печатахъ, начиная съ XIV-го столѣтія.

Но возвратимся къ примѣненію гербовъ въ древнемъ зодчествѣ.

Общественные зданія, церкви, замки и дома владѣтельныхъ

и знатныхъ лицъ въ Средніе вѣка вообще изобиловали геральдическими убраншениями. Въ то время существовалъ обычай помѣщать таковыя на росписныхъ стеклахъ оконъ, ставняхъ, дверяхъ, барниахъ и другихъ архитектурныхъ украшенияхъ. Не мало подобныхъ памятниковъ средневѣковой геральдики сохранилось до нашего времени. Такъ напр. въ замкѣ Амbrasъ, наследственномъ владѣніи Австрійскаго царствующаго дома, мы видимъ донъинъ ярко-красный щитъ съ бѣлымъ поясомъ Габсбургскаго фамильного герба; яа древнемъ зданіи рыцарскаго капитула нѣмецкаго ордена близь Ботцена (въ Тиролѣ)—черный крестъ Тевтонцевъ въ бѣломъ полѣ; на общественномъ зданіи въ Альтдорфѣ, въ кантонѣ Ури (въ Швейцаріи) видныются на далекое разстояніе ворота желтаго цвета, на которыхъ изображенъ гербъ кантона — громадная бычачья голова. Въ Богеміи, въ древнемъ замкѣ Карлштейнѣ сохранилась старинная входная дверь, которая прибитыми къ ней желѣзными полосами раздѣляется на ромбы: въ каждомъ изъ нихъ, неперемѣнно на золотомъ и красномъ полѣ, изображены черные орлы и бѣлые львы гербовъ Германской имперіи и Богемскаго королевства.

Нерѣдко въ замкахъ владѣтельныхъ лицъ, на стѣнахъ главнаго зала изображались гербы родственныхъ имъ фамилій, а также вассаловъ и союзниковъ. Обычай этотъ въ Германіи восходитъ къ XIII вѣку. Такъ напр. ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій украсилъ залъ своего Ротенбургскаго замка гербами вассаловъ и подвластныхъ ему городовъ. Въ городской ратушѣ г. Вимпфена въ XVI вѣкѣ написаны были стѣнною живописью гербы городскихъ судей и именитыхъ гражданъ.

Въ концѣ XVI-го столѣтія построены были въ Тиролѣ кардиналомъ—епископомъ Трентскимъ роскошный замокъ Вельтурнъ, въ отдѣлкѣ котораго принадли участіе всѣ известные въ то время мастера Германіи. Гербъ стропителя, епископа видныется здѣсь всюду: на воротахъ, дверяхъ, окнахъ, печахъ, потолкахъ, мебели и даже на флюгерахъ башенъ и дымовыхъ трубъ. Особенно замѣчательна своими изящными геральдическими украшениями маюликовая печь, работы *Личдорфера*, въ приемномъ залѣ епископа. Но подобныхъ примѣровъ примѣнений геральдики въ ар-

хитентурѣ можно было бы привести еще множество: вся Западная Европа изобилуетъ ими.

Гербами укращались также дверные ручки и затворы. Еще многочисленнѣе, конечно, геральдическія укращенія на предметахъ домашняго обихода: па мебели, коврахъ, ларцахъ, кубкахъ, цѣнной посудѣ и переплетахъ книгъ. Нельзя также не упомянуть здѣсь объ одномъ специальному примѣненіи гербовъ, на табѣ называемыхъ библіотечныхъ знакахъ, или *ex-libris*, которые вклейвались въ книги, какъ знакъ принадлежности извѣстному лицу, или учрежденію. Древнѣйшіе изъ такихъ *ex-libris* въ Германіи относятся къ XV-му вѣку и заключаютъ въ себѣ изображенія гербовъ, воспроизведенныхъ гравюрою на деревѣ. Такъ напр. библіотечный знакъ картезіанскаго монаха Бранденбурга изъ Вюртемберга (1470 г.) изображаетъ ангела, держащаго гербовый щитъ, (на которомъ серебряный быкъ въ голубомъ полѣ); часто также встрѣчаются говорящія эмблемы (*armes parlantes*) и отдельныя геральдическія фигуры и девизы. Вообще гербы на библіотечныхъ знакахъ встрѣчаются чаще всего. Говоря о книгахъ, будеть кстати упомянуть также о водяныхъ знакахъ на старинной бумагѣ, которые часто изображали геральдическія эмблемы: короны, кресты, звѣзды, змѣи, львы, голову быка и т. под. Они встрѣчаются на бумагѣ съ конца XIV вѣка и служили для различенія ея сортовъ и назначенія. Въ рукописныхъ памятникахъ: хроникахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, дипломахъ на двоинство и другихъ актахъ государственного и частнаго быта гербы встрѣчаются во множествѣ, иногда въ изящной миніатюрѣ, а иногда въ художественномъ соединеніи съ заглавными буквами рукописи.

Любопытное примѣненіе художественной геральдики въ Средніе вѣка и послѣдующее время представляютъ игральные карты. Онѣ проникли, какъ извѣстно, въ Европу съ Востока въ эпоху крестовыхъ походовъ подъ названіемъ *paiyi* и первое время, до XV-го вѣка, еще сохраняли свой восточный отпечатокъ, (такъ напр. полумѣсяцъ замѣнялъ на нихъ бубень, а трефъ имѣлъ арабскую четырехъконечную форму). Съ XV-го вѣка карты, (первоначально называвшіяся — *tarots*) получили всеобщее рас-

пространеніе въ Западной Европѣ, особенно послѣ того, какъ онѣ вошли въ моду при дворѣ французскаго короля Карла VI, впавшаго въ слабоуміе.

Въ эту эпоху на игральныхъ картахъ появляются художественные изображенія фигуръ игры въ видѣ историческихъ личностей съ ихъ дѣйствительными, или фантастическими гербами, каковы Готфридъ Бульонскій, рыцарь Дюнуа, король Альфредъ, Карлъ Великій, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь и т. под. Самые знаки мастей превращались иногда въ геральдическія фигуры: такъ напримѣръ, трефы изображали листья на геральдическомъ деревѣ герба извѣстной Агнесы Сорель, представлявшейся въ видѣ трефовой дамы на бартахъ времени Карла VII. На картахъ изображались также отдельно гербы изобрѣтателей той или другой игры, и чаще всего съ гербовыми щитами въ рукахъ изображались валеты. Вообще карты разныхъ эпохъ и странъ вездѣ воспроизводятъ характеръ костюмовъ и стиля соответствующаго времени. Такъ напр. въ Германіи на картахъ XVI вѣка мы видимъ ландсбнхтовъ въ ихъ характерномъ костюмѣ, а во Франціи XVII-го в.—костюмы эпохи Людовика XIV-го.

Намъ остается упомянуть о примѣненіяхъ гербовъ въ церквиахъ и на надгробныхъ памятникахъ. На Западѣ иногда гербы умершихъ вѣшались въ церквиахъ съ обозначеніемъ дать смерти и титуловъ ихъ владѣльцевъ, что служило для генеалогическихъ цѣлей, сохраняя свѣдѣнія о родѣ. Гербы помѣщались также на различныхъ предметахъ церковной утвари дляувѣковѣченія памяти церковныхъ строителей и жертвователей. Съ XV-го вѣка гербы начинаютъ встрѣчаться и на церковныхъ колоколахъ. Но особенно большое примѣненіе гербы имѣли на надгробныхъ памятникахъ.

Въ Средніе вѣка гробницы очень часто украшались скользитурными изображеніями умершихъ. Такіе памятники встрѣчаются съ XIV-го столѣтія и весьма многочисленны во Франціи, Германіи, Италии и въ особенности въ Англіи, где мы встрѣчаемъ ихъ даже въ простыхъ сельскихъ церквиахъ. Они воздвигались не только лицамъ рыцарскаго сословія, но также и духовными, богатыми горожанами и бупцами. Иногда они имѣли форму над-

гробныхъ плитъ, украшавшихся скульптурными изображеніями фигуръ и гербовъ, которые расписывались красками; но для лицъ болѣе знатныхъ изъ духовенства и высшаго дворянства сооружались обыкновенно въ церквахъ болѣе пышные памятники, иа подобіе саркофага, надъ которымъ возвышался баудахинъ. На подобныхъ памятникахъ мы видимъ высѣченныя изъ камня рыцарскія фигуры въ вооруженіи и въ различныхъ положеніяхъ, то лежащими, то колѣнопреклоненными; иногда по двѣ фигуры вмѣстѣ: отца съ сыномъ, мужа съ женою.

Памятники эти представляютъ особенный интересъ для познанія костюма и вооруженія тѣхъ временъ, а съ нашей точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія украшающіе ихъ гербы и геральдическая эмблемы. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ такихъ памятниковъ въ Англіи представляетъ гробница знаменитаго Чернаго Принца, сына короля Эдуарда III, находящаяся въ Кантерберійскомъ соборѣ. На саркофагѣ, увенчанномъ по бокамъ исключительно гербовыми щитами, покоятся воинственная фигура этого героя рыцарскихъ временъ въполномъ позолоченномъ вооруженіи; строгое лицо его тѣсно обрамлено кольчужною бармицей, а голова, съ надѣтымъ боевымъ шлемомъ съ небольшою короной, покоятся на турнирномъ шлемѣ, который служить ей какъ-бы изголовьемъ. Шлемное увѣнчаніе послѣдняго составляетъ фигура коронованного леопарда, стоящаго на четырехъ лапахъ, съ открытымъ зѣвомъ. Наконецъ, гербовая туника, покрывающая широкую грудь и спускающаяся до бедръ, показваетъ гербы Англіи и Франціи: леопардовъ въ красномъ полѣ и лилии въ голубомъ, расположенные на-крестъ. Только эти гербы и драгоценныя камни на коронѣ были раскрашены, все же остальное вызолочено. Памятникъ этотъ замѣчателенъ по своей художественности и тщательности отдѣлки во всѣхъ его подробностяхъ.

Два древнихъ геральдиста: *Favyn* въ сочиненіи: „*Theatre d'honneur*“ и *La Colombiere* въ своей „*Science héroique*“ даютъ любопытное толкованіе тѣхъ различныхъ типовъ, которые представляютъ рыцарскія изображенія на такихъ гробницахъ. По ихъ объясненію, различныя положенія фигуръ и подробности вооруженія на надгробіяхъ соответствовали роду смер-

ти изображенного на нихъ лица. Такъ, если рыцарь умиралъ въ бою, то изображался въ полномъ вооруженіи, со шлемомъ на головѣ и кольнопреклоненнымъ; умершій во время войны отъ раны или болѣзни, изображался лежащимъ въ боевомъ вооруженіи, но только безъ шлема и боевыхъ рукавицъ, которые помѣщались возлѣ него. Наконецъ, умиравшій мирною смертью въ своемъ замкѣ, изображался лежащимъ въ своей гербовой тунике и парадномъ доспѣхѣ, имѣя шлемъ и шпоры въ ногахъ и опираясь послѣдними на изображенія домовыхъ собакъ. Иногда подъ ногами рыцарскихъ фигуръ помѣщались символическая животныя: львы, собаки, драконы, грифы и т. под., означавшія его побѣду надъ врагами, или олицетворявшія его качества. Эти символическая животныхъ встрѣчаются на гробницахъ, начиная съ XIII-го вѣка и назывались во Франціи — *cagnets*. Гербы помѣщались обыкновенно на особыхъ щиткахъ надъ головою рыцаря, поконившегося на турнирномъ шлемѣ, по бокамъ этого послѣднаго¹). Прибавимъ, что средневѣковые гробницы не всегда съѣдуютъ этимъ обычнымъ типамъ, представляя не мало вариантовъ. Памятники зодчества и скульптуры надгробій достигаютъ апогея своего совершенства въ XV вѣкѣ; къ этому времени относятся великолѣпные гробницы герцоговъ Бургундскихъ и Беррійскихъ въ г. Буржѣ, во Франціи.

Въ Средніе вѣка мы встрѣчаемъ замѣчательный обычай, который показываетъ, насколько гербъ тѣсно связанъ былъ съ жизнью личностью. Когда какой-либо рыцарскій родъ угасалъ въ лицѣ послѣдняго своего представителя, то, при погребеніи, гербовый щитъ и шлемъ его сокрушали и вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго опускали въ могилу. Обычай этотъ весьма напоминаетъ подобный же, существовавшій у Римлянъ и отъ нихъ перешедшій къ Франкамъ — погребать вмѣстѣ съ умершимъ его печать и перстень.

¹⁾ Въ началѣ средневѣковой эпохи на гробницахъ помѣщался обыкновенно на щитѣ только одинъ гербъ; впослѣдствіи стали помѣщать также материнскій и, наконецъ, вошли въ обычай помѣщать по четыре и болѣе гербовъ предковъ умершаго, которые располагались въ извѣстномъ порядке.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи обычай погребенія герба угасшаго рода удержался еще до нашихъ дней.

Въ прежнее время геральдику отводилось почетное мѣсто среди наукъ, преподававшихся дворянству Западной Европы. Но въ то время также и лица другихъ сословій, какъ мы видѣли, встрѣчали въ ней надобность. Въ эпоху процвѣтанія геральдики гербы изображались везде и на всемъ; отсюда ясно, что для художниковъ, граверовъ, ваятелей, зодчихъ, ткачей и другихъ многочисленныхъ представителей прикладныхъ искусствъ знакомство съ главнѣйшимъ геральдическимъ правилами являлось совершенно необходимымъ.

Въ 1789 году французская революція, казалось, навсегда упразднила геральдику въ этой странѣ; но уже очень скоро затѣмъ она снова возродилась во Франціи, хотя и на нѣсколько иныхъ началахъ, созданныхъ Наполеономъ I.

Послѣ всего сказанного уже не будетъ затруднительнымъ опредѣлить то мѣсто, которое принадлежитъ геральдику въ общей системѣ наукъ и искусствъ.

Мы уже говорили въ началѣ нашихъ членій о значеніи ея въ области культуры исторіи, и все сказанное нами послѣ того служить подтвержденіемъ этого взгляда.

Являясь затѣмъ вспомогательною дисциплиною для генеалогіи, геральдика пріобрѣтасть значеніе таковой и для исторіи вообще.

Гербы, какъ мы видѣли, встречаются на печатяхъ, монетахъ, гробницахъ и множествѣ другихъ памятниковъ исторіи и искусства: безъ знанія геральдики таковые остаются мало понятными, а иногда и совершенно неъяснимыми. Отсюда очевидно, какъ важна геральдика при изученіи сфрагистики, нумизматики и археологіи. Дипломатика и палеографія также не могутъ быть съ успѣхомъ изучаемы безъ геральдики: гербы безпрестанно встречаются на актахъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ.

Но геральдика является не только научною дисциплиною, но также и искусствомъ, ибо имѣть, бромъ того, предметомъ

своимъ дѣйствительное изображеніе герба на основаніи извѣстныхъ правилъ. Всякое изображеніе стремится достигнуть извѣстной красоты: красивымъ же признается то, что удовлетворяетъ чувству пзящнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлесообразныиъ. Соответственно съ этими требованіями, и въ геральдикѣ были издавна установлены опредѣленныя правила. Поэтому въ геральдикѣ красивымъ признается то, что *геральдически правильно*, а некрасивымъ — геральдически неправильное.

Что геральдика есть дѣйствительно искусство, видно уже изъ того, что для воспроизведенія гербовъ ей необходимо прибегать къ посредству одного изъ прикладныхъ искусствъ: живописи, ваянію, или зодчеству. Первоклассные художники прежніхъ временъ, каковы Альбертъ Дюреръ, Гансъ Бальдунгъ, оба Фишеры и другіе не пренебрегали въ своемъ искусствѣ геральдикою, о чёмъ свидѣтельствуютъ изящныя изображенія гербовъ, которые мы видимъ на ихъ рисункахъ и гравюрахъ. Въ новѣйшее же время незнакомство художниковъ съ геральдикой приводило ихъ нерѣдко къ прискорбнымъ промахамъ, чemu можно было бы привести немало примѣровъ. Такъ, на одной исторической скульптурѣ новѣйшаго времени, изображающей эпизодъ изъ эпохи реформаціи, извѣстный Тетцель, продававшій папскія индульгенціи въ Германіи, представлена съ церковнымъ знаменемъ, на которомъ, вместо герба папы Льва X-го изъ фамиліи Медичисовъ, художникъ помѣстилъ гербъ папы Пія IX-го¹⁾. На исторической картинѣ фонъ-Вернера: «Лютерь на сеймѣ въ Ворисѣ» сѣнь надъ трономъ императора Карла V украшена нынѣшнимъ гербомъ Австрійской имперіи.

Что же касается до подобныхъ анахронизмовъ при театральной постановкѣ историческихъ піесъ, то ихъ и не перечтешь.

Извѣстный геральдистъ XVII вѣка *Menestrier*, котораго мы уже не разъ упоминали, въ своемъ сочиненіи: «*L'art du blason*» старается опредѣлить ту обширную область разнообразныхъ знаний, которую, по его мнѣнию, геральдика должна включать въ

¹⁾ Эта скульптура, работы *Calandrelli* украшаетъ фасадъ зданія ратуши въ Берлинѣ.

себѣ. Геральдика, по его словамъ, есть нѣчто сходное съ энциклопедіей. Она имѣть свою особую теологію, объясняющую ея таинственные символы, свою философію — разсматривающую свойства ея фігуры; свою юриспруденцію — опредѣляющую права на пользованіе гербомъ, особыми отлічительными знаками и титулами. Ея геометрія разсматриваетъ геральдическія фігуры и ихъ расположение на гербовомъ щитѣ, ея ариѳметика — ихъ число, исторія — ихъ происхожденіе и причины; географія — тѣ страны и мѣстности, откуда извѣстныя фампліи ведутъ свое начало, гдѣ живутъ и буда распространялись отдельныя ихъ отрасли. Наконецъ, ея грамматика даетъ объясненіе всѣхъ принятыхъ въ ней специальныхъ терминовъ и раскрываетъ ихъ начала.

Конечно, съ того времени, когда писалъ Мѣнестріє, взглѣдъ на геральдику и научная ея постановка нѣсколько измѣнились. Сдѣлавшее въ наше время значительные успѣхи научное изученіе историческихъ авторовъ, печатей, монетъ, родословій и археологическихъ памятниковъ требуетъ отъ геральдики болѣе строгаго и критического отношения къ ея материалу. «Вся совокупность геральдическихъ познаній, собиравшаяся терольдами, говоритъ *Bernd*, оставалась почти до нашего времени сухимъ перечнемъ однихъ только внешнихъ особенностей гербовъ, имѣвшихъ цѣлью служить лишь прикладному искусству. Хотя при этомъ въ старинныхъ геральдикахъ и шла рѣчь о толкованіяхъ гербовъ, основанныхъ на ихъ символизмѣ и часто совершенно произвольныхъ, а равно излагались и правила, принятые въ гербовомъ дѣлѣ, однако всѣ эти свѣдѣнія приводились безо всякой внутренней связи и безъ узазаній на важнѣйшее и наиболѣе существенное. Въ нихъ недоставало также исторической обоснованности и цѣльности, которая придавала бы этому знанію строго научный характеръ».

Только въ послѣдніе времена специальные труды по геральдикѣ *Бернда*, *Гефнера*, *Зейлера*, *Сакена* и другихъ поставили ее на правильный путь и подняли на должную научную высоту.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ во Франціи, геральдика пережила дворянство, которое ее создало и вызывало ея необходимость. Тѣмъ не менѣе она продолжаетъ существовать

и здѣсь, утративъ свое прежнее значеніе, но представляя художественный и изящный памятникъ прошлого и интересный пережитокъ Среднихъ вѣковъ.

Геральдика, по выражению одного современного французского писателя, (*Gérard de Nerval*), представляетъ блюстъ къ исторіи Франціи, и это весьма вѣрное замѣчаніе можетъ быть приложено въ большей или меньшей мѣрѣ и къ другимъ европейскимъ странамъ, въ которыхъ она получила историческое развитіе.

Геральдика есть также своего рода символическій международный языкъ, таѣ-какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ, мы встрѣчаемъ въ ней одни и тѣ же фигуры и эмблемы, передающія изъ рода въ родъ высокія понятія реалгіи, рыцарской чести и любви къ родинѣ.

VIII.

Окончивъ нашъ обзоръ геральдики въ ея историческомъ развитіи, перейдемъ теперь къ изученію ея *теоріи*. Прежде всего мы остановимся на опредѣленіи понятія о гербѣ и покажемъ, какихъ родовъ таковые бываютъ. Затѣмъ перейдемъ къ опредѣленію предмета геральдики, какъ науки, и къ ознакомленію съ ея пѣсточниками.

Гербами называются особыя фигуры или символическія изображенія, представленныя на основаніи извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ правилъ и служащія постоянными отличительными знаками отдельному лицу, роду, сообществу или учрежденію, а также городу, области, или цѣлому государству.

Подобныя гербовыя изображенія, какъ мы уже видѣли, первоначально помѣщались на оружіи, преимущественно на щитѣ и шлемѣ. Отсюда и название герба почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ произошло отъ слова, обозначающаго *оружіе*, а именно, по нѣмецки — *wappen* отъ *waffen*, по французски — *armoiries*, *armes*, на англійскомъ — *arms*, на итальянскомъ — *arma*, на шведскомъ — *vapen*; (по латыни гербъ пере-

водится чрезъ: *arma* и *armorum insignia*, т. е. отличительные знаки оружия¹⁾.

Понятие о гербѣ, завлъчающемъ въ себѣ щитъ и шлемъ, какъ иѣчто объединенное, цѣлое, встрѣчается не ранѣе конца XIII-го вѣка. До тѣхъ порь отлѣпчительныя фигуры и украшениа шлема и щита разсматривались, какъ двѣ совершенно самостоятельныя эмблемы.

Такія изображенія, даже въ томъ случаѣ, когда они слу-жать отличительными знаками, (напр. для военачальниковъ), еще не соотвѣтствуютъ отсюда тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *гербъ*; таковыиъ отличительный признакъ становится лишь въ томъ случаѣ, если онъ утвержденъ за извѣстныиъ лицомъ, фамиліею, сообществомъ и т. д. высшею государственою властью, какъ постоянный и неизмѣнныиъ, т. е. когда пользованіе тако-выми являемся извѣстнымъ исключительнымъ правомъ. Въ та-комъ смыслѣ гербы вошли въ обычай приблизительно съ 1400 г.

По общепринятому правилу, гербъ утверждается и жалуется главою государства, какъ исключительное право того, который получаетъ его, и поэтому находился и донынѣ находится подъ особымъ государственнымъ контролемъ.

Гербы всегда имѣли значеніе особаго отличительного знака и давались именно, какъ таковые. Гербомъ, пожалованнымъ опре-дѣленному лицу (фамиліи и т. д.) никто иной не могъ пользо-ваться, если не получалъ на это дозволенія владѣльца герба, и лишь не иначе, какъ на извѣстныхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ основаніяхъ, или же только съ разрѣшенія высшей государствен-ной власти и въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда на этомъ основы-валось извѣстное законное притязаніе. Такія основанія для поль-зованія гербомъ имѣютъ силу и въ настоящее время. Если слу-чалось, что гербы, принятые двумя различными фамиліями, оказы-вались совершенно сходными, то имѣли примѣненіе извѣстные различительные способы, состоявшіе въ измѣненіи гербовыхъ цвѣтовъ, или въ добавленіи извѣстнаго дополнительнаго знака (*Beizeichen, brisure*). Такимъ образомъ образовалось то безчи-

¹⁾ Объясненія слова *гербъ* даво было нами выше, въ лекціи III.

сленное количество различающихся между собою гербовъ, каковыхъ известно по меньшей мѣрѣ до 200 тысячъ.

На пользованіе гербомъ имѣютъ право, какъ *отдельныя лица*, такъ и корпораціи, общины, города и страны. Поэтому можно подраздѣлить гербы на слѣдующіе роды:

1. Гербы *государственные* (*Herrschaftswappen, armes de domaine*), представляющіе геральдическія эмблемы земель, вошедшихъ въ составъ государства. Гербы эти часто служить вмѣстѣ съ гербами коронованныхъ особъ, стоящихъ во главѣ государства.

2. Гербы *мѣстные* (*Länderwappen*), присвоенные городамъ, областямъ, губерніямъ, епископствамъ и т. д.

3. Гербы *сообщества* (*Gesellschaftswappen, armes de communauté*), принадлежащіе различнымъ корпораціямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, цѣхамъ, ученымъ учрежденіямъ и т. п.

4. Гербы *фамильные* или родовые (*Geschlechtswappen, armes de famille*), переходящіе по наслѣдству лицамъ одного рода. Въ Западной Европѣ различаются, кроме того, *личные* гербы (*Personalwappen, armes personnelles*), къ каковымъ относятся гербы епископовъ и другихъ духовныхъ сановниковъ.

На основаніи нѣкоторыхъ особыхъ признаковъ, относящихъ къ происхожденію и назначенію гербовъ, въ западной геральдикѣ принято еще различать между ними слѣдующіе:

Союзные или брачные гербы (*Allianz oder Heiratswappen*), состоящіе изъ соединенныхъ гербовъ лицъ, вступившихъ въ брачный союзъ. Такого рода гербы въ старину увѣковѣчивали въ известной фамиліи бракъ съ какою-либо знатною особою и встрѣчаются особенно часто въ Италии и Австріи. Такъ напр., въ гербѣ князей *Piccolomini* включенъ, какъ брачный, гербъ королевства Арагонскаго, по случаю брака одного изъ представителей названного рода съ арагонскою принцессою. Въ Англіи и въ настоящее время наследница известнаго знатнаго дома (*heiress*) присоединяетъ свой гербъ къ гербу мужа, въ качествѣ брачнаго.

Наслѣдственно-владельческие гербы (*Erbschaftswappen, armes de succession*), которые принимаются вмѣстѣ съ унаслѣдо-

ваніемъ извѣстнаго родового владѣнія. Такъ напр. въ гербу князей *Lamberg* въ Австріи, состоящей изъ трехъ отдѣльныхъ щитовъ, одинъ изъ нихъ заключаетъ присоединенный чрезъ наслѣдство гербъ фамиліи *Scala*. Иногда присоединяется весь гербъ наследодателя, а иногда только нѣкоторыя эмблемы изъ него.

Гербы притязанія (Anspruchswappen, armes de prétention), показывающіе притязаніе на какое-либо спорное, или прежде существовавшее владѣніе. Напр., когда король датскій Христіанъ II въ 1520 г. сдѣлался одновременно и королемъ шведскимъ, то принялъ въ свой гербъ дополнительно и гербъ Швеціи: 3 золотыя короны въ голубомъ полѣ; когда же Швеція вскорѣ опять отдѣлилась оть Даніи, послѣдняя сохранила однако въ своемъ гербу шведскія эмблемы, какъ гербъ притязанія. Подобнымъ же образомъ короли Англіи до 1800 года присоединяли къ своему гербу французскій королевскій гербъ, (3 золотыя лиліи въ голубомъ полѣ), хотя издавна утратили свои прежнія владѣнія во Франціи. Точно также испанскіе короли присоединяли къ своему—гербъ Португаліи и Іерусалимскаго королевства; короли Сардиніи—гербъ Кипра и т. д. Когда такие гербы не выражаютъ болѣе дѣйствительнаго притязанія, то называются иногда гербами *воспоминанія (Gedächtnisswappen, armes de souvenir)*.

Гербы покровительства, или пожалованія (Schutz—u. dpa-dene., armes de patronage et de concession), которые жаловались какимъ-либо государемъ, какъ знакъ покровительства, или особаго отличія и заключались по большей части въ соизволеніи помѣщать въ гербу рода, извѣстнаго города, или корпораціи—гербъ самого государя. Въ Западной Европѣ подобные гербы весьма многочисленны и связаны обыкновенно съ историческими воспоминаніями. Такъ напр. фамилія *d'Estaing* во Франціи имѣеть въ верхней части (главѣ) своего герба пожалованную ей королевскія лиліи, въ память того, что одинъ изъ рыцарскихъ предковъ этой фамиліи спасъ жизнь королю Филиппу-Августу въ битвѣ при Бувинѣ (1214 г.). Первоначальный гербъ королевства Арагоніи состоялъ изъ золотаго щита безо всякой фигуры на немъ, но императоръ Карль Лысый, будучи свидѣтелемъ ге-

ройскихъ подвиговъ Готфрида Арагонскаго въ битвѣ съ Норманнами, омочилъ четыре пальца въ крови, истекавшей изъ ранъ этого принца, и провелъ ими сверху внизъ по его щиту: съ того времени короли Арагоніи стали употреблять гербъ: въ золотомъ полѣ четыре червленые столба (pals); отъ нихъ онъ перешелъ и въ гербы графовъ Барселоны и Прованса.

Интересенъ также весьма выразительный гербъ, пожалованыи королемъ Фердинандомъ и кор. Изабелло испанскимъ знаменитому *Христофору Колумбу* въ возданіе его заслугъ, вмѣстѣ съ титуломъ вице-короля ново-открытыхъ имъ странъ. Гербъ этотъ заключалъ въ верхней половинѣ 4-хъ частнаго щита королевскія эмблемы Кастиліи (замокъ) и Леона (льва), а въ нижней, въ правой части, въ зеленомъ полѣ, изображающемъ море, 5 серебряныхъ острововъ, а въ лѣвой—въ голубомъ—5 золотыхъ якорей. Гербъувѣничивался шлемомъ, украшеніе котораго изображало земной шаръ и надъ нимъ крестъ; девизъ съ лаконическою простотою гласилъ: «*Por Castilla, y por Leon. nuevo mundo hallo Colon*», т. е. для королевствъ Кастиліи и Леона Колумбъ открылъ новый свѣтъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ интереснаго историческаго герба, дарованнаго въ XIV вѣкѣ шотландской фамилии *Douglas*. Король Шотландіи Робертъ Брюсъ въ 1329 г. на своемъ смертномъ одрѣ поручилъ храброму рыцарю Дугласу Чёрному, въ исполненіе даннаго имъ обѣта, перенести въ Святую землю часть его останковъ, а именно, его сердце. Послѣ кончины короля, Дугласу было ввѣreno королевское сердце, и онъ отправился въ Палестину, неся его на своей груди въ серебриномъ ковчежцѣ. Но ему не суждено было достигнуть Святой земли. Въ Андалузіи, гдѣ онъ присоединился съ своимъ отрядомъ къ Испанцамъ, ихъ встрѣтило сплошное войско Мавровъ, и онъ погибъ въ жестокой сѣчѣ, держа въ рукахъ до послѣдней минуты сердце своего короля. Съ этихъ поръ родъ Дугласовъ имѣеть въ своемъ гербѣ червленое сердце, увѣничанное королевскою короною, и девизъ: «*исполнить, или умереть*» (*«do, or die»*).

У насъ, въ Россіи гербы пожалованія встрѣчаются, какъ при возведеніи въ дворянство и утвержденіи въ таковомъ, (когда

раньше у фамилии не имѣлось герба), таѣ и при дарованіи титула, при чёмъ, или составляется новый гербъ, или же къ существующему гербу придаются иѣкоторыя эмблемы, (двуглавый орелъ, вензель государя, императорская корона и т. п.). Въ русской геральдикѣ существуетъ особый разрядъ такихъ пожалованныхъ гербовъ, подъ названіемъ лейбъ-кампанскихъ. Они дарованы были императрицей Елизаветой Петровной всѣмъ, служившимъ при восшествіи ея на престолъ въ лейбъ-кампанцахъ, оказавшихъ тогда особенную вѣрность государынѣ. Эти гербы отличаются помѣщеною на нихъ лейбъ-кампанскою (grenadierскою) шапкою со страусовыми перьями, по сторонамъ которой видны два черныхъ орлиныхъ крыла, и на каждомъ изъ нихъ по 3 серебряныхъ звѣзды. Въ самомъ же гербѣ помѣщено золотое стропило, на коемъ 3 горящихъ гранаты, сопровождаемое 3-мя серебряными звѣздами. Эти эмблемы у лейбъ-кампанцевъ, имѣвшихъ уже ранѣе гербы, присоединялись къ прежнимъ.

Гербы покровительства на Западѣ существуютъ и донынѣ. Римскіе кардиналы нерѣдко помѣщаются, въ качествѣ таковыхъ, въ свои гербы геральдическая эмблемы папы, возведшаго ихъ въ этотъ санъ. Въ Средніе вѣка различались еще таѣ наз. *armes de dѣvotion* (гербы благочестія), которые давались за особыя заслуги на пользу церкви и религіи. Одинъ изъ французскихъ рыцарей, сопровождавшихъ Людовика Святаго въ крестовомъ походѣ, изъ фамилии *Mauroix-Baudran*, получилъ отъ короля порученіе доставить въ Парижскій соборъ Богоматери терновый вѣнецъ Спасителя. Въ награду за этотъ религіозный подвигъ навванной фамилии пожалованъ былъ тогда гербъ, изображающій въ серебряномъ полѣ пять терновыхъ вѣнцовъ чернаго цвѣта.

Въ Англіи гербы покровительства (*arms of patronage*) имѣютъ нѣсколько иное значеніе. Здѣсь знатныя лица, управлявшія областями, пожалованными имѣніями и замками, прибавляли къ фамильнымъ своимъ гербамъ различные эмблемы, какъ знаки своихъ преимуществъ, правъ и достоинствъ.

Гербы должностные (*Amts-od. Standeswappen, armes de dignit *), составляющіе особый видъ предѣдущаго рода гербовъ на Западѣ. Табовые присвоивались известной почетной должности,

или званію и переходили иногда, какъ наследственные, къ знатнымъ фамиліямъ. Въ Германіи наследственные почетные должности священной Римской Имперіиувѣковѣчены такимъ образомъ въ гербахъ отдѣльныхъ государствъ: пфальцграфство Баварское имѣть въ гербѣ своеемъ державное яблоко, какъ знакъ имперскаго стольника (*Erztruchsess*); Вюртембергъ — государственный стягъ — отъ должности наследственного имперскаго знаменосца (*Erbrappenherr*); Саксонія — перевращенные мечи — отъ наследственного имперскаго маршальства (*Erbmarshall*).

Въ древней Франціи, до революціи всѣмъ государственнымъ должностямъ присвоивались особы геральдической отличія, помѣщавшіяся или въ самомъ гербѣ, или же, чаще всего, въ видѣ вѣнчанихъ атрибутовъ гербового щита, каковы напр. два обнаженныхъ меча у *коинетабля* Франціи, два жезла — у маршала, два якоря — у адмирала и т. д. Такъ какъ въ тѣ времена государственные должности были по большей части наследственными, то и такие должностные гербы часто сохранялись наследственно въ извѣстной фамиліи. При Наполеонѣ I, была сдѣлана попытка возобновить ихъ во Франціи въ нѣсколько измѣненномъ видѣ¹⁾.

По своему происхожденію гербы могутъ быть раздѣлены на *исконные* (*Urwappen*), появившіеся въ древнее время, съ самаго возникновенія обычая употреблять гербы, а впослѣдствіи узаконенные чрезъ *молчаливое признаніе* ихъ дѣйствительности; и на гербы *пожалованные по грамотѣ* (*Briefwappen*), начиная съ 14-го вѣка, которые были даваемы главою государства или, въ Германіи особо уполномоченнымъ отъ государя лицомъ, (обыкновенно такъ наз. *comes Palatinus*), посредствомъ установленного на то документа. Эти уполномоченные лица въ Германіи принадлежали къ высшему дворянству, но встречались между ними часто и учёные правовѣды. Они образовали въ то время два такъ наз. *комитива*, большой и малый. Первый имѣлъ полномочіе ежегодно возводить въ потомственное дворянство по нѣсколько лицъ и утверждать за ними гербы; второму же предоставлено было лишь

1) Замѣтимъ здѣсь, что многіе гербы, въ особенности сложные, могутъ соединять въ себѣ признаки различныхъ родовъ, указанныхъ здѣсь, и поэтому принадлежать одновременно къ нѣсколькимъ.

право причислять въ наследственные общники герба (*erbliche Wappengenossen*) нѣкоторыхъ лицъ. но однако безъ возведенія таcovыхъ въ дворянское достоинство. Такими общниками герба, или гербовыми гражданами (*Wappenbürger*) признаются въ Германии такія лица, или фамиліи, которые, не принадлежа къ дворянству, пользуются однако правомъ употреблять наследственные гербы. Иногда, впрочемъ, подъ этимъ названіемъ разумѣлись и тѣ фамиліи, которая пользовались общимъ гербомъ, или имѣли вообще право на гербъ.

Если эмблема герба прямо указываетъ на фамилію владельца, название города, мѣстности и т. д., которымъ принадлежитъ гербъ, то таcovой называется *гласнымъ* или *именнымъ*¹⁾ (*redende Wappen, namenw., armes parlantes*). Въ подобныхъ гербахъ, произнося название гербовой эмблемы, вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ и фамилію, или известное имя, и часто такое соотвѣтствіе основывается на одномъ лишь созвучіи и является поэтому совершенно случайнымъ. Поэтому такие гербы справедливо сравнивали съ ребусами. Замѣтимъ, что въ подобныхъ именныхъ гербахъ иногда гласить щитъ, (эмблема, или же цвѣтъ его) иногда щелемъ, а иногда и щитодержатели. Притомъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ смыслъ ихъ совершенно понятенъ, напр. въ гербѣ *князей Орловыхъ*—орелъ, *князей Долгорукихъ*—рука со стрѣлою, выходящая изъ облаковъ, *Топорскихъ*—топоръ, испанской фамиліи *Torres*—башня, немецкой—*Eichmann*—человѣкъ, держащий дубъ и т. п.; въ другихъ же значеніи герба болѣе прикровенное и это встрѣчается чаще въ древнихъ гербахъ, любившихъ примѣнять въ такихъ изображеніяхъ правило: «*pars pro toto*». Таковъ напр. гербъ старинной фамиліи *фон-Дахенгаузенъ*, представляющей шахматное поле (черное съ серебромъ), имѣющее верхнюю часть (такъ наз. *главу* щита) красную. Въ немъ гласятъ фигуры щита: красная верхняя часть его означаетъ крышу (*dach*), а остальная, шахматная—домъ (*haus*). Въ гербѣ княжества *Монако* гласить щитодержатели, фигуры Августинскихъ монаховъ, стоящія по обѣимъ сторонамъ княжескаго герба. Не-

¹⁾ Ихъ называютъ также *выразительными*.

рѣдко гласные гербы совершенно ошибочно указываютъ на то, или другое происхожденіе названія, основывая таковое, какъ мы сказали, на одномъ лишь случайномъ созвучіи. Такъ напр. пзвѣстный гласный гербъ королевства Леонъ въ Испаніи изображалъ льва, хотя название *Leon* произошло вовсе не отъ льва, а отъ латинскаго слова *legio*. Городъ *Landshut* въ Германіи получилъ гласный гербомъ шляпу (*Hut*), хотя название его произошло отъ однозвучнаго слова, имѣющаго совершенно другое значеніе (*Hut* — сторожа).

Во всѣхъ европейскихъ странахъ встрѣчается множество такихъ гласныхъ гербовъ, какъ фамильныхъ, такъ и мѣстныхъ. Они не составляютъ какого-либо особаго рода гербовъ, но заслуживаютъ вниманія въ особенности потому, что для ихъ распознаванія и пониманія необходимо бываетъ знакомство съ языкомъ той страны, которой принадлежитъ такой гласный гербъ¹⁾.

Приведемъ еще нѣсколько прииѣровъ изъ древней французской геральдики, которая нерѣдко не гнушалась самыми обыденными и простыми предметами изъ природы и домашняго быта и вводила ихъ въ гербы, когда они по своему значенію или созвучию подходили къ извѣстному фамильному названію. Такимъ образомъ появились три хлѣбныя кадки (*boisseaux*) въ гербѣ фамилии *Bouesseau*, три рыбы (рѣчные бычки — *chabots*) у *Chabot*; вишневое дерево (*créquier*) — фамилия *Créqui*; испуганная кошка (*chat effrayé*) — въ гербѣ *Auchat*; три ёжики (*hérissons*) — у *Héricé*; три головы бекасовъ — у *Begassoux* и т. под. Занимались предметы также изъ военнаго и морскаго быта: напр. гербъ *Mailly* — три зеленыхъ палицы (*maillets*), гербъ *Dumas* — золотая мачта и т. д.

¹⁾ Иногда требуется знакомство и съ древними, исчезнувшими средневѣковыми словами и выраженіями для объясненія именнаго или гласнаго герба. Напр. нѣмецкая фамилия *v. Olvenstedt* въ Магдебургѣ имѣеть съ XIII вѣка въ гербѣ верблюда, который въ Средніе вѣка назывался „*olben*“; отсюда гербъ этотъ является гласнымъ, о чёмъ по современному нѣмецкому называнію союз — „*auf*“ и коршуна — „*sprinz*“ объясняютъ именные гербы древнихъ фамилий *v. Aufenstein* и *v. Sprinzenstein* въ Германіи.

Кромъ того, существуютъ и такъ наз. *полугласные гербы* (*halbredende w.*), т. е. дающіе лишь отдаленное указаніе, или намѣкъ на фамильное имя, напр. въ Германіи гербъ фамиліи *Taxis* — барсукъ (*Dachs*); шахматная доска — гербъ фамиліи *Spiller* (*Spiel*—игра) и т. д.

Нѣкоторые геральдисты считали гласные гербы самыми древними изъ существующихъ. Такого взгляда держался напр. английскій герольдъ *Bussaeus*, однако, по письмамъ *Зейлера*, гласные гербы въ Германіи ранѣе XIV-го вѣка почти не встречаются. Весьма изобилуетъ также гласными гербами польская геральдика, откуда они перешли и въ намъ, въ Россію. Намъ остается упомянуть еще одинъ особый родъ гербовъ, который также можетъ быть отнесенъ къ гласнымъ и носить въ геральдикѣ название *загадочныхъ гербовъ* (*Rätselwappen, armes à enquerre*). Это такие гербы, въ которыхъ допущено бросающееся въ глаза нарушение какого-либо геральдического правила, напр. запрещающаго помѣщать финифть на финифть, или металль на металль, и т. под. Подобное нарушение дѣжалось намѣренно, съ цѣлью вызывать вопросъ, по какой именно причинѣ такое было допущено въ гербѣ, (что и называлось въ старину — *enquerir*). Этимъ способомъ увѣковѣчивалось какое-либо достопамятное событие, подвигъ, или особое отличие въ исторіи рода, или города и страны. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, такія преданія съ теченіемъ времени были забыты и смыслъ такихъ гербовъ тогда затерянъ¹⁾). Въ гербахъ новѣйшаго времени, въ которыхъ старинныя геральдическія правила безпрестанно нарушаются, подобныя отступленія, конечно, не могутъ уже имѣть такого особаго значенія, какъ это было въ старину. Приведемъ нѣсколько примѣровъ загадочныхъ гербовъ. Готфридъ Бульенскій, послѣ взятія Іерусалима крестоносцами, получилъ отъ нихъ, въ

¹⁾ Новѣйшіе пѣмодѣкіе геральдисты, *Seyler, Gritener* и др. совершенно отрицаютъ такъ наз. *загадочные гербы*, объясняя ихъ происхожденіе простою случайностью, а именно измѣненіемъ, подъ влияніемъ времени, металла, или финифти щита. напр. серебра — на олійѣ цвѣтъ, золота — на красный и т. д. Но подобное объясненіе, весьма допустимое во многихъ случаяхъ, сдѣлали однакоже всѣмъ, безъ исключенія, загадочнымъ гербамъ.

знакъ благодарности, подобный гербъ, а именно золотой, такъ наз. *выступной крестъ* (*croix potencée*), сопровождаемый четырьмя табими же крестиками, въ серебряномъ полѣ; онъ долженъ быть всегда напоминать потомству о его доблести. Крестъ этотъ донынѣ носить название *Иерусалимскаго*. Другимъ подобнымъ примѣромъ можетъ служить первоначальный гербъ древняго французскаго рода герцоговъ *Montmorency*; родоначальникъ его былъ, по преданию, первымъ знатнымъ лицомъ въ языческой Галлии, принявшиимъ христіанство. Объ этомъ напоминаетъ гербъ этой знаменитой фамиліи¹⁾: серебряный крестъ въ золотомъ полѣ, (металль на металль, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ), и о томъ же гласить ея девизъ: «*Dieu ayde au premier baron chrétien*».

Къ какому бы пзъ вышеозначенныхъ разрядовъ гербъ ни принадлежалъ, онъ можетъ быть или *полный* (*armoirie pleine*) или *видоизмененный* (*brisée*). Вполнѣ, безъ прибавки и убавки, гербъ переходилъ къ старшему въ родѣ и въ этомъ видѣ сохранялся всегда въ старшемъ поколѣніи, а видоизмененія въ фигурахъ, или краскахъ означаютъ гербы младшихъ членовъ рода, равно какъ незаконнорожденныхъ, набонецъ лицъ, обезславившихъ себя поступками неблагородными (*armes diffamées*). Какъ честь рыцаря отражалась на его щитѣ—вѣрномъ спутнике его подвиговъ, таъ щитъ же свидѣтельствовалъ объ утратѣ чести. За важнейшіе проступки рыцарь лишался этого званія, а за менѣе важные его щитъ и фигуры лишались только своей полноты и красоты; такъ у рыцаря, проявившаго трусость, срѣзывали правый уголъ щита, а у того, кто бы убилъ воиноплѣннаго, укорачивали нижнюю часть щита. Примѣты эти были въ тѣ времена общеизвѣстны, а потому являлись выразительными и позорными. Точно также и фигуры, будучи помѣщены въ щитѣ таъ или иначе, могли имѣть совсѣмъ иной смыслъ, другое значеніе. Ме-

1) Впоогѣствіи пѣсколько измѣненны: серебряный крестъ, въ память боеваго подвига Матея Монморансі въ битвѣ при Бувинѣ королемъ Филиппомъ Августомъ измѣненъ на червленый и сопровождается съ каждой стороны 4-мя такъ наз. *alérions*, небольшими орлами, синяго цвѣта, въ память взятыхъ имъ непріятельскихъ знаменъ.

жду убавкою въ гербѣ и проступкомъ того, чей гербъ подвергался видоизмѣненію, существовало соотвѣтствіе. Такъ напр. Людовикъ Святой повелѣлъ, чтобы *Жан д'Авен*, оскорбившій свою мать, сохраняя въ гербѣ изображеніе льва, впредь носилъ его, въ видѣ наказанія за свой проступокъ, безъ высунутаго языка и когтей.

Геральдика есть познаніе правилъ изображенія гербовъ и пользованія ими. Та часть ея, которая разсматривается составленіе и описание герба, называется *гербоводыніемъ* (*Wappenkunde*) или *теоретическою геральдикой*; другая же, занимающаяся приложеніемъ этихъ правилъ къ дѣйствительному изображенію гербовъ, носить название *геральдического искусства* (*Wappenkunst*) или *практической геральдики*.

Въ Средніе вѣка, какъ мы видѣли, герольды примѣняли свое искусство лишь практическі, на основаніи устныхъ преданій, которыхъ сохранялись ими въ тайнѣ. Но мало по малу изъ этого сложилась своя особая наука, правила которой собирались и излагались письменно. Самыя раннія и наиболѣе многочисленныя учебныя руководства по геральдикѣ появлялись въ Англіи и во Франціи. Въ первой изъ нихъ, начиная съ древнѣйшаго геральдическаго сочиненія монахини *Juliana Barnes* (1468 г.), известнаго подъ названіемъ *book of S-t Albans* и составляющаго величайшую библіографическую рѣдкость, появлялись одно за другимъ сочиненія *Leigh* (1568), *Guillim* (1610), *Byssaeus* (1654), *Nisbet* (1722), *Porny* (1765), *Clark* (1775), *Edmondson* (1780) и другихъ, изъ которыхъ руководство Кларка было самымъ распространеннымъ, а сочиненіе Эдмондсона самымъ обширнымъ и подробнымъ.

Во Франціи древнѣйшими писателями по геральдикѣ считаются — *Clement Prinsault* (1416) и упоминавшійся нами герольдъ *Sicile* (1495). За ними слѣдовали: *de Bara* (1579), *Scohier* (1597), *Fafyn* (1620), *Monet* (1631), *Glyot* (1635), *de Varennes* (1640), *Sigolng* (1648) и, наконецъ, іезуитъ *Mestrier* (1650), создавшій своими геральдическими изслѣдовані-

ями эпохи въ этой науцѣ. Изъ его сочиненій особенно извѣстны: «*Discours sur l'origine des armoiries*» (1659), *Origine des ornements des arm.* (1680), и другія, которые заключаютъ весьма подробныя изысканія по различнымъ геральдическимъ вопросамъ, а потому болѣе цѣнны въ научномъ отношеніи, нежели учебныя руководства того же автора, изложенные въ краткой катехетической формѣ, («*Le véritable art du blason*», «*L'art du blason justifi *»). Послѣ него можно упомянуть въ французской геральдикѣ труды *Le Cellyer* (1669), *Le Laboureur* (1684), *La Roque* (1673), *Foncemagne*, *Durey de Noinville* (1757) и въ новѣйшее время: *Pautet* (*Nouveau manuel du blason*. 1894), *de Magny* (*Science des armoiries* 2 в. 1856), *Ad. de Beaumont* (*Recherches sur l'origine du blason* 1853). *Gourdon de Genouillac* (*L'art h raldique*), *Maigne* (*Abr g  m thodique de la science des arm.* 1885), *Bachelin D floreffe* (1880) и немало другихъ. Замѣтимъ, что большая часть новѣйшихъ сочиненій по геральдикѣ во Франціи довольно поверхностны.

Болѣе серьезно разрабатывается геральдика, особенно за послѣднее время, въ Германіи. Здѣсь она имѣла также свой древнѣйший, таѣъ сказать, героическій періодъ, въ которому принадлежатъ: *Bartholomaeus Cassanensis*, авторъ сочиненія «*Catalogus gloriae mundi*», изд. на латинскомъ языке въ Венеціи въ 1571 г., *Cyriacus Spangenberg*, написавшій въ 1591 г. свое сочиненіе «*Adelspiegel*»; позднѣе *Harsd rfer* (1641) и *H pingk* (1642). Основателемъ научной геральдики въ Германіи былъ знаменитый богословъ и вмѣстѣ геральдистъ *Philipp Jakob Spener*, современникъ *M nestrier*, съ которымъ онъ имѣлъ ученыя сношенія. Ему принадлежитъ полнѣйший и ученѣйший трудъ подъ заглавиемъ: „*Insignium theoria, seu operis heraldici pars generalis*“, *in-folio* съ 23 гравир. таблицами. Это капитальное сочиненіе легло въ основаніе цѣлой ученой школы геральдистовъ въ Германії, между которыми могутъ быть указаны: *Schumacher* (1694), *Weber* (1696), *Rudolphi* (1698), *Trier* (1714), *Schmeizel* (1723) и, наконецъ, болѣе извѣстный у насъ *Gatterer*, профессоръ геральдики въ Геттингенскомъ университѣтѣ (1763). Его учебное руководство: „*Abriss der Heraldik*“ переведено и

издано было на русскомъ языке *Глъбомъ Малыниымъ* въ 1805 г. Къ этой же научной школѣ принадлежать въ новѣйшее время профессоръ геральдики и сфрагистики Боннскаго университета *Christian Bernd* (+ 1854), оставившій нѣсколько капитальныхъ сочиненій (*Hauptst cke der Wappenwissenschaft. Bonn.* 1849 2 v.; *Handbuch der Wappenw.* Leipzig 1856. Онъ же издалъ общую библіографію по геральдикѣ въ 4-хъ ч. Боннъ. 1830—41). Въ Германіи геральдика разрабатывалась вообще гораздо подробнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, чemu не мало способствовало то, что она введена была, какъ учебный предметъ, въ курсъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Мы уже упоминали о томъ, что сынъ извѣстнаго Шпенера былъ первымъ преподавателемъ геральдики въ берлинской *Ritteracademie*; впослѣдствіи она имѣла каѳедры въ университетахъ Лейпцига, Іены, Эрлангена, Геттингена, Вѣны и Бонна. Въ новѣйшее время въ Германіи на симъ старого направленія въ геральдикѣ, представителями втораго являлись Гаттереръ и Берндъ, выступило новое; оно отличается отъ прежняго тѣмъ, что обращаетъ больше вниманія на значеніе геральдики въ исторіи культуры и искусства, а также успѣшнѣе разрабатываетъ ее въ археологическомъ отношеніи, въ тѣсной связи съ сфрагистикой. Во главѣ этой новой школы стоять *Mayer v. Mayerfeld* (*Heraldisches ABC — Buch* 1857) и *v. Hefner*; послѣдній въ 1861 г. издалъ свой *Handbuch der Heraldik, München*. Имъ же предпринято было новое и совершенно переработанное изданіе извѣстнаго нѣмецкаго гербовника *Siebmacher'a* (1-е изданіе 1657 г., 2-е — 1772—76), въ которомъ приняли участіе выдающіеся ученые геральдисты Германіи. Изъ нихъ *Gustav Seyler* издалъ въ качествѣ историческаго введенія къ этому гербовнику свою „*Geschichte der Heraldik.*“ *Nürnberg*, 1885—89, а *M. Gritzner* — геральдическую терминологію, содержащую вмѣстѣ съ тѣмъ основанія геральдического искусства, съ многочисленными таблицами (1890). Къ этой же новѣйшей геральдической школѣ принадлежать: *Warnecke* (*Heraldisches Handbuch* 1880), *Sacken* (*Grundz ge der Wappenkunde* 1899), *Hildebrandt*, авторъ многочисленныхъ изданій по художественной геральдикѣ, между

которыми можно указать его *Heraldisches Musterbuch*, Berlin, 1897, съ 48 таблицами рисунковъ; *Ströhl* и другіе. Такъ называемые гербовники, которые содержать собраніе гербовъ въ изображеніяхъ, кроме названного Зибмакера, издавали въ Германіи: *Schrot* (1551), *Solis* (1551), *Tyroff*, *Dorst* и другіе.

Межу весьма немногочисленными учебными руководствами и сочиненіями геральдического характера въ другихъ странахъ Западной Европы заслуживаютъ упоминанія: въ Голландіи — *Christyn* (1668), *de Rouk* (1673); въ Италии — *Petrasancta* (1628), *Ginanni* (1756); въ Испаніи — *Lopez de Haro* (1622) и *Aviles* (1725); въ Швеціи — *Uggla* (1748).

Польская геральдика, представлявшая въ старину много своеобразнаго, довольно богата специальною литературою. Древнейшимъ источникомъ для польской геральдики считается исторія конца XV вѣка *Юаниз Длугош* († 1480), сочиненіе котораго „*Historia Polonica*“ издано было лишь въ XVII столѣтіи. Затѣмъ слѣдуетъ по времени важнейший геральдический трудъ *Напроцкаго*: „*Herby rycerstwa Polskiego*“, изд. въ Краковѣ въ 1584 г. и въ новомъ изданіи 1845 г. У насъ, въ Россіи было болѣе распространено сочиненіе *Окольского*, „*Orbis Polonus*“ (Краковъ, 1641. 3 т.), написанное на латинскомъ языке. Назовемъ далѣе: *Potocki*, *Roczet herbów* (1696), *Niesiecki*, *Korona Polska* 4 т. (1728—43), новое изданіе дано было Бобровичемъ въ 1839—48 (Лейпцигъ, въ 10 томахъ); *Kuropatnicki*, *Wiadomosc o herbach domow szlacheckich* (Варшава, 1789). *Dunczewski*, *Herbarz kor. Polskiej* (Львовъ 1757, fol. 2 т.); *Wieladka*, *Heraldyka* 5 т. (1794); *Jablonowski Heraldika* (1742); *Malachowski*, *Zbior naswisk szlachty z opisem herbow* (1805), *Stupnicki*, *Herbarz Polski* 3 т. (Львовъ, 1855—61); *Malinowsky*, *Heraldyka* (1841) и новѣйшая геральдическая изслѣдовавія *Кояловича*, *Шайнохи* и *Пекосинскаго* и др. Укажемъ также официальный *Гербовникъ дворянскихъ родовъ царства Польскаю*, изд. въ 1853 г. въ Варшавѣ, 2 т., на русскомъ и польскомъ языкахъ.

Заканчивая нашъ обзоръ русскою геральдическою литерату-

рою, мы къ сожалѣнію встрѣчаемъ здѣсь большую скучность. Если не считать вышеупомянутаго русскаго перевода *Гаттерера*, изданнаго *Малынинымъ*, и другаго, переводнаго же сборника симво-лическихъ изображеній *Максимовича-Амбодика* (1811): «*Избранные эмблемы и символы*», то единственнымъ законченнымъ и серь-езнымъ сочиненіемъ по русской геральдикѣ можетъ быть названъ трудъ *Лакіера*: „*Русская геральдика*“, изд. въ 1853 г., (сдѣ-лавшійся библіографическою рѣдкостью). Здѣсь мы встрѣчаемъ талантливую попытку изложить исторію русскихъ гербовъ къ связи съ русскою сфрагистикой. Начавшая издаваться въ 1894 г. „*Русская Геральдика*“ фонъ-Винклера уже на 3-мъ выпускѣ прекратилась и даетъ только общія основныя понятія по этой наукѣ и притомъ въ довольно поверхностномъ изложеніи. Точно также не повезло русской геральдикѣ и въ отношеніи гербовника русскаго дворянства. У насъ имѣется, какъ известно, «*Общий Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссийской Имперіи*», первая часть котораго Высочайше утверждена 1 января 1798 г., а по-слѣдняя, 10-я, поступившая въ продажу, утверждена въ 1836 г. Кромѣ того, 6 частей находятся еще въ рукописи; было, правда, приступлено къ печатанію 11-й части, но затѣмъ изданіе пре-кращено, за недостаткомъ средствъ. Но еще менѣе утѣшительно то, что представляеть это изданіе въ научномъ отношеніи, по отзыву нашего ученаго генеалога *Л. М. Савелова*. «Казалось бы, говорить онъ, что *Общий гербовникъ*, какъ изданіе офи-циальное, долженъ быть бы быть вполнѣ достовѣрнымъ истори-ческимъ источникомъ, на дѣлѣ же мы видимъ совершенно дру-гое. Къ сожалѣнію онъ наполненъ, отъ начала до конца, за рѣдкими исключеніемъ, вымыслами и легендами, особенно если дѣло касается до родовъ, выдвинувшихся въ теченіе 18-го вѣка. Вслѣдствіе этого онъ по внутреннему своему содержанію почти не имѣть никакой цѣны и долженъ быть отнесенъ къ балласту въ нашей небогатой генеалогической литературѣ». Въ геральдическомъ отношеніи онъ также оставляетъ желать кое-сама многаго. Болѣе счастливыми оказались наши окраины. Прибалтийскія губерніи, имѣющія свои прекрасно изданные гер-бовники, какъ наприм. *Klingspor*, *Baltisches Wappenbuch*

(1882) и другіе, и Финляндія (*Wappen for de adelige Finlands*) ¹⁾.

Какъ на источники при изученіи геральдики слѣдуетъ указать:

1) Печати и монеты. Онѣ представляютъ, какъ таковыя, то важное преимущество, что заключаютъ по большей части имена владѣльцевъ, чтѣ даѣтъ возможность съ точностью опредѣлить время ихъ происхожденія.

2) Памятники, могильныя плиты, надгробные щиты (которые вѣшаются въ церквахъ, усыпальницахъ) и т. под.

3) Дворянскія граматы (дипломы), ленные записи (*Lehnbriefe*) и описанія турнировъ, (всегда заключающія описанія гербовъ).

4) Изображенія, гербовые столбы (*Wappensäulen*), какъ напр. известный *Цюрихскій гербовый столбецъ*, относящейся къ XIV вѣку. Этотъ драгоценный памятникъ средневѣковой геральдики сталъ извѣстенъ только съ 18-го вѣка и представляетъ длинную полосу изъ пергамента (длиною 400 см. и шир. 12 см.), сшитую изъ нѣсколькихъ частей, на которой въ краскахъ изображены въ два ряда гербы, всего около 600. Точное воспроизведеніе этого геральдического памятника дано было Цюрихскимъ обществомъ антикваріевъ въ 25 таблицахъ (1860). Къ этой же эпохѣ (14 в.) относятся важные для геральдики рукописные памятники: такъ-наз. *Weingartskий сборникъ песенъ* (*Weingartner Lieder-Handschrift*), заключающій гербы авторовъ-рыцарей, слагавшихъ эти пѣсни; такъ-наз. *Baldineum*, который содержитъ описание похода императора Генриха VII въ Римъ, съ многочисленными лицевыми изображеніями сраженій, турнировъ и т. под. Здѣсь гербы встрѣчаются во множествѣ. Подобнымъ же памятникомъ являются также *гербовые книги* (*Wappenbücher, armoriaux*), каковы напр. *S. Christophorus-Arlberg-Bruderschaftsbuch* и

¹⁾ Вопросу геральдического изученія Русскаго государственнаго герба посвящено вѣроколько специальныхъ изслѣдований. Кроме Лакіера, можно указать: ф. Винклера *Государственный орелъ* въ т. IX Энциклопед. Словаря Брокгауза, изд. 1893 г.; Е. Воронина, *Четырехесячніе Росс. Госуд. герба*, Харьковъ, 1895; А. Гренсера *Das Russische Reichswappen, historisch-heraldische Skizzen* (*Slavische Blätter*, 1865, вып. 17 и 18).

Грюнебергский гербовник 1483 г., содержащий 1980 гербовъ. Да же упоминая древняя родословныя книги (*Stammtbücher*).

5) Подлинное древнее оружие и древвіе щиты съ изображениями гербовъ.

6) Историческихъ писателей и поэтовъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ даютъ описание гербовъ и указанія, имѣющія историческую цѣнность, какъ напр. поэтическое сочиненіе *Ульриха фонъ Лихтенштейна*: «*Frauendienst*», богатое геральдическими данными; хроники *Фруассара*, *Жуенвиля* и др., история *Польши* *Длугоша* и т. под.

Исторію геральдики, на основаніи сказанного нами ранѣе, можно раздѣлить на *три периода*:

1. Время, когда исключительно лишь *одинъ щитъ* съ ваходившимся на немъ изображеніемъ представлялъ собою гербъ — съ XI-го до XIII-го вѣка — это геральдика щита и эпоха ея первоначальнаго развитія.

2. Периодъ, когда къ щиту, какъ носителю герба, присоединился *шлемъ* съ своимъ украшеніемъ, и гербовое искусство достигло своего высшаго, живаго (практическаго) развитія. Это время процвѣтанія геральдики, продолжавшееся съ XIII-го до конца XV-го вѣка. Въ этомъ периодѣ действительно употреблявшійся въ бою щитъ совпадаетъ, (т. е. тождественъ), съ геральдическимъ щитомъ, т. е. расписанный красками гербовый щитъ и шлемъ съ его украшеніемъ действительно носятся владѣльцемъ герба.

3. Время, когда геральдический щитъ превращается въ нечто совершенно отвлеченнное и въ дѣйствительности уже болѣе не носится. Съ этихъ поръ начинаютъ появляться въ гербахъ множество несущественныхъ *привѣсокъ* и *добавленій*, которыхъ не имѣютъ основанія въ существѣ дѣла. Старинныя геральдическія правила начинаютъ постепенно забываться и исчезать и, при недостаткѣ правильнаго пониманія, въ геральдику вторгается произвольность. Это время упадка живой геральдики — начиная съ XVI вѣка и до нынѣшняго времени. Въ этой послѣдовательности мы и будемъ разсмотривать отдѣльные геральдические элементы герба.

IX.

Носителемъ всякаго герба является щитъ. Вмѣстѣ съ шлемомъ онъ составляетъ существенную часть полнаго герба; но при этомъ щитъ есть важнѣйшая и необходимая часть послѣдняго, тогда-какъ шлемъ не безусловно необходимъ въ гербѣ, какъ мы это уже видѣли.

Не всякий щитъ, хотя бы на немъ и находилось изображеніе, можетъ быть названъ *геральдическимъ*. Таковыимъ считается лишь такой, который имѣеть очертаніе, болѣе или менѣе близкое (нарисованное, вырѣзанное, скульптурное и т. под.) къ дѣйствительному щиту, и притомъ является удобнымъ для помѣщенія на немъ гербового изображенія.

Формы щита въ разныя времена и у различныхъ народовъ представляютъ большое разнообразіе. Въ классической древности преобладающими формами были: круглый и четырехъугольный, изъ которыхъ произошли и всѣ остальные. У грековъ мы встрѣчаемъ нѣсколько видовъ щита: круглый, овальный, удлиненно-круглый, съ выемками по сторонамъ, (такъ наз. *Бютийскій*), и *Азіатскій*, въ видѣ полумѣсяца, приписываемый обыкновенно на памятникахъ древности Амазонкамъ. Этуруски употребляли круглый греческій щитъ, который впослѣдствіи заимствованъ былъ у нихъ Римлянами. Но вскорѣ онъ предоставленъ былъ лишь нѣкоторымъ родамъ войска, а во всеобщее употребленіе вошелъ у Римлянъ такъ наз. *Сабинскій щитъ, или scutum*¹⁾). Со временемъ Сервія Туллія послѣдній введенъ былъ во всѣхъ легіонахъ, отличаясь вѣшнею стороною, окрашивавшеюся въ различные цвета и съ разнородными, по легіонамъ, эмблемами. Скутумъ былъ выпуклый, четырехъугольной формы (до 1,2 метра высоты и 0,8 м. ширины); онъ дѣлялся изъ легкаго дерева, покрытаго кожею и скрѣпленнаго металлическимъ ободомъ. Легкая пѣхота, (*велиты*), имѣла щиты мѣньшей величины и круглой формы;

¹⁾ Это латинское название щита производить отъ греческаго — *σκύτος*, которое означаетъ щитъ и кожу, указывая такимъ образомъ на материалъ, изъ котораго изготавливались такие щиты. Отъ *scutum* произошло французское — *écu*, *écuissos* и англійское — *escutcheon*.

они дѣлались ивовые и покрывались воловьей кожей, (такъ наз. *ragma*). Кроме того, у Римлянъ употреблялся еще такъ наз. *Самнитскій щитъ*, имѣвшій форму прямоугольника, закругленнаго съ нижней стороны. Какъ неразлучный спутникъ воина, щитъ въ древности становился иногда даже предметомъ особаго почитанія. Таковыми были напр. священные щиты (*ancilia*) у Римлянъ, не употреблявшіеся на войнѣ, но сохранявшиеся въ храмѣ Марса.

Между сарматскими и гуннскими племенами, которые въ 4-мъ вѣкѣ наводнили Западную Европу, употребление щитовъ не было въ обычай: эти варварскія племена на войнѣ сражались исключительно конными, и быстрыми движевіями замѣняли то, чего не доставало имъ въ смыслѣ боеваго вооруженія. Впослѣдствіи тѣ племена, которая сдѣлались осѣдлыми въ Германіи, постепенно усвоили себѣ многое изъ военныхъ обычаевъ Римлянъ, но тѣмъ не менѣе вооруженіе ихъ оставалось еще самымъ элементарнымъ и они употребляли щиты изъ ивовыхъ прутьевъ, обтянутыхъ воловьими кожами. Щиты Германцевъ были такого же типа: они покрывались мѣхомъ, обыкновенно волчьимъ. Подобный обычай обтягивать щиты шкурами различныхъ животныхъ сохранился въ Западной Европѣ до самаго XIII-го вѣка и отсюда выработался въ Средніе вѣка, какъ мы увидимъ, такъ называемой *геральдической мѣхъ* (*Feh, Pelzwerk*).

Во времена Карла Великаго щиты по большей части дѣлаются еще изъ дерева, обтянутаго кожею и скрѣпленнаго жалѣзными полосами, на крѣпкихъ шипахъ, а не изъ металла. Всадникъ того времени употреблялъ легкій деревянный, круглый, или заостренный къ низу щитъ, который не мѣшалъ ему управлять конемъ, давая необходимую оборону. Круглые щиты (*rondache*) имѣли въ срединѣ выпуклое украшеніе или, вѣрнѣе, шипъ. Носился онъ на лѣвой руцѣ, на широкомъ ремнѣ, другой же, болѣе короткій ремень служилъ для того, чтобы брать его въ руку. Пѣшій воинъ носилъ въ бою большой миндалевидный щитъ, сильно выгнутый и также деревянный, съ такимъ же скрѣплениемъ изъ полосъ и гвоздей, въ бою этотъ щитъ опирался своимъ нижнимъ концомъ въ землю. Повидимому уже съ IX-го вѣка появился обы-

чай ставить въ бою такие высокіе щиты, (вышиной нѣсколько болѣе 1 метра), тѣсно въ рядъ, и за образовавшееся такимъ образомъ стѣною помѣщать, подъ ихъ защитою, стрѣлковъ изъ лука. Въ эту эпоху мы встрѣчаемъ длинные, заостренные и приближающіеся къ трехъугольной формѣ щиты, преимущественно у германскихъ и славянскихъ племенъ, а круглые и овальные—у народностей юга и юго-востока Европы. Наши древніе русскіе щиты X-го и XI-го вѣковъ по формѣ своей приближались къ трехъугольнымъ удлиненнымъ, хотя и были нѣсколько укорочены снизу. Такими мы встрѣчаемъ ихъ изображенія въ древней харатейной рукописи «Житія св. Бориса и Глѣба». Особеннымъ цвѣтомъ для окраски древне-русскихъ щитовъ былъ багряно-красный, о чемъ упоминаетъ и «Слово о полку Игоревѣ»: «Русичи великая поля чѣрлеными щиты прегородиша». Легендарный щитъ Олега, повѣшанный имъ на вратахъ Царьграда, могъ принадлежать къ типу норманнскихъ удлиненныхъ щитовъ. Въ Византіи въ VIII-мъ вѣкѣ встрѣчаются круглые щиты столь малаго размѣра, что они могутъ быть причислены къ разряду такъ наз. *кулачныхъ щитовъ* (*Faustschilder*), употреблявшихся при боѣ на мечахъ.

Древнѣйшія изображенія различныхъ формъ средневѣковаго щита встрѣчаются въ одной рукописи твореній Виргилія въ Ватиканской библіотекѣ, относящейся къ V му вѣку: щиты представлены здѣсь круглыми, съ тупыми кеглевидными шипами. Въ такъ наз. *Золотой Псалтири* (*Psalterium aureum*) въ С. Галленѣ (конца VIII-го вѣка) мы видимъ изображенія воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, вооруженныхъ однимъ только родомъ щита, а именно круглымъ, романской формы. Размѣръ его—въ половину человѣческаго роста; онъ сильно выгнутъ и имѣть по серединѣ заостренный шипъ (*Schildnabel*). Эти щиты были сдѣланы, какъ и подобные изъ эпохи Меровинговъ, изъ дерева, обтянутаго кожею, и скрѣплены на гвоздяхъ металлическими полосами, сходящимися въ видѣ радиусовъ. Совершенно сходной формы мы встрѣчаемъ ихъ также въ одной Бібліи IX-го вѣка, сохранившейся въ церкви «*S. Paolo fuori le mura*» въ Римѣ.

Постепенное измѣненіе римскаго вооруженія, усвоеннаго германскими племенами, происходило весьма медленно, въ связи съ

исчезновениемъ античныхъ традицій: такъ мы продолжаемъ встрѣчать круглый римскій щитъ рядомъ съ германскимъ въ теченіе всего раннаго періода Среднихъ вѣковъ. Между знатными же лицами еще многіе вѣка позднѣе удерживался обычай съѣдовывать римскіи образцамъ, и еще первыя нѣмецкіе короли изображаются на своихъ печатяхъ вооруженными круглымъ римскимъ щитомъ. Въ Италии античныя формы щита сохраняются еще дольше, что вполнѣ объяснимо; на мозаикахъ собора св. Марка въ Венеціи (XII вѣка) венецианскіе воины изображены съ круглыми же щитами. Такоже и въ одной рукописи, содержащей легенду папы Александра III, въ музѣѣ *Correr*, относящейся къ XIV-му вѣку, щиты венецианскихъ солдатъ еще сохраняютъ ту-же излюбленную форму.

На Байесскомъ коврѣ мы, правда, встрѣчаемъ по большей части удлиненный романскій щитъ, но рядомъ съ нимъ еще и круглые. Въ изображеніи битвы при Гастингсѣ въ англійскихъ войскахъ представлены также и широкіе *бретонскіе* щиты, почти квадратной формы съ закругленіями: они дѣлались часто изъ бронзы.

Уже съ VI-го вѣка имѣются историческія извѣстія, что щиты служили у знатныхъ лицъ любими предиетомъ для драгоцѣнныхъ украшеній. *Григорій Турскій* упоминаетъ въ своей хроникѣ о богато изукрашенномъ щитѣ съ золотомъ и драгоцѣнными камнями, который присланъ былъ въ даръ королю испанскому Бругильдой.

Заслуживаетъ вниманія, что въ XI-мъ вѣкѣ, во времена Гаральда III Норвежскаго появляются первыя примѣры расписыванія щитовъ различными устрашающими и легендарными изображеніями. Эти грубые зачатки первобытной геральдики даютъ указанія на ихъ восточное происхожденіе. Норманскій щитъ изъ дерева съ мѣловою загрунтовкою, узкій, сверху закругленный и заостренный къ низу можетъ разматриваться, какъ древнійший прототипъ всѣхъ позднѣйшихъ формъ средневѣковаго щита. Для геральдики онъ приобрѣтаетъ особое значеніе, такъ какъ на немъ впервые встрѣчаются гербовыя изображенія.

Размѣръ этого новаго по формѣ щита норманскихъ всадниковъ находился въ полномъ соответствіи съ первоначальнымъ

типовъ брони. Такъ какъ послѣдняя въ то время, при своемъ несовершенствѣ, не могла еще представлять достаточной защиты отъ ударного оружія, то являлся необходимымъ щитъ, закрывающій всадника отъ ногъ до плечъ. Щиты XI и XII вѣка имѣли поэтому также значительную длину и, какъ у всадниковъ, такъ и у пѣшихъ воиновъ, были одной мѣры. Съ этого времени, какъ мы уже говорили, броня получила существенное усовершенствованіе, что явилось прямымъ послѣдствіемъ боеваго опыта крестовыхъ походовъ. Этотъ важный успѣхъ не замедлилъ отразиться и на формѣ рыцарскаго щита, который въ теченіе XIII-го вѣка сталъ дѣлаться постепенно короче, такъ-что теперь онъ доходилъ отъ луки сѣда лишь до подбородка всадника. Боковые края его, сильно загнутые, сходятся къ низу острѣмъ, но за то верхній край дѣлается болѣе прямымъ, ибо лицо рыцаря уже достаточно защищено теперь, при новой формѣ шлема.

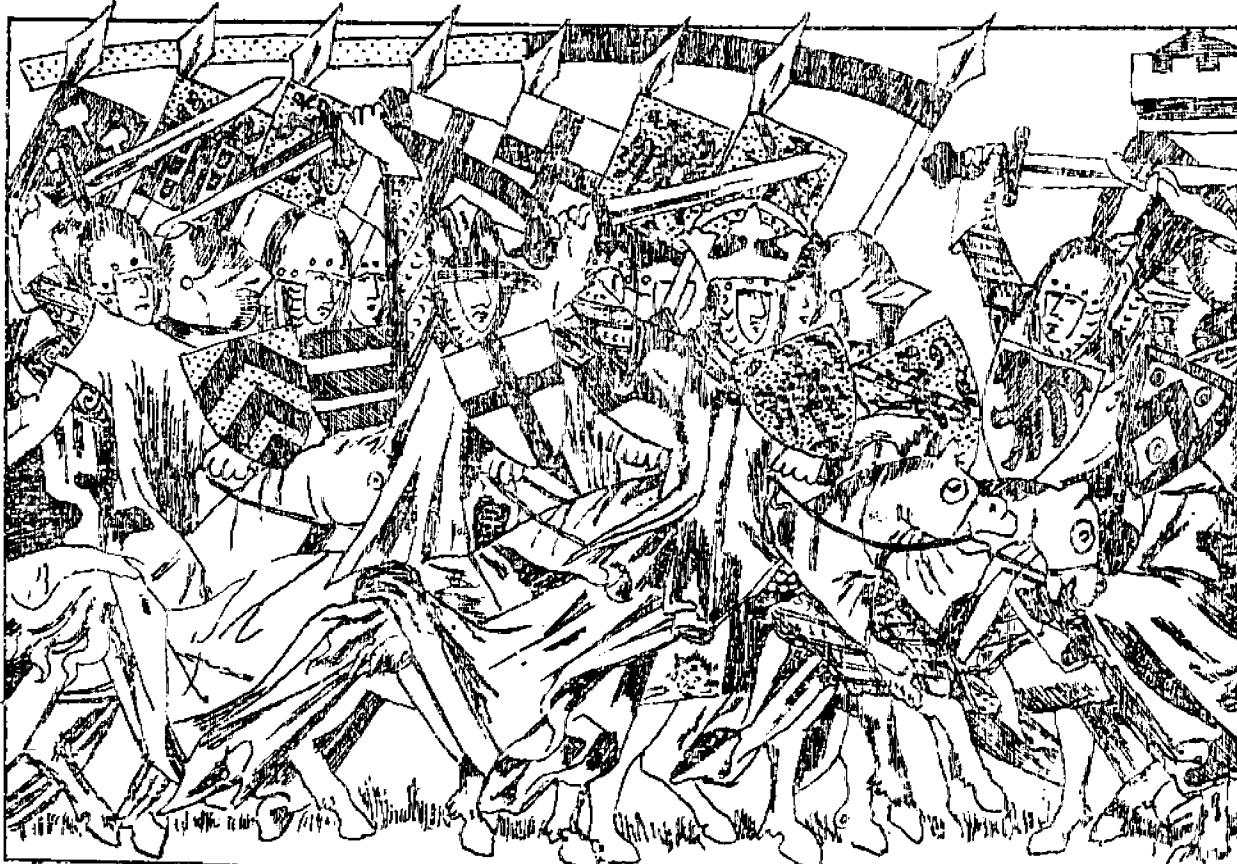
Около 1300 г. устройство брони получаетъ дальнѣйшее, уже замѣтное усовершенствованіе, и чрезъ это рыцарскій щитъ еще разъ подвергается измѣненію: теперь онъ превращается въ небольшой *трехугольный тарч* (*Tartsche, petit écu*), формою почти равнобедренного треугольника, по бокамъ нѣсколько выгибающій и покрывающій немного болѣе половины груди и лѣвое плечо¹⁾). Название *tartsche*, впервые появляющееся въ Европѣ въ это время, происходитъ отъ арабскаго *dârake*, откуда произошло итальянское *targa*; этимъ названіемъ первоначально обозначался малый вруглый щитъ²⁾.

Съ конца XIII-го вѣка въ боевомъ вооруженіи французскихъ и бургундскихъ всадниковъ примѣнялись также нѣкоторое время, кроме ручныхъ щитовъ, еще особаго рода *плечевые щиты* (*Achsel-schilde, ailettes*). Они представляли небольшія прямоугольныя доски изъ желѣза, носились на самомъ плечѣ, въ наклонномъ положеніи и защищали отъ ударовъ шею рыцаря. Эти плечевые щиты, примѣненіе которыхъ кончается уже около 1348 года, также, какъ

¹⁾ Онъ имѣлъ приблизительно 75 см. въ высину и 60 см.—въ ширину.

²⁾ Приложенные нами на табл. 9 изображенія, заимствованныя изъ лицевой рукописи 14 го в. *Baldusineum*, воспроизводятъ формы этихъ трехъугольныхъ тарчей, представляющихъ первый типъ вполнѣ геральдического щита.





Gallum ante laevitatem.

и тарчи, украшались гербомъ владѣльца. Во французскомъ дворянствѣ, и тѣ, и другіе составляли въ то время отличительный признакъ рыцарского достоинства; къ кольчугѣ они прикрѣплялись посредствомъ ремня, надѣвавшагося на шею¹⁾.

Быть концу XIV-го вѣка и въ XV-иѣ форма тарча испытываетъ измѣненія, которыхъ уже не имѣютъ исключительно военнаго, а болѣе стилистическое значеніе. Онъ дѣлается съ низу полукруглымъ, а иногда, какъ въ Англіи и съверной Франціи, четырехъугольнымъ, почти квадратнымъ. При турнирахъ употреблялись особаго рода тарчи, имѣвшіе вырѣзку съ правой стороны, чрезъ которую просовывалось конѣ (такъ наз. *Stechschild*), и съ сильно выгнутыми краями.

Въ XVI мѣ вѣкѣ броневой доспѣхъ достигаетъ полнаго своего развитія и рыцарскій щитъ, служившій въ теченіе пяти вѣковъ столь важнымъ оборонительнымъ оружиемъ, теряетъ теперь свое значеніе и съ этихъ поръ сохраняется лишь, какъ отвлеченныій геральдическій символъ. Въ эпоху возрожденія классического искусства въ XVI-мѣ вѣкѣ, когда гербовые щиты въ дѣйствительности уже болѣе не носились, имѣ стали придавать произвольныи формы, овальнуи, или съ различными изгибами, вырѣзами и завитками по краямъ, каковыя въ XVII и XVIII вѣкѣ становились все болѣе изысканными и сложными. Получая совершенно неподходящія придѣлки и украшенія, подобные щиты все болѣе удалялись отъ дѣйствительно употребительныхъ.

Въ прежнее время въ геральдикѣ принято было называть овальные щиты — *итальянскими*, прямые, заостренные къ низу — *французскими*, тарчи (съ вырѣзкою) — *немецкими* и прямолинейные, съ уширенною верхней частью и остриемъ внизу — *англійскими*. Но подобныя названія не имѣютъ за собой достаточнаго основанія,

1) Въ эту же эпоху (14 в.) стремленіе дать и пѣщему войску дѣйствительное средство для самозащиты вызвало появление въ Западной Европѣ большаго, такъ наз. *стоячаго щита* (*Satzschild*) или *большаго павеза*. Онъ имѣлъ форму параллелограмма съ закругленною вершиною, вырѣзы для зрѣвія и желѣзныя острія для утвержденія въ землю. На этомъ щите, происхожденіе котораго, вѣроятно, итальянское (*parois, pavese* — отъ г. Павіи), также рисовалась обыкновенно разныя эмблемы съ надписями религіознаго, а иногда кабалистического характера.

такъ какъ въ одну и ту же эпоху у всѣхъ названныхъ націй встрѣчается приблизительно одна и та же форма щита.

Итальянцы дѣйствительно имѣютъ своеобразную форму гербового щита, каковая сохранилась у нихъ почти неизмѣнною съ весыма раннихъ временъ и донынѣ; она произошла отъ стоячаго тарча (*Setztartsche*) и, оставаясь въ общемъ своемъ очертаніи всегда одинаковою, только незначительными прилатками и уврашніями приспособлялась ко вкусу той, или другой эпохи. Форма этого щита такова: высокій, въ верхней своей половинѣ расширяющійся, внизу же — съуживающійся. Вершина и подошва его обыкновенно съ украшеніями. Хотя въ Италии встрѣчаются и другія формы щитовъ, какъ напр. въ эпоху Возрожденія—ovalная, обрамленная, наподобіе архитектурнаго картуша, (форма эта особенно употребительна для духовныхъ лицъ), но тѣмъ не менѣе вышеописанная форма представляетъ для Италии характеристичную геральдическую ея особенность.

Самыми удобными и цѣлесообразными формами для помѣщенія гербовъ слѣдуетъ признать: для составныхъ, съ несколькиихъ гербовыми полями: 1) прямой щитъ, закругленный снизу (такъ-наз. *испанскій*) и 2) прямой съ небольшимъ заостреніемъ внизу, а ииогда и съ закругленными вижними углами, (такъ наз. *французскій*). Первый весыма употребителенъ въ испанскихъ гербахъ; одинъ изъ лучшихъ испанскихъ геральдистовъ, *Авилаецъ* поясняетъ, что форма эта была принята, какъ наименѣе поддающаяся вольностямъ, которыя позволяютъ себѣ граверы и художники, прибавляя къ гербамъ различные произвольные украшенія. Второй, такъ наз. *французскій*, въ настоящее время самый употребительный, между прочимъ и въ нашихъ русскихъ гербахъ. Онъ появился въ геральдикѣ лишь съ XVI-го вѣка и не можетъ быть признанъ ни изящнымъ, ни правдивымъ, такъ какъ щиты такой формы въ дѣйствительности никогда не употреблялись въ военномъ дѣлѣ.

Для гербовъ, заключающихъ простыя и, въ особенности, съуживающіяся въ низу фигуры, удобными формами щита признаются также—трехъугольный щитъ и такъ наз. *ильмецкій тарчъ*. Круглые щиты, а также съ различными украшеніями, въ видѣ завитковъ, вообще неудобны для помѣщенія герба и не всегда могутъ

быть примѣняемы, хотя имѣются примѣры и такихъ, которые могутъ служить образцами.

Для гербовъ лицъ женскаго пола прииѣнялись съ давниго времени и встрѣчаются весьма часто на Западѣ щиты въ формѣ ромба (*rautenförmiges Sch.*), хотя они представляютъ большія неудобства для помѣщенія въ нихъ гербовыхъ фигуръ¹⁾.

Общимъ правиломъ при выборѣ той, или другой формы щита можетъ быть признано соотвѣтствіе такового со стилемъ, въ которомъ гербъ долженъ быть изображенъ, прииѣняясь къ иѣсту, гдѣ его хотятъ помѣстить. Такъ напр. на зданіи, сооружаемомъ въ стилѣ поздняго ренессанса, (такъ наз. стилѣ *барокко*), не слѣдуетъ помѣщать трехъугольнаго щита, соотвѣтствующаго готическому стилю; на зданіи же въ ранне-готическомъ стилѣ неумѣстенъ щитъ въ видѣ картуша, богато украшенаго завитками, въ стилѣ *рококо*.

Въ эпоху такъ наз. живой геральдики дѣйствительно употреблявшіеся тогда щиты изготавливались по большей части изъ дерева, обтянутаго кожей, или пергаментомъ, и расписывались красками. Гербовые фигуры часто при этомъ дѣлались изъ выпуклой тисненой ножи (такъ наз. *кожаною пластикой*), или изъ холста, напитаннаго составомъ изъ мѣла и клея (такъ наз. *холщевая пластика*), или, наконецъ, фигуры на щитѣ дѣлались изъ составныхъ кусковъ различныхъ матерій и мѣховъ (*Stückung*).

Щиты въ старину часто бывали обиты металлическими скобами (*Sprangen*) и, какъ мы видѣли, украшались даже драгоценными камнями; отсюда произошли въ гербахъ нѣкоторыя особы геральдическія фигуры, а также разноцвѣтныя, (состоящія изъ кусковъ), окаймленія щитовъ. Нѣсколько подивныхъ средневѣковыхъ щитовъ, по счастливой случайности, сохранились до нашего времени, что позволяетъ намъ ближе ознакомиться съ техникой ихъ изготавленія. Самымъ древнимъ изъ таковыхъ является щитъ, найденный въ погребальномъ склепѣ *Зеедорфскаго* монастыря, въ кантонѣ Ури, въ Швейцаріи. Онъ представляетъ

¹⁾ Главнѣйшия формы щитовъ, употреблявшихся въ геральдикѣ, показаны на Т. I. ф. 4—10.

переходную форму отъ норманского щита къ трехъугольнои и долженъ быть отнесенъ ко 2-й половинѣ XII-го вѣка. Щитъ этотъ сдѣланъ изъ еловаго дерева и покрытъ съ наружной стороны пергаментомъ, а съ внутренней—кожею. Мы видимъ на немъ изображеніе серебрянаго льва, нѣсколько выпуклое, въ полѣ, выкрашенномъ голубою мѣловою краскою.

Весьма замѣчательны тавже оригиналы трехъугольныхъ щитовъ XIII-го вѣка, сохраниающіеся въ древней церкви св. Елизаветы въ Марбургѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ ландграфу Конраду Тюрингенскому. Онъ сдѣланъ изъ липового дерева и обтянутъ съ обѣихъ сторонъ пергаментною кожею, которая покрыта голубою мѣловою краскою. На этомъ фонѣ укрѣплена на гвоздяхъ вырѣзанная изъ двойной толстой кожи фигура льва, который былъ раскрашеннъ полосами, краснаго и бѣлаго цвѣта. Глазъ его былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннаго камня, вставленнаго въ щитъ, а зубы также представлены были пластически, изъ кусочковъ дерева. Корона, по всему вѣроятію, была изъ золоченой жести. Между задними лапами льва мы видимъ гербъ небольшаго размѣра, очевидно позднѣйшаго происхожденія, на которомъ изображенъ черный крестъ Тевтонскаго ордена въ бѣломъ полѣ¹). Другой щитъ, находящійся тавже въ Марбургѣ и принадлежавшій ландграфу Генриху Гессенскому — нѣсколько меньшаго размѣра (78 см. вышины и 60 — ширины). Онъ также обтянутъ пергаментомъ, который сохраняетъ слѣды тщательной позолоты. Фигуры льва, окружающія его мелкія изображенія баснословныхъ животныхъ и другія украшенія этого щита представляютъ интересный образецъ такъ наз. холщевой пластики, которая дополнялась яркою окраскою фигуръ въ различные цвѣта и вставленными въ короку льва, (изъ кожи), цвѣтными каннами. Третій Марбургскій щитъ, который мы воспроизводимъ, относится къ половинѣ XV-го вѣка и представляетъ образецъ боеваго тарча этой эпохи; техника его изготошенія сходствуетъ съ предыдущими²).

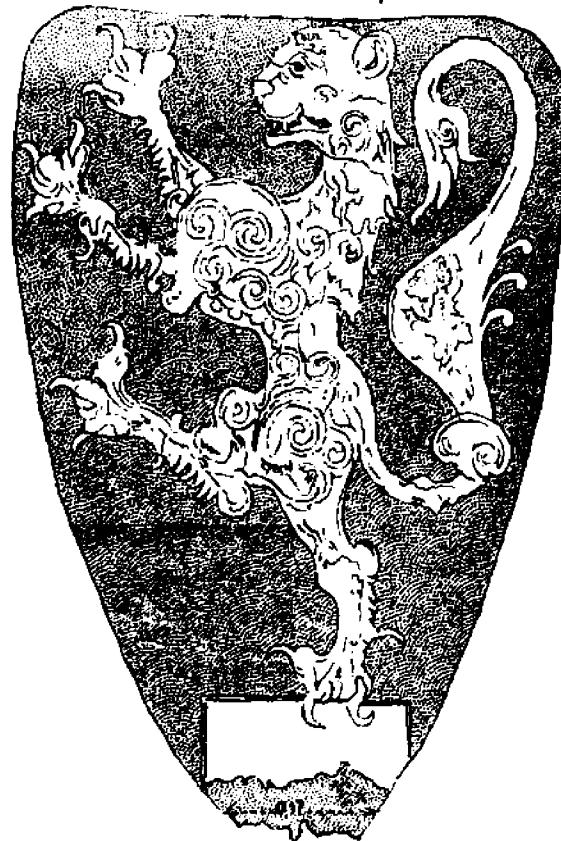
¹) Размеръ этого щита 90 см. вышины, 74 ширины и 10—12 см. толщины.

²) Изображенія этихъ щитовъ мы даемъ на таблицѣ 10.

Markw.



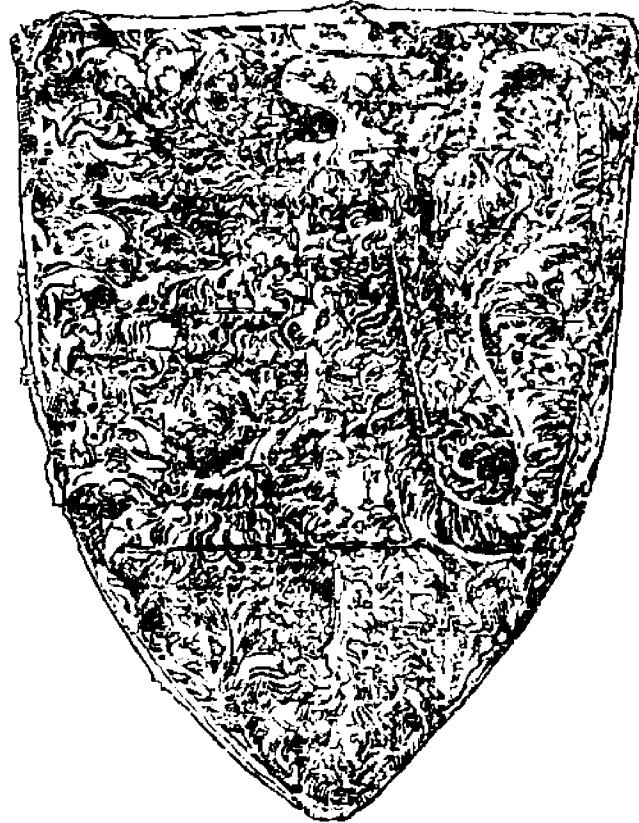
Sauderf.



Märkburg.



Märkburg.



Щиты въ Марбургской церкви представляютъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ геральдическихъ образцовъ изъ XIII-го, XIV-го и XV-го столѣтій и сохранились такъ хорошо, благодаря обычаю, о которомъ мы уже упоминали, вѣшать таковые внутри церквей дляувѣковѣченія памяти ихъ владѣльцевъ.

X.

Съ понятіемъ о гербѣ немѣжно связано представлениѳ объ извѣстной окраскѣ щита, ибо послѣдній уже самъ по себѣ имѣть тотъ или другой естественный цвѣтъ, который свойственъ или материаlu, изъ котораго сдѣланъ щитъ, или же приданъ ему чрезъ окраску, позолоченіе, обивку и т. под. Поэтому щитъ уже самъ по себѣ, иногда безо всякой особой гербовой эмблемы, могъ служить отличительнымъ знакомъ, или гербомъ. Дѣйствительно, и въ древнія, и въ новѣйшія времена мы встрѣчаемъ такие гербы, которые заключаютъ въ себѣ лишь одинъ какой-либо цвѣтъ, или металль, или мѣхъ. Такъ напр. гербъ нѣмецкой фамиліи *Боссенштейнъ* представляетъ золотой щитъ, польской фамиліи *Біельскихъ* — серебряный, испанской ф. *Прадо* — зеленый, французской ф. *Гонту* — черный, *de-Barge* — синій, и т. д., безо всякихъ фигуръ.

Геральдика первоначально знала только четыре цвѣта: *красный*, *синій*, *блѣдныи* и *черныи*. Эти цвѣта упоминается, какъ геральдические, авторъ древняго трактата «*L'arbre des batailles*», временъ французскаго короля Карла V, и другіе писатели 14-го вѣка. При появившейся вскорѣ потребности въ большемъ количествѣ различительныхъ цвѣтовъ въ гербахъ, къ упомянутымъ четыремъ прибавились еще составные цвѣта: *зеленый*, *желтыи* или *золотой* (*aureus*) и *пурпуровый*, а въ англійскихъ гербахъ появился, кромѣ того и *оранжевый* (*tenué*).

Обычай украшать щиты благородными металлами, золотомъ и серебромъ, присоединилъ къ вышеупомянутымъ геральдическимъ цвѣтамъ различающие отъ послѣднихъ, названные два металла; при этомъ соотвѣтствующій золоту — желтый, и со-

ребру — бѣлый цвѣтъ стали замѣнять эти металлы въ гербахъ, не употребляясь болѣе, какъ самостоятельные цвѣта. Такое различіе геральдическихъ цвѣтовъ, или *тинктура*, отъ *металловъ* мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ одной рукописи о составленіи врасось, 1400 года, и оно съ этихъ поръ, становится общепринятымъ, хотя, впрочемъ, во французской и испанской геральдикѣ, какъ металлъ, тавъ и цвѣта продолжаютъ обозначаться общимъ названіемъ геральдическихъ *эмалей* (*émaux*, *estmalds*).

Употребленіе основныхъ цвѣтовъ въ средневѣковой геральдикѣ, некоторые ученые ставили въ связь съ примѣненіемъ таковыхъ же у Римлянъ, въ играхъ цирка, при которыхъ борющіеся раздѣлялись на партіи, различавшіяся цвѣтами одеждъ. Подобное же различіе партій цирка по цвѣтамъ перешло, какъ известно, и въ Византію и могло, конечно, распространиться и на римскія провинціи, Галлію, Геріанію и др., гдѣ такие игры также вошли въ обычай. Несомнѣнно, что то же самое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и при рыцарскихъ турнирахъ Среднихъ вѣковъ.

Въ старинной геральдикѣ много говорилось о такъ называемой *символикѣ цвѣтовъ* и отсюда окраскѣ щита приписывалось символическое значеніе. Хотя новѣйшіе геральдисты и не раздѣляютъ подобного взгляда, но допускаютъ однако, что иногда цвѣтъ рыцарской одежды и щита получалъ то, или другое условное значеніе. Въ старину, какъ известно, признавали особую таинственную связь между металлами, драгоцѣнными камнями и планетами, а отсюда и соответствующими имъ цвѣтамъ любили давать особое толкованіе. Объ этомъ писалъ знаменитый средневѣковой ученый *Cardanus* († 1576) Впослѣдствіи *Pierre d'Arles* посвятилъ особое сочиненіе тому же вопросу, подъ заглавиемъ: «*Sympathia septem metallorum et septem selectorum lapidum ad planetas*». Слѣды тавихъ взглядовъ отразились и на геральдикѣ. Въ Англіи и донынѣ геральдические металлы и тинктуры носятъ по нѣсколько различныхъ наименованій, смотря по тому, въ какому разряду дворянства принадлежить гербъ извѣстнаго лица. Такъ, золото въ гербахъ принцевъ, называется — *Soleil* (солнце), въ гербахъ первовъ — *topaze* (название драгоц. камня), а во всѣхъ другихъ — *or*; серебро, въ такомъ же соотвѣтствіи,

называется: то *lune*, то *perle*, (жемчугъ), то *argent*; красный цветъ—*Mars* (планета), *rubis*, *gueules*, синий—*Jupiter*, *saphir*, *azur*, пурпуровый—*Mercure*, *améthiste*, *pourpre*; зеленый—*Venus*, *émeraude*, *sinople*; черный—*Saturne*, *diamant*, *sable*.

Существовало и другое, символическое объяснение геральдическихъ цветовъ, по которому они соответствовали различнымъ свойствамъ и нравственнымъ качествамъ. Подобнымъ толкованиемъ цветовъ въ старинныхъ геральдическихъ сочиненияхъ Коломбьера, Варенна, Ансельма и другихъ посвящены цѣлые главы. Достаточно будетъ привести здѣсь слѣдующее толкованіе геральдиста Ансельма (*Le P. Anselme. Palais d'honneur. Paris. 1686*). «Золото, говорить онъ, означаетъ христіанская добродѣтели: вѣру, справедливость, милосердіе и смиреніе, и мірскія качества: могущество, знатность, постоянство, а также—богатство. Серебро—изъ добродѣтелей означаетъ: чистоту, надежду, правдивость и невинность, а изъ мірскихъ свойствъ: благородство, откровенность, бѣлизну. Красный цветъ соответствуетъ любви, мужеству, смѣлости и великодушію; черный—осторожности, мудрости и постоянству въ испытаніяхъ; синий—цѣломудрію, честности, вѣрности и безупречности. Зеленый—надеждѣ, изобилію, свободѣ и радости. Пурпуръ означаетъ благочестіе, умѣрянность, щедрость и верховное господство. Наконецъ, горностай, (въ видѣ геральд. мѣха), издавна служить символомъ чистоты».

Бромъ того, цвета въ гербахъ получали особое фигуральное значение: такъ напр. красное поле изображало кровь, пролитую за церковь, или государя, синее поле—небо, зеленое—луговую траву, черное—мракъ (печаль) ¹⁾.

Во французской геральдикѣ, (которой слѣдуетъ и наша русская), употребляется два металла: золото и серебро и всего 5 цветовъ, или финифтей (*étaux*), а именно: 1) красная, или червленъ (*gueules*), изображаемая смѣстью сурика и киновари, 2) синяя, или лазурь (*azur*)—смѣесь кобальта и ультрамарина, 3) зе-

¹⁾ Болѣе подробная свѣдѣнія о символикѣ цветовъ можно найти въ сочиненіи Frédéric Portal, *Des couleurs symboliques*. Paris 1837, а также Friedreich. *Die Symbolik u. Mythologie der Natur*. 1859.

лень (*sinople*) — смесь хрома и растительной зелени, 4) чернь (*sable*) — сажа, или слоновая кость. Замѣтишь, что французское название этой финифти — *sable* произошло не отъ чернаго цвѣта земли, какъ объясняли его нѣкоторые авторы, а отъ слова *zable* или *zible*, *zibeline*, означающаго по французски чернаго соболя (по нѣмецки — *zobel*). Корень этого слова арабскій, на которомъ слово *zibet* тавже означаетъ соболя; иѣхъ послѣднаго, какъ извѣстно, издавна весьма распространенъ быль на Востокѣ и оттуда проникъ и въ западную Европу въ эпоху врестовыхъ походовъ. 5) Пурпуръ — весьма рѣдко употребляемый въ гербахъ; къ тому же цвѣть этотъ въ геральдикѣ не былъ точно опредѣленъ: онъ изображался то лиловымъ, то лилово-краснымъ, то темно-синимъ, и другихъ оттѣнковъ. Такое различие происходило главнымъ образомъ отъ того, что настоящій, естественный цвѣть пурпура, добывавшагося въ древности изъ двухъ различнаго рода раковинъ, встрѣчающихся въ Средиземномъ морѣ, дѣйствительно былъ двоякій: такъ наз. *аметистъ* — болѣе тѣмный, фиолетового оттѣнка, и *Тирскій пурпуръ* — огнено-краснаго цвѣта.

Древніе геральдисты, и въ томъ числѣ *Ménétrier*, вовсе не допускали пурпура въ гербахъ, а другіе, какъ напр. *Colombière*, признавали его двойственнымъ (*emphibie*), т. е. принадлежащимъ одновременно и къ металлаи, и къ цвѣтамъ. Какъ цвѣть гербового поля, пурпуръ встрѣчается почти исключительно лишь въ испанской геральдикѣ.

Въ нѣмецкой геральдикѣ основными тинктурами считаются четыре: красная, синяя, черная и зеленая, (послѣдняя крайне рѣдко употребляемая въ нѣмецкихъ гербахъ); но кроме того, съ болѣе поздняго времени вошли въ употребленіе еще нѣсколько второстепенныхъ и составныхъ цвѣтовъ, а именно: *желѣзно-спрая* (*eisengrau*), *пепельная* (*aschfarb*), *земляная* (*erd-umberfarb*), *коричневая* (*braun*), *водяно-голубая*, или *стальнагая* (*wasserfarb*, *stahlblau*) и, наконецъ, заимствованная изъ англійской геральдики *оранжевая* (*rothgelb*). Помимо всѣхъ названныхъ тинктуръ, которые встречаются въ гербахъ, какъ цвѣта щитового поля, для гербовыхъ фигуръ примѣняютъ еще

такъ наз. *натуральный, или тѣлесный цвѣтъ* (*natur —, fleisch-farb; couleur naturelle*).

Слѣдуетъ замѣтить, что вышеупомянутые второстепенные цвѣта, строго говоря, не геральдичны и къ тому же почти излишни. Названныхъ 4-хъ, или 5-ти основныхъ тинктуръ и 2-хъ металловъ для геральдиста вполнѣ достаточно, если онъ въ точности слѣдуетъ правиламъ геральдики; къ такъ наз. натуральнымъ цвѣтамъ онъ прибѣгаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывается дѣйствительной необходимостью, напр. когда, по особому указанію въ гербѣ, слѣдуетъ изобразить какое-либо животное, оленя, лисицу, быка, известное растеніе, часть человѣческаго тѣла и т. под., тѣль цвѣтомъ, который имъ свойственъ въ природѣ: бураго, рыжаго, сѣраго, розоваго, тѣлеснаго и др.

Въ древнемъ геральдическомъ искусствѣ подобное примѣненіе натуральныхъ цвѣтовъ встрѣчается вообще крайне рѣдко и лишь въ новѣйшее время эти естественные цвѣта стали входить въ геральдикѣ во всеобщее употребленіе. Старые геральдисты примѣняли вмѣсто таковыхъ, по старинному правилу, ближайшія, подходящія къ нимъ по характеру цвѣта геральдическія тинктуры. Такъ напр. олени, собаки, быки изображались обыкновенно въ гербахъ черными, или красными, львы—золотыми, или красными, части человѣческаго тѣла — красными, или серебряными; впрочемъ, эти послѣднія нерѣдко изображались въ старину и натурального (тѣлеснаго) цвѣта.

Относительно сочетанія цвѣтовъ и металловъ существуетъ въ геральдикѣ общее и основное правило, что цвѣтъ не можетъ быть положенъ на цвѣтъ, а также — металлъ на металлъ, но лишь цвѣтъ на металлъ, и обратно. Такъ напр., красный левъ не долженъ быть помѣщаемъ на синемъ, или зеленомъ полѣ, но только лишь на золотомъ, или серебряномъ; или обратно, золотой орелъ не долженъ помѣщаться на серебряномъ полѣ, но только на цвѣтномъ. Само собою разумѣется, что желтый и бѣлый цвѣта, замѣняющіе при упрощенномъ изображеніи металловъ золото и серебро, признаются здѣсь за таковые.

Впрочемъ, существуютъ многочисленные примѣры изъ лучшаго периода геральдики, въ которыхъ указанное здѣсь правило

не соблюдено; такие примѣры, какъ мы видѣли, относятся или къ такъ наз. *загодочнымъ* гербамъ, или же произошли отъ простой ошибки, вслѣдствіе того, что золото отъ времени краснѣло, а серебро становилось синимъ, или чернымъ.

Въ настоящее время это практическое правило по большей части еще соблюдается, впрочемъ уклоненія, хотя таковыя въ художественномъ отношеніи и не особенно удачны, не признаются однако за геральдически недопустимую ошибку.

Въ нѣмецкой геральдикѣ при болѣе значительной пустующей поверхности герба, т. е. не занятой никакою фігурою, таковая иногда покрывается особаго рода рисункомъ, называемымъ *дамаскировкою*¹⁾. Онъ представляетъ узоръ въ видѣ арабески; въ старину примѣнялся также рисунокъ, состоящій изъ перекрещенныхъ черточекъ, точекъ, розетовъ и т. под.

При помощи вышеуказанныхъ цвѣтовъ могутъ быть изображены безъ всякаго затрудненія всевозможные гербы. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе нужно воспроизвести посредствомъ металла, дерева, камня, или чрезъ гравюру и литографію, безъ применения дѣйствительныхъ красокъ, приходится прибѣгать бѣ инымъ способамъ для различенія геральдическихъ тинктуръ. Потребность въ этомъ впервые начала сказываться въ XVI-мъ столѣтіи, когда искусство гравюры на деревѣ и мѣди стало развиваться и достигло большаго совершенства. Съ этого времени стали появляться печатные гербовники, между которыми заслуживаютъ вниманія изданный въ Нюрнбергѣ *Виргилемъ Солисомъ* (1555 г.), позднѣе — гербовникъ *Брентелл* (1584 г.) и *Зимбахера* (1605 г.), *Фюрста* (1655 г.) и др. Въ этихъ печатныхъ гербовникахъ впервые примѣнены были новые условные способы обозначенія геральдическихъ цвѣтовъ и металловъ. Сначала для этой цѣли употреблялись объяснительныя надписи, обозначавшія тинктуры и металлы, а затѣмъ, въ сокращеніи — буквы; этому способу слѣдовали упомянутые *Солисъ*, а за нимъ *Мартинъ Шротъ* (1576), *Христіанъ Урстисъ* (1580) и *Зимбахеръ*. Они обозначали цвѣта

¹⁾ Такой рисунокъ встрѣчаются впрочемъ и во французской геральдикѣ, но чаще, какъ украшениіе геральдич. фігуры, и обозначается терминомъ *diapré*.

и металлы начальными буквами нѣмецкаго, (а иногда—латинскаго), алфавита, соотвѣтствовавшихъ имъ названій: такъ напр. *R (roth)*—красный, *B (blau)*—синій, *Sch. (schwarz)*—черный, *Pp*—пурпуръ *G (gold)*—золото, *S. (silber)*—серебро и т. д.

Въ 1654 г. Генрихъ Спильманъ примѣнилъ для изображенія финифтей и металловъ астрономическіе знаки планетъ: знакъ \odot солнца изображалъ золото; \textcircled{C} луны—серебро; $\textcircled{\delta}$ Марса—червленъ, \textcircled{J} Юпитера—лазурь, $\textcircled{\oplus}$ Венеры—зелень, $\textcircled{\natural}$ Сатурна—чернь и $\textcircled{\wp}$ Меркурия—пурпуръ. Но упомянутыя способы представляли большія неудобства; они оказались совершенно непригодными при изображеніи гербовъ съ мелкими и многочисленными фигурами, въ особенности же при сложныхъ гербахъ и въ небольшомъ масштабѣ, и это вызвало введеніе болѣе цѣлесообразнаго способа обозначенія геральдическихъ тинктуръ и металловъ посредствомъ чертъ и точекъ, которыми покрывается поле щита, соотвѣтственно ихъ условному значенію. Первый опытъ примѣненія подобнаго способа былъ сдѣланъ Яковомъ Франкартомъ: онъ издалъ въ 1623 г. въ Брюссель описание погребенія эрцгерцога Альберта Австрійскаго, уврашенное гравюрами на меди, къ которому приложилъ объяснительную таблицу штриховъ для различенія на изображенныхъ гербахъ финифтей и металловъ. Золото онъ предложилъ изображать горизонтальными штрихами, серебро—оставляя чистое мѣсто, червленъ—вертикальными, зелень—диагональными чертами слѣва, чернь—взаимно пересѣкающимися диагональными, лазурь—точками. Такой графическій способъ оказался самымъ цѣлесообразнымъ и удобнымъ и вскорѣ вошелъ во всеобщее употребленіе, хотя и подвергся впослѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ¹⁾. Въ настоящее время общепринятый методъ изображенія гербовъ, безъ дѣйствительнаго примѣненія красокъ и металловъ, посредствомъ штриховки, слѣдующій (см. таб. I, фиг. 16—21). Красный цветъ (червленъ) изображается чрезъ вертикальные штрихи; лазурь—чрезъ горизонтальные; зе-

¹⁾ Различные предлагавшіеся способы обозначенія геральдическихъ тинктуръ показаны на табличкѣ красокъ (I фиг. 2). Первый (верхній) рядъ даетъ систему Франкарта, второй—Карамзеля Лобковица, третій—де Рука и четвертый—Геленуса.

леный—діагональными чертами, проведенными изъ геральдически-правой стороны щита къ лѣвой; черный—вертикальными и горизонтальными, пересѣкающимися чертами; золото—чрезъ пунктиръ, (усѣяніе поля, или фигура точками); серебро—остается бѣлымъ, т. е. безъ чертъ и точекъ; пурпуръ—діагональными чертами, проведенными отъ лѣвой стороны къ правой (противоположно зеленому). Натуральный цветъ не получаеть, обыкновенно, никакого особаго обозначенія: чтобы отличить предметы натурального цвета отъ серебряныхъ, ихъ слегка оттеняютъ, (художественною тѣнью или штриховкою). Этотъ послѣдній, увазанный нами методъ обозначенія геральдическихъ тинктуръ, предложенъ былъ учёнымъ іезуитомъ *Petra Sancta* въ его сочиненіи «*Tesserae gentilitiae*» (изд. въ Римѣ 1638 г.), а затѣмъ былъ принятъ по-всюду, благодаря французскому геральдисту *Vulson de la Colombière*, который изложилъ ее въ болѣе законченной формѣ въ сочиненіи «*Nouvelle méthode de cognoistre les tinctures et les couleurs sur la taille douce*» (Paris. 1639). Другія системы штриховки, предлагавшіяся въ XVII-мъ вѣкѣ испанцемъ *Caramuel Lobkowitz*, нидерландцемъ *Омою фонъ Рукъ* и въ Германіи—*Гелениусомъ*, оказались менѣе удобными и распространенія не получили. Прибавившіяся впослѣдствіи второстепенные геральдические цвета также обозначаются графическимъ способомъ (что видно на фигурахъ таблицы I) ¹⁾.

¹⁾ Пурпуръ обозначается діагональными штрихами слѣва (ф. 22); кровяной цветъ (*blutroth, kirschroth*)—горизонтальными, пересѣченными косвенными справа (ф. 23); оранжевый—маленькими вертикальными черточками съ раздѣляющими ихъ точками (ф. 24); коричневый (*braun*)—вертикальными линіями, пересѣч. косвенными слѣва (ф. 25); земляной (*erd/arb*)—вертик. и горизонт. линіями, пересѣч. косв. справа (ф. 26) желтый (*eisen/arb*)—діагональными, пересѣч. линіями справа и слѣва (ф. 27); непельный (*asch/farb*)—перемѣнными черточками, горизонт. и вертикальными (ф. 28); водяной (*wasser/farb*)—короткими, горизонт. черточками (ф. 29; натуральный (*natur/farb*)—тонкими черточками, на подобіе зигзаговъ (ф. 9).

Въ вѣмецкой геральдикѣ допускается еще условио такъ наз. *тынсвой цвѣтъ* (*Schattenfarb*), при которомъ цветъ щитового поля, такъ сказать, просматривается чрезъ фигуру, какъ въ ф. 15, гдѣ фигура льва извѣсть подобный тынсвой цветъ. Такое обозначеніе допускается для отличія отъ болѣе распространенныхъ такъ наз. *перемѣнныхъ* фигуръ, которая при двухъ различно окрашенныхъ частяхъ поля, финифтийской и металлической, принимаютъ перемѣнную окраску, т. е. на металлы—финифти, а на финифти—металла.

Обозначение геральдическихъ цвѣтовъ чрезъ штриховку при пластическоймъ (*en relief*) изображеніи гербовъ въ болѣе древнее время не примѣнялось вовсе, и при этомъ различіе цвѣтовъ узнавалось чрезъ выпуклость, или углубленіе; въ новѣйшее же время штриховку очень часто примѣняютъ на печатяхъ, монетахъ и на различныхъ рельефахъ, особенно для обозначенія фона, (т. е. щитового поля); гербовые же фигуры при этомъ обыкновенно даются безъ штриховки. Впрочемъ этотъ практикующійся пріемъ нельзя особенно рекомендовать, и художникамъ слѣдовало бы соблюдать въ точности геральдическую штриховку также и на пластическихъ изображеніяхъ гербовъ.

Слѣдуетъ особенно замѣтить, что штриховка должна всегда согласоваться съ направленіемъ гербового щита, т. е. его діаметровъ, а именно перпендикулярные штрихи, (обозначающіе червленъ), должны быть параллельными продольному діаметру щита (сверху внизъ), а горизонтальные штрихи, (обозвач. лазурь), — параллельны поперечному діаметру (оси) щита. Итакъ, слѣдуетъ проводить штрихи не параллельно краямъ листа бумаги, на которомъ изображенъ гербъ, а параллельно краямъ этого листа ¹⁾.

Какъ мы уже видѣли, въ древнѣйшія времена боевые щиты у Германцевъ покрывались мѣхами. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ и въ Средніе вѣка, а также и въ непосредственно слѣдующую за ними эпоху, но уже по другой причинѣ, а именно подъ влияніемъ постепенно развивавшагося въ рыцарской средѣ вкуса къ роскоши.

Рѣдкіе мѣха очень цѣнились въ то время, составляя излюбленное украшеніе знатныхъ лицъ. Мы видимъ, что чрезмѣрное ихъ распространеніе вызвало даже со стороны королей Филиппа II и Ричарда III запрещеніе сопровождавшимъ ихъ въ крестовомъ походѣ 1190 г. рыцарямъ носить мѣха соболя, горностая и другихъ цѣнныхъ животныхъ. Въ одной современной хроникѣ упоминается о богатыхъ одѣждахъ, украшенныхъ драгоцѣнными мѣ-

¹⁾ Такъ напр. на Т. I ф. 10 красный цвѣтъ на щитѣ обозначенъ правильно, а на ф. 13 тотъ-же цвѣтъ—неправильно.

хами, къ которыхъ Готфридъ Бульонскій и другіе французскіе рыцари явились къ греческому императору Алексѣю Комиену.

Несомнѣнно, что примѣненіе мѣховъ къ уврашению рыцарскихъ щитовъ предшествовало употребленію гербовъ. На одномъ изображеніи, около 1100 года встрѣчается щитъ, покрытый узоромъ изъ мѣха, въ видѣ такъ наз. въ геральдикѣ *облачной линіи*; но значеніе гербовыхъ фигуръ такія примѣненія мѣховъ на щитахъ получаютъ лишь къ концу XII столѣтія. Они представляли дѣйствительное большое удобство въ этомъ отношеніи: изъ мѣха весьма легко вырѣзывалась та, или другая геральдическая фигура, каковая и прибивалась затѣмъ къ щиту гвоздями.

Въ Средніе вѣка изъ мѣховъ преимущественно употреблялись для уврашения щитовъ *горностай* (*Hermelin, hermine*) и *бѣличій мѣхъ* (*Grauwerk, Fehwatten, Kürsch*; франц. *vair*). Иногда въ тѣ времена, вмѣсто чернаго цвѣта, употреблялся соболій мѣхъ (*Zobel, zibeline*). Мы уже указали выше, что отсюда произошло и геральдическое название чернаго цвѣта—*sable*. Такъ напр. рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ имѣлъ щитъ, обтянутый горностаевымъ мѣхомъ, который пересекался двумя поясами, вырѣзанными изъ чернаго соболя. Въ гербѣ царственаго дома Гогенцоллерновъ черныя поля въ щитѣ также въ древнѣйшее время описываются, какъ сдѣланныя изъ собольяго мѣха. Въ XII и XIII столѣтіяхъ употреблялся еще на щитахъ мѣхъ, искусственно окрашенный въ красный цвѣтъ, такъ наз. *Kelen*; некоторые считали его за мѣхъ красной бѣлки, или же куницы.

Въ настоящее время въ геральдикѣ имѣютъ примѣненіе въ гербахъ только два мѣха: *горностаевый* и *бѣличій*.

Горностай есть бѣлый мѣхъ, на которомъ нашиты черные оконечности хвостовъ того-же животнаго; сообразно съ этимъ, мѣхъ этотъ изображается геральдически чрезъ расположенныхъ рядами (обыкновенно 6 рядовъ, по 3 и 4 хвостика въ рядѣ), черные пятнышки, схожія съ крестиками и кончающіяся бѣ низу тремя острыми кончиками, на бѣломъ (серебряномъ) полѣ. Иногда, впрочемъ, горностаевый мѣхъ изображался въ геральдикѣ иначе, а именно черные концы хвостовъ рисовались выходящими изъ пятнышка, чаше всего желтаго цвѣта. Такое изображеніе, про-

исходя отъ дѣйствительно употреблявшагося мѣха, объясняется тѣмъ, что хвостъ горностая имѣть на самомъ дѣлѣ выше своего чернаго конца желтую окраску.

Когда хвостики горностая изображаются бѣлыми (серебряными) на черномъ полѣ, то это получаетъ название *противо-горностая* (*Gegenhermelin, contre-hermine*) I. ф. 31. Кроме того, въ западно-европейской геральдикѣ встрѣчается еще *горностай въ золотомъ полѣ*, вместо серебрянаго (*Goldhermelin*), I ф. 32, также въ полѣ изъ чешуекъ, или кусочковъ мѣха (*Schuppenhermelin*) I. ф. 33, и, наконецъ, съ совершенно неестественнѣмъ изображеніемъ хвостиковъ I. ф. 34.

Горностаевый мѣхъ всегда служилъ отличительнымъ признакомъ власти, господства и кромѣ щитового украшенія, издавпа употреблялся также для подбивки мантій государей, герцоговъ, князей и другихъ владѣтельныхъ лицъ.

Бѣличій мѣхъ, примѣняемый въ геральдикѣ, состоить изъ шбуровъ бѣлыхъ и голубо-сѣрыхъ, расположенныхъ попере-мѣнно, откуда произошло его французское название *vair* — образовавшееся изъ латинскаго *varius* (различный, мѣняющійся). Такое название соотвѣтствовало мѣху бѣлки, который имѣть различную окраску спины и брюшка, и бромъ того, измѣняетъ свой цвѣтъ по временамъ года. Онъ изображается въ геральдикѣ иногда въ естественномъ видѣ, т. е. въ видѣ мѣха (II ф. 14, 15), но гораздо чаще посредствомъ волнообразныхъ линій, или въ видѣ такъ наз. *желѣзныхъ шапочекъ* (*Eisenhüt*), образующихъ своеобразный стилизованій узоръ въ гербовомъ щитѣ. Новѣйшія изслѣдованія о геральдическихъ мѣхахъ, въ особенности специальный трудъ *килза Гогенлоэ*, посвященный этому вопросу, доказали, что эти такъ наз. *желѣзныя шапочки* суть чи-что иное, какъ составной мѣхъ, что, впрочемъ, не исключаетъ и того, что во многихъ случаяхъ мѣхъ, для дешевизны, замѣнялся вырѣзками изъ матеріи, на подобіе шашекъ, ромбовъ, фестоновъ и т. под.

Такъ наз. *желѣзныя шапочки* (*Eisenhütlein*) произошли въ XIV мѣвѣкѣ изъ подобной баймы въ видѣ угловатой облачной линіи, которая, какъ было сказано, вырѣзывалась изъ мѣха,

а иногда изъ сукна ¹). Въ гербахъ эти желѣзныя шапочки по большей части бываютъ расположены рядами и, по правилу, должны быть синими въ серебряномъ полѣ (вѣрище, синими и серебряными, чередуясь). Какъ это доказывается нѣкоторыми старинными гербами, которые въ XIII-мъ вѣкѣ содержали рисунокъ въ видѣ облачной линіи, а въ XIV-мъ — желѣзныя шапочки, эти послѣднія произошли несомнѣнно отъ облачной линіи чрезъ заостреніе ея очертанія подъ віяніемъ готического стиля. Въ тѣ же времена онѣ прозваны были такъ герольдами, вѣроятно, по причинѣ своего сходства съ встрѣчавшимися тогда подобными боевыми шапками.

Желѣзныя шапочки въ гербахъ имѣютъ слѣдующія разновидности:

1) *Обыкновенный бѣличій мѣхъ* (правильного цвѣта) — синія жел. шапочки въ серебряномъ полѣ, расположенные рядами, по перекъ щита (*Feh, vair*) II ф. 1. 2). *Опрокинутый бѣл. м.* (*Sturzfeh*) II ф. 2, причемъ синія шапочки опрокинутыя, а бѣлые — стоячія. 3) *Поставленный въ столбъ* (*Pfahlfeh*) II ф. 5, причемъ шапочки расположены одна подъ другою, такъ что вершина нижней опирается въ основаніи верхней. 4) *Поставленный въ столбъ и опрокинутый* (*Sturzpfahlfeh*) II ф. 6. 5) *Противо бѣличій* (*Gegenfeh, contre vair*) II 3, при чемъ одинъ рядъ шапочекъ стоячій, а слѣдующій опрокинутый, такъ-что шапочки сходятся основаніями. 6) *Противо-бѣличій опрокинутый* (*Sturzgedenfeh*) II 4, когда опрокинутымъ является первый рядъ, а стоячимъ — второй и т. д. 7) *Бѣличій мѣхъ съ разноцвѣтными шапочками* (не прав. цвѣтовъ) — (*Buntfeh*) II. ф. 7, 8, 9). Бѣл. м. съ горностаевыми шапочками (*Hermelinfeh*) II 10. 9) Бѣл. м. съ крюковидными шапочками (*Kruckenfeh, potent*) II. 11, встрѣчается лишь въ англійской геральдикѣ. 10) Бѣл. м. съ *перемѣнными крюковидными шапочками* (*Wechselkruckenfeh*) II. ф. 12.

¹) Подобные каймы, вырѣзанные па подобіе облачаго рисунка, или же лѣзныя шапочки, мы встрѣчаемъ и на средневѣковыхъ одѣждахъ, иъ особенности па рыцарскихъ туникахъ (такъ наз. *Lendner*), при чемъ заслуживаетъ вниманія, что эти послѣднія особенно чисто были синими, а находившіяся подъ ними латы рыцаря имѣли металлическій блескъ, что воспроизводило въ живой дѣятельности геральдической рионовокъ желѣзныхъ шапочекъ.

Наконецъ, единичныя, отдельно стоящія въ щитѣ жалѣзныя шапочки считаются за обыкновенныя фигуры и описываются, какъ таковыя ¹⁾.

XI.

Поверхность гербового щита, называемая *полемъ*, имѣть или одинъ только цвѣтъ (финифть), или же нѣсколько правильно разграниченныхъ линіями цвѣтовъ. Крайне рѣдко щитъ бываетъ пустымъ ²⁾, т. е. безъ какихъ-либо изображеній, обыкновенно же въ немъ помѣщаются гербовые фигуры.

Гербовою фигурою можетъ быть все, что возможно представить въ видѣ изображенія, или цвѣта, (финифти, металла, мѣха). Одни лишь цвѣта, какъ одинъ, такъ и нѣсколько, распределенные по различнымъ полямъ (мѣстамъ) правильно раздѣленного щита и образующіе такимъ образомъ фигуру изъ разныхъ цвѣтовъ, достаточны для образования законченного герба.

Такія гербовые фигуры изъ цвѣтовъ, представляющія полные гербы, называются *геральдическими фигурами* по той причинѣ, что онѣ свойственны исключительно только геральдикѣ и имѣютъ въ ней условное значеніе, будучи изобрѣтены или по крайней мѣрѣ опредѣлены герольдами. Ихъ называются также *почетными фигурами* (*Ehrenstücke, pièces honorables*), хотя послѣднее название въ настоящее время почти оставлено. Всѣ же

¹⁾ Число жалѣз. шапочекъ въ рядахъ бываетъ различно. Обыкновенно привятое число ихъ не болѣе 2-хъ съ половиною въ каждомъ ряду, какъ на II ф. 1; когда ихъ больше, то это наз. *уменьшеннѣмъ* бѣл. м. (*Kleinfch*); въ обратномъ случаѣ, какъ на II ф. 9—*увеличеннѣмъ* (*Grossfch*).

Во французской геральдикѣ дѣлается еще различіе по числу рядовъ: когда таковыхъ въ щитѣ больше 4-хъ, то это наз. *tenu-vair*, когда же меньше, то наз. *beffroy*. Каждый рядъ шапочекъ называется *tire*.

²⁾ Когда подобными незанятыми щиты продавались ихъ владѣльцами для помѣщенія въ нихъ впослѣдствіи какой-либо гербовой фигуры, то они получали наименованіе *ожидательныхъ щитовъ* (*Wartschilde*). Такіе щиты встрѣчаются рѣдко. Такъ напр. Пфальцская вѣтвь владѣтельного дома Виттельсбаховъ, утратившихъ курфюрстское достоинство свое въ 1623 г., сохранило красный щитъ, въ которомъ до тѣхъ порь имѣлось изображеніе государственной державы, *не занятыхъ* до 1758 г. Встрѣчаются также гербовые щиты, имѣющіе въ своемъ полѣ лишь однѣ мѣхи, безъ фигуръ.

прочія изображенія, употребляемыя въ гербахъ, представляющія какія-либо предметы изъ природы, искусства и даже изъ области фантазіи, называютъ, въ простое отличіе отъ предъидущихъ, а также потому, что они изображаютъ обыкновенно общеизвѣстные предметы изъ обыденной жизни, *обыкновенными*, или *простыми* гербовыми фигурами, (также *не-геральдическими*). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что не существуетъ никакого преимущества геральдическихъ фигуръ передъ простыми по достоинству, а равно и между различными цвѣтами. Съ древнѣйшихъ временъ фигуры изъ обѣихъ этихъ категорій встречаются совмѣстно, безо вся-
каго различія подобнаго рода. Но названныя геральдическія фигуры, (состоящія изъ цвѣтовъ), существенно различствуютъ между собою, смотря по тому, образованы-ли они линіями, про-
веденными чрезъ поле щита вдоль (отвѣсно), поперекъ (горизон-
тально), или вбось (діагонально) отъ одного бока къ другому, или изъ одного угла въ другой, противоположный, при чемъ по-
лучаются или 1) одинакового размѣра поля (мѣста), изъ кото-
рыхъ каждое имѣть свой собственный цвѣтъ, причемъ каждое поле занимаетъ половину всего щита, или 2) два иѣсто нерав-
ной величины, а именно меньшее мѣсто опредѣленного (точно установленного) размѣра и большее, занимающее всю остальную часть щитового поля, причемъ послѣднее имѣть и другой цвѣтъ.
Въ этомъ случаѣ меньшее мѣсто прилегаетъ къ большему, находясь, или у края щита, или по срединѣ его, или же простираясь чрезъ щитъ вдоль, поперекъ, или вбось. Такое меньшее мѣсто, заимствующее свое название отъ того, или другаго очертанія, ко-
торое оно получаетъ, и выступающее на большемъ полѣ (или мѣстѣ) въ видѣ отдѣльного изображенія, и есть таъ называемая *геральдическая фигура* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Ее слѣдуетъ отличать отъ тѣхъ фигуръ, которые представляютъ собственно *лишь дѣленія* (*Theilung*) щита на два и болѣе одинаковыхъ по размѣру поля, того и другаго цвѣта и которыхъ поэтому называются *фигурами дѣленій* (*Theilungsbilder, partitions*), а иногда, менѣе удачно,—*тилктурами* или *слѣченіями* (*Sectionen*).

Въ одномъ гербовомъ щитѣ могутъ быть соединены фигуры обоего рода, т. е. геральдическія и обыкновенныя, причемъ каж-

дая геральдическая фигура можетъ быть обременена обыкновенно, (т. е. включать въ себѣ послѣднюю).

Въ геральдикѣ издавна принято за основное правило, что обозначеніе правой и лѣвой стороны относится къ носителю щита. Поэтому при описаніи герба слѣдуетъ вообразить себя на мѣстѣ щитоносца, какъ бы стоящимъ за щитомъ, держа его передъ грудью. Отсюда все, что зрителю щита представляется на правой его сторонѣ, для щитоносца, или геральдически, будетъ находиться на лѣвой и потому называться лѣвою, и обратно. Такъ напр. на табл. I фиг. 14 *AG*—правая, *CJ*—лѣвая сторона щита.

Представляя себѣ рыцаря держащимъ щитъ предъ собою, выводятся отсюда слѣдующія обозначенія частей послѣдняго (фигура 14):

AC есть верхній или головной край (*Oberrand, Hauptrand*).

GJ—нижній край или подножіе (*Fussrand*), оковечность.

Эти названія соотвѣтствуютъ до некоторой степени частямъ тѣла, которыя прикрывались щитомъ.

AG—правый или передній боковой край (*rechter, oder vorderer Seitenrand*).

CJ—лѣвый или задній боковой край (*linker, od. hinterer Seitenrand*).

Мѣсто *A*—въ щитѣ наз. правымъ верхнимъ угломъ, или правою стороною главы (*rechtes Obereck; франц. canton dextre du chef*).

Мѣсто *C*—наз. лѣвымъ верхнимъ угломъ, или лѣвою стороною главы (*linkes Obereck, canton sénestre du chef*).

Мѣсто *G*—наз. правымъ нижнимъ угломъ (*r. Untereck, canton dextre de la pointe*).

Мѣсто *J*—наз. лѣвымъ нижнимъ угломъ (*l. Untereck, canton sénestre de la pointe*).

Мѣсто *E*—наз. сердцемъ щита (*Herz; coeur, abime*).

Мѣсто *D*—наз. правой—и. *F*—лѣвой сторонами сердца (*flanc dextre, fl. sénestre*).

Мѣста *A, D, G*—составляютъ правую, или переднюю сторону щита.

Мѣста *C,F,J*—лѣвую, или заднюю сторону щита.

Мѣста *B,E,H*—составляютъ такъ наз. мѣсто столба. (*Pfahlstelle, pal*).

Мѣста *D,E,F*—средину щита (*Mittelstelle, milieu*).

Малый щитокъ, помѣщенный въ сердцѣ гербового щита, наз. *среднимъ*, или *сердцевымъ щитомъ* (*Mittel-od. Herzschild, éci sur le tout, écusson en coeur*). Когда же сердцевой щитъ имѣеть въ своей срединѣ еще другой, меньшій щитокъ, то первый изъ нихъ получаетъ название *средняго*, а второй — сердцеваго щита (*éci sur le tout du tout*).

Во французской геральдикѣ, (а также и въ другихъ, бромъ нѣмецкой), всѣ геральдическія фигуры должны быть обращены переднею частью *въ правую сторону*, иначе онѣ будутъ *обращенныя*. Въ нѣмецкой же геральдикѣ всѣ фигуры безразлично обозначаются, смотря по ихъ направленію, обращенными вправо, или влѣво. Фигура, простирающаяся отъ оконечности щита къ главѣ, назыв. обращенною вверхъ, въ обратномъ же направленіи — къ низу обращенною, *опрокинутою* (*gestürzt, renversé*).

Верхняя и правая стороны щита суть болѣе *почетныя*. Главнымъ, почетнѣйшимъ мѣстомъ считается верхній, правый уголъ. Вообще, при описаніи, или блазонированіи герба прежде всего называютъ то, что стоитъ вправо и вверху. Точно также находящееся въ правой части щита называютъ стоящимъ *впереди*, а что въ лѣвой — *позади*.

Всѣ дѣленія сложнаго, (т. е. раздѣленнаго) щита приведены западною геральдикою къ извѣстнымъ нормамъ: имъ даны названія, освященные долговременною практикою и теоріей, усвоенными всѣми государствами. У насъ, въ Россіи, хотя существуютъ тѣ-же дѣленія, но, вмѣсто техническихъ названий, употребляются описательные выраженія: геральдический языкъ у насъ еще не выработался вполнѣ. При разсмотрѣніи дѣленій щита и геральдическихъ фигуръ мы будемъ слѣдовать преимущественно нѣмецкой геральдикѣ, какъ наиболѣе разработанной, при чемъ будемъ приводить техническіе термины нѣмецкой и французской геральдики; переводя ихъ на русскій языкъ, (что иногда пред-

ставляетъ иѣкоторыя затрудненія, въ виду многочисленности и условнаго значенія иныхъ терминовъ).

Главныхъ дѣленій щита четыре: 1) по *вертикальной линіи*, опущенной изъ средины верхняго края на нижній (табл. II ф. 16), это такъ наз. *разспичение* (*Längsschnitt*, *écu parti*) 2) по продольной, *горизонтальной линіи*, соединяющей средины боковыхъ сторонъ щита (II ф. 17)—такъ наз. *переспичение* (*Querschnitt*; *écu coupé*), 3) по дiагонали, проведенной изъ праваго верхняго угла щита къ лѣвому нижнему (II ф. 18)—такъ наз. *скошеніе справа* (*Schrägschnitt*, *écu tranché*) и 4) по дiагонали изъ лѣваго верхняго угла къ правому нижнему (II ф. 19)—такъ наз. *скошеніе слѣва* (*Gehr schnitt*, *écu taillé*).

Въ сочетаніи первого и втораго дѣленій получаемъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя четверти (*gevierter Schild*, *écu écartelé*)—дѣленіе *четвероугольное* или *четверочастное* (III ф. 33). Дѣленія третье и четвертое въ соединеніи разбиваются щитъ на 4 треугольника, вершины которыхъ сходятся въ сердцѣ щита, а основаніями служатъ его края. Это дѣленіе (*Schrägen*, *écartelé en sautoir*)—въ видѣ *Андреевскаго креста* (IV ф. 7). Если, наконецъ, всѣ эти четыре дѣленія соединяются, то щитъ распадается на восемь треугольниковъ, сходящихся вершиною въ сердцѣ щита—это такъ наз. *осмиугольное дѣленіе* (*Ständerung*, *écu gironné*) (IV ф. 21).

Но означенныя сочетанія линій дѣленія, пересѣкающихъ щитъ вдоль, поперекъ и наискось, далеко не исчерпываютъ всевозможныхъ иныхъ, образующихъ безчисленное количество такъ наз. *фигур дѣленія*. Въ виду ихъ значенія въ геральдикѣ, какъ при изображеніи, такъ и при описаніи гербовъ, мы укажемъ здѣсь главнѣйшія ихъ разновидности.

Отдѣльная линія (изъ вышеуказанныхъ), раздѣляющая щитъ вдоль, поперекъ и т. д. и притомъ только на *две равныя половины*, проходитъ чрезъ поле щита въ кратчайшемъ направлении. Но для большаго разнообразія и для того, чтобы получить большее количество фигуръ при этомъ простѣйшемъ дѣленіи, означенной дѣлящей линіи придаются различныя уклоненія, но притомъ равномѣрно въ обѣ стороны, въ видѣ *уступовъ* (*Ab-*

*sätze) или ступеней (Stufen), зубцовъ (Zinnen), заостреній (Spitzen) волнъ (Wellen) и т. д.; подобныя дѣленія при этомъ всегда должны давать равное число ступеней, зубцовъ и т. д. каждого цвѣта, (свадывая вмѣстѣ половинчатые, расположенные въ углахъ). Таковы фигуры, образуемыя при вышеуказанныхъ четырехъ главныхъ дѣленіяхъ щита чрезъ измѣненіе характера дѣлящей линіи, а именно *ступенчатое* (Stufenschnitt II ф. 20), *зубчатое* (Zinnenschnitt II ф. 21) *двойное зубчатое* (Doppelzinnenschnitt II ф. 22), *скошенное зубчатое*, (Schrägzinnenschnitt, II ф. 23), *широко-зубчатое* (Breitzinnenschnitt II ф. 24), *заострено-зубчатое* (Spitzzinnenschnitt II ф. 25), *крестовидно-зубчатое* (Kreuzzinnenschnitt II ф. 26), *заостренное* (Spitzenschnitt II ф. 27), которое можетъ быть также *изогнуто-заостреннымъ* или *пламеневиднымъ*, (Krummepitzenschnitt od. Flammenschnitt II ф. 28); *зубовидное* (Zahnschnitt II ф. 29), *зазубренное* (Zähnelschnitt od. Kerbschnitt II ф. 30), *волнистое* (Wellenschnitt II ф. 31), *облачное* (Wolkenschnitt II ф. 32), *облаковидное* (Wölkenschnitt II ф. 33). Всѣ означенныя фигуры дѣленій могутъ быть примѣняемы во всѣхъ направлениихъ, т. е. вдоль, поперекъ, вкось, справа и слѣва. Къ болѣе рѣдко встрѣчающимся дѣлевіямъ принадлежать такъ наз. *листовидное* (Blatt-schnitt II ф. 34), дающее очертаніе листа, похожаго на лиловый, или же трилистника, или, наконецъ, геральдической лилии; *улиткообразное* (Schneekenschnitt II ф. 35, 36), образованное завиткообразною линіею, проведеною отъ края щита къ средней его точкѣ. Такъ наз. *зъвообразное* дѣленіе (Rachenschnitt II ф. 37) встречается лишь въ двухъ гербахъ, фамилій Helchner и Drake, въ послѣднемъ съ рогами на носу изображенныхъ звѣрей.*

Кромѣ вышеупомянутыхъ дѣленій, примѣняются еще въ гербахъ: *закруглено-зубчатое* (Rundzinnenschnitt, II ф. 38), которое сходно съ сильно загнутымъ волнистымъ и имѣя сходство съ змѣевидными изгибами, называется также *змѣевиднымъ* (Schlangenschnitt); *вызубренно-зубчатое* (Kerbzinnenschnitt II ф. 39) и *крюковидное* (Krückenschnitt II ф. 40). Такъ наз. *вѣтвистое, или пнистое* дѣленіе (Astschnitt II ф. 41) есть собственно то же, что *скошенно-зубчатое*, но проведенное попере-

мъни въ ту, в другую сторону прямой линіи: оно встрѣчается чаще въ видѣ геральдической фигуры, чѣмъ дѣленія.

Всѣ фигуры дѣленій, образованные одною дѣлящою линіею въ одномъ изъ вышеуказанныхъ 4-хъ направлений, суть *простыя дѣленія*, всѣ же прочія, всѣмиа многочисленныя, образованные *нѣсколькоими линіями дѣленія*, или одиородными (по направлению), или смѣшанными, суть *составные дѣленія*. Эти послѣднія слѣдуютъ общему правилу, что одиородныя линіи проводятся въ равномъ разстояніи одна оть другой; вертикальныя и горизонтальныя, кромѣ того, въ равномъ разстояніи оть краевъ щита, а *диагональныя*—оть угловъ.

Изо всѣхъ простыхъ и составныхъ дѣленій тѣ, въ которыхъ оть каждого примѣвеннаго въ нихъ цвета имѣется равное число полей, называются *истинными дѣленіями* (*echte Theilungsbilder*). Въ таковыхъ мѣста каждого цвета при *простомъ дѣленіи* равны одно другому; при *составномъ же*, если ииѣются два цвета, то поля каждого цвета, сложенныя вмѣстѣ, образуютъ ровно половину щитового поля; при трехъ, или четырехъ цветахъ равнѣе число равноИѣрныхъ полей каждого цвета образуютъ одну третью, или одну четверть щита и т. д.

Неистинными же (*unechte Theilungsbilder*) называются всѣ тѣ дѣленія, при которыхъ дѣлящая линія уклоняется только въ одну сторону оть своего прямого направлениія и чрезъ это одно поле занимаетъ въ щите большее пространство, чѣмъ другое, следовательно дѣлящая линія не образуетъ равныхъ полей. Это бываетъ при дѣленіяхъ: *стропильномъ* (*Sparrenschnitt* II ф. 42, III ф. 1), *ступенчатомъ* (*Treppenschnitt* III ф. 2, 3), съ восходящими и нисходящими ступенями, *дугобразномъ* (*Bogen-schnitt* III ф. 4), *чешуевидномъ*, большомъ и маломъ (*Schuppen-schnitt* III ф. 5, 6). Болѣе рѣдкими и почти не употребительными въ гербахъ является такъ наз. *втулкообразное* (*Pfropfschnitt*, III ф. 7, 8), обращенное къ верху и къ низу, и *серповидное*, вправо и влево (*Sichelschnitt* III ф. 9).

Изъ составныхъ дѣленій, кромѣ того, неистинными считаются и тѣ, которыхъ, хотя имѣется равное число полей каждого цвета, но таковыя не равноИѣрны, (не имѣя и по-парно равноИѣрныхъ

полей). Къ неистиннымъ причисляются, наконецъ, и тѣ дѣленія, при которыхъ имѣются равнѣмѣрныя поля, изъ коихъ каждое имѣеть свой цвѣтъ, какъ напр. на III ф. 10 Такъ наз. *вилообразное дѣление* (*Gabelschnitt, Schächerkreuzschnitt*) образуется половинами трехъ дѣлящихъ линій, вертикальной, (проведеной изъ середины нижняго края щита), и двухъ діагональныхъ, (проведенныхъ изъ двухъ верхнихъ угловъ), которые сходятся въ сердце щита; оно бываетъ также *опрокинутымъ* (*gestürzt*), т. е. когда діагонали проведены изъ нижнихъ угловъ, а перпендикуляръ опущенъ сверху. Это дѣление образуетъ три неравныхъ поля, изъ которыхъ каждое имѣеть свой цвѣтъ (III ф. 11, 12).

Прямыя дѣляція линіи указанныхъ 4-хъ направлений могутъ повторяться въ щите нѣсколько разъ, и такимъ образомъ получается нѣсколько полей и притомъ равное число каждого цвѣта, будетъ ли таковыхъ два, или болѣе, какъ это видно на III фиг. 13—26.

Составные дѣленія, образованныя чрезъ соединеніе линій различного направлениія, могутъ быть двухъ родовъ: 1) такія дѣленія, въ которыхъ къ главной дѣлящей линіи, если таковая есть *перпендикуляръ*, изъ нижнихъ угловъ щита проведены наклонные, сходящіяся съ перпендикуляромъ въ срединѣ верхняго края щита, или же обратно на нижнемъ (III ф. 27, 28); если главная дѣляющая линія *горизонтальная*, то наклонные линіи, проведенные изъ правыхъ угловъ, сходятся съ нею въ срединѣ лѣвой (задней) стороны щита, или обратно (III ф. 29, 30). Къ этому же роду относятся дѣленія, образованныя главною дѣлящею линіею (вертикальною, или горизонтальною), къ которой изъ точекъ дѣленія на боковыхъ сторонахъ щита проведено нѣсколько наклонныхъ линій справа и слѣва (III ф. 31). При нѣсколькихъ вертикальныхъ линіяхъ это можетъ повторяться и нѣсколько разъ (III ф. 32).

2) Такого рода дѣленія, гдѣ дѣлящія линіи каждого направлениія пересѣкаются и перекрещиваются всевозможными способами. Изъ этихъ послѣднихъ дѣленій—простѣйшихъ являются четверочастныя (III ф. 33—36), а при увеличивающемся числѣ пересѣкающихся вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій—такъ

наз. *шахматных* (*geschacht*) — III ф. 39—42, IV ф. 3. При этой фигурѣ дѣлки поля равносторонни, или почти равносторонни, что вообще получается при равномъ числѣ вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій дѣленія. При увеличивающемся же числѣ вертикальныхъ и уменьшающемся — горизонтальныхъ линій, поля становятся постепенно выше и уже, а въ обратномъ случаѣ — все шире и ниже. Подобнымъ образомъ шахматное дѣление переходитъ при удлиняющихся двухъ сторонахъ полей въ такъ-наз. *ромбовидное* (*geschindet* IV, ф. 1, 2). Но такъ-какъ трудно установить точную границу между названными двумя дѣленіями, то при описании подобныхъ дѣленій въ гербѣ принято обозначать число вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій, или же число мѣсть въ одномъ ряду, умноженное на число рядовъ, напр. на III ф. 37 дѣление обозначается такъ: щитъ разсѣченный и дважды пересѣченный, черный и серебряный.

При перекрещеніи діагональныхъ (скошенныхъ) линій справа и слѣва фигуры дѣленій представляютъ еще болѣе разнообразія. Однаковое число такихъ линій, проведенныхъ справа и слѣва, образуетъ такъ наз. *ромбовидное дѣление* (*gerautet*), которое въ зависимости отъ числа линій получаетъ различныя очертанія (IV ф. 8, 9, 10), подобно шахматному.

Къ этому же роду дѣленій принадлежать фигуры, образованныя діагональю, пересѣкаемою подъ прямымъ угломъ нѣсколькими линіями, проведенными отъ краевъ щита, ваковы IV ф. 11—15.

Особый видъ дѣленій даютъ также пересѣченія вертикальныхъ линій съ пересѣкающими ихъ наклонными, при чемъ получаются поля, приближающіяся къ ромбамъ, IV ф. 16, 17, или совершенно неправильныхъ очертаній, какъ IV ф. 18.

Наконецъ, соединеніе діагональныхъ линій съ вертикальною, или горизонтальною, или съ обѣими вмѣстѣ, даетъ еще цѣлый рядъ дѣленій, въ видѣ треугольниковъ. Изъ этихъ дѣленій мы уже упоминали выше наиболѣе правильное, раздѣляющее щитъ на 8 равныхъ частей. По сходству съ одной изъ геральдическихъ фигуръ втораго порядка, а именно *клина*, (о которомъ будетъ сказано ниже), дѣление это называется *клиничатыло* (*Ständerung*,

geständert). Различные виды этого дѣленія показываютъ IV фиг. 19 — 23. Нерѣдко встречается также подобное дѣленіе посредствомъ дугообразныхъ линій, образующихъ по 3 и 4 поля каждого цвѣта, какъ на IV ф. 24, 25.

Заканчивая нашъ обзоръ столь многочисленныхъ *типуровъ дѣленій*, упомянемъ еще о двухъ дѣленіяхъ, также образующихъ поля въ видѣ треугольниковъ. Одно изъ нихъ, представленное на IV фиг. 26 — 29, образуется нѣсколькими горизонтальными линіями, которые пересѣкаются діагоналями справа и слѣва; другое же получается при вертикальныхъ и горизонтальныхъ линіяхъ, также пересѣкаемыхъ діагоналями справа, или же слѣва. IV ф. 30¹).

Геральдическая фигура въ точномъ значеніи этого термина, каждая въ своемъ родѣ, есть одноцвѣтное *мѣньше мѣсто* въ гербовомъ щитѣ, имѣющее определенную ширину и простирающееся по направлению линій дѣленія, (или же замѣняя собою таковыя линіи), перпендикулярно, горизонтально или вбось чрезъ щитъ, отъ одного края, или угла его къ противоположному. При этомъ такая фигура всегда выдѣляется на щитовомъ полѣ, имѣющемъ другой цвѣтъ, (или металль), и представляетъ нѣчто отдѣльное отъ него.

Таковыя геральдическія фигуры, когда они слѣдуютъ направлению *простыхъ линій дѣленія*, суть также простыя фигуры и получаютъ названія, сообразно направлению означенныхъ линій, а именно: по вертикальной линіи: — *столбъ*, IV ф. 31—42, V ф. 1, 2; по горизонтальной: — *полоса* V ф. 5 — 23; по склоненной: справа: — *перевязь справа* VI ф. 1—15 и по склоненной слѣва — *перевязь слѣва* VI ф. 16—26.

Геральдическія фигуры, которые слѣдуютъ направлению *составныхъ линій дѣленія*, суть также составныя. Такимъ обра-

¹) Къ фигурамъ дѣлевій относятся также такъ наз. *подложенные* (*unterlegt*), какъ на VII ф. 33—34, встречающіяся во многихъ гербахъ. Таковыя имѣютъ видимую часть лишь по краямъ щита, въ видѣ бордюра; чтобы получить полную фигуру дѣленія, слѣдуетъ продлить дѣлящія линіи чрезъ весь щитъ.

зомъ получаются слѣдующіе фигуры: по направлению скошенныхъ ливій, идущихъ изъ праваго и лѣваго нижнихъ угловъ и сходящихся остріемъ на серединѣ верхняго края щита и заключающихъ уголъ \wedge , *стропило*; чрезъ скрещеніе горизонт. и вертик. линій $+$ *крестъ*; по направлению пересѣкающихся скошенныхъ ливій (діагоналей) справа и слѣва \times *Андреевскій* (скошенный) *крестъ*; наконецъ, по направлению вилообразваго дѣленія, сходнаго съ буквой Y, *вилообразный крестъ*. Эти вышеупомянутыя геральдическія фигуры называются фигурами *первою порядка* (*Heroldbilder erster Ordnung, pièces de premier ordre*); такое название дано имъ лишь для различія отъ другихъ, а не потому, чтобы онѣ имѣли какое-либо преимущество. Къ нимъ причисляютъ обыкновенно также фигуру, сходную съ геральд. столбомъ, во примикающу къ правой, или лѣвой сторонѣ щита, это такъ наз. *боковой столбъ*, правый или лѣвый, V ф. 3, 4¹), а равно сходное съ поясомъ мѣсто въ щитѣ, прилежащее къ верхнему, или нижнему краю его, почему оно въ первомъ случаѣ наз. *главою*, (его слѣдовало бы назвать головнымъ поясомъ), а во второмъ—*оконечностью*; наконецъ сюда же причисляютъ и такъ наз. *кайму*, образованную двумя столбами и двумя поясами, придинятыми къ краямъ щита, въ видѣ окаймленія.

Къ геральдическимъ фигурамъ *второю порядка* (*Heroldbilder zweiter Ordnung, pièces de second ordre*) относятся фигуры преимущественно меньшаго размѣра, которые не простираются чрезъ все щитовое поле въ опредѣленной ширинѣ. Таковыя фигуры суть: *пирамида, остріе, себодный четырехугольникъ, клинъ, скошенная глава и скошенная оконечность*. Совершенно несогласованно съ понятіемъ о геральдической фигурѣ, еще и до настоящаго времени причисляютъ къ таковымъ, хотя и неправильно, *ромбы*, (поставленные на одинъ изъ угловъ четырехугольника); такъ наз. *початки*, вытянутые узкіе ромбы, *юнты*—узкіе, продолговатые прямоугольники; *кольца, шары и кружики* и т. под., хотя всѣ таковыя фигуры должны быть отнесены въ *обыкновеннымъ* геральд. фигурамъ.

¹) Во французской геральдикѣ такія боковые положенія фигуръ выражаются терминами *adextre* (при правомъ) и *senestré* (при лѣвомъ).

Геральдическимъ фигурамъ первого порядка всего удобнѣе давать размѣромъ ширины ихъ — $\frac{2}{3}$, ширины всего щита¹⁾; при такой ширинѣ ихъ труднѣе смишивать съ обыкновенными фигурами дѣленій. Иногда эту ширину еще убавляютъ, когда нужно умѣстить въ щитѣ нѣсколько столбовъ, поясовъ и т. д., а иногда и независимо отъ этой причины. Такія фигуры съ уменьшенною шириной различаются въ нѣмецкой геральдикѣ, сообразно степени такого уменьшенія, чрезъ прибавленіе слова *штабъ*—при уменьшении на $\frac{1}{2}$, и слова *штрихъ*—при болѣе значительномъ уменьшении. Различать иежду таковыми фигурами еще нѣсколько степеней уменьшенія ихъ ширины, какъ это дѣлаютъ французы, англичане и болѣе или менѣе слѣдующіе имъ въ геральдикѣ испанцы и итальянцы, и давать имъ, сообразно съ этимъ, особыя наименованія на практикѣ совершенно излишне и трудно примѣнно.

Ограничительная линія геральдическихъ фигуръ, подобно тому, какъ мы это видѣли при фигурахъ дѣленія относительно дѣлящихъ линій, могутъ также образовать зубцы, заостренія и т. под., откуда и самыя фигуры получаютъ названія зубчатыхъ, вызубренныхъ и т. д. Но при этомъ самыя фигуры, (столбы, пояса и пр.) не должны однако превышать своей установленной ширины въ $\frac{2}{3}$, шир. щита. Они могутъ также включать въ себѣ фигуру дѣленія, какъ напр. V ф. 6; VI ф. 5, геральдическую фигуру — IV ф. 33, VI ф. 13, или обыкновенную — IV ф. 35, 36, V ф. 26, VI ф. 7; въ послѣднемъ случаѣ это есть уже не простая геральдическая фигура, а особаго рода гербъ, которому придана форма такой фигуры.

¹⁾ Установленный размѣръ самого щита: 8 — въ вышиву и 7 — въ ширину. Принятый многими геральдистами въ $\frac{1}{3}$ щита для геральд. фигуръ первого порядка совершенно не цѣлесообразенъ, такъ какъ при такомъ размѣрѣ эти фигуры могли бы смишиваться съ *третьими* полемъ раздѣленного щита, когда два поля щита имѣютъ разныя цвета, напр. столбъ или пояс огранич. полями различн. цветовъ.

XII.

Въ соотвѣтствіи съ различными особенностями геральдическихъ фігуръ и ихъ положеній въ щитѣ, (независимо отъ ихъ цвѣта), а также по отношенію къ такъ наз. обыкновеннымъ фігурамъ, которые также могутъ находиться въ немъ, бываютъ необходимы для обозначенія всѣхъ подобныхъ признаковъ и особенностей *специального выражения или термины*. Послѣднія, при всей своей краткости, должны быть достаточно выразительными, чтобы удовлетворять условіямъ правильного описанія, или блазонированія гербовъ, не требуя особыхъ дополнительныхъ объясненій. Западная геральдика, въ особенности французская и нѣмецкая, издавна, какъ мы видѣли, выработала чрезъ практику герольдовъ подобный специальный техническій языкъ. Эти термины, первоначально условные, теперь же общепрѣстные, чрезвычайно облегчаютъ на Западѣ способъ описанія гербовъ. Хотя въ нашей юной русской геральдикѣ подобныхъ терминовъ несъмь немного, но это не исключаетъ возможности выработки и у насъ съ течениемъ времени болѣе полной геральдической терминологии, которая являлась бы весьма не излишнею уже потому, что между нашими гербами встрѣчается не мало такихъ, которые перешли въ Россію съ Запада, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами и, следовательно не могутъ быть правильно описаны безъ общепринятыхъ геральдическихъ терминовъ. Въ виду этого мы считаемъ неизлишнимъ указать здѣсь нѣкоторые термины, принятые при описаніи геральдическихъ и другихъ гербовыхъ фігуръ, въ нѣмецкой и французской геральдикѣ.

Укороченіемъ (*abgeledigt*, франц. *alése*) называется фигура какъ напр. столбъ, перевязь, поясъ, крестъ, стропило и т. д., лишенные концовъ и поэтому не касающіеся краевъ щита. Таковы напр. перевязи на VI. ф. 22, кресты VII, ф. 13, 14.

Прерѣзанію (*an—od. aufgekantet, déjouée et accolée de pointe*) наз. фигура, перерѣзанная и приставленная одною частью къ другой угламъ, напр. столбъ на V ф. 1.

Сквозною (*ausgebrochen, vidé*) — лишеннаа своей середины, т. е. съ отверстиемъ, по большей части имѣющимъ очертаніе

всей фигуры, напр. ромбъ съ отверстиемъ въ видѣ ромба же, но иногда и въ видѣ круга, или четыреугольника, ваковы напр. укороченные кресты VII ф. 13, 14.

Вырѣзанною (*ausgeschnitten, gotri*) — лишенная связи чрезъ вырѣзку части фигуры посредствомъ прямыхъ линій, напр. поясъ V. ф. 23.

Вызубренною, въ видѣ чешуи, (*ausgeschuppt, engrêlé*) по наружному браю, какъ напр. пояса на V ф. 13.

Изогнутою (*ausgeschweift, ployé*), какъ напр. опрокинутыя стропила на VI ф. 40.

Сопровождаемою (*begleitet, accompagné*), когда при главной фигурѣ, геральдической, или обыкновенной, находятся въ щитѣ еще другія фигуры меньшаго размѣра, не касаясь главной, (что можетъ быть выражено короче словомъ *между*) VI ф. 21.

Обремененою, обложенною (*beladen, belegt, chargé*), когда на одну фигуру, часто геральдическую, наложена одна, или нѣсколько другихъ, (умѣщающихся вполнѣ на первой), какъ VII фиг. 9; когда же края каждой фигуры значительно выступаютъ, то это наз. *прикрытою* фигурою (*überlegt*) VII ф. 36.

Окаймленною (*besäumt, bordiert; bordé, templé*) — съ каймою другаго цвѣта, по одной, или обѣимъ сторонамъ фигуры V ф. 32; когда же кайма обходитъ ее кругомъ, то фигура наз. *окраенна*ю (*umzäumt*).

Сопровождаемою по сторонамъ (*beseitet, accosté, рѣже flanqué*), когда фигура имѣеть по обѣ стороны одну, или нѣсколько фигуръ меньшаго размѣра, въ послѣднемъ случаѣ въ одинаковомъ числѣ VI ф. 23.

Увершенною (*besetzt, surmonté*), когда на верхнемъ браю фигуры, (геральдической или простой), помѣщена другая, какъ напр. пониженный поясъ со звѣздою надъ нимъ на V ф. 21.

Усаженною (*besteckt, pavillonné*), когда что-либо всажено или воткнуто сверху фигуры, напр. изображеніе крѣпости съ воткнутымъ на ней флагомъ.

Сопровождаемою по угламъ (*bewinkelt, cantonné*), когда пустыя пространства между концами креста заняты меньшими фигурами, напр. VII ф. 7, 9, 13.

Уширенную (*breitendig, patté*), когда концы фигуры столба, бруса и т. д. имѣютъ расширение, какъ V ф. 2, VII ф. 16.

Выпуклую (*eingeboget, arrondi*) — ограниченная съ одного края дугообразною линіею, какъ глава на V ф. 29.

Вогнутую (*eingeboogen, courbé*), когда края образуютъ вогнутыя дуги, какъ напр. стропило на VI ф. 36.

Заостренную (*endgespitzt, aiguise*), или остроконечную, когда одинъ, или оба конца представляютъ острія; при этомъ различается заостреніе внизъ VII ф. 25, IV ф. 42, и заостреніе вверхъ IV ф. 25.

Утолщенною, лишенной вершины (*entgipfelt, coupé en chef*), съ урѣзанною вершиной, или остріемъ; приимѣнится къ фигурѣ стропила.

Повышенную (*erhöhet, haussé*) — находящаяся выше своего установленного положенія въ щите, какъ напр. поясъ V ф. 20, стропила VI ф. 30; въ обратномъ случаѣ — *пониженнюю* (*ernieddert, abaissé*) напр. V ф. 27, VI ф. 33, 34, тоже относительно столба, когда онъ не доходитъ до верхняго края щита (*raccourci*).

Вътвистою (сучковатою), также *тиристою* (*geästet, ébranché*) — имѣющая по обоимъ краямъ, въ одвомъ и томъ же направлениіи выступы, на подобіе сучковъ, или обрубленныхъ вѣтвей, какъ напр. поясъ V ф. 12, крестъ VII ф. 18.

Двойною, удвоенною (*dekoppelt, jumelle*) — говорится о двухъ одинаковыхъ фигурахъ, связанныхъ въ одну, напр. о поясахъ, стропилахъ, перевязяхъ и Андреевскихъ крестахъ, напр. стропила на VI ф. 33.

Укороченную (*dekürzt*) — относится къ фигурѣ столба, не достигающаго до нижняго края щита IV ф. 42.

Вышитою, узорчатою (*gestickt, diapré*), когда фигура покрыта вышивкою, или узоромъ перемѣнныхъ цветовъ, VI ф. 4.

Составною (*gestückt, componé*) — составленная изъ бусковъ одинаковой величины, различныхъ тинктуръ, (финифть и металль поперемѣнно) — VI ф. 39, VII ф. 19.

Неполною (*gestüttmelt*) лишенная одной, или нѣсколькихъ существенныхъ своихъ частей, напр. кресты VIII ф. 23, 24.

Опрокинутою (*gestürzt, versé, renversé*), обращенная внизъ, къ нижнему краю, (вмѣсто верхняго), напр. стропило VI, ф. 39, вилообразный крестъ VII ф. 27, остrie VII ф. 1.

Разспеченною (*getheilt, parti*)—это говорится какъ относительно всего щита, такъ и относительно отдѣльной геральд. фигуры, такъ напр. перевязь слѣва на VI ф. 18 есть разспеченная въ длину и ширину посредствомъ линій, пересѣкающихъ подъ прямымъ угломъ; можно назвать ее также *четверочастною* (*deviert, écartelé*).

Волнистую (*gevellet, onde*), т. е. ограниченная волнообразными линіями, какъ напр. столбъ IV ф. 37, полоса V ф. 15, наложенная штриховая перевязь слѣва VI, ф. 19.

Облачною (*gewölkt, enté, nébule*), ограниченная такъ наз. облачными, одиночными, или двойными линіями, напр. глава V ф. 28, также дѣленіе такими линіями V, ф. 11.

Змѣевидною (*schlangenweise gezogen, tortille*), въ видѣ змѣевидной перевязи VI, ф. 26, или пояса.

Острозубчатою (*gezackt, dentelle*), представляющая рядъ большихъ острыхъ зубцовъ, напр. глава V, ф. 27.

Мелкозубчатою (*gerähnelt*)—съ средними и мелкими зубцами, напр. пояса V ф. 14, перевязь слѣва VI ф. 21, крестъ VII, ф. 20.

Стѣнозубчатою (*gezinnet, crenelé*), говорится о стѣнахъ, башняхъ, замкахъ и т. под. и вообще о фигурахъ, ограниченныхъ стѣнными зубцами, напр. оконечность V ф. 42, стропило VI ф. 37, крестъ VII ф. 21.

Расколотою, разомкнутою (*klaffend, gebrochen, brisé*), напр. стропило VI ф. 38, вершина которого вырѣзана сверху внизъ; когда вырѣзъ этой квадратной формы, то во франц. геральдикѣ употребляется терминъ *failli*.

Грапеною (*kantig*)—когда фигура изображена не плоскою, а съ боковыми сторонами, какъ четырехъсторонний.

Перейдемъ къ болѣе подробному обозрѣнію геральдическихъ *фигур*, начиная съ фигуръ *первой порядка*.

Столбъ (Pfahl, pal) есть фигура, или мѣсто, имѣющее $\frac{2}{3}$ ширины щита и особый отъ щитового поля цвѣтъ: оль простирается вертикально отъ верхнаго края до нижнаго, какъ показываютъ это IV ф. 31—38, и можетъ повторяться въ одинъ щитъ, причемъ столбы въ такоиъ случаѣ соотвѣтственно становятся болѣе узкими и должны равняться по ширинѣ заключающимъ ихъ поламъ щита, напр. два столба IV ф. 39, три *штиховые* столба (наз. *столбиками*), IV ф. 40, пониженные и заостренные къ верху IV ф. 41, заостренные внизъ IV, ф. 42, удвоенный V ф. 1. Когда концы столба уширены и простираются до угловъ щита, то столбъ получаетъ название *угловаго* (*Winkelpfahl*) V. ф. 2¹). Столбъ, примкнутый къ правому щитовому краю, наз. *правымъ* (*Rechtpfahl*) V, ф. 3; къ лѣвому краю — *лѣвымъ* столбомъ (*Linkspfahl*) V ф. 4.

Поясъ, (*Balken Quer-balken; fasce*) — фигура, простирающаяся въ горизонтальномъ направлениі, отъ середины праваго края щита къ лѣвому. Она встрѣчается въ гербахъ чаще и въ большемъ разнообразіи, чѣмъ столбъ и другія геральд. фигуры. Пояса встречаются по два, по три, по четыре V ф. 13—16, до шести, съ постепенно уменьшающейся шириной, ради помѣстительности. Когда подобные узвѣ пояса встречаются въ гербѣ единичными, или же сопровождающими широкій поясъ (правильной ширины въ $\frac{2}{3}$ щита), то получаютъ название *узкихъ* (*штабовыхъ* и *штиховыхъ*) поясовъ, напр. V ф. 17. Поясъ иногда бываетъ *повышеннымъ* (V ф. 20) или *пониженнымъ* (V ф. 21). Два узкихъ (*штиховыхъ*) пояса, проведенные на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что они вмѣстѣ съ раздѣляющимъ ихъ полемъ составляютъ $\frac{2}{3}$ щита, т. е. нормальную ширину фигуры пояса, принято называть *парными* или *двойными полосами* (*Zwillingsbalken, jumelles*) V ф 18; подобнымъ же образомъ бываютъ и *тройные* V, ф. 19.

¹⁾ Въ англійской геральдикѣ, вопреки общепринятому понятію о геральдической фігурѣ, какъ о мѣнѣшемъ мѣсто въ большемъ (полѣ) признаютъ, здѣсь (V ф. 2) золотыя полы за геральдическую фигуру и называютъ таковую *flansches*. Кроме того, англичане признаютъ за геральд. фигуру также и два подобныхъ полы (мѣста) съ болѣе плоскими краями дугообразныхъ линій, при уменьшающейся ширинѣ концовъ столба.

Въ русской геральдикѣ волнистый поясъ называется иногда *рѣкою*, а зубчатый—*стѣною*.

Глава (*Schildhaupt, chef*) есть также поясъ, но только примкнутый къ верхнему краю щита, соответствующему главѣ рыцаря. V ф. 24—32. Эта фигура встрѣчается, подобно другимъ, съ различно очерченнымъ краемъ, а также подобно фигурамъ оконечности, вогнутою V ф. 29, или образующею по срединѣ *трилистникъ*, V ф. 30. Если между главою и остальными полемъ щита имѣется узкое мѣсто, въ видѣ пояса же, но другаго цвѣта, какъ V ф. 33, то такая глава наз. *подпертою, поддержанною* (*unterstützt, soutenu*), когда же подобный узкий поясъ отдѣляетъ главу отъ верхняго края щита, то глава наз. *завершенною* (*überstiegen, surmonté*) V ф. 34. Когда глава на половину уже своей нормы ширинѣ, то наз. *вершиною* (*Gipfel, comble*).

Оконечность (*Schildfuss, chatrappe*)—есть фигура, противоположная главѣ, т. е. также поясъ, но примкнутый къ нижнему краю щита V ф. 35—42. Иногда она образуетъ лѣстницу съ восходящими и писходящими ступенями V ф. 36, или же изогнутую линію, образующую по срединѣ крестъ, или трилистникъ V ф. 37, 38; или, наконецъ, возвышается въ видѣ трехъ дугообразныхъ линій, изъ которыхъ средняя дуга бываетъ нѣсколько выше двухъ остальныхъ. Послѣдняя фигура встречается во многихъ гербахъ и наз. *тройною горою* (*Dreiberg, montagne*) V ф. 39. Иногда оконечность, простираясь дальше своей нормы, вышины, образуетъ дѣйствительное изображеніе горы. Напротивъ, при уменьшенніи ширинѣ, (какъ штриховая, или штабовая), такая узкая оконечность можетъ изображать въ гербѣ почву, грунтъ (*Boden, Grund; plaine, terrasse*) или такъ наз. *окраину*.

Перевязь—простирается въ щитѣ диагонально, имѣя ²/, его ширинѣ, и можетъ имѣть, какъ мы уже сказали, два направлѣнія: изъ праваго верхняго угла—*перевязь справа* (*Rechtbalken, bande*) VI ф. 1—15, или изъ лѣваго верхняго угла—*перевязь слѣва* (*Linkbalken, barre*) VI ф. 16—28). Обѣ эти фигуры вообще весьма часто встречаются въ гербахъ; но въ англійской геральдикѣ перевязь слѣва (*bend sinister*) встречается весьма

рѣдко, вѣроятно, по той причинѣ, что въ уменьшенномъ и укороченномъ видѣ такая лѣвая перевязь, находясь въ гербѣ, считалась и считается донынѣ признакомъ незаконнорожденности. Менѣе рѣдко такая перевязь встрѣчается во французскихъ гербахъ, въ нѣмецкихъ же — во множествѣ и притомъ столь же часто и въ такомъ же разнообразіи, какъ перевязь справа. Довольно рѣдки въ гербахъ узкія перевязи опредѣленной ширинѣ, таковы *штабовыя* VI ф. 13—27 и *штриховыя* VI ф. 15, или съ *облачными* VI ф. 14 и *эмъевидными* VI ф. 26 очертавіями; еще реже встречаются онѣ *парными* (*jumelles*, *Zwillingsbalken*), какъ въ гербѣ VI ф. 15, или же *тройными* (*Tierces*, *Drillingsbalken*), какъ на VI ф. 28. Двухъ указанныхъ различій въ ширинѣ перевязей вполнѣ достаточно, и большее количество терминовъ, припятыхъ во французской и англійской геральдикѣ для различенія узкихъ перевязей, (таковы: *cotice*, *bande en devise*, *filet*), является совершенно излишнимъ и притомъ весьма спортивнымъ. Перевязи съ немного уменьшенною шириной могутъ легко помѣщаться въ щитѣ по нѣсколько, какъ на VI ф. 11, и принимаются въ этомъ случаѣ за полныя; таковыя встречаются также въ сопровождении множества небольшихъ по размѣру обыкновенныхъ гербовыхъ фигуръ.

Стропило (*Sparren*, *chevron*), есть фигура, образованная двумя перевязями, правою и лѣвою, соединяющимися у средины верхняго края щита VI ф. 29 и слѣд.; она имѣеть форму равнѣнника, или раскрытаго циркуля. Нормальная ширина ея — въ $\frac{2}{3}$ щита сохраняется и при двухъ стропилахъ; когда же ихъ бываетъ въ гербѣ большее число, то они становятся уже, а углы, образуемые ими, — болѣе тупыми. VI ф. 30, 31. Такъ наз. *двойное стропило* VI ф. 33 встречается рѣдко. Когда вершина стропила не достигаетъ противоположнаго верхняго края щита, или же боковаго — при иномъ его положеніи, то оно наз. *пониженнѣемъ* или *лизкимъ* (*erniedert*); при этомъ, если вершина его доходитъ лишь до половины щита, то оно получаетъ название *прижатаго* (*gedrückt*) VI ф. 33, 34. *Повышеніемъ* же (*erhöhet*) оно называется тогда, когда его стороны упираются въ боковые края щита. VI ф. 35. Стропило также можетъ

имѣть различныя положенія и направлениія, смотря по мѣсту, которое занимаетъ въ щитѣ его вершина: *опрокинутымъ* (*gestürzt*) VI ф. 39, *прямымъ*, когда вершина направлена вправо VI ф. 41, *львымъ*—VI ф. 42, *скошеннымъ влево*—VII ф. 1, *опрокинутымъ и скошеннымъ влево* VII ф. 2.—Могутъ также имѣть мѣсто въ одномъ щитѣ нѣсколько стропилъ, въ противоположныхъ направлениихъ, какъ VII, ф. 3, 4.

Крестъ, прямой—въ отличіе отъ другихъ (*Kreuz, croix*) представляетъ соединеніе столба съ поясомъ, пересѣкающіхся подъ прямымъ угломъ; фигура эта также имѣеть $\frac{1}{4}$, ширины щита VII ф. 5. Такимъ же образомъ составленъ изъ двухъ перевязей, справа и слѣва такъ наз. *скошенный* или *Андреевскій крестъ* (*Schrägkreuz, Andreaskreuz; Sautoir*) VII ф. 6, 17. Объ эти геральд. фигуры встрѣчаются весьма часто и употребляются въ разнообразныхъ формахъ, какъ напр. *четверочастный* крестъ (*geviert, esquifé*) VII ф. 7, *клиничатый* *Андреевскій крестъ* (*geständert, gironné*) VII ф. 8. Кресты сопровождаются часто по угламъ малыми обыкновенными геральд. фигурами. Не имѣется также недостатка и въ узкихъ крестахъ (*штабовыхъ*) VII ф. 10, а чтобы дать мѣсто множеству малыхъ фигуръ, ширина крестовъ можетъ быть уменьшаема и до размѣра *штиховыхъ*. Кресты, составленные изъ шаровъ, монетъ, ромбовъ и т. под., не сдѣловоало бы, строго говоря, причислять къ геральд. фигурамъ, однако пхъ считаются за таковыя, когда касающіяся между собою части ихъ, или звѣнья составляютъ одно неразрывное цѣлое и притомъ крайнія части притыкаютъ къ сторонамъ щита, какъ на VII ф. 11 крестъ изъ ромбовъ, или изъ монетъ VII ф. 12. (Прочие же кресты, не касающіеся хотя бы съ двухъ сторонъ краевъ щита, относятся къ *обыкновеннымъ фигурамъ* и будутъ нами разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ). Нѣсколько узкихъ, штабовыхъ крестовъ, стоящихъ рядомъ, образуютъ такъ наз. *рѣшотку* (*Gitter, flettes*). Къ крестамъ причисляютъ и такъ наз. *вилообразный крестъ* (*Gabel-Schächerkreuz, le Pairle*), образованный чрезъ соединеніе половины столба съ половинами двухъ перевязей, одной справа, а другой слѣва, сходящихся въ срединѣ щита; отсюда получается фигура въ видѣ буквы *Y*—

VII ф. 26, которая встречается также и *окропленное VII ф. 27*. Когда верхний трехъугольникъ одинакового цвета съ этою фигуруй, или тань сказать заполненъ, то получается такъ наз. *полный щитообразный крестъ* (*volles Schächerkreuz, le Gousset*).

Кайма (*Bord, bordure*) также состоитъ изъ столба и пояса, раздѣленныхъ и примиутыхъ бъ краемъ щита VII, ф. 28, т. е. имѣть $\frac{3}{4}$, щитовой ширины, каковая впрочемъ часто бываетъ увеличивающа, когда кайма должна содержать въ себѣ обыновленные гербовыя фигуры, какъ напр. въ королевскомъ испанскомъ гербѣ, гдѣ повторяются несмолько разъ въ каймѣ эмблемы Кастилии—замки и Леона—львы. Подобная каймы жаловались, какъ почетныя добавленія къ гербу. Кайма во многихъ случаяхъ можетъ быть рассматриваема, какъ видимая, выступающая часть нижняго щита или герба съ его фигурами, на который наложенъ другой, какъ напр. VII ф. 29, 30. Довольно часто встречаются и двѣ каймы, изъ которыхъ каждая можетъ имѣть по $\frac{1}{4}$, ширины щита, при ченъ, следовательно, для остатнаго пространства гербоваго щита получится ширина въ $\frac{1}{2}$, что возможно при простомъ гербѣ, какъ напр. VII ф. 36. Но это не имѣть уже мѣста при такомъ гербѣ, какъ VII ф. 37, гдѣ еще должны умѣститься золотые ободки и поэтому здѣсь примѣняются узкія (*штабовыя*) каймы въ $\frac{1}{4}$, шир. щита.

Во Франціи и Англіи въ прежнее время кайма, или бордюра служила для различенія младшихъ сыновей, причемъ ей придавались съ этою цѣлью различные цвета и дополнительныя фигуры, а у англичанъ, сообразно съ этимъ, и различныя названія.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также о такъ наз. *внутренней кайме* (*Inbord, orle*), т. е. внутреннемъ окаймленіи, каковую, вопреки основному понятію о геральдической фигурѣ, причисляютъ въ таковыи, хотя она никогда не касается краевъ щита. При образованіи этой фигуры воображаютъ кайму, какъ бы раздѣленную по поламъ, причемъ половина, прилегающа къ краю щита, отпадаетъ, получая цветъ щитового поля, а остается лишь внутренняя половина, какъ на VII, ф. 38. Отсюда слѣдуетъ, что внутр. кайма имѣеть лишь $\frac{1}{4}$, ширины щита. Вообще эта фи-

гуре встречается рѣдко; по двѣ и даже по три внутреннихъ каймы попадаются въ англійскихъ и въ особенности въ шотландскихъ гербахъ¹). Такъ напр. въ королевскои шотландскомъ гербѣ красный левъ окруженъ двойною золотою внутреннею каймою, усаженою при этомъ диліями, расположеными, чередуясь, по угламъ и по серединѣ обоихъ окаймленій. Въ подобномъ же видѣ внутр. кайма встречается часто, какъ особое отличительное украшеніе герба, дарованное за какія-либо заслуги, какъ напр. VII ф. 39 — въ гербѣ шотландскихъ графовъ *Bute* (*Бютъ*) и VII ф. 40 — испанской фамиліи *Kalahart*.

Перейдемъ теперь къ обзору геральдическихъ фигуръ *втораго порядка*. Общій признакъ этихъ фигуръ тотъ, что онѣ принадлежать къ такъ наз. *неистинныиы* (см. выше стр. 145) и простираясь отъ одного края щита къ противоположному, расположены однако больше въ одномъ изъ угловъ, и притомъ неравномѣрны. Таковыя фигуры суть: *пирамида* (*Keil*), *острие* (*Spitze, pointe*), *скошенная глава* (*Schräg Haupt*), *скошенная оконечность* (*Schräg-fuss*), *свободный четырехъольникъ* (*Vierung, franc-quartier*) и *клини* (*Ständer, le Giron*).

Пирамида есть фигура или мѣсто, занимающая своимъ основаниемъ весь нижній край щита: двѣ другія ея стороны образованы прямыми линіями, проведеными изъ нижнихъ угловъ къ срединѣ верхняго края, у которого онѣ образуютъ вершину. Иногда, впрочемъ, эти линіи могутъ уклоняться отъ этого направлениія въ ту или другую сторону. Фигура имѣть всегда свой особый, различествующій отъ щита цвѣтъ VII ф. 41. Въполномъ своемъ размѣрѣ пирамида должна занимать ровно половину щитового поля, причемъ другую составляютъ занимающія ее два мѣста другаго цвѣта. Пирамида, подобно стропилу, можетъ быть *пониженною* VII ф. 42, *опрокинутую* VIII ф. 1, *правою* VIII ф. 2, *левою* VIII ф. 3, *скошенной вълево* VIII ф. 4, *скошенной вправо* VIII ф. 5, *опрокинуто-скошенной вълево*,

¹) Узкая внутренняя кайма, которая бываетъ единичная, двойная и тройная и при этомъ ближе подходитъ къ краямъ щита, получаетъ во французской геральдикѣ особое наименование *tréscheur* (отъ англ. *treasure* — сокровище), или *essonier*.

или вправо VIII ф. 6, 7. При такихъ скошенныхъ положеніяхъ она занимаетъ одинъ уголъ и ограничивается прямymi линіями, выходящими изъ середины враевъ, заключающихъ этотъ уголъ, и сходящимися въ противоположномъ углу щита. Замѣтимъ, что во французской геральдикѣ пирамида въ такомъ полномѣрномъ очертаніи считается не за геральдическую фигуру въ точномъ смыслѣ, а за фигуру дѣленія (*sécante, partition*) и обозначается терминомъ *chappé*, когда вершина пирамиды у верхняго края щита, и *chaussé*, когда она опровинута; *mantelé* — когда вершина доходитъ лишь до половины щита. Когда же двѣ пониженнныи пирамиды, сходясь своими основаніями, касаются вершинами верхняго и нижняго враевъ, то тавая фигура получаетъ название *chappé-chaussé*.

Ostrie есть фигура совершенно сходная съ пирамидой, но только вдвое уже послѣдней, слѣдовательно занимающая лишь половину нижняго края щита. Поэтому въ одноцвѣтномъ щитѣ могутъ помѣститься одно возлѣ другаго два острія VIII ф. 9, точно также на VIII ф. 10, въ разсѣченномъ щитѣ, серебряномъ и черномъ, два опрокинутыхъ острія съ перемѣнными цвѣтами. На VIII ф. 13 два узкихъ (*geschmälerte*) пониженныхъ острія и между ними одно опровинутое. На VIII ф. 11 въ разсѣченномъ щитѣ, въ передней части два пониженныхъ, а въ задней — два таковыхъ же опрокинутыхъ; на VIII ф. 12 два выходящихъ изъ нижнихъ угловъ и вогнутыхъ, на VIII ф. 14 — два правыхъ, на VIII ф. 15 — два пониженныхъ, лѣвыхъ. На VIII ф. 16 въ щитѣ, скошенномъ слѣва, два пониженныхъ острія, изъ коихъ одно опрокинутое, съ перемѣнными цвѣтами. Наконецъ, на VIII ф. 17 и 18 — острія, скошенныи справа. На VIII ф. 8, 9, 10, впрочемъ, можно принимать изображенія, и за фигуры дѣленій, и за геральдическія; послѣдними будутъ при этомъ одноцвѣтныи мѣста, находящіяся въ мѣвшемъ числѣ. Встрѣчаются острія также съ изогнутыми очертаніями, такъ наз. *пламеневидныя* (*gefiamant*), VIII ф. 19. Во французской геральдикѣ *острие* (*la pointe*) признается за геральдическую фигуру; въ опрокинутомъ видѣ она получаетъ особое название — *la pile*, причемъ встрѣчается весьма часто въ видѣ трехъ болѣе узкихъ фигуръ, сходящихся своими концами, обращенными внизъ.

Два рода фигуръ въ обоихъ углахъ у верхняго края щита, образуемыхъ прямымъ линіями, идущими оть середины верхняго края къ серединѣ-же праваго, или лѣваго щитового края, а равно и подобныя фигуры, образуемыя въ обоихъ нижнихъ углахъ щита такими же линіями, рассматриваются въ геральдикѣ, какъ *глава* и *оконечность*, сдвинутыя къ правому, или лѣвому прилежащему углу щита. Отсюда онѣ получаютъ названія: первыя—*скошенной главы* (*Schräghaupt*), правой, или лѣвой, а вторыя—*скошенной оконечности* (*Schrägfuss*), также правой, или лѣвой VIII ф. 20.—24¹).

Когда ограничительная линія, образующая эти фигуры, отступаетъ ближе къ угламъ, то онѣ получаютъ название *отступающихъ* (*zurückgezogen*), каковы напр. на VIII ф. 25 скошенная глава и оконечность. Исключение изъ правила представляетъ скошенная глава, захватывающая весь верхній край щита, VIII ф. 21, встрѣчающаяся рѣдко. Нѣкоторые нѣмецкіе геральдисты различаютъ еще въ этихъ фигурахъ такъ наз. *скошенные улы* (*Schrägeck*); французская же геральдика вовсе не различаетъ этихъ геральдич. фигуръ отъ простыхъ дѣленій, образуемыхъ скощенными линіями справа (*bandé*), или слѣва (*barré*).

Четвероугольникъ (*ledige Vierung* или *Freiviertel*; *le franc-quartier*), иногда называемый у насъ также *вольною частью*, образуется посредствомъ проведенныхъ изъ середины двухъ смежныхъ сторонъ щита линій, отвѣсной и горизонтальной, которая встрѣчаются въ серединѣ щита. Такимъ образомъ онъ занимаетъ четвертую часть щита, какъ на VIII ф. 26, (гдѣ четвероугольникъ окаймленъ и обложенъ фигурою меча). Онъ находится по правилу, въ правомъ верхнемъ углу и это положеніе при описаніи герба особо не указывается. Но онъ можетъ помѣщаться и въ каждомъ другомъ углу щита, что должно быть оговорено, такъ VIII ф. 27 представляетъ лѣвый четвероугольникъ, VIII ф. 28 правый нижній. Когда эта фигура занимаетъ полную четверть щита, то это есть такъ наз. *большой четвероугольникъ*. Но въ

1) Короче сказать, эти фигуры суть *отрывки* одной *трости* (приблизительно) щитового поля посредствомъ скошевной линіи, проведенной отъ середины верхняго края къ серединѣ одного изъ боковыхъ краевъ.

такомъ размѣрѣ онъ не всегда является удобнымъ въ примѣненіи къ гербамъ, ибо, будучи наложенъ на гербъ, закрывалъ бы слишкомъ значительную его часть и дѣлалъ бы гербъ неузнаваемымъ. По этой причинѣ ему даютъ обыкновенно уменьшенный размѣръ, а именно, ширину и высоту, равныя $\frac{1}{3}$, ширины и высоты щита. Такой размѣръ не получаетъ при описаніи герба особаго обозначенія. Когда же четвероугольникъ становится еще меньше, то называется *малымъ*, каковыхъ также встречается: два *правыхъ*, верхній и нижній, VIII ф. 29 и два *левыхъ*, подобныхъ же—VIII ф. 30. Наконецъ, онъ можетъ быть уменьшеннымъ до $\frac{1}{4}$ размѣра большаго четвероугольника, какъ VIII ф. 31 ¹⁾.

Эта фигура свободнаго (вольнаго) четвероугольника получила у насъ большое примѣненіе въ гербахъ городовъ, (въ ней обыкновенно помѣщается гербъ губерніи, въ которой принадлежитъ уѣздный городъ). Во Франціи, когда императоръ Наполеонъ I создавалъ новое дворянство, то онъ ввелъ въ гербахъ особыя отличія, сообразно должности, занимаемой въ имперіи владѣльцемъ герба. Отличія эти заключались въ геральдическихъ фигурахъ *главы* (*chef*), или *вольной части* (*franc quartier*), въ каковыхъ помѣщались при этомъ различныя обыкновенные фигуры. Такъ напр. *графы имперіи* имѣли вольную часть въ правомъ углу герба (*à dextre*) съ голубымъ полемъ, заключавшимъ различныя эмблемы (напр. *министры*—золотую оторванную львиную голову, и т. под.); *бароны имперіи* имѣли вольную часть въ лѣвомъ углу герба (*à senestre*) съ червленымъ полемъ и съ подобными же помѣщенными въ ней эмблемами, напр. лица ученої профессіи—съ серебряною пальмовою вѣтвью и т. под.

Когда свободный четвероугольникъ помѣщенъ у самой средины верхняго щитового врага, то онъ получаетъ въ нѣмецкой геральдикѣ особое название—*das Orth* ²⁾.

¹⁾ Во французской геральдикѣ уменьшенный въ 3 раза свободный четвероугольникъ получаетъ название—*canton* и считается особою геральд. фигурою.

²⁾ Во французской геральдикѣ не совсѣмъ правильно къ геральдич. фигурамъ 2-го порядка причисляется еще такъ наз. *шнтокъ* (*écuissillon et socles*), помѣщаемый въ сердцѣ щита, (не касаясь его сторонъ), въ размѣрѣ $\frac{1}{8}$, или меньше. Другіи же фигуры, также ошибочно причисляемыя къ геральдическимъ, будутъ нами упомянуты при обзорѣ обыкновенныхъ фигуръ.

Клин есть фигура, образуемая половиною скошенной линии, выходящей изъ щитового угла, и половиною горизонтальной, проведенной навстрѣчу первой изъ середины смежного бокового края щита. Такимъ образомъ получается прямоугольный трехъугольникъ, занимающій $\frac{1}{4}$ щита. Клинъ помѣщается обыкновенно въ правомъ верхнемъ углу его, VIII ф. 32, но встрѣчается также и въ другихъ углахъ, примыкая къ смежной сторонѣ щита, откуда получаетъ названія: праваго верхняго и лѣваго нижняго—VIII ф. 33, лѣваго верхняго и нижняго правосторонняго—VIII ф. 34. нижняго право—и лѣвосторонняго VIII ф. 35 и, наконецъ на VIII ф. 36 у правой и лѣвой сторонѣ щита мы видимъ два клина, право и лѣво-стороннихъ, съ 3-мя столбами на нихъ, и тамъ же верхній и нижній клинъ съ 3-мя поясами.

Заканчивая нашъ обзоръ геральдическихъ *фигур*, намъ остается сказать, что иѣсколько различныхъ фигуръ этого рода, какъ напр. глава и оконечность, могутъ находиться вмѣстѣ въ одномъ гербѣ, и такія сочетанія фигуръ весьма обычны. Болѣе рѣдко случается, что двѣ непосредственно соприкасающіяся между собою геральдическія фигуры имѣютъ одинъ и тотъ-же цвѣтъ, какъ напр. на VIII ф. 37 лѣвый столбъ съ оконечностью—серебряные, или на VIII ф. 38 три верхнія скошенныя справа перевязи съ поясомъ—золотые; или глава со столбомъ—серебряные VIII ф. 39, глава съ перевязью справа, голубыя VIII ф. 40, глава съ Андреевскимъ крестомъ—красныя VIII ф. 41. Наконецъ, на VIII ф. 42—столбъ съ четырьмя стропилами—золотые.

XIII.

Окончивъ разсмотрѣніе таѣ наз. геральдическихъ фигуръ, перейдемъ теперь къ не-геральдическимъ или обыкновеннымъ (*deutsche Wappenbilder*). Таковыми могутъ быть всевозможныя изображенія предметовъ изъ области природы (*естественнія*), а также созданныя человѣческимъ трудомъ, (искусствомъ, ремесломъ—*искусственныхъ*) и, наконецъ, изъ области фантазіи, вакъ напр. изображенія различныхъ несуществующихъ, созданныхъ

воображеніемъ (фантастическихъ) фигуръ и животныхъ. Затѣмъ къ разряду обыкновенныхъ Фигуръ принадлежать и всѣ тѣ, которыя не могутъ рассматриваться какъ геральдическія, причемъ они отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что не соприкасаются съ краями щита, но по крайней мѣрѣ съ двухъ сторонъ свободно расположены въ щитовомъ полѣ.

Обыкновенные фигуры, встрѣчаясь какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ и изображая отдельные предметы, или же части таковыхъ; наконецъ, измѣняясь цветомъ, положеніемъ, направленіемъ и различными соединеніями, могутъ образовать безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ гербовъ. Для удобства обозрѣнія обыкновенные, или не-геральдическія фигуры подраздѣляются на три класса.

1. *Естественные* (*natürliche, figures naturelles*), которые изображаютъ какой-нибудь предметъ изъ царства животныхъ, или растительного, а также земныхъ, или небесныхъ тѣла. 2. *Рымшилленные* (*erdichtete, fig. chimériques*)—различныя чудовища и фантастическія животные, и 3. *Искусственныя* (*künstliche, fig. artificielles*), къ каковымъ относятся всѣ предметы искусства, мауфактуры и ремесла.

Всѣ эти фигуры, (въ особенности, естественные) должны, по геральдическому правилу, быть изображаемыми не вполнѣ согласно съ ихъ природнымъ видомъ, но получать иѣкоторый своеобразный стиль и характеръ и изображаться орнаментально; отсюда они получаютъ особый отпечатокъ, который принято называть *геральдическими типами*, или *стилем*. Этотъ стиль трудно объяснить или изложить въ опредѣленныхъ правилахъ: онъ составляетъ принадлежность особаго художественнаго чутья и можетъ вырабатываться лишь чрезъ рассматривание многочисленныхъ изображеній гербовъ, относящихся къ лучшей эпохѣ геральдики. Этотъ геральдический стиль, или типъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ различенъ и находится въ соответствіи съ преобладающими въ каждую эпоху стилемъ искусства, а именно зодчества, и носить отпечатокъ этого послѣдняго. Поэтому каждая эпоха геральдики отличается своеобразнымъ увращеніемъ и сплениемъ гербовыхъ фигуръ. Такъ, въ Германіи въ

XII вѣкѣ и въ началѣ XIII-го преобладаютъ болѣе грубыя заругленныя очертанія, а во второй половинѣ XIII-го и XIV-го вв., (въ эпоху процвѣтанія готического стиля въ архитектурѣ), ихъ замѣняютъ узкія, заостренныя и угловатыя, которая въ XV-мъ в. еще болѣе принимаютъ вычурный, орнаментальный стиль¹⁾. Къ этому присоединяется также съ теченіемъ времени большее приближеніе геральдическаго стиля изображеній къ дѣйствительнымъ ихъ формамъ въ природѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе утрачивается въ гербахъ этаѣтъ своеобразный геральдический стиль обыкновенныхъ фігуръ и въ настоящее время уже стали изображать эти фігуры, совершенно неподходящимъ образомъ, въ точности схожими съ природою, т. е. въ естественномъ ихъ видѣ. При этомъ онъ совершенно теряютъ свой своеобразный характеръ гербовой фігурѣ. Самыя изящныя и правильныя геральдическія формы фігуръ, заслуживающія вниманія и изученія, какъ образцы, принадлежатъ къ XIV, XV и началу XVI-го вѣка.

Гербъ на Западѣ всегда имѣлъ значеніе рыцарскаго отличительного знака и, какъ таковой, принадлежитъ по существу своему къ средневѣковой эпохѣ; поэтому ему свойственно и прілично сохранять признаки такового своего происхожденія. При этомъ традиціонная форма щита и шлема, соединенно составляющихъ гербъ, должна быть соблюдана и во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ его. Отсюда ясно, что къ средневѣковому рыцарскому шлему вовсе не подходила бы гербовая фігура въ щитѣ, изображенная современнымъ пошибомъ. На Западѣ такой арханизмъ въ изображеніи гербовъ, какъ дворянскихъ фамилій, такъ и цѣлыхъ странъ и городовъ, тѣмъ болѣе имѣ приличествуетъ, что гербы эти перешли къ нимъ отъ древнихъ временъ и отъ предковъ и представляютъ историческую достопамятность и наслѣдие старины.

При изображеніи гербовъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы различные стили не смѣшивались, поэтому, изображая наприм. гербъ въ треугольномъ щитѣ XIV-го вѣка,

¹⁾ Образцы различныхъ геральдическихъ стилей показаны на таблицѣ Д.

следует и помышляемую въ немъ гербовую фигуру изображать въ стиль той же эпохи, а не болѣе ранней, или поздней.

Относительно обыкновенныхъ фигуръ существуютъ слѣдующія общія правила:

1. Фигура примѣняется къ полю щита, должна сообразоваться съ нимъ и, по возможности, его заполнять.

2. Всякая фигура, не только въ цѣльномъ своемъ видѣ, но и въ отдельныхъ своихъ частяхъ, а также въ видѣ отрѣзка, можетъ являться какъ гербовое изображеніе ¹⁾, а равно и въ сочетаніи съ другими подобными же, или съ геральдическими фигурами.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію первого рода обыкновенныхъ фигуръ, такъ наз. естественныхъ, заимствованныхъ изъ существующей природы.

Остановимся прежде всего на человѣческихъ фигурахъ. Геральдическое искусство изображаетъ людей въ различныхъ положеніяхъ, одеждахъ и съ признаками различныхъ занятій, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, всевозможныхъ состояній, въ особенности же рыцарей, королей, монаховъ, мавровъ (негровъ), шутовъ, дѣвъ, дикихъ людей, (послѣднихъ обнаженными и волосатыми, съ длинными жезлами, и опоясанныхъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ). Далѣе—различныхъ святыхъ; въ позднѣйшія времена также турокъ и языческихъ боговъ (съ XVI-го столѣтія). Фигуры эти изображаются обыкновенно обращенными впередъ и смотрящими изъ щита.

Весьма часто встрѣчаются также лишь отдельные части человѣческихъ фигуръ, напр. полуфигуры, или только туловище, безъ рукъ; затѣмъ отдельные головы, руки, или одни кисти рукъ, также ноги. Головы изображаются со всевозможными коронами, шапками, шляпами, вѣнками. Рука получаетъ название

¹⁾ Для обозначенія такихъ неполныхъ фигуръ существующій особый геральдический терминъ, а именно: возникающій (*Hervorbrechend*, *naissant*) наз. фигура животного, отъ которого изъ края щита, или изъ-за другой фигуры, выдается, или видѣваться одна лишь голова и шея, напр. съ частью лапы и хвоста; возрастающій (*wachsend*, *issant*), когда выступаетъ приблизительно половина фигуры животного.

правой, или львой, смотря потому, входитъ ли она въ щитовое поле съ правой, или лѣвой (геральдически) стороны. Въ древней геральдикѣ часто встрѣчается облеченнная въ одежду рука, пальцы которой держать кольцо. (Табл. А. ф. 1). Но особенно употребительна въ гербахъ рука, закованная въ латы, держащая обнаженный мечъ, или другое оружіе; иногда встречаются и двѣ подобныя руки, держащи кольцо и т. под. Въ нѣмецкой геральдикѣ рукою (просто), безъ особаго обозначенія, называются правую руку, изображенную поднитою вверхъ, плашмя; во французской же геральдикѣ правая рука наз. *dextrochère*, а лѣвая—*senestrochère*. Рука съ вытянутыми указательнымъ и среднимъ пальцами называется *клянущеся* (*Schwurhand*); въ томъ же положеніи, но притомъ спускающаяся изъ облаковъ, или окруженнай нимбомъ, она получаетъ название *благославляющій десница* (*Segenhand*), причемъ разумѣется въ таковомъ изображеніи обыкновенно Божія десница. Двѣ руки, вложенные одна въ другую, называются *руками вѣрности* (*Treuhände*; по франц. это обозначается терминомъ *foi*). Изображеніе это вошло въ употребленіе съ древнихъ временъ (ф. 2).

Ноги изображаются иногда обнаженными, а иногда облечеными въ одежду, или броню. Встрѣчается также изображеніе трехъ ногъ, соединенныхъ посреди щитового поля въ трехъугольникъ (*Beine im Dreipass; jambes réunies au coeur de l'écu*), причемъ онѣ соприкасаются бедрами и расходятся ступнями. Эта эмблема, называемая по латыни, (а также въ итальянской геральдикѣ) *triquetra*, составляетъ древній гербъ Сициліи; она встрѣчается также въ нѣмецкой и польской геральдикѣ, напр. польскій (гербъ *Drogomier*) — три ноги въ бронѣ, со шпорами. Эмблему эту относятъ къ XI вѣку и объясняютъ именемъ витязя Драгоміра, которому такой гербъ пожалованъ былъ королемъ Болеславомъ Кривоустымъ.

Наконецъ, встрѣчаются въ гербахъ, хотя и весьма рѣдко, отдельныя человѣческія кости, мертвые головы, или даже мертвые тѣла, (напр. двѣ скрещенные бедренныя кости въ гербѣ итальянской фамиліи *Gattinari*); гораздо чаще *сердца*, иногда *воспламененные* (*emflammé*), пронзенные стрѣлою, или крылатыя, а

также *глаза*, («Божіе око», изображаемое всегда въ трехъугольнике, съ сияниемъ). Послѣднія изображаются всегда смотрящими впередъ, иногда въ большомъ числѣ, усѣвающими ноле щита, или фигуру.

Изображенія всевозможныхъ *животныхъ* (звѣрь, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ и насѣкомыхъ) въ гербахъ особенно многочисленны и разнообразны. Таковыя встрѣчаются, какъ по одному, такъ и по иѣсколько вмѣстѣ, разсѣченными и въ видѣ отдѣльныхъ частей: головы, ногъ, лапъ и т. д. Эти части бываютъ или *оторванными* (*abgerissen, arrache*) съ висящими на нихъ по оторванному краю ключами кожи, или *отрѣзанными* (*abgeschnitten, coupé*). Бромъ того, животные изображаются иногда безъ языка, клюва, клыковъ, зубовъ, ногтей, роговъ, копытъ и т. под. Такія неполныя фигуры называются *безоружными* (*mornées*), причемъ вышеупомянутыя принадлежности животныхъ получаютъ название *вооруженій* (*Waffen*) и въ гербахъ обыкновенно имѣютъ другую окраску, т. е. финифть, или иеталь, чѣмъ остальное туловище. Французскіе геральдисты употребляютъ въ этомъ случаѣ особые термины: *armé* — о когтяхъ (рѣже — *ongle*), *lamassé* (рѣже *langue*) — о языкахъ, *besqué* — о клювѣ, *denté* — о зубахъ, (о витѣ говорится — *fiercé*); *crêté* — о гребнѣ (напр. пѣтуха), и т. под. Если фигура животнаго лишена хвоста, то наз. *diffamé* (въ букв. см. опозоренною). Передняя сторона головы животнаго называется *личиной*, а одна верхняя часть ея — *лбомъ*. Животные часто изображаются *коронованными* (*couronnés*), также снабженными *шейнокомъ короною*, т. е. надѣтою на шею, (*Halskrone; colleté*), или *шайною повязкою* (*Halsband*). Домашнія животные, изображенныя съ надѣтымъ на шею ихъ колокольчикомъ, (имѣющимъ особую окраску отъ фигуры), называются въ нѣмецк. геральдикѣ — *beglocket, beschallet*, во французской — *clarinés*.

Мы остановимся здѣсь лишь на важнѣйшихъ, чаще всего встрѣчающихся въ гербахъ фигурахъ животныхъ, избирая преимущественно такія, которые въ этихъ изображеніяхъ существенно отличаются отъ своего естественного вида и получаютъ своеобразный геральдическій типъ. Такъ-какъ окраска этихъ фигуръ животнаго царства можетъ зависѣть отъ выбора, то въ этомъ

отношениі существуетъ большое разнообразіе; но, какъ мы уже сказали, обыкновенно употребляется геральдический цвѣтъ, наиболѣе подходящій къ естественному цвѣту животнаго. Что же касается *положенія* изображаемыхъ звѣрей, то для четвероногъ самыми обыкновенными являются слѣдующія: *поднимашееся* (*steigend, aufrecht; rampant, saillant*), или *возстающее* положеніе имѣютъ звѣри, стоящіе на заднихъ лапахъ, съ однойю заднею ногою, выставленною впередъ, и съ передними—неодинаково приподнятыми, такъ-что видны всѣ четыре ноги; *идущее* или *шествующее* (*schreitend; passant*), — съ приподнятою переднею ногою: *бегущее* (*laufend, courant*)—обыкновенно съ одинаково вытянутыми ногами, которая поэтому представляются, какъ бы сходящимися; далѣе: *скачущее* (*springend, sautant*), *лезающее* (*kletternd, grimpant, gravissant*), *стоящее* (*stehend, posé*), при которыхъ ноги звѣря не подняты; навонецъ *сидящее* (*sitzend, assis*), когда животный сидѣть на заднихъ лапахъ и рѣже — *лежащее* (*lagernd, couché*). При этомъ всегда подразумѣвается, что звѣри обращены въ профиль и при томъ въ правую (геральдическую) сторону, если опредѣленно не указано какого-либо другаго положенія. Подобное нормальное положеніе фигуры при блазонированіи герба особо не указывается: вполнѣ достаточно поэтому блазонировать такъ: въ золотомъ полѣ черный левъ (фиг. 3). Для изображенія птицъ самое употребительное положеніе *взлетающее* (*auffliegend*), т. е. готовящеся взлетѣть, съ распостертыми крыльями, или же *сидящее* (*sitzend*).

Изъ геральдическихъ животныхъ всего чаще встрѣчаются въ геральдикѣ всѣхъ странъ *левъ* и *орелъ*.

Нормальное положеніе *льва* есть *возстающее*, т. е. стоящее на заднихъ лапахъ; также изображается онъ готовящимися къ нападенію, или *яростнымъ* (*fureux*), какъ выражались древніе геральдисты. Голова льва изображалась въ древнѣйшій періодъ геральдики нѣсколько заостренною, впослѣдствіи же—болѣе окруженною и близкою къ природѣ, зѣвъ—то на половину, то вполнѣ разинутымъ, обыкновенно съ значительно высунутымъ языкомъ, въ видѣ извивающейся, загнутой къ верху узкой полосы, и по-

казывающимися зубами (*вооруженнымъ*); глазъ — свирѣпо взирающими. Туловище льва всегда изображалось очень длиннымъ и худымъ, особенно утонченнымъ снизу. Въ древнѣйшее время, въ XIV вѣкѣ, онъ является въ болѣе прямомъ положеніи, такъ что фигура его совпадаетъ съ вертикальною осью щита (ф. 3); позднѣе, въ XV в., она принимаетъ болѣе изогнутое, извивающееся очертаніе, образуя какъ бы змѣообразную линію (ф. 4). Притомъ левъ первоначально изображался совершенно *косматымъ*, позднѣе — лишь съ длинною гривою, ниспадающей до половины туловища и сильно курчавою, (въ видѣ колецъ), и съ мохнатыми ногами. Переднія лапы въ древнѣйшее время имѣли очертаніе въ видѣ трехъ завругленій, съ выступающими когтями, съ заднимъ пальцемъ, обращеннымъ внизъ и также снабженнымъ когтемъ. Впослѣдствіи пальцы ногъ стали изображаться болѣе раздѣленными и вытянутыми. Хвостъ — почти отъ самаго основанія вытянутымъ въ верху и направленнымъ вдоль туловища; въ ста-рину его изображали совершенно мохнатымъ, позднѣе — съ отдельными пучками волосъ, обращенныхъ внаружу, причемъ кисть на концѣ хвоста ниспадаетъ къ туловищу льва. Съ XV-го вѣка хвостъ сталъ также изображаться *раздвоеннымъ* — это тавъ наз. *двойной хвостъ* (*Doppelschweif, queue fourchée*); при этомъ обѣ его части скручены, наподобие веревки, и каждая имѣеть на концѣ кисти волосъ.

Какъ уже упоминалось выше, обычными цвѣтами для льва считаются въ геральдикѣ золотой и червленый, рѣже черный, еще рѣже — синий. Вооруженія его получаютъ обыкновенно другую окраску, рѣзко отличную отъ цвѣта фигуры, а именно: когда левъ имѣеть металлическую тинктуру, то вооруженія получаются червленую или синюю, когда же онъ имѣеть финифть — то золотую, или серебряную, но всегда различающуюся отъ цвѣта щитового поля. Зубы и глаза по правилу должны быть серебряные и лишь когда поле щита имѣеть эту тинктуру, то цвѣтные. Впрочемъ, могутъ существовать и различные окраски фигуры льва, въ цѣломъ и частяхъ, (напр. левъ въ Гессенскомъ гербѣ полосатый: серебряный и красный; левъ въ верхней части золотой, въ нижней серебряный — въ гербѣ Саксена-Альтенбурга).

Такъ наз. **леопардъ**, или **леопардовыи левъ** (*leopardierter Löwe, lion léopardé*) бываетъ представленъ, какъ **шестивущій** чрезъ щить левъ, но съ лициною, обращенною **примо** къ зрителю; въ этомъ положеніи онъ имѣть одну изъ переднихъ ногъ поднятую, а заднюю (внутреннюю) — нѣсколько выставленную впередъ. Голова изображается всегда *en face*, а хвостъ — прижатымъ вдоль спины; во всемъ остальномъ онъ не отличается отъ обыкновен-наго льва (ф. 6). Леопарда (съ обращеною **примо** лициною) и притомъ **возстающаю** (*steigend, rampant*) нѣкоторые геральдисты называютъ **львинымъ леопардомъ** (*gelöwter Leopard, leopard lionné*). Нѣкоторые, впрочемъ, усматриваютъ отличительный признакъ леопарда не въ направлениі лицины его, но въ положеніи всей фигуры, и на этомъ послѣднемъ основаніи называютъ **возстающаго льва** — **леопардовымъ**, а **шестивущаго** — **льви-нымъ леопардомъ**.

Въ древней геральдикѣ подобныхъ различій не существовало, такъ какъ и левъ, и леопардъ изображаютъ одно и то-же животное, только въ разныхъ положеніяхъ. Когда нужно помѣстить въ одномъ и томъ-же гербѣ нѣсколько львиныхъ фигуръ, какъ напр. въ гербахъ Англіи, Даніи, Каринтіи и др., то ихъ изображаютъ шестивущими и помѣщають одного надъ другимъ (ф. 5). Изображенія льва весьма часто встрѣчается въ Средніе вѣка, какъ въ гербахъ, такъ и на монетахъ и печатахъ, напр. Венеци и другихъ итальянскихъ городовъ. Извъ другихъ древнихъ типовъ геральдического льва можно указать на изображенія его въ гербѣ и печатахъ графовъ Фландріи, напр. Вильгельма Фландрскаго (1234 г.), а также Англіи и Шотландіи. Даѣе мы встрѣчаемъ львиныи фигуры въ гербахъ и печатахъ Германскихъ государей и въ гербѣ Чехіи. Они имѣются также въ польскихъ и венгерскихъ печатахъ XIV-го вѣка и отсюда переходятъ и въ Червонную Русь. Такъ наз. „**русскій левъ**“ былъ представленъ на монетахъ, вычеканныхъ при Базимірѣ Великомъ, а также встрѣчается въ гербѣ города **Львова** и на печатахъ Галичско-Владимирскихъ князей XIV вѣка. Левъ встрѣчается, наконецъ, у насъ на Руси, на древнихъ печатахъ князей Смоленскихъ XIII вѣка и на печати Великаго Новгорода XV-го вѣка. Мы видимъ его

Слово «леопардъ» въ геральдикѣ

также въ XVII вѣкѣ на нашей государственной печати, въ гербѣ Владимира великаго княжества, гдѣ обращенный вѣво коронованный левъ изображенъ держащимъ въ переднихъ лапахъ удлиненный 4-хъ вонечный крестъ.

Геральдический орелъ имѣть очень мало сходства съ дѣйствительнымъ и изображается всегда въ орнаментальномъ стилѣ: взлетающимъ, готовящимся къ нападенію, съ полураспущенными крыльями. Онъ изображается съ лица, съ головою обращенною въ сторону, обыкновено вправо, съ разставленными когтями (ф. 7). На туловищѣ перья расположены правильно, на подобіе заостренной чешуи. На древнѣйшихъ изображеніяхъ орла имѣются два тонкихъ пера, отдаляющихся отъ шеи въ стороны (такъ наз. *нити*—*Faden*); въ позднѣйшее же время появляется въ верхней части шеи рядъ стоячихъ перьевъ (ф. 8). Крылья съ обѣихъ сторонъ правильно распушены, образуя въ общемъ своеобразіе очертаній (схематически) дугу: они имѣютъ небольшое число, (отъ 3-хъ до 12-ти), длинныхъ перьевъ, расположенныхъ симметрично и несколько выгнутыхъ къ верху. Перья, расположенные въ нижней части крыльевъ, обыкновенно становятся длинѣе, не соглашаясь въ этомъ съ строениемъ крыльевъ у дѣйствительного орла; между ними часто изображаются еще тонкія, острыя перья, въ видѣ витей. Кости, составляющія основу крыльевъ, узловаты и усажены короткими перьями. Хвостъ орла также изображается въ стилѣ орнамента, съ завитками, расположеннымъ симметрично, причемъ одно заостренное перо направлено внизъ. Голова, всегда обращенная въ сторону, въ древнихъ гербахъ изображалась иногда повернутою вверхъ, глазъ — съ хищнымъ, огненнымъ выраженіемъ, клювъ — сильно изогнутымъ внизъ, обыкновенно открытымъ, съ высунутымъ языкомъ. Ноги орла по большей части бываютъ представлены несоответственно большими, обнаженными въ нижней своей части отъ перьевъ, когти — сильно загнутыми. Хотя орелъ въ гербахъ встрѣчается всевозможныхъ цвѣтовъ, (онъ бываетъ иногда *шахматнымъ* — *geschacht*, напр. въ гербѣ Моравіи), однако преобладающими являются черный, красный и серебряный (белый). Вооруженія, (т. е. когти, лапы), по правилу отличаются цвѣтомъ, обыкновенно золотыя, даже при зо-

лотомъ же полъ щита. Иногда чрезъ туловище и крылья проходить металлический *серпъ* (*Sichel*) съ концами, обращенными вверхъ; концы эти заканчиваются иногда въ видѣ *трилистника* (напр. въ гербѣ *Тироля*, *Познани*, *Бранденбурга* и др.). Этотъ серпъ въ гербахъ произошелъ, вѣроятно, отъ металлической свободы, служившей для прикрытия выпуклыхъ (пластическихъ), или вырѣзанныхъ фигуръ орла къ щиту. Геральдический орелъ всегда изображается вышеописаннымъ образомъ, или болѣе или менѣе сходно съ нимъ: орлы естественного вида, а также летящіе, и так. наз. *римскіе* орлы—не геральдичны.

Если въ щите изображается нѣсколько орловъ, безъ клювовъ и съ опущенными крыльями, то они называются во франц. геральдикѣ—*alérions*, въ отличіе отъ орловъ малаго размѣра, но въполномъ видѣ, встрѣчающихся по нѣсколько и называемыхъ *aiglettes*, *орликами*.

Изъ отдѣльныхъ частей орла въ гербахъ встрѣчаются головы, лапы, но чаще всего *крылья*, при чемъ эти послѣднія являются по одному, или парами. Два крыла получаютъ название *лѣта* (*Flug, vol*) фиг. 9. Они бывають или распущенными въ противоположныя стороны, или же какъ бы положенными одно на другое, такъ-что почти покрываютъ другъ друга, и нижнее крыло лишь неиного выступаетъ изъ подъ верхняго.

Въ первомъ случаѣ это такъ наз. *открытый лѣтъ* (*offener Flug*), а во второмъ—закрытый л. (*geschlossener Fl*). Одно крыло, представленное въ отдѣльности, наз. *половиной лѣта* (*halber Flug, demi-vol*), или просто *крыломъ*.

Изъ четвероногихъ животныхъ встрѣчаются, какъ гербовые фигуры, преимущественно слѣдующія:

1. *Олень* (*Hirsch, cerf*)—бѣгущій (*elancé*), скакущій (*sail-lant*), или иѣрно шествующій (*passant*), онъ всегда изображается въ профиль, иногда съ опущеною головою (*âsend*), смотрящій впередъ—на *сторожъ* (*auf der Hut*), рѣже—отдыхающій, въ лежачемъ положеніи (*en gerose*). Встрѣчаются также весьма часто въ отдѣльности *оленни рога*, иногда съ обращенными лишь въ одну сторону концами, напр. въ кор. гербѣ *Вюртембергіа*. Олени рога встрѣчаются часто и въ польскихъ гербахъ (напр. гербы *Dzialosza*, *Biberstein* и другіе).

Мѣсту соединенія роговъ, которое въ нѣмецкой геральдикѣ наз. *розою*, придается очертаніе трилистника. Въ русской геральдикѣ олень встрѣчается въ древнихъ гербахъ городовъ *Ростова* (серебряный олень) и *Нижнаго Новгорода* (красный), происшедшихъ вѣроятно, отъ древнихъ княжескихъ печатей, и отсюда также въ гербахъ князей *Ростовскихъ*: *Лобановыхъ* и *Касаткиныхъ*. Въ польской геральдикѣ бѣлый олень съ короною на шеѣ въ гербѣ *Brochwicз*—нѣмецкаго происхожденія.

2. *Вепрь* (*Eber, sanglier*), изображается всегда въ профиль, въ положеніи готоваго къ нападенію, съ опущеною головою для нанесенія удара клыками, съ упирающимися въ землю ногами и поднявшимся щетиною на спинѣ. Обыкновенный цвѣтъ его — чёрвый, причемъ щетина на спинѣ, клыки и концы ногъ имѣютъ особую окраску. Когда онъ изображенъ съ вѣшившемся ему въ ухо собакою, то обозначается во франц. геральдикѣ терминомъ *coiffé*.

3. *Медвѣдь* (*Bär, ours*) бываетъ представленъ въ профиль, шествующимъ или возстающимъ, иногда сидящимъ. Цвѣтъ его обыкновенно чёрный, вооруженія золотыя, или красные. Въ Царскому *Титуллярникъ*, составленномъ по приказу царя Алексея Михайловича, въ началѣ 70-хъ годовъ XVII вѣка, въ гербахъ русскихъ областей, вошедшихъ въ большую государственную печать, мы встрѣчаемъ нѣсколько изображеній медвѣдей, сохранившихся и впослѣдствіи въ гербахъ губерній. Такъ въ *Новгородскомъ* гербѣ XVII в. мы видимъ двухъ чёрныхъ медвѣдей, стоящихъ на заднихъ лапахъ, по обѣ стороны золотыхъ креселъ; въ *Пермскомъ* гербѣ — бѣлаго медвѣди, идущаго вѣво, съ евангелиемъ и крестомъ на спинѣ; наконецъ, въ *Ярославскомъ* — стоящаго чёрнаго медвѣдя, обращеннаго вѣво и держащаго рогатину, или бердышь. Это послѣднее изображеніе медвѣдя перешло также въ гербы *Ярославскихъ* князей: *Шаховскихъ*, *Львовыхъ*, *Солнцевыхъ*-*Засѣкиныхъ*, *Шехонскихъ* и др. Медвѣдь встрѣчается также въ гербахъ *Стародубскихъ* князей: *Хилковыхъ*, *Гагаринскихъ*, *Ромодановскихъ*, *Гундоровыхъ* и др.

4. *Козерогъ*, или каменный баранъ (*Steinbock, bovis*) ф. 10 обыкновенно изображается скачающимъ, иногда идущимъ, (польск.

гербъ *Wieruszowa*), и съ большими хрящеватыми рогами, которые, также какъ и копыта, имѣютъ отличающейся цвѣтъ. Въ геральдикѣ козелъ отождествляется съ козерогомъ. Часто встречаются также одни лишь рога его.

5. *Лисица* (*Fuchs, renard*) и *волкъ* (*Wolf, loup*)—первая, по правилу, возстающая, съ опущеннымъ хвостомъ и закрытою пастью, обыкновенно червленая; послѣдній, подобно льву, готовый къ нападенію, съ открытымъ зѣвомъ, показывая зубы, и съ поднятымъ хвостомъ. Цвѣтъ его—чёрный, красный, или серебряный. Подобнымъ же образомъ изображается и *бобръ* (*Biber, castor*), который узнается по утолщенному хвосту, своеобразного очертанія. Бобровый хвостъ въ гербахъ бываетъ обыкновенно *шахматной* окраски и изображается иногда и отдалено.

6. *Собака* (*Hund, chien*) изображается большою частью черною, или серебраною, съ ошейникомъ, снабженнымъ кольцомъ; въ нѣмецкой геральдикѣ различаются три различныхъ вида ея, а именно: *домашняя* (*Bracke*), вислоухая (ф. 11), *гончая* (*Windhund*), съ худымъ туловищемъ и длинными стоячими, нѣсколько загнутыми ушами и, наконецъ, большой корноухий *ко-белъ* (*Rüde*), обыкновенно червленаго цвѣта. Нерѣдко изображается одна лишь голова собаки. Положенія ея въ гербахъ:—шествующее, скачущее, бѣгущее и сидящее, притомъ иногда лающее.

7. *Конь*—(*Ross, cheval*) скачущій, съ развѣвающеюся гривою, въ профиль. Когда онъ представленъ не осѣдланнымъ, на свободѣ, то наз. *свободнымъ, играющимъ* (*ledig, gas*); рѣже изображается съ уздою и сѣдломъ; когда вздымается на дыбы, то для его обозначенія во франц. гер. примѣняются термины: *assidé, cabré, effaré, effrayé*.

8. *Быкъ* (*Stier, boeuf, taureau*), также *дикій быкъ*, или *буйволъ* (*Auer*) и *зубръ* (*Aurochs*) изображаются въ профиль, первый—съ рогами въ видѣ полумѣсяца, а вторые—съ дважды изогнутыми рогами; все они часто бываютъ съ опущеною, какъ бы для боданія, головою, шествующими, стоящими, или возставшими. Нерѣдко изображается и отдалено *бычачья голова*, съ лица, съ высунутымъ языкомъ, или съ продѣтымъ чрезъ

ноздри кольцомъ ф. 11, (напр. польские гербы: *Wienianka*, *Mohyla* и *Glowa-Bawola*. Иногда встречается въ гербахъ фигура коровы, рѣже бычка, (напр. въ польскомъ гербѣ *Ciolek*). *Буйволыя рога*, которые такъ часто встречаются въ видѣ увѣшеній гербовыхъ шлемовъ, особенно нѣмецкихъ, нѣкоторыми геральдистами совершенно ошибочно принимаются за *охотничии рога*, а французскими даже за *слоновые хоботы (proboscides)*.

9. *Слонъ (Elephant, Helf)*, по правилу бываетъ серебряный, съ ушами, вызубренными наподобіе вѣра, съ свернутымъ въ кольцо, или опущеннымъ хоботомъ; онъ изображается стоящимъ, или шествующимъ; клыки обыкновенно другаго цвѣта. Въ датскихъ гербахъ слоны часто встречаются, какъ щитодержатели, даже стоящими на заднихъ ногахъ.

Перечисленіе другихъ, весьма многочисленныхъ звѣрей, встречающихся въ гербахъ, завело бы насъ слишкомъ далеко. Упомянемъ здѣсь еще между таковыми свойственное русской геральдикѣ *соболя*. Онъ встречается на древнихъ печатахъ сибирскихъ остроговъ XVII вѣка и отсюда перешелъ и въ гербы Сибирского царства въ „Титуларникѣ“ царя Алексѣя Михайловича, а впослѣдствіи и въ гербы многихъ сибирскихъ городовъ. Соболь изображается всегда въ профиль, чернаго цвѣта и обыкновенно стоящимъ на заднихъ лапахъ. Въ гербѣ Сибирского царства, мы видимъ двухъ стоящихъ соболей, которые передними лапами держать корону и лукъ, съ двумя перекрещивающимися стрѣлами.

Перейдемъ къ геральдическимъ *птицамъ*: онъ изображаются взлетающими, или обращенными въ сторону, сидящими, рѣже поникшими, т. е. съ опущеною головою; хвостъ ихъ имѣть часто особый цвѣтъ, (что обозначается въ нѣмецкой геральдикѣ особымъ терминомъ—*geschwanzt*).

Особое геральдическое изображеніе имѣютъ, кроме орла, еще слѣдующія птицы:

1. *Журавль (Kranich, grue), аистъ, (Storch, cigogne) и цапля (Reiher, hérion)*. Первый изображается обыкновенно стоящимъ на одной ногѣ, а другою держащимъ камень, символъ бдительности, (франц. *vigilance*), аистъ — съ втянутой шеей, цапля — съ хохломъ сзади головы, во всемъ остальномъ онъ довольно

сходны между собою. Когда ихъ изображаютъ *коронованными*, то они имѣютъ корону, надѣтою на шею.

2. *Страусъ* (*Strauss, autruche*), обыкновенно держитъ въ клювѣ подкову.

3. *Птичка* (*Hahn, coq*), (ф. 12), изображается готовымъ въ бою, съ рѣзко очерченнымъ гребнемъ и съ поднятою ногою (*hardi*), хвостъ съ немногими, но сильно загнутыми перьями.

4. *Павлинъ* (*Pfau, paon*), съ распущенными хвостомъ (*schweifspiegelnd, rouant*).

5. *Мерлетты* (*merlettes*), встречающіяся въ особенности во французскихъ гербахъ, суть маленькия, обрубленныя, (лишенные клюва и ногъ), уткоподобные птицы. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *орликами* (*alérions*), о которыхъ говорилось выше.

6. *Пеликанъ* изображается обыкновенно въ профиль, сидящимъ на гнѣздѣ и терзающимъ клювомъ свою грудь, чтобы дать пищу своимъ птенцамъ, которые изображаются въ числѣ трехъ. Выступающіе изъ раны капли его крови обозначаютъ во франц. гер. терминомъ *riéte*. Цвѣть его обыкновенно серебряный (нар., въ польскомъ гербѣ *Pelikan*).

7. *Лебедь*, обыкновенно серебряный, сидящій, или плавающій (нар. въ польскомъ гербѣ *Paragona*, который итальянскаго происхожденія).

Рыбы въ геральдикѣ изображаются *плавающими*, въ горизонтальномъ направленіи; также *поднимающими* (*steigend*), согнутыми въ дугу, или въ прямомъ положеніи. Плавательные перья (*Flossen, nageoires*) у нихъ часто изображаются въ орнаментальномъ стилѣ, т. е. заостренными, или сильно вызубренными; они получаютъ обыкновенно другую окраску (*beflossen, lorré*). Если отличающейся цвѣть дается хвосту, то это обозначается франц. терминомъ *peautré*, если гребню — *crête*, если глазу — *allumé*. Изъ рыбъ въ гербахъ западной Европы встречаются чаще всего:

Двѣ поднимающіяся къ верху и отворачивающіяся одна отъ другой рыбы, изъ породы *барвена* или *чебака* (*Barbe, Bartfisch; bar, barbeau*) ф. 13.

Дельфинъ (*Delphin, dauphin*), ииъеть своеобразное геральдическое изображение, съ гребневидными спинными перьями (ф. 14); онъ изображается обыкновенно въ профиль и согнутымъ, съ головою и хвостомъ, обращенными въ одну сторону. Голубой дельфинъ съ закрытымъ зъвомъ, такъ наз. *живой* (*vif*), въ золотомъ полѣ, составляетъ бывшій гласный гербъ провинціи *Dauphiné* во Франціи. Старшіе сыновья французскихъ королей носили въ старину титулъ *дофина* и пользовались вышеописаннымъ гербомъ со времени присоединенія этой провинціи къ коронѣ.

Форель (*Forelle, truite*) изображается согнутою въ дугу и усѣянною красными точками (*marqueteé*).

Въ русской геральдикѣ рыбы весьма употребительны и обыкновенно изображаются безъ опредѣленія породы, хотя можно различать между ними стерлядей, карпій, щукъ, форелей и т. под. Впрочемъ большая часть подобныхъ изображеній принадлежать новѣйшему времени; болѣе древними являются лишь изображенія двухъ рыбъ, плывущихъ навстрѣчу одна другой—въ *Новгородскомъ* гербѣ, и двухъ скрещенныхъ рыбъ, головами къ верху—въ гербѣ *Бѣлоозера*, встрѣчающихся въ Титулярникѣ XVII в.; онъ перешли отсюда и въ *боярские* гербы кн. *Бѣлосельскихъ-Бѣлоозерскихъ*, *Ухтомскихъ* и *Вадольскихъ*. Рыбы встречаются и въ польской геральдикѣ напр. въ гербѣ *Glaubisz* (плывущая рыба), *Korzbok* (З карпій), *Golobok* (половины рыбы-лосося) и др., где онъ принадлежать къ весьма древнимъ, (послѣдній гербъ—XII вѣка).

Заканчивая обзоръ главнѣйшихъ геральдическихъ типовъ животнаго царства, упомянемъ еще особенно часто встрѣчающихся:

1. *Змѣя* (*Schlange, serpent, bisse, givre*)—обыкновенная звѣта ея: синій, зеленый, серебряный, изображается возстающею, (готовою къ нападенію), извивающеюся въ ширину щита, или свернувшуюся въ кольцо. Змѣя, закусывающая свой хвостъ, символизируетъ вѣчность. Иногда ее изображаютъ держащею въ пасти человѣческую фигуру, (напр. въ древнемъ гербѣ города *Милана*).

2. *Морская раковина* (*Meermuschel, coquille*), (ф. 15) изображается въ нѣмецкой геральдикѣ витою, наподобіе рога дикой козы, съ мѣняющимися цветами, обыкновенно червленою и золотою.

лотою. Болѣе обычна форма такъ наз. *пилигримской раковины* (вѣрообразная); когда она большаго размѣра, то наз. раковиною *св. Іакова*, а таковая же малаго размѣра называется раковиною *св. Михаила*. Раковины, въ которыхъ видна внутренняя сторона, получаютъ во франц. геральдикѣ название *vannets*.

3. Ракъ (*Krebs, écrevisse*) изображается червленымъ, (какъ вареный), съ вытянутымъ хвостомъ и ногами; часто встрѣчается также въ гербахъ отдельно раковая клешня. Въ польской геральдикѣ ракъ встречается напр. въ гербѣ *Warnia*.

Перейдемъ далѣе къ фигурамъ, заимствованнымъ изъ царства растительнаго, который особенно часто примѣнялись въ геральдическомъ искусствѣ.

Деревья изображаются въ гербахъ выростающими изъ почвы, или вырванными (*ausgerissen, arraché*), когда видны корни ихъ, обыкновенно съ тонкимъ стволомъ, нѣсколькими, симметрично расположеными вѣтвями и несообразно большими листьями, цветами и плодами, которые и составляютъ характерное различіе той, или другой древесной породы. Цвѣтъ листьевъ преимущественно зеленый, стволъ же другаго цвѣта. Чаще всего встречаются:

Липа (*Linde*) (ф. 16) съ сердцевидными листьями (въ нѣмецкой геральдикѣ).

Дубъ (*Eiche, chêne*). часто съ вырванными корнями, съ желудями, или безъ нихъ (ф. 17). Напр. польскій гербъ *Dab* изображаетъ дубъ золотаго цвѣта, съ 3 желудями и 2 листьями.

Береза (*Birke*) въ нѣмецкой геральдикѣ, обыкновенно въ видѣ зеленаго, или золотаго кустообразнаго дерева съ серебрянымъ стволомъ.

Ель (*Tanne, pin*) въ видѣ дерева съ конусообразнымъ расположениемъ вѣтвей.

Сосна, напр. съ 3-мя вѣтвями и 5-ю корнями въ древнемъ польскомъ гербѣ *Godzicemba* (XI вѣка).

У фруктовыхъ деревьевъ, между которыми особенно обычна яблоня (ф. 18), плоды изображаются весьма крупными, для большей ясности. Во французской геральдикѣ существуетъ своеобразное изображеніе дикой вишни (*créquier*), напоминающее своимъ очертаніемъ фигуру семисвѣчника.

Встрѣчаются также въ гербахъ: лавръ, маслина, виноградная лоза, тополь, кленъ и другіе.

Древесныя вѣтви и сучья изображаются, или въ видѣ обрѣзанныхъ палокъ, или же усаженными листьями и съ плодами на нихъ. Встрѣчаются иногда и сухіе, или обгорѣлые, съ пламенемъ (*Brände*). Весьма часты также въ гербахъ отдѣльные листья и плоды.

Изъ цвѣтовъ встрѣчаются чаще всего роза и лилія, получающія особыя геральдическія формы.

Роза изображается въ видѣ вполнѣ распустившагося цвѣтка, состоящаго почти всегда изъ 5 лепестковъ, сердцевидной формы (ф. 19), часто съ загнутыми краями; въ срединѣ его имѣется золотая сѣмянная капсула и тычинки, а между лепестками выступаютъ заостренные зеленые листики цвѣточной чашечки. Геральдическій цвѣтъ розы—червленый, (а не естественный розово-красный), иногда золотой и серебряный. Въ описанномъ типѣ (но обыкновенно съ 4 лепестками), роза встрѣчается, въ видѣ орнамента, еще на греческихъ и римскихъ памятникахъ искусства. Въ гербахъ, впрочемъ, попадаются и махровыя розы съ двумя и болѣе рядами лепестковъ; рѣже встречается изображеніе розы со стеблемъ и листьями (*Stielrose, rose tigée et feuillée*).

Роза являлась особенно распространеною гербовою эмблемою въ Средніе вѣка и встрѣчается въ многочисленныхъ гербахъ древнихъ фамилій западной Европы, часто какъ гласный гербъ, (напр. фамиліи *Rosenberg, Rosenberg, Rosières* и т. под.).

Розы въ своихъ гербахъ имѣютъ также въ Германіи княжества *Липпе* и *Саксенъ-Альтенбургъ* и городъ *Магдебургъ*: во Франціи—городъ *Гренобль* и др. Извѣстно, что въ Англіи алая и бѣлая розы являлись гербовыми эмблемами долго враждавшихъ между собою королевскихъ домовъ, *Ланкастеръ* и *Йоркъ*. Вспомнимъ здѣсь также символическую золотую розу, которую римскіе папы по древнему обычаяу, начавшемуся съ XII вѣка, ежегодно посыпаютъ въ даръ одному изъ католическихъ государей, въ знакъ благоволенія¹⁾.

¹⁾ О символикѣ розы существуетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе *Плейдена*: „Die Rose, Geschichte u. Symbolik. Leipzig. 1873.

Лилія въ гербахъ является чаще всего въ видѣ своеобразнаго геральдического орнамента, известнаго подъ названиемъ *Francica* или *Francisea*. Онъ состоить изъ трехъ листьевъ, изъ которыхъ средній къ верху и къ низу заостренъ, а оба боковые верхними концами отогнуты внизъ; все три листа притомъ соединены вмѣстѣ перевязью и къ низу образуютъ такую же фигуру изъ трехъ частей, но только въ уменьшенномъ видѣ. На фиг. 20 показано обыкновенное изображеніе геральдической лиліи. Лилія безъ нижней части, т. е., такъ сказать, половина таковой (ф. 21), наз. въ нѣмецкой геральдикѣ *Cleve* (франц. *fleur de lis au pied nourri*). Лилія представляетъ весьма древній орнаментъ и встречается на Востокѣ уже въ XI вѣкѣ въ видѣ узора на одеждахъ. Отсюда она, по всему вѣроятію, проникла въ западную Европу, а именно во французскую, а затѣмъ и въ нѣмецкую геральдику. Мы уже упоминали раньше о происхожденіи древняго французскаго герба, гдѣ золотая лилія появились впервые съ 1179 г., при королѣ Людовикѣ VII; этимъ объясняется название лиліи—*Francica*. Кромѣ геральдическаго ея примѣненія, лилія въ видѣ орнамента весьма обычна въ Средніе вѣка на матеріяхъ, а также пластически, въ видѣ наконечниковъ, у скипетровъ, крестовъ, и на коронахъ, въ видѣ зубцовъ. Существуетъ также типъ алебарды XVI вѣка (такъ наз. *spontons*—эспонтоны), весьма сходной по формѣ совни съ лиліей, откуда произошло ошибочное мнѣніе, будто геральдическое изображеніе послѣдней получило свое начало отъ этого оружія. Восточное происхожденіе геральдической лиліи не подлежитъ сомнѣнію: нѣкоторые исследователи указывали на сходство ея съ особеннымъ видомъ лиліи, (или ириса), встречающагося въ Палестинѣ. Въ Европѣ она появляется на одеждахъ, скипетрахъ и коронахъ со временемъ Карла Великаго и притомъ, несомнѣнно, чрезъ Византію и арабовъ, а въ Испаніи—чрезъ мавровъ. Въ Италии лилія на печатахъ начинаетъ встречаться съ IX вѣка. Какъ известно, червленая лилія нѣсколько своеобразной формы, такъ наз. *расцвѣтиша* (*erapouie*), въ серебряномъ полѣ, составляетъ весьма древній гласный гербъ г. *Флоренции*, съ девизомъ: „*Florida florenti floret Florentia flore*“. По преданію, не вполнѣ достовѣрному впрочемъ, гербъ этотъ

дарованъ бытъ городу Карломъ Великимъ въ видѣ царственной его эмблемы¹⁾. Въ гербахъ встрѣчается иногда изображеніе естественной садовой лиліи (*lis des jardin, au naturel*), съ листьями и стеблемъ, совершенно сходной съ природой. Геральдическая лилія встречается часто и въ польской геральдикѣ (гербы *Gozdawa. Gulcz. Wierzbna*).

Изъ отдельныхъ листьевъ, изображаемыхъ въ гербахъ, самыми обычными являются слѣдующіе:

1. Трилистникъ, состоящій изъ трехъ забругленныхъ лепестковъ (*Dreipass, trèfle*). Когда онъ изображается въ естественномъ видѣ, то вполнѣ соответствуетъ листу клевера (ф. 22). Обычный цветъ его зеленый; по правилу, онъ долженъ имѣть небольшой стебелекъ (*queue ondoyante*) и безъ такового получаетъ название — *tierce-feuille*. Встрѣчается также во французскихъ и англійскихъ гербахъ четырехъ и пятилистники (*quaterfoil, cinquefoil*), послѣднія съ круглымъ отверстиемъ посерединѣ фигуры. Весьма рѣдки шести и восьмилистники.

2. Липовый листъ (*Lindenblatt*) встрѣчается въ нѣмецкой геральдикѣ (ф. 23), иногда изображается съ корнями; (часто служить гласнымъ гербомъ).

3. Листъ водоросли (*Seelblatt*) — сердцевидный, иногда покрытый геральдическою дамаскировкою, по большей части съ вырезкою, наподобіе трилистника, причемъ листъ получаетъ очертаніе, сходное съ олеными рогами (ф. 24). Нѣкоторые нѣмецкіе геральдисты считаютъ его лишь вариантомъ липового листа. Встрѣчаются также изображенія, где этотъ листъ имѣетъ естественную форму водоросли, совершенно круглую, (напр. въ гербѣ *Фрисландіи*, где эта эмблема является весьма древнею).

Изъ плодовъ встрѣчается въ гербахъ: виноградная лоза (*Weintraube, W-rebe, cep de vigne*) изображается съ очень крупными ягодами, густо увѣшивающими лозу, и съ листьями. Яблоко, чаще всего гранатное (*Granatapfel, Margramapfel*),

¹⁾ Весьма подробное и обстоятельное изслѣдованіе о геральдической лиліи можно найти въ сочиненіи франц. геральдиста *Adalbert de Beaumont, Recherches sur l'origine du blason et en particulier sur la fleur de lis. Paris, 1853*, съ многочисленными изображеніями различного типа лилій.

золотое, имѣющее сверху короновидную чашечку, растреснутое, такъ что видны красные зерна. (Т. VIII ф. 33). Оно встрѣчается часто въ испанскихъ гербахъ, представляя древнюю эмблему кор. Гранады. *Груша* (*Birne, poire*); *рѣпа* (*Rübe*) въ нѣмецкой геральдикѣ, съ пучкомъ листьевъ вверху (ф. 25); наконецъ, *орехъ*, изображаемый или по одиночкѣ, или же по три, соединенныхъ вмѣстѣ въ одной оболочкѣ, какъ они встрѣчаются въ природѣ, (франц. *coquerelles*). Орѣхъ, имѣющій своеобразное очертаніе, схожее съ еловой шишкой, составляетъ древнѣйшую гербовую эмблему города Аугсбурга и называется „*Stadtpurg*“.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію геральдическихъ изображеній *небесныхъ свѣтиль* и другихъ фигуръ изъ земнаго міра.

Солнце (*Sonne, soleil*) изображается, какъ полный дискъ, имѣющій черты человѣческаго лица, обращенного впередъ; оно окружено лучами, число которыхъ обыкновенно 16, (впрочемъ это число измѣняется по желанію), причемъ послѣдніе изображаются поочерѣдно, прямыми и извилистыми, въ видѣ пламени (ф. 26); цвѣтъ—золотой, рѣже червленый, синій, или серебряный. Солнце наз. *восходящимъ* (*levant*), когда оно изображено поднимающимся изъ праваго нижняго угла; *заходящимъ* (*couchant*)—изъ лѣваго нижняго угла; *полуденнымъ* (*S. du midi*)—въ срединѣ щитовой главы; наконецъ, *угасающимъ* (*mourant*), когда оно представлено въ одномъ изъ верхнихъ угловъ щита¹⁾.

Солнце, изображенное безъ человѣческаго лица или имѣющее неестественный цвѣтъ, (т. е. не золотой), въ франц. геральдикѣ называется иногда *тѣнью солнца* (*ombre de soleil*).

Въ русской геральдикѣ солнце встрѣчается въ древнемъ гербѣ (XVII в.) Подольскомъ, гдѣ оно окружено nimбомъ, и надъ nimбомъ изображенъ крестъ. Гербъ этотъ польскаго происхожденія.

Луна (*Mond, lune*)—серебряный серпъ, обращенный вправо, или влѣво, лежащій (съ рогами въ верху), или опрокинутый (съ рогами внизъ). Часто пмѣтъ на внутренней сторонѣ серпа человѣческое лицо, въ профиль (ф. 27).

¹⁾ Иногда *восходящимъ* и *заходящимъ* называются также изображенія солнца въ верхнихъ углахъ щита. Но эти термины вообще устарѣли.

Звезды (*Stern, astre*) бывають представлены съ 5-ю, 6-ю и 8-ю острыми, по большей части гранеными и окаймленными лучами. У французовъ, итальянцевъ и англичанъ звѣзды въ гербахъ преимущественно пятиугольныя, въ нѣмецкой же геральдикѣ, напротивъ, почти исключительно шестиугольныя, рѣже — съ 8-ю концами. При изображеніи кометъ, хвостъ ихъ имѣеть обыкновенно другую тинктуру.

Въ русской геральдикѣ луна и звѣзды, или одни, или въ сочетаніи съ другими фигурами, крестомъ, подковою, оружиемъ и т. д. служатъ отличительными эмблемами дворянскихъ фамилій татарского происхожденія, какъ напр. въ гербахъ *Арсеньевыхъ*, *Давыдовыхъ*, *Мосоловыхъ* и др.

Земля изображается какъ шаръ, съ обозначеніемъ экватора и круговъ широты и долготы. Впрочемъ, въ древней геральдикѣ она почти не встрѣчается: за то радуга, изображаемая въ видѣ дугообразной полосы, червленаго, золотаго и синяго цвѣтовъ, есть довольно древняя гербовая фигура.

Облака (*Wolken, nuages*) изображаются по большей части геральдически, (о чёмъ мы уже говорили раньше). Въ болѣе позднѣе время появляются въ гербахъ и естественные облака, (съ художественнымъ очертаніемъ), изображаемыя въ особенности съ выходящими изъ нихъ руками, (благословляющею десницею, руками вѣрности и т. под.). Они обыкновенно бывають синія, или серебряныя.

Молния (*Blitz, foudre*) изображается въ геральдикѣ не въ видѣ зигзага, но пылающею, подобно солнечнымъ лучамъ, и спускающеюся въ отвѣсномъ направлениі (т. V ф. 39). Въ франц. гербахъ она встрѣчается иногда крылатою (*foudre ailé*, муж. рода въ геральдикѣ).

Огонь (*Feuer, feu*) является въ гербахъ въ видѣ пламени (*Flammen, flammes*), факеловъ (*Fackel, flambeau*), горящихъ головней или углей (*Brände, bûchers, charbons*).

Весьма рѣдки изображенія вѣтровъ, въ видѣ дующей съ силою дѣтской головы; встрѣчается лишь сѣверный вѣтеръ (*Aquilon*).

Изъ фигуръ земного міра имѣютъ примѣненіе въ гербахъ:

Рѣки (*Strom, Bach, rivière*) изображаются въ видѣ извилистыхъ поясовъ синяго, или серебрянаго цвѣта; *море* (*Meer*) — чрезъ короткія, дугообразныя, линіи, обозначающія волны: эта фигура занимаетъ обыкновенно четвертую нижнюю часть щита (оконечность).

Капли (*Tropfen, gouttes*) въ геральдикѣ иногда изображаютъ слёзы (*Thränen, larmes*), синія, или серебрянныя; иногда капли крови (червленыя), или смолянныя (чёрные). Щитовое поле, усыпанное такими каплями, называется *goutté*.

Горы — въ видѣ тройныхъ возвышений (*Dreiberge, montagnes, trois monts*), причемъ среднее выше остальныхъ; встречаются горы и съ 6-ю вершинами, расположенными пирамидально, (три, два и одно), послѣднія чаще всего въ итальянской геральдикѣ; наконецъ скалы (*Felsen, rochers*), въ видѣ зазубренныхъ острыхъ конусовъ, обыкновенно выходящихъ изъ моря.

XIV.

Наиболѣе оригинальными по своему типу и особенно свойственными геральдикѣ являются *фантастическія фигуры*, или *чудовища* (*monstra*), къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ.

Всевозможныя легенды о драконахъ, сиренахъ или морскихъ женщинахъ, василискахъ, о птицѣ-грифѣ, единорогѣ и т. под., начала которыхъ слѣдуетъ искать главнымъ образомъ на Востокѣ, подали основаніе подобнымъ изображеніямъ въ гербахъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ значение и символику этихъ фигуръ, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что въ нихъ нерѣдко находили отраженіе существовавшія въ Средніе вѣка понятія о дѣйствительной природѣ, въ которыхъ имѣлась значительная примѣсь элемента чудеснаго. Геральдика воплощала эти понятія въ своихъ образахъ, заимствуя ихъ изъ различныхъ героическихъ сказаний, христіанскихъ легендъ о святыхъ и, наконецъ, изъ такъ называемаго *звѣрного эпоса* (*Thiersage*). Всѣ эти памятники средневѣковой словесности изобиловали описаніями различ-

ныхъ чудовищъ и баснословныхъ существъ, доставляя богатую пищу народной фантазии. Въ удовлетворение этой потребности находить въ окружающей природѣ черты чудеснаго и давать имъ известное мистическое значение получили большое распространение въ средневѣковой Европѣ сборники, известные подъ называніемъ *Физіолог* (*Physiologus*). Сборники эти представляютъ популярно-богословскія произведенія, которыя въ аллегорическо-символической формѣ описывали дѣйствительныя и мнимыя свойства животныхъ, предлагая таковыя въ видѣ поучительныхъ образцовъ для подражанія и изъданія. Физіологъ первоначально выработался на христіанскомъ Востокѣ и лишь впослѣдствіи перешелъ на Западъ, гдѣ описанія чудесныхъ животныхъ явилось желаннымъ пріобрѣтеніемъ для воспріимчивой фантазіи Среднихъ вѣковъ, а мистическая толкованія подходили какъ нельзя болѣе къ умственно-религіозному настроенію этой эпохи. Имѣя широкое распространение въ литературѣ Востока и Запада¹⁾, начиная съ древнѣйшихъ временъ христіанской эры и кончая Средними вѣками, Физіологъ представляетъ большой интересъ по своему широкому вліянію на искусство вообще, а особенности на средневѣковую живопись и зодчество. Мы уже указывали раньше на тѣсную связь, существовавшую между этими искусствами п средневѣковой геральдикой, и поэтому склонны думать, что то же вліяніе распространялось и на древнія эмблемы въ гербахъ. И дѣйствительно средневѣковая геральдика представляетъ множество баснословныхъ животныхъ и всевозможныя сочетанія звѣриныхъ и человѣческихъ фигуръ. Таковы напр. единороги, саламандры, крылатые львы, люди съ головами звѣрей, или птицы и обратно, различныя животныя съ человѣческими головами, львы съ рыбными хвостами и т. под. Встрѣчаются, впрочемъ, въ

1) См. *Lauchert Fr. Geschichte des Physiologus. Strassburg. 1889.* Существовали и славянскіе *Физіологии*, имѣвшіе распространеніе у насъ, на Руси, и вліяніе ихъ замѣтило во многихъ произведеніяхъ нашей древней письменности: хронографахъ, налеяхъ, житіяхъ святыхъ и другихъ сочиненіяхъ. Не безъ ихъ вліянія остались и наши устныя народныя произведенія: здесь сказавія Физіолога о животныхъ и птицахъ имѣются или цѣликомъ, или въ видѣ заимствованныхъ типовъ и образовъ. Можно предполагать, что и древняя русская сграфитика не осталась безъ вліянія этихъ сказавій.

средневѣковыхъ гербахъ и чисто миѳологическія фигуры, какъ напр. пегазъ, церберъ, кентавръ, голова Медузы и т. под., представляющія какъ бы пережитокъ языческихъ понятій въ христіанскую эпоху.

Не подлежитъ сомнѣнію, что выборъ всѣхъ подобныхъ фантастическихъ, или отвлеченныхъ эмблемъ и фигуръ въ гербахъ имѣлъ въ тѣ времена не случайный характеръ, а связанъ былъ съ извѣстнымъ представленіемъ, или идею, смыслъ которыхъ, къ сожалѣнію, остается для насъ часто загадочныемъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства нашего какъ съ міровоззрѣніемъ, такъ и съ самимъ языкомъ этой ранней эпохи европейской культуры.

Высказавъ эти общія соображенія, перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ геральдическихъ фигуръ изъ области фантазіи.

1. *Крылатый левъ* Венеціи, символическое изображеніе евангелиста Марка, покровителя этой древней республики; оно заимствовано изъ библейскаго видѣнія пророка Іезекіилля. Левъ св. Марка, золотой въ голубомъ полѣ, изображается лежащимъ, иногда стоящимъ съ открытою книгою между переднихъ лапъ, причемъ въ правой онъ держитъ серебряный мечъ. Въ книжѣ начертаны слова: «*rah tibi Marce evangelista meus*». Левъ стоитъ на почвѣ червленаго цвѣта и голова его окружена золотымъ нимбомъ.

2. *Двойной или двуглавый орелъ* (*Doppeladler, aigle à deux têtes, ou éployé*)—гербъ священной Римской имперіи. Онъ представляетъ фигуру изъ двухъ соединенныхъ въ одно цѣлое, (монограмматически), орловъ, которые поэтому являются какъ бы однимъ орломъ съ двумя головами, повернутыми въ противоположныя стороны (Ф. 28).

Эта фигура, ошибочно принимавшаяся за символъ восточной и западной Римской имперіи, извѣстна была на древнемъ Востокѣ съ отдаленнѣйшихъ временъ. Мы встрѣчаемъ ее на египетскихъ, (на сфинксѣ), и древне-ассирійскихъ памятникахъ. Въ Малой Азіи, въ древнемъ Птеріѣ (въ Каппадокіи), въ Богазѣкѣ и Эйюкѣ, среди цѣлаго ряда высѣченныхъ на скалахъ каменныхъ рельефовъ, древность которыхъ относятъ къ VII в. до Р. Х., находятся также два изображенія двуглавыхъ орловъ.

Къ позднѣйшей эпохѣ относится мраморный рельефъ съ двуглавымъ орломъ, найденный на Аѳонѣ, въ основаніи монастыря Симену, построенного имп. Пульхеріей въ V вѣкѣ; мы встрѣчаемъ ихъ также на цѣломъ рядѣ памятниковъ арабскихъ и византійскихъ. Такъ напр. имѣются изображенія двуглавыхъ орловъ на арабскихъ монетахъ Зенгидовъ и Ортохидовъ съ XII по XIV в.; позднѣе они встрѣчаются на византійскихъ монетахъ Мануила III Комнина (1390—1417), чеканенныхъ въ Трапезунтѣ. Къ концу XIV в. двуглавый орелъ появляется и на нашихъ русскихъ монетахъ, какъ воспроизведеніе восточной эмблемы, заимствованной съ джучидскихъ монетъ. Появленіе у насъ, на Руси двуглаваго орла съ характеромъ государственного герба, унаследованного отъ Византіи, принято пріурочивать къ 1497 г., со словъ Карамзина, и ставить въ непосредственную связь съ бракомъ Иоанна III съ Софию Палеологъ. Основаніемъ этой даты послужила мѣновная грамота 1497 г. Иоанна III съ его племянниками, Волоцкими князьями Федоромъ и Иоанномъ, къ которой привѣшана двухсторонняя печать Иоанна III, съ изображеніемъ двуглаваго орла съ одной, и всадника—съ другой стороны. Однако фактъ существованія на Руси двуглаваго орла ранѣе 1497 г. установленъ изслѣдованіями въ области русской нумизматики *A. B. Орловникова*. Имъ издана была деньга вел. кн. Михаила Борисовича Тверскаго (чекан. до 1486 г.) съ изображеніемъ двуглаваго орла, принятимъ, вѣроятно, этимъ вел. княземъ въ подражаніе Иоанну III. Отсюда онъ заключаетъ, что введеніе двуглаваго орла въ Московскомъ вел. княжествѣ Иоанномъ III послѣдовало вскорѣ послѣ его женитьбы на Софіи Палеологъ въ 1472 г.¹⁾, т. е. ранѣе 1497 года. Какъ известно, греческая царевна привезла съ собою въ Москву въ даръ Иоанну III рѣзной тронъ изъ слоновой kostи, (повидимому западнаго происхожденія), украшенный изображеніемъ византійского двуглаваго орла. Тронъ этотъ сохраняется въ Моск. Оружейной Палатѣ и донынѣ употребляется при священныхъ коронованіяхъ. Вообще почетную

¹⁾ См. статью *A. B. Орловникова* „Древнѣйшее русское изображеніе двуглаваго орла“, во II томѣ Трудовъ Московск. Нумизматического Общества.

царственную эмблему двуглавого орла принимали въ Европѣ государства, считавшія себя преемниками Рима (напр. Австрія), а также фамиліи, происшедшія отъ греческихъ императоровъ, или соединенныя узами брака съ принцессами изъ царственныхъ домовъ Ангеловъ, Комnenovъ, Ласкарисовъ и Палеологовъ¹⁾). На этомъ основаніи и цари сербскіе, которые съ XII в. неоднократно вступали въ браки съ греческими царевнами, усвоивали себѣ двуглаваго орла, (онъ перешелъ и въ нынѣшній гербъ королевства Сербіи: серебр. двуглавый орелъ въ червленомъ полѣ). Въ западной Европѣ мы встрѣчаемъ въ XIII и XIV в. двуглаваго орла въ гербахъ бургграфовъ Вюрцбургскихъ, графовъ Савойи, Слатты, Цюриха и др. Какъ гербъ священной Римской имперіи, онъ сталъ употребляться нѣмецкими императорами лишь въ началѣ XV в., при императорѣ Сигизмундѣ, хотя встрѣчается и ранѣе, на монетѣ Людвига Баварца около 1330 г. Ранѣе орелъ германскихъ императоровъ былъ одноглавымъ. Появленіе эмблемы двуглаваго орла на Западѣ, гдѣ онъ вошелъ также во многіе рыцарскіе гербы, (напр. въ гербѣ знаменитаго рыцаря Бертрана дю-Геклена, коннетабля Франціи, въ 1371 г.), ставить въ связь съ крестовыми походами: крестоносцы могли заимствовать эту эмблему какъ изъ Византіи, такъ и отъ восточныхъ народностей Малой Азии, съ которыми входили въ соприкосновеніе. Только въ позднѣйшія времена двуглавый орелъ сталъ изображаться въ гербахъ коронованныхъ, при чемъ ему приданы были, въ правую лапу — скипетръ и мечъ (у австрійского орла, у россійскаго — скипетръ), а въ лѣвую — держава. Къ двуглавому орлу нашего государственнаго герба мы еще возвратимся впослѣдствіи.

3. *Грифъ* (*Greif*, *griffon*) — онъ имѣть верхнюю часть туловища орлинную, а остальную, нижнюю — львиную, т. е. голова его и крылья, какъ у орла, съ прибавленіемъ стоячихъ ушей, съ шеєю, покрытой перьями. На переднихъ ногахъ, обыкновенно поднятыхъ, имѣются когти. Брюхо, задня ноги и хвостъ у него —

1) Въ Крыму, близь Ипкермана сохранился камень съ греческою надписью 1427 г. и изображеніемъ византійскаго двуглаваго орла,увѣковѣчивавшимъ имя строителя храма, князя Манкунского Алексія, изъ рода Комnenovъ, отъ которого произошли русскія дворянскія фамиліи Ховринъ и Головинъ.

бакъ у льва. Изображается онъ всегда въ профиль, обыкновенно стоящимъ (ф. 29), рѣже шествующимъ, съ хвостомъ, то поднятымъ, то подтянутымъ подъ брюхо. Иногда верхняя часть его получаетъ другой цветъ, чѣмъ нижняя¹⁾). Въ родовомъ гербѣ царствующаго дома Романовыхъ грифъ является древнею гербовою эмблемою. Въ описяхъ царской оружейной казны, половины XVII в. упоминается между прочимъ слѣдующій *прапоръ гербовой* боярина Никиты Ивановича Романова, (дяди царя Алексея Михайловича): «прапоръ, средина тафта *блѣдал*, вшитъ *грифъ*, тафта *желтая*, съ мечемъ; въ лѣвой лапѣ держить *клеймо* (круглый щитъ): повыше *клейма* писанъ *орликъ черныи*: опушка вшита въ червчатую тафту, тафта *желтая*, откоски — объять *черныя*, писаны *главы львовы, золотомъ и серебромъ*. Впослѣдствіи, при геральдизаціи этого герба, грифъ сталъ изображаться *червленыи*, а число оторванныхъ львиныхъ головъ на черной каймѣ щита опредѣлилось 8-ю, изъ которыхъ 4 золотыхъ и 4 серебряныхъ, чередуясь. Въ польской геральдикѣ древній гербъ *Грифъ* (или *Свобода*), гдѣ онъ изображается серебрянымъ въ червленомъ полѣ, относить къ X вѣку. Родоначальникомъ фамиліи этого герба считаютъ Якуса, сына короля Лешка III.

4. *Драконъ* (*Drache, dragon*) — пресмыкающееся, но вмѣстѣ и крылатое животное, съ большою заостренною головою и разверстою пастью, изъ которой, а равно и ноздрей, часто изображается выходящее пламя. Онъ имѣеть также выпущенный языкъ и большие зубы; крылья его подобно тому, какъ у летучей мыши, имѣютъ на концѣ костей когти. Переднія ноги его подобны львинымъ, или орлинымъ; вмѣсто заднихъ, онъ имѣеть толстый кольчатый хвостъ (ф. 30). Онъ изображается въ профиль, различнаго цвета, причемъ вооруженія его имѣютъ обыкновенно другую окраску, (*armé, lambrassé*); иногда коронованнымъ, рѣдко съ человѣческою головою (напр. гербъ франц. фам. *Montdragon*). Если у него голова львиная, то онъ наз. *драконообразныи лъвомъ*. Въ гер-

¹⁾ Грифы почтались хранителями сокровищъ. Такъ напр. читаемъ въ одномъ древнерусскомъ *Хронографѣ* XVII вѣка: „Люди Аринасии живутъ въ дальніхъ земляхъ татарскихъ, имѣютъ по одному оку, и воюются съ грифы за жемчугъ и злато“.

бахъ часто встрѣчается изображеніе св. Георгія Побѣдоносца на конѣ, или пѣшаго, поражающаго копьемъ дракона, (напр. *Московскій* гербъ, хотя такое объясненіе, по мнѣнію Лакіера, онъ получилъ у насъ не ранѣе начала XVIII в.).

Крылатый змѣй (*Lindwurm*) сходенъ съ дракономъ, но отличается отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что имѣть и заднія ноги—львиная.

Легендами о драконахъ особенно богаты различныя сказанія и житія святыхъ, въ особенности на Западѣ¹⁾ Отсюда изображенія ихъ заимствовались и церковною живописью, и геральдикою. Въ русской геральдикѣ мы встрѣчаемъ чернаго коронованнаго дракона въ древнемъ гербѣ *Казанскаго* царства, помѣщенаго въ большой государственной печати царя Иоанна Васильевича Грознаго. Въ польской геральдикѣ драконъ съ крестомъ надъ нимъ, (называемый здѣсь грифомъ, со змѣинымъ хвостомъ), встрѣчается въ гербѣ рода *Ляцкихъ* (*Lacki*), одного корня съ Шереметьевыми, но перешедшаго въ Польшу.

5. *Пантера* (*Panther*, *Pantier* или *Pantel* въ нѣмецкой геральдикѣ) ф. 31, не имѣть никакого сходства съ дѣйствительно существующею пантерою, но представляетъ помѣсь льва, орла и дракона. Она имѣетъ туловище и стоячее положеніе геральдического льва, но при этомъ орлиные когти на лапахъ и голову, какъ у коня, или же дракона, иногда съ рогами. Нерѣдко она испускаетъ изъ пасти и ноздрей пламень; хвостъ и лапы у нея также львинаые.

Это фантастическое животное встрѣчается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ въ гербахъ *Штейермарка* и нѣмецкихъ фамилій: *Лозенштейнъ*, *Шеуръ* и др. Въ славянскомъ Физіологѣ XVI в. встрѣчаемъ слѣдующее сказаніе «о пантерѣ»: «всякимъ скотомъ любезнѣй есть, врагъ же змѣи есть; дальніи и близніи звѣrie послушаютъ гласа его; отъ гласа же его всяко благоуханіе ароматомъ исходитъ».

¹⁾ См. изслѣдовавіе о драконахъ и др. чудовищныхъ змѣяхъ въ соч. *Salverte. Des sciences occultes, ou essai sur la magie, les prodiges et les miracles. Paris. 1856*, стр. 458—492.

6. Единорогъ (*Einhorn, Monoceros, licorne*) скакущій, стоящій, или сидящій конь съ развоенными копытами, мохнатыми ногами, львиныи хвостомъ и длиннымъ, витымъ рогомъ, похожимъ на рогъ рыбы нарвала, или рыбы—единорога (*Monodon monoceros*) на лбу, иногда съ бозиною бородой. Рогъ и копыта обыкновенно отличающагося цвѣта (*accornée, animée; о глазахъ—onglée*) ф. 32. Единорогъ является особенно излюбленною эмблемою въ средневѣковыхъ легендахъ и сказаніяхъ: на немъ ъздили волшебники, онъ убивалъ все, что ему попадалось навстрѣчу, только чистая дѣва могла его укротить и сдѣлать ручнымъ. У древнихъ христіанъ единорогъ служилъ символомъ не только силы, но и чистоты и цѣломудрія. Въ славянскихъ физіологахъ и азбуковникахъ XVI и XVII вѣковъ единорогъ, или *иирогъ*, изображается такъ: «звѣрь, подобенъ есть коню, страшенъ и не побѣдимъ, въ рогѣ имать всю силу». На малой печати царя Иоанна Васильевича Грознаго имѣется съ одной стороны изображеніе единорога, а съ другой—двуглаваго орла. Хотя единорогъ и не сдѣлался тогда принадлежностью государственного герба, почему и не помѣщенъ на большой печати Иоанна Грознаго, тѣмъ не менѣе фигура эта встрѣчается еще на нѣкоторыхъ печатяхъ царей: Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича. Единорогъ встрѣчается также на должностной печати *приказа Большаго дворца* въ XVII в. Историкъ Татищевъ утверждалъ, что единорогъ былъ собственнымъ гербомъ Иоанна Грознаго, но достовѣрно лишь то, что Грозный частную свою переписку печаталъ этою эмблемою. Слѣдуетъ замѣтить, что на многихъ памятникахъ русскаго искусства XVI и XVII вѣковъ мы встрѣчаемъ фигуру двуглаваго орла, окруженнуя изображеніями символическихъ животныхъ: льва, единорога, дракона (или орла), и грифа. Такъ напр. на саадакѣ, (налучѣ и колчанѣ), царя Михаила Федоровича, изготовленного въ Оружейномъ приказѣ¹⁾ при участіи иноземныхъ мастеровъ, мы видимъ чеканныя изображенія, расцвѣченныя финифтью, двуглаваго орла, а вокругъ него:

¹⁾ Саадакъ этотъ ссхраняется въ Оружейной палатѣ лодъ № 6331, въ Оружейномъ залѣ.

одноглавого орла, держащего вънечъ, единорога — со скипетромъ, льва — съ мечемъ и грифа — съ державою. *Лакіер* и *Вельтман* даютъ этимъ эмблемамъ символическое объясненіе, основанное на аналогіи ихъ съ византійскими памятниками¹⁾. Въ западной геральдикѣ единорогъ весьма часто встречается въ гербахъ, особенно въ англійскихъ — въ видѣ щитодержателей (напр. въ англійскомъ государственномъ гербѣ). Въпольской геральдикѣ мы встречаемъ серебряного единорога *блгущимъ*, въ гербѣ *Вонса*; родоначальникъ этого герба выѣхалъ изъ Италии въ 996 г. Въ некоторыхъ польскихъ гербахъ этого наименованія единорогъ бываетъ пересѣченъ золотымъ полумѣсяцемъ и сопровождается З-мя золотыми звѣздами; онъ перешелъ отсюда и къ некоторымъ русскимъ фамиліямъ, (напр. *Туреневыхъ*).

7. *Мелузина* или *морская женщина*, сирена (*Meerweib*, *Seefungfer*; *Melusine*, *sirène*), изображается въ видѣ обнаженной женской фигуры, которая ниже груди заканчивается въ два рыбныхъ хвоста. Она часто встречается въ гербахъ коронованною, съ длинными распущенными волосами, съ руками, или безрукую. Обыкновенно она держить оба поднятые къ верху рыбьи хвоста въ рукахъ (ф. 33). Часто изображается держащею зеркало въ одной и гребень — въ другой рукѣ²⁾). Безрукая и безхвостая эмблема — боѣе древняя. Мелузина служила эмблемою города *Назарено* уже въ XII вѣкѣ, происхожденіе ея — восточное.

1) Надъ входомъ въ каменныя палаты старого *Московскаго Печатнаго двора*, въознѣ отстроенныхъ въ половинѣ XVII в., имѣлось рельефное изображеніе льва и единорога, стоящихъ на заднихъ лапахъ, другъ къ другу лицомъ, и подъ короной. Это же изображеніе мы видимъ и на приказной печати Моск. печатнаго двора. Ово встречается также у насъ въ XVII в. на некоторыхъ знаменахъ и на караскисъ съдлахъ, сохранившихся въ Оружейной палатѣ; на чеканныхъ украшевіяхъ этихъ посѣдникъ левъ и единорогъ изображаются стоящими по обѣ стороны двухглаваго орла. Встрѣчается оно также въ архитектурныхъ украшевіяхъ царскаго теремного дворца въ Кремлѣ и на костянинъ тронѣ Ioавна III.

2) На нашихъ таблицахъ мы воспроизводимъ малый *ярапоръ боярина Василия Семеновича Волынского* (№ 4202 Оруж. пал.), сопровождавшій его на посольскія съезды съ Поляками въ 1671—72 г. при заключеніи Андрусовскаго перемирія. На этомъ ярапорѣ заслуживаетъ вниманія сочетаніе византійской эмблемы, такъ называемаго „Цареградскаго значенія“ (или *видѣнія*): одноглаваго орла, терзающаго змія, съ западною геральдическою эмблемою *Мелузины*, на сохранившемся откосѣ ярапора; любопытно, что у этой фантастической фигуры мы видимъ здѣсь надѣтый на шею крестикъ.

8. *Гарпія* или дѣвоподобный орелъ (*Jungfrauadler*, *Harpie*)

ф. 34—представляетъ орла съ коронованнымъ женскимъ бюстомъ, (т. е. грудь, шея и голова — дѣвичья). Составные части этой фигуры изображаются различного цвета, причемъ орлиная большую частью черною (напр. въ гербѣ г. *Нюренберга*¹).

9. *Кентавръ* (*Hippocentaur*, *centaure*). Фигура, заимствованная изъ языческой миѳологии, изображается какъ полулюди и полуконь. Встрѣчаются между прочимъ въ польской геральдикѣ въ древнемъ гербѣ *Гиппоцентавръ* или *Довширунъ*, гдѣ онъ имѣть геральдическую особенность, а именно, вместо хвоста, у лошади — пасть дракона, котораго поражаетъ стрѣла, пущенная изъ лука руками самого же кентавра. Съ этимъ гербомъ связана легенда о происхожденіи литовскихъ князей изъ Рима. Въ нашей древней апокриѳической литературѣ кентавръ слился съ другою легендарною же фигурую *китовраса* (въ апокриѳическомъ сказаніи «о Соломонѣ и Китоврасѣ»). На мѣдныхъ вратахъ, устроенныхъ въ 1336 г. архіепископомъ Василиемъ для новгородскаго Софійскаго собора, взятыхъ потомъ Иоанномъ Грознымъ въ Александровскую слободу, китоврасъ былъ изображенъ въ видѣ кентавра, который держитъ въ рукахъ маленькую фигуру брата своего Соломона. Въ рукописномъ алфавитѣ XVIII в. *китоврасъ* истолкованъ словами: *кентавръ* или *онокентавръ*. Итакъ, нашъ китоврасъ не что иное, какъ неумѣлая передѣлка греческаго кентавра. Любопытно, что мы встрѣчаемъ изображеніе китовраса на одномъ сохранившемся въ Оружейной Палатѣ солдатскомъ знамени, конца XVII вѣка (№ 4147): онъ представленъ здѣсь въ кругу алаго цвета, пускающимъ стрѣлу изъ лука, фигура китовраса писана красками, надъ нимъ, въ верхнемъ

¹) Къ разряду подобныхъ баснословныхъ птицъ привалежать въ нашей русской древней рукописной литературѣ также легендарная *райская птицы*: *Сиринг* и *Алконостъ*, изображенія которыхъ сохранились на русскихъ народныхъ (лубочныхъ) картинахъ (см. *Оборникъ Ровинского*). Птицы эти изображаются съ женскими головами, коронованными и съ павлининими хвостами, иногда распущенными. Они встрѣчаются также, въ видѣ украшенія, въ геральдическомъ стилѣ, по обѣ стороны двуглаваго орла, на царскихъ кованыхъ сѣдахъ XVII вѣка (въ М. Оруж. Палатѣ). Обѣ эти птицы, по легенду, отличались своимъ чуднымъ райскимъ пѣніемъ. Встрѣчается у насъ также и своеобразное пародное изображеніе *Гарпіи*, напоминающее болѣе дракона, нежели птицу.

углу знамени — осмиконечный крестъ (см. табл.). Иногда кентавръ въ нашихъ гербахъ называется *стръльцомъ*.

10. *Гидра* (*Hydra, hydre*) — изображается въ профиль, съ змѣинымъ хвостомъ и семью головами, изъ которыхъ 6 возстающихъ и 1 висящая внизъ. Цвѣтъ ея обыкновенно зелёный. Эта фигура, заимствованная изъ греческой миѳологии (*Лернейская гидра*), встрѣчается между прочимъ въ гербѣ князей Орловыхъ.

11. *Химера* (*Chimère*) — фантастическое существо, имѣющее голову и грудь женщины, туловище и лапы — львиныя и хвостъ — змѣи. Встрѣчается во французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ гербахъ (напр. фамиліи *Chimera*).

12. *Василискъ* (*Basilisk*) — изображается въ видѣ дракона съ пѣтушьей головой (въ нѣмецкихъ гербахъ), а иногда въ видѣ птицы, напоминающей орла, съ змѣинымъ хвостомъ и крыльями летучей мыши, усѣянныхъ глазами.

13. *Саламандра* (*Salamander*) — такъ-какъ думали, что она не горитъ въ огнѣ, то ее изображали обыкновенно среди пламени, напр. въ польскомъ гербѣ *Salamandra*, который имѣть между прочими русскій дворянскій родъ *Хрущевыхъ*, выѣхавшій изъ Польши и просившій въ 1686 г. царей Иоанна и Петра Алексѣевичей объ утвержденіи за ними этого герба. Любопытень отвѣтъ Посольского приказа, данный имъ въ то время Родословной палатѣ и взятый изъ книги *Окольскаго*: «дана была саламандра въ знакъ Францишку первому, королю французскому для того: что посреди пламени нуждъ и бѣдъ побѣдитель бывалъ... толь превысокаго достоинства знакъ потомъ перешелъ въ гербъ добродорныхъ въ Ческой землѣ *Хрущевыхъ* для имянной на войнахъ храбости, которую между пламенно-сѣрыми огнами и воинскими нарядами показали суть... а герба ихъ описание таково: животное тонкое и малое, скорпій много подобное, не совершенно желтымъ цвѣтомъ одѣянное, живеть огнемъ, который вся смертная снѣдастъ, въ огни бо живеть саламандра...» п. т. д.

14. *Райская птица, или Гамаюнъ*¹⁾ — фигура, встрѣчую-

¹⁾ Иногда, впрочемъ, въ дровней Руси подъ *гамаюномъ* разумѣли, кажется, и *попугая*. Происхожденіе слова *гамаюнъ* — восточное.

щаяся въ русской геральдикѣ, а именно въ гербѣ Смоленскомъ, который помѣщенъ въ Титуларникѣ царя Алексія Михайловича. Гербъ этотъ состоитъ изъ обращенной вправо пушки на лафетѣ, па которой сидѣтъ *райская птица*, (иногда наз. гамаюнонъ), безъ ногъ, съ длиннымъ клювомъ и перьями въ видѣ волосъ, обращенными назадъ и покрывающими все туловище, (что даетъ птицѣ сходство съ ежомъ); два длинныхъ пера въ хвостѣ, въ видѣ лиры, напоминаютъ дѣйствительную райскую птицу. Гербъ этотъ, повидимому, русскаго происхожденія, такъ какъ подъ польскимъ владычествомъ Смоленскъ имѣлъ другой гербъ, (золотой посохъ на красной хоругви). Райская птица, сидящая на пушкѣ, перешла и въ гербы русскихъ фамилій, происходящихъ отъ князей Смоленскихъ: кн. Вяземскихъ, Козловскихъ, Кропоткиныхъ, дворянъ Татищевыхъ и др., но въ настоящее время она изображается болѣе сходною съ дѣйствительностью и стоящею на ногахъ.

Задимованныя изъ греческой мифологии фигуры: *цербера*, *пегаза*, *феникса*, *сфинкса*, *минотавра* и др., также встрѣчающіяся иногда въ гербахъ, достаточно известны, почему мы и не будемъ здѣсь на нихъ подробнѣе останавливаться. Упомянутыя нами фантастическая животная — наиболѣе характеристична и чаще всего встрѣчающіяся въ геральдикѣ; но въ древнихъ гербахъ, кроме того, появляется еще множество такихъ фигуръ, которые состоять изъ сочетаній разлпчныхъ животныхъ, или же человѣческихъ фигуръ съ звѣриными, или птичьими.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію такъ наз. *искусственныхъ фигуръ*.

Въ древнее время въ гербахъ изображались всевозможнаго рода предметы изъ области искусства и ремесла, изъ которыхъ есть много и такихъ, смыслъ которыхъ съ теченiemъ времени утраченъ, или по крайней мѣрѣ не вполнѣ понятенъ въ настоящее время и сохранился лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Но въ новыхъ гербахъ, допуская въ нихъ подобныя изображенія изъ обыденной жизни, не слѣдуетъ однако идти въ этомъ направленіи

слишкомъ далеко, если желають сохранить особенности геральдического искусства и правиль, установленныхъ герольдами.

Предметы современной индустрии и новѣйшихъ техническихъ открытий являются въ этомъ отношеніи совершенно неподходящими въ гербахъ, такъ-какъ эти послѣдніе должны всегда сохранять извѣстный отпечатокъ древности; въ противномъ случаѣ гербовый щитъ уже слишкомъ рѣзко бы противорѣчилъ рыцарскому шлему, помѣщаемому надъ нимъ. Если же непремѣнно желаютъ выразить въ гербѣ отношеніе къ подобному предмету современной жизни, то правильнѣе будетъ избрать для его изображенія символъ такого предмета въ геральдическомъ стилѣ. Въ такомъ выборѣ стиля искусственныхъ фигуръ долженъ руководить художественный вкусъ, который приобрѣтается лишь чрезъ знакомство съ подлинными образцами древняго искусства герольдовъ, напр. изученіемъ древнихъ гербовниковъ, каковы Цюрихскій, Грюнебергскій и т. д., или напр., изъ напечатанныхъ, особенно изящнаго въ художественномъ отношеніи гербовника Юста Аммана XVI в. (*Jost Amman's Wappen u. Stammbuch. Frankfurt a. M. 1589*). Опредѣленныя правила въ этомъ отношеніи установить трудно; ио вообще въ рисункѣ гербовой фигуры должно быть сохраняено лишь одно существенное и притомъ съ извѣстнымъ отпечаткомъ старины, хотя бы съ теченіемъ времени форма изображаемаго предмета и подвергалась изменениямъ. Многіе предметы, изображенные въ древнихъ гербахъ, какъ мы уже сказали, трудно опредѣлимы въ настоящее время, такъ-какъ они совершенно вышли изъ употребленія. Но при внимательномъ пзслѣдованіи первоначального происхожденія гербовыхъ изображеній и ихъ геральдического развитія, открывается смыслъ многихъ загадочныхъ фигуръ. Изученіе средневѣковыхъ печатей, надгробныхъ плитъ, гербовниковъ и т. под. можетъ дать въ этомъ отношеніи много разъясненій, а равно и знакомство съ одеждами, обычаями, учрежденіями, ремеслами и т. д. различныхъ историческихъ эпохъ. Многое въ гербовыхъ ємблемахъ могутъ также объяснить происхожденіе, родина и название той или другой фамиліи, такъ-какъ гербовое изображеніе въ большинствѣ случаевъ имѣть отношеніе къ фамиль-

ному прозвищу, а часто и бъ имени первоначального владѣльца герба.

Искусственные фигуры могутъ быть подраздѣлены на:

1) *Постройки* (*Bauwerke*), 2) *Орудія ремесла* (*Werkzeugen*) и *утварь* (*Geräthschaften*), 3) *Одежду* (*Kleidungsstücke*) и 4) *Оружіе* (*Waffen*). Фигуры эти могутъ быть изображаемы въ полномъ видѣ, или частями. Чаще всего встрѣчаются слѣдующія постройки:

1. *Башни* (*Thurm, tour*). обыкновенно круглыя, построенные пзъ плита, имѣющія сверху зубцы, съ воротами и бойницами, при чемъ послѣднія несообразно большаго размѣра; часто также съ острою кровлею, или съ небольшими башенками по угламъ. Цвѣтъ большую частью серебряный; ворота, окна и т. под. — черныя. Эмблема башни или крѣпости часто встрѣчается въ гербахъ нашихъ княжескихъ фамилій, бакъ напр. князей Долгоруковыхъ, Щербатовыхъ, Хилковыхъ, Гагариныхъ и др. Мы находимъ ее также въ польскомъ гербѣ *Grzymala* — въ золотомъ полѣ три червленаго цвѣта башни; въ открытыхъ воротахъ средней башни стоитъ вооруженный воинъ. Нѣкоторые относятъ начало этого герба ко времени самого Леха I-го. Впрочемъ этотъ послѣдній типъ скорѣе приближается къ замкамъ (*Burg, château*), встрѣчающимся въ западной геральдикѣ: они изображаются безъ перспективы, но лишь въ очертаніяхъ, (въ чертежѣ) ф. 35. Замокъ особенно часто встрѣчается въ испанской геральдикѣ, какъ гербъ *Кастилии*.

2. *Церкви* (*Kirchen*). изображаемыя обыкновенно въ общемъ типѣ той страны, которой принадлежитъ гербъ того или другаго лица, (на западѣ — съ башнями и высокими обнами, у насъ — съ куполами).

3. *Ворота* (*Pforte, porte*) съ фронтомъ, или въ стѣнѣ, обыкновенно съ открытыми настежь половинами (ф. 36); часто также съ опускною рѣшеткою и зубцами сверху.

Далѣе встрѣчаются *тыны* (*Planken*) изъ заостренныхъ къ верху бревенъ, или досокъ, мости (*Brücke, pont*), колодцы (*Brunnen, ruit*) — съ лебедкою, или насосомъ; отдѣльныя крыши (*Dach, toit*) иногда на столбахъ, напр. въ одномъ изъ

древнейшихъ польскихъ гербовъ *Bród* или *Leżczyc*: въ красномъ полѣ четыре серебряныхъ столба, покрытыхъ золотою крышею; древность его относить къ XI вѣку.

Наконецъ, отдѣльные плиты, гонты (*Schindeln*); стоящіе на узкомъ краю наз. скосенными.

Встрѣчаются также корабли (*Schiff, navire*)—ф. 37, напр. въ гербѣ *Парижа*, и отдѣльные мачты, паруса и якоря и т. под.

Изображенія орудій ремесль и утвари въ гербахъ отличаются, конечно, большимъ разнообразіемъ. Особенно часто встрѣчаются фигуры, имѣющія отношеніе къ рыцарскому быту: военному дѣлу, охотѣ, играмъ, музыкѣ и пиршествамъ, какъ напр. охотничий рога (*Jagdhorn, cor de chasse*), согнутые въ дугу (ф. 38)¹⁾, стрѣлы (*Pfeil, flèche*), самопалы; такъ наз. птичіи стрѣлы (*Vogelbolzen*), съ дугообразнымъ наконечникомъ, волчьи капканы (*Wolfsangel*), или зажимы изъ желѣза въ формѣ серпа, съ петлею по срединѣ (ф. 39). Далѣе заимствованныя отъ игръ: игорные kostи (*Würfel, dés*), шашки (*Brettspielsteine, pièces de jeu*), и шахматныя фигуры, а именно конь и башня (*tour—a rois d'échiquier*); эта послѣдняя часто изображается въ видѣ геральдической лилии, но безъ средняго листа, на маломъ постаментѣ (ф. 40). Многочисленны также въ гербахъ музыкальные инструменты: арфы, лютни, барабаны, лиры, гитары и т. под.; затѣмъ всевозможные сосуды: котлы²⁾ чаши, кружки; ремесленныя орудія: молотъ, топоръ, ножъ (съ лезвіемъ, обыкновенно обращ. вправо) ф. 41, ножницы для стрижки овецъ и всевозможныя земледѣльческія орудія. Изъ другихъ предметовъ домашнаго быта встрѣчается очень часто: уда, ключъ, послѣдній съ широкою, нѣсколько разъ вырѣзаною бородкой, огнѣво (*Feuerstahl*) своеобразной формы, показ. на ф. 42; столы и стулья, римскіе

1) Три охотничихъ рога встрѣчаются въ древнемъ гербѣ знатной литовской фамиліи Радзивилловъ, (гербъ *Traby*), которымъ пользуются и некоторые русскія фамиліи литовскаго происхожденія, напр. *Волковы*.

2) Въ испанской геральдикѣ котлы своеобразной формы съ рукоятью, напоминающіе корзину, представляютъ въ гербахъ знатнейшихъ фамилій (*ricos hombres*) весьма почтную эмблему, иногда въ числѣ отъ 8—10 въ гербовой каймѣ. Ею пользовались лишь тѣ фамиліи, которыхъ имѣли свое „особое знамя и котлы“, т. е. свое войско).

или пилигримские жезлы (*Römer od. Pilgerstäb*) и, наконецъ, крюки для въшанія котла (*Kesselhaken*), особенно распространенные въ гербахъ съверной Германиі (ф. 43).

Между знаменами, изображаемыми въ гербахъ, различаются:

1) церковное знамя или хоругвь (ф. 44) — четвероугольное, раздѣляющееся внизу на три длинныхъ косицы: оно имѣть сверху кольца для укрѣплевія шнуровъ, а снизу обшито бахраною; 2) военное знамя, или прапоръ (*Banner, bannière*), съ одной или двумя косицами сбоку, развѣвающееся (ф. 45). Изображенные на знамени фигуры должны быть обращены къ древку его.

Наконецъ, къ этому же разряду гербовыхъ фигуръ принадлежать весьма часто встрѣчающиеся въ гербахъ западной Европы, въ особенности французскихъ, (гдѣ они причисляются къ геральдическимъ фигурамъ 2-го разряда): ромбы (*losanges* и *Rauten*), фузеи (*fuseés*, и. *Wecken*), сквозные ромбы (*mâcles* и *rustres*, и. *Fensterrauten*: первое съ ромбовыми, а второе — съ круглымъ отверстиемъ), бильеты (*billettes*, и. *Längsschindeln*), помѣщаемые въ полѣ щита рядами, иебольшие продолговатые прямоугольники, которые иногда бывають сквозными. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ квадратами (*carreaux*, и. *Quadrat*), которые встрѣчаются гораздо рѣже. Но особенно многочисленны въ гербахъ, французскихъ и англійскихъ такъ наз. безанты, (о происхожденіи которыхъ мы говорили выше, на стр. 27): это маленькие золотые, или серебряные кружки, на которыхъ впрочемъ долженъ быть замѣтенъ слѣдъ чеканки, такъ-какъ они изображаютъ монеты или Византины. Видоизмѣненія ихъ представляютъ имѣющіе другую окраску, тағъ-наз. во франц. гер. *tourteaux*: эти послѣдніе всегда бывають съ тинктурай, или изъ мѣха; и *besants-tourteaux*, (или *tourteaux-besants*), которые на половину металлическіе, а на половину — цвѣтные. Извѣстный гербъ знаменитой итальянской фамиліи Медичисовъ представляетъ: въ золотомъ полѣ во главѣ *tourteau* голубаго цвѣта съ 3-мя лиліями Франціи и 5 меньшихъ, таѣвыхъ же кружковъ, червленаго цвѣта, расположенныхъ подъ нимъ, въ видѣ внутренней каймы (*en orle*). Встрѣчаются также кольца (*Ringe. annelets*), шары (*Kugeln*) и, навонецъ, такъ наз. гамейды или

брюски, (*Haméides; Hamen, schwebende Balken*). Эта последняя фигура имѣется также въ польской геральдикѣ, въ гербѣ *Корчакъ*: три серебряныхъ, уменьшающихся къ низу въ размѣрѣ, бруска (*gaisida*), расположенныхъ горизонтально, одинъ надъ другимъ, въ червленомъ полѣ. Гербъ этотъ принадлежалъ сперва князьямъ Славоніи, изъ нея перешелъ въ Венгрию, а отсюда въ XIII в. въ Польшу. Онъ принялъ также некоторые русские фамилии польского происхожденія (*Римекими - Корсаковыми, Баратынскими и др.*).

Первоначальный способъ сшивать щиты изъ кусковъ, обивать ихъ металлическими скобами, украшать драгоценными камнями и, наконецъ, скрѣплять перекрещивающимися цѣпями, во многихъ случаяхъ является источникомъ происхожденія некоторыхъ геральдическихъ фигуръ. Сюда относится напр. такъ наз. *колесо изъ лилій* (*Lilienrad* или, вѣрнѣе, колесо изъ таѣ наз. *клиевъ* (*cleve*), т. е. неполныхъ лилій). Древніе геральдисты называли эту фигуру иногда колесомъ изъ карбункуловъ, также *Клевскимъ колесомъ* (*Clevenrad*), такъ-какъ оно составляло гербъ герцогства *Клевского* (ф. 46); въ срединѣ его помѣщены щитокъ, или кольцо, который, въ настоящемъ щитѣ, украшался драгоценнымъ камнемъ (карбункуломъ).

Къ одежду и предметамъ украсенія, помѣщаемымъ въ гербахъ относятся:

Различные головные уборы, *шапки*, *шапны*, иногда завороченные по краямъ и съ окрашенною въ другой цветъ подкладкою (ф. 47); *сапоги* съ заостреннымъ носкомъ, какіе были въ модѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ; *пояса для меча* (*Schwertgürtel*), различные пряжки, короны и коронные обручи, имѣющіе зубцы въ видѣ трилистниковъ, или лилій. Такъ наз. *рутовый вѣнецъ* (*Rautenkranz*) въ королевскомъ гербѣ *Саксоніи* представляетъ проходящій диагонально чрезъ щитъ, справа налево, коронный обручъ зеленаго цвета (ф. 48): происхожденіе его объясняется, какъ изображеніе, въ стилѣ геральдического орнамента, вѣнка изъ живой зелени, (изъ растенія *руты*).

Въ гербахъ появляется также рыцарское оружіе въполномъ его составѣ, а именно мечъ, *желѣзный шлемъ*, боевой

чеканъ, палица, съкпра, шанцырь, щитъ, стрѣлы и лубъ, болты (*Bolzen*). Далѣе—различныя военные принадлежности, какъ напр. воепныя фуры (*Rüstwagen*), шатры и т. под. Мы уже говорили выше о такъ наз. *домовыхъ знакахъ* (*Hausmarken*), нерѣдко переходившихъ въ древніе гербы. Многіе изъ таковыхъ получили свое начало отъ *торговыхъ знаковъ*, *шифровъ* и *монограммъ* (т. е. сокращенного изображенія именныхъ буквъ), каковые купцы имѣютъ обыкновеніе изображать на кипахъ товара: они служили первоначально для обозначенія собственности, а впослѣдствіи переходили и въ гербы (напр. ф. 49). Ихъ почти невозможно описать, такъ-какъ они часто состоять изъ весьма сложныхъ крючковъ и угловыхъ линій. Подобными же малопонятными геральдическими знаками особенно богата польская геральдика, но здѣсь таковые имѣютъ другое происхожденіе. Въ польскихъ гербахъ они произошли отъ *родовыхъ знаменныхъ знаковъ* польского дворянства, прототипомъ которыхъ ученый геральдистъ *Некосинскій* считаетъ руническія письмена, перенесенные въ Польшу въ началѣ IX в.

Къ этому же разряду гербовыхъ фигуръ относятся *крести*, которыхъ существуетъ въ геральдикѣ безчисленное множество различныхъ формъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: *Латинскій крестъ* или *крестъ Распятія* (*Lateinisches od. Passionskreuz*), у котораго поперечная часть короче, пежели продольная, и дѣлить послѣднюю на двѣ неравныя половины, проходя ближе къ верхнему концу. Когда верхняго конца креста недостаетъ, то таковой наз. *крестомъ св. Антонія* (*Taf*) (ф. 50); *выступныи* (*Krüppeln—kreuz, croix potencée*) наз. такой, у котораго концы образуютъ выступы, подобные Антоніевскимъ крестамъ (ф. 51). Подобный выступной крестъ, сопровождаемый 4-мя малыми крестиками такой же формы, есть *Іерусалимскій крестъ*. Когда концы креста заканчиваются двумя загнутыми остриями, то онъ наз. *якорнымъ* (*Ankerkreuz, croix ancree*) ф. 52, когда же они кончаются въ видѣ лилій—*лилейнымъ* крестомъ (*Lilienkreuz, c. florencée*), если въ видѣ трилистника—*трилистнымъ* (*Kleeblattkreuz, c. treflee*), ф. 53; въ видѣ наконечника стрѣлы—*стрѣльчатымъ* (*Pfeilspitzenkreuz*); въ видѣ ромба—*ромбическимъ*.

(*Rautenkreuz*); въ видѣ шаровъ — *шаровиднымъ* (*Kugelkreuz*, с. *rompete *); въ видѣ малыхъ крестиковъ — *перекрещеннымъ* (*Wiederkreuz*, с. *recroisette *) ф. 54.

Такъ наз. *водруженный крест* (*Steckkreuz*) имѣть нижній конецъ заостренный, какъ бы для того, чтобы водружать его въ землю. *Патриарший крест* имѣть двѣ поперечныя части, причемъ нижняя длиннѣе верхней, и обѣ заканчиваются въ видѣ трилистника (ф. 55). *Мальтийскій крест* (ф. 56) состоять изъ 4-хъ равностороннихъ треугольниковъ съ выемками въ концахъ.

Крестъ съ концами, загнутыми подъ прямыми углами, наз. *головчатымъ* (*Hakenkreuz*) ф. 57; составленный изъ древесныхъ стволовъ съ обрубленными сучьями — *пнистымъ* (*Astkreuz*); подобный же, но въ формѣ Андреевскаго креста, есть такъ наз. *Бургундскій крест* (ф. 58).

Въ русскихъ гербахъ употребляются также весьма часто православные *осьмиконечные кресты*; рѣже *шести-конечные* п съ *удлиненiemъ* внизъ.

Благодаря крестовымъ походамъ, какъ мы видѣли, крестъ сдѣлался особенно любимою гербовою эмблемою и съ теченіемъ времени сталъ различнымъ образомъ украшаться. Крестъ четырехконечный съ равными концами, принятый на Востокѣ, въ геральдикѣ получилъ название греческаго, въ отличіе отъ латинскаго, или возвышенного (*Hochkreuz*). Относительно размѣровъ креста при его изображеніи въ гербѣ слѣдуетъ сообразоваться съ щитовою поверхностью, сблюдая правильное отношеніе къ послѣднему.

Весьма часто въ одномъ гербѣ помѣщается нѣсколько совершенно одинаковыхъ фигуръ. Когда такихъ имѣется неопределенное число, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ не только касаются краевъ щита, но даже видны только отчасти, не помѣщаясь въ щитѣ вполнѣ, то поле герба получаетъ название *усыннаго* или *усыпаннаго* (*bestreut, besdet: sem *), напр. крестами, лилиями, львами, орликами и т. под. Но при этомъ всѣ эти фигуры должны имѣть совершенно одинаковый размѣръ.

Фигуры бывають обращены въ одну и ту же сторону, или отвращены одна отъ другой, или обращены другъ къ другу, или,

наконецъ, имѣть голову обращеною назадъ относительно туловища. При этомъ слѣдуетъ всегда соблюдать правило, чтобы фигуры принаравливались къ формѣ и положенію щита и распредѣлялись на немъ симметрично и красиво.

Единичная фигура по правилу должна помѣщаться по срединѣ щита. Двѣ фигуры помѣщаются одна возлѣ другой: этого не требуется особо обозначать, но бываетъ необходимо въ томъ случаѣ, когда одна фигура находится надъ другою.

При трехъ фигурахъ обычное расположение: двѣ сверху и одна снизу * * * (выражается такъ: 2. 1.); необычное положеніе есть 1. 2., или всѣ три рядомъ, или одна надъ другою. При четырехъ фигурахъ 2. 2., т. е. по двѣ въ рядъ, при пяти — 2. 2. 1. * * *, или 1. 3. 1., когда онѣ расположены въ видѣ креста, 2. 1. 2 — въ видѣ Андреевскаго креста. При шести фигурахъ обычное расположеніе ихъ 3. 2. 1, при семи — 3. 3. 1.

Когда фигуры расположены, слѣдя в направлению какой-либо геральдической фигуры, то это указывается въ видѣ сравненія: напр. подобно столбу (*pahlweise, en pal*), подобно поясу (*balkenweise, en fasce*), подобно перевязи справа (*en bande*), подобно перевязи слѣва (*en barre*), или крестообразно и т. под.

XV.

Окончивъ разсмотрѣніе геральдического щита съ его многочленными и разнообразными фигурами, перейдемъ теперь въ другой составной части герба — *геральдическому шлему*.

Хотя въ древнѣйшее время, уже съ XII-го вѣка, носитель герба являлся одинъ лишь щитъ, тѣмъ не менѣе рыцарскій шлемъ съ его геральдическимъ украшеніемъ въ послѣдующія времена, а также въ эпоху процвѣтанія геральдики получилъ почти такое же значеніе въ гербѣ, какъ и щитъ. На средневѣковыхъ печатяхъ шлемъ встрѣчается часто и одинъ, безъ щита. При рыцарскихъ турнирахъ, какъ мы уже видѣли, требовалось, какъ доказательство рыцарскаго происхожденія и права участія въ турнирѣ, предъявлять вмѣстѣ съ гербовымъ щитомъ также и

шлемъ, для такъ называемаго «осмотра шлема» (*Helmschau*) герольдами.

Такъ какъ шлемъ носился самимъ рыцаремъ въ видѣ боевой защиты головы, то онъ, строго говоря, умѣстенъ только въ гербахъ дворянскихъ фамилій, въ мужскомъ поколѣніи; различнымъ же корпораціямъ и городамъ, а равно лицамъ духовнаго званія, (на Западѣ), и жѣщинамъ шлемъ на гербѣ не приличествуетъ, почему, по геральдическому правилу, таковые его и не имѣютъ. Впрочемъ, нѣкоторымъ городамъ и корпораціямъ въ западной Европѣ шлемъ жаловался иногда къ гербу государями, какъ знакъ особаго отличія.

Не всѣ шлемы, которые дѣйствительно употреблялись въ старину, примѣняются для изображенія геральдического шлема. Таковымъ служатъ преимущественно такъ наз. *турнирные*, отличающіеся своеобразными украшеніями, или клейнодами; эти послѣдніе получили особенное развитіе въ нѣмецкой геральдикѣ.

Шлемъ былъ въ употребленіи уже въ глубокой древности, но до начала крестовыхъ походовъ онъ былъ или мѣдный, или состоялъ изъ металлическихъ прутьевъ, затянутыхъ кожей, иногда кожаный, покрытый металлическими бляхами и закрывавший только верхнюю часть головы, затылка и лба. Боевые встрѣчи рыцарей съ сарацynами на Востокѣ обнаружили всю непригодность такого головнаго прикрытия; поэтому форма шлема быстро меняется: его начинаютъ дѣлать желѣзнымъ, цилиндрическимъ, или полушарообразнымъ и покрывающимъ всю голову. Для зрѣнія стали дѣлать въ немъ глазныя отверстія, а для допуска воздуха къ головѣ пробивать многочисленныя дыры. Подобный шлемъ имѣлъ форму горшка, а потому и получилъ название *горшковиднаго шлема* (*Topfhelm*, *pot*). Онъ вошелъ въ употребленіе въ бою и на турнирахъ съ половины XIII-го вѣка. (ф. 59). У французовъ и англичанъ онъ имѣлъ вершину конической формы, что давало ему форму сахарной головы. Въ XIV вѣкѣ этотъ горшковидный шлемъ, который надѣвался сверхъ легкаго, или кольчатой сѣти, настолько увеличился въ своемъ размѣрѣ, что садился на плечи рыцаря, чѣмъ нѣсколько облегчалаась его тяжесть: это такъ наз. *кадочный шлемъ* (*Kübel od. Fasshelm*)

ф. 60). Въ XIV и XV вѣкахъ стали употребляться въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, и боевые, и особые турнирные шлемы. Первыми были такъ наз. *бацинеты* (*Beckenhaube, basinet*). заостренной формы, снабженные наносникомъ (*nasal*), причемъ нижняя часть лица защищалась кольчугою. Но вскорѣ оказалось, что такое прикрытие лица недостаточно, а потому къ бацинету прибавили значительно выдающееся впередъ забрало: это придало шлему нѣкоторое сходство съ собачьей головой, откуда и произошло ихъ нѣмецкое название – *Hundsgugel (grand basinet)*. Съ конца XIV вѣка бацинетъ мало по малу утрачиваетъ свою коническую форму, измѣня ее на шарообразную, и такимъ образомъ получается новая форма – такъ наз. *саладъ* (*Schallern, salade*). Эти шлемы появились почти одновременно двухъ типовъ: нѣмецкіе, имѣвшіе забрало (*Visier*), и итальянскіе — безъ таковаго. Первые исчезли уже въ началѣ XVI вѣка, а вторые продержались долѣе и впослѣдствіи были дополнены козырькомъ и боковыми частями, откуда произошла новая форма шлема — *бургундьотъ* (*Bourgignot, Sturmhaube*): они бывали открытые и закрытые.

Кромѣ того, въ началѣ XVI вѣка проникла въ Европу чрезъ Испанию другая форма шлема, повидимому заимствованная отъ мавровъ: это такъ наз. *моріонъ* (*Morion, исп. morrion*). Она представляетъ высокую, слегка заостренную шапку, имѣющую по вершинѣ полукруглый гребень, а снизу широкія поля, приподнятые спереди и сзади. Наконецъ, съ Востока проникла въ Европу еще древняя форма восточного шлема, особенно распространившаяся въ Россіи, Польшѣ и Венгрии. Отличительныя признаки ея состояли въ конической формѣ и выдвижномъ наноснике. У русскихъ шлемовъ мы встрѣчаемъ козырекъ, или полку, чрезъ которую проpusкался наносникъ, а также для прикрытия ушей и затылка — особая добавочная части изъ стальныхъ пластинокъ. У нѣкоторыхъ русскихъ шлемовъ сзади вѣнца, (т. е. нижней части) прикреплялись кольчужные сѣтки, или *бармицы*, а сверху они имѣли въ навершиѣ перо, или *словецъ*. Иногда шлемы имѣли украшенія изъ золотой насычки, финифти и драгоценныхъ камней, (напр. на шлемѣ или ерихонской шапкѣ царя Михаила Фе-

доровича, изображаемой над щитомъ русскаго государственаго герба: этотъ шлемъ приписываютъ вел. князю Александру Невскому). Какъ мы уже сказали, геральдическими шлемами признаются лишь турнирные, т. е. покрывавши всю голову; всѣ же остальнаяя формы шлемовъ, упомянутыя нами, т. е. открытые и съ забралами, (также римскіе), не геральдичны и могутъ изображаться только въ видѣ гербовой фигуры въ щите. На этомъ основаніи въ нѣмецкой, наиболѣе научно разработанной геральдикѣ, мы встрѣчаемъ на гербахъ лишь три вида шлемовъ, а именно: 1) горшковидный и кадочный XIII и XIV вѣка 2) копьевой (*Stechhelm*) ф. 61. 62. и 3) рѣшетчатый (*Sprangenhelm*) ф. 63. Остановимся на разсмотрѣніи этихъ геральдическихъ формъ шлема нѣсколько подробнѣе.

Кадочный шлемъ состоялъ первоначально изъ двухъ, впослѣдствіи—изъ четырехъ склепанныхъ бронзовыхъ листовъ и одного замыкающаго листа вверху. Древнѣйшая форма его — малаго размѣра, сверху плоская (ф. 59), тѣсно охватывающая голову; позднѣйшая—достигающая до плечъ и сверху выпуклая (ф. 60). Отверстіе для глазъ состоить изъ двухъ прорѣзовъ, которые иногда имѣли мѣдную оправу, или же изъ открытой (зрительной) щели между верхнею и нижнею частью шлема, которая также оправлялась мѣдью. Съ боковой стороны его имѣлось нѣсколько малыхъ отверстій, для впуска воздуха, и крестообразный прорѣзъ, служившій для привѣпленія шлема къ кольчугѣ.

Копьевый шлемъ представляетъ видоизмѣненіе кадочнаго; онъ имѣеть болѣе изящную, закругленную форму, и ближе прилегаетъ къ головѣ и шеѣ, чѣмъ предыдущій. Между обѣими составными его частями находится зрительная щель, безъ рѣшетки (ф. 61. 62). Нижняя часть шлема (*Kübel*) значительно выступаетъ впередъ, образуя заостреніе. Нижнія края его доходятъ до груди и спины и привинчивались, или пристегивались пряжками. Шлемъ этотъ часто украшался, наподобіе мелкихъ желобковъ, (такъ наз. *ложечатый*).

Рѣшетчатый шлемъ, по преимуществу называемый *турнирнымъ*, въ общихъ чертахъ сходствуетъ съ копьевымъ, но не имѣеть выступающаго впередъ заострепія и притомъ въ верхней

части представляетъ правильное полушаріе и еще болѣе принимаетъ очертаніе головы и шеи (ф. 63). Зрительный прорѣзъ у этого шлема расширенъ и представляетъ удлиненное отверстіе, которое снабжено рѣшеткою. Эта послѣдняя состоитъ изъ выгнутыхъ внаружу рѣшетинъ, или прутьевъ (числомъ отъ 5—7), которые прикреплены къ шлему; иногда ихъ дополняетъ еще поперечный прутъ, такъ что получается вастоящая рѣшетка (*Rost.* откуда наз. *Rosthelm*).

Въ геральдикѣ горшковидные шлемы встрѣчаются въ XIII-мъ, кадочные—въ XIV-мъ, а копьевые—въ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ. Рѣшетчатые же, которые стали употребляться, какъ мы говорили выше (стр. 74, 85), при турнирахъ на щитахъ, начинаютъ встречаться на гербахъ лишь около 1420 г. и съ тѣхъ поръ становятся наиболѣе употребительными въ геральдикѣ. Ихъ также называютъ *открытыми* (*offene*), въ противоположность *копьевымъ* — *закрытымъ* (*geschlossene*) шлемамъ. При выборѣ того или другаго шлема къ известному гербу необходимо имѣть въ виду соблюсти *единство въ стилѣ герба*; поэтому не слѣдуетъ соединять въ одномъ гербѣ щита и шлема различныхъ эпохъ. Кадочные шлемы вообще подходятъ къ древнейшимъ треугольнымъ щитамъ; копьевые могутъ быть помѣщены какъ на треугольныхъ, такъ и на тарцахъ, (имѣвшихъ прорѣзъ для боя); наконецъ, рѣшетчатые особенно подходятъ къ закругленнымъ формамъ гербового щита, особенно распространеннымъ въ позднейшей геральдикѣ, хотя къ табовыми примѣняется и копьевый шлемъ.

Для правильнаго изображенія геральдическаго шлема слѣдуетъ давать ему размѣръ отъ $\frac{2}{3}$, до $\frac{1}{2}$, гербового щита. Шейная часть его должна быть всегда уширеною, такъ-какъ всѣ геральдические шлемы не открывались, а надѣвались сверху на голову закрытыми. По правилу, шлемъ имѣть цвѣтъ полированной стали, иногда съ украшеніями изъ золота и серебра; чаще всего бываетъ вызолоченою рѣшетка турнирного шлема. Встрѣчаются также совершенно золотые шлемы, (которые въ древнее время могли имѣть въ гербахъ только государи и высшее дворянство), или серебряные. Такъ наз. *шейный клейнодъ* (*Halskleinod*) есть

привѣсокъ, въ видѣ монеты, или цвѣтка (розетки), надѣтый на цѣпочкѣ, или лентѣ на шейную часть рѣшетчатаго шлема. Первоначально это былъ отличительный знакъ турнирныхъ обществъ, или же личный знакъ почести: онъ носился турнирными старшинами ва шеѣ. Шейный кляйнодъ появляется лишь съ XV в. и въ старину встрѣчается лишь на немногихъ шлемахъ.

Обычное положеніе шлема—надъ гербовымъ щитомъ и притомъ на серединѣ верхняго края, когда щитъ изображенъ въ прямомъ положеніи; когда же послѣдній наклоненъ въ сторону, то шлемъ помѣщается на расположенному выше углу его, (при наклоненномъ вправо щитъ — на лѣвомъ, выше стоящемъ углу щита, и обратно).

По общему правилу, на щитѣ долженъ помѣщаться лишь одинъ шлемъ, такъ-какъ рыцарь примѣнялъ въ бою лишь одинъ щитъ и шлемъ. Но въ виду того, что въ одномъ щитѣ могутъ быть соединены нѣсколько гербовъ, для каждого изъ таѣвыхъ допускается помѣщеніе на соединенномъ гербовомъ щитѣ соответствующаго ему особаго шлема. Въ этомъ случаѣ шлемы изображаются въ уменьшенномъ размѣрѣ, чтобы они всеѣ могли умѣститься на верхнемъ краю щита, и соблюдаются слѣдующія правила относительно размѣщенія шлемовъ по достоинству. При двухъ шлемахъ болѣе почетный, (принадлежащий главному гербу въ щитѣ), долженъ стоять на щитѣ справа (геральдически); при трехъ — главный шлемъ по серединѣ; соответствующей достоинству втораго герба — направо отъ него, а третій — нальво. При нѣсколькихъ шлемахъ такая же послѣдовательность продолжается далѣе, такъ что послѣ каждого шлема справа слѣдуетъ соответствующій лѣвый; крайній правый и крайній лѣвый суть послѣдніе. При особенно сложныхъ, составныхъ гербахъ, чтобы не увеличивать слишкомъ числа шлемовъ, помѣщаются на щитѣ только одни важнѣйши, или же помѣщаемые шлемы соединяются на себѣ шлемовыя украшенія двухъ, или трехъ гербовъ.

При одномъ шлемѣ въ гербѣ онъ обыкновенно изображается обращеннымъ прямо (*en face*), если щитъ имѣть также прямое положеніе; если же щитъ наклоненъ, то шлемъ изображается въ профиль и притомъ обращеннымъ въ ту сторону, въ которую

ящить имѣть наклонъ. При двухъ шлемахъ ихъ обращаютъ въ профиль одинъ къ другому. При нѣсколькихъ шлемахъ въ четномъ числѣ одна половина ихъ, (всѣ, или частью) обращены вправо, другая половина—влѣво; при нечетномъ же числѣ—средний шлемъ прямо, остальные же по обѣ стороны—обращенными къ нему, но при этомъ всегда согласуясь между собою въ направленіи.

Относительно права пользованія тѣмъ, или другимъ шлемомъ въ различныхъ странахъ Западной Европы существуютъ своеобразныя правила, которые къ тому же измѣнялись въ различные эпохи.

Такъ, въ новѣйшей французской геральдикѣ существуетъ собственная, не основанная на древнемъ геральдическомъ искусстве система относительно формъ шлемовъ и положенія ихъ соответственно достоинству владѣльца герба. По этой системѣ, шлемы королей и императоровъ—золотые, съ дамаскировкою, обращены прямо, съ поднятымъ и совершенно открытымъ забрадомъ и безъ рѣшетки. Принцы и владѣтельные князья имѣютъ подобные же шлемы, но только не вполнѣ открытые. Князья и герцоги, не владѣтельные и маркизы имѣютъ серебряные, окаймленные золотомъ шлемы съ 11-ю рѣшетинами, или дужками; графы, виконты и видамы—съ 9-ю, но шлемъ при этомъ обращенъ на $\frac{1}{4}$, вправо (*taré au tiers*), также съ золотыми окаймленіями; бароны—такой же, съ 7-ю рѣшетинами и обращенный нѣсколько болѣе вправо (*taré à demi profil*); старинные дворяне (*gentilshommes, chevaliers*), не титулованные имѣютъ стальной шлемъ, обращенный вправо, въ профиль (*taré de profil*), съ 5-ю, 4-мя, или 3-мя рѣшетинами, соотвѣтственно степени древности ихъ происхожденія.

Новоизложенные дворяне (*nouveaux noblis*) имѣютъ стальной же шлемъ, въ профиль, но съ опущеннымъ забрадомъ и вовсе безъ рѣшетки. Наконецъ незаконнорожденные имѣютъ шлемъ, обращенный влѣво (*contourné*), также съ опущеннымъ забрадомъ и безъ рѣшетки.

Эти правила, впрочемъ, не всегда соблюдались; такъ напр. некоторые геральдисты давали маркизамъ только 9 рѣшетинъ, графамъ и виконтамъ—7, баронамъ—5 и простымъ дворянамъ—3.

Англичане имѣютъ сходную систему, а именно для королей и герцоговъ — прямо поставленный рѣшетчатый шлемъ, для пэровъ, ниже герцога — таковой же въ профиль; для рыцаря — шлемъ съ забраломъ (*visier*) и притомъ поднятымъ и впряженъ, для извѣшаго дворянства (*esquires, gentlemen*) — закрытый шлемъ, въ профиль.

Въ Германіи подобныя искусственныя и въ сущности совершенно необъоснованныя геральдически системы никогда не получали распространенія. Здѣсь съ XVI вѣка установилось практикою, что выставлявшійся при турнирахъ для осмотра (*zur Schau*) рѣшетчатый шлемъ приличествуетъ исключительно дворянству, тогда какъ въ гербахъ горожанъ (*bürgerliche Wappen*) можетъ приминаяться лишь кольцевой, закрытый шлемъ (*geschlossener Stechhelm*). Этимъ послѣднимъ по желанію могутъ пользоваться впрочемъ и дворяне.

Древнее нѣмецкое дворянство пользовалось шлемами на гербахъ для означенія числа феодальныхъ владѣній и количества голосовъ, которымъ пользовался въ собраніяхъ владѣлецъ герба. Такъ напр. Брауншвейгъ-Вольфенбюттель имѣть 5 шлемовъ на своемъ гербѣ, княжество Ангальтъ — 7, маркграфство Бранденбургъ — 9 шлемовъ и т. д.

Рыцарскіе шлемы во Франціи и Англіи почти совершенно вышли изъ употребленія, причемъ Наполеоновская геральдика на ихъ мѣсто ввела береты съ страусовыми перьями, или такъ наз. токи (*Barettes, toques*) удержавшіеся въ гербахъ недолго. Въ Англіи, взамѣнъ шлема, обыкновенно помѣщаются надъ гербомъ свободно висящимъ такъ наз. *бууррелетъ* или *вѣнчикъ* (*bouurrelet, tortil*, нѣмецк. *Wulst*), съ основною гербовою фигурою въ видѣ нашлемнаго убраншенія.

Въ нашихъ современныхъ русскихъ гербахъ употребляются лишь два рода шлемовъ: антично-европейскій, турнирный и древнеславянскій. На послѣдній имѣютъ право только фамиліи, принадлежащія къ древнему русскому дворянству. Въ гербахъ фамилій восточного происхожденія помѣщается иногда восточный шишакъ. Въ нашей геральдикѣ была сдѣлана попытка лицамъ, получившимъ дворянство по чину или ордену, давать въ гербѣ

шлемъ, обращенный вправо, а рѣшетины шлемовъ титулованныхъ лицъ украсить узоромъ.

XVI.

Нашлемникъ называется помещенная на шлемъ, (рѣже отдельно отъ него), пластически изображенная гербовая фигура, которая этимъ самыемъ даетъ шлему признакъ гербового. Такое украшение шлема (*Helmschmuck*) въ нѣмецкой геральдикѣ называется также *шлемовыи клейноды* (*Helmkleinod*), или, по мѣсту, занимаемому имъ на шлемѣ, а именно на гребнѣ его — навершьемъ (*Cimier*). Оно обыкновенно устанавливается геральдическую связь между шлемомъ и гербовою фигурую, находящуюся въ щитѣ, и нерѣдко служить въ лучшему уясненію этой послѣдней.

Уже съ древнѣйшихъ временъ мы находимъ обычай у воиновъ всѣхъ странъ украшать голову фантастическими предметами, чтобы казаться болѣе страшными врагамъ, а также для придания себѣ болѣе воинственного вида. Преданіе приписываетъ Геркулесу ношаєю, въ видѣ подобного головного украшенія, головы Немейскаго льва, которое переходило и къ его потомкамъ, Гераклидамъ. Александръ Великій, провозгласившій себя сыномъ Юпитера Амона, также носилъ на головѣ изображеніе льва, а Пирръ, царь Эпира избралъ такимъ украшеніемъ два козлиныхъ рога. Діодоръ Сицилійскій сообщаетъ въ своей исторіи, что египетскіе цари носили нашлемники въ видѣ головы льва, быка, или дракона. Подобный же обычай существовалъ и въ Средніе вѣка, когда рыцари стали украшать свои шлемы на турнирахъ всевозможными геральдическими эмблемами; въ числѣ такихъ употреблялись на шлемахъ перья, крылья птицъ, фигуры животныхъ и всевозможныхъ чудовищъ и т. под. Нашлемники въ тѣ времена часто служили условнымъ знакомъ между рыцаремъ и его дамою, по которому иногда только она одна могла узнать его на турнирѣ. Такимъ образомъ они первоначально не были наследственными, а еще измѣнялись по желанію; впрочемъ,

встрѣчаются и въ древнѣйшій періодъ геральдики нашлемники родовые, какъ напр. рога у герцоговъ Бретанскихъ. Особенное распространеніе подобныя украшенія получили въ Германіи, гдѣ они являются поэтуму и наиболѣе геральдически разработанными. Въ нѣмецкой геральдикѣ принято, что всякий гербовый шлемъ долженъ непремѣнно имѣть нашлемникъ, который составляеть существенную его принадлежность во всякомъ наслѣдственномъ гербѣ.

Геральдический клейнодъ находится въ большинствѣ случаевъ въ соотвѣтствіи со щитомъ и его фигурами, какъ въ отношеніи тинктуръ, такъ и по своему очертанію, и съ весьма ранней эпохи пріобрѣлъ характеръ особаго рыцарскаго звака отличія, сохранившагося въ родѣ.

Шлемовые украшенія или клейноды появились одновременно съ геральдическими шлемами, (первоначально горшковидными), въ XIII вѣкѣ¹⁾. Въ прежнее время иногда самый шлемъ расписывался въ краскахъ гербовою фигурою, что должно почитаться началомъ клейнода, который вслѣдствіи сталъ воспроизводиться пластически, (изъ кожи, дерева или жести), представляя дѣйствительную фигуру, носимую на шлемѣ. Поэтому клейноды являются чаще всего обыкновенные фигуры, естественные или искусственные, представленные въ гербовомъ щите. Когда же въ гербѣ находятся геральдическія фигуры, то таковыя въ клейнодѣ повторяются на особыхъ дощечкахъ (*Bretter*), или на крыльяхъ (*Flügel*) и т. под., помѣщаемыхъ на шлемѣ — это такъ наз. *вспомогательные клейноды* (*Hilfskleinode*). Человѣческія и звѣринные фигуры часто изображаются неполными, лишь на половину, какъ бы выростающими изъ шлема, но иногда и цѣлыми, независимо отъ того, представлена ли та-же фигура въ гербовомъ щите полною, или урѣзанною. Но цвѣтъ, положеніе и принадлежности фигуры въ щите и на клейнодѣ должны быть

¹⁾ Древнѣйшими шлемовыми украшениями нѣмецкихъ рыцарей были орлиныя крылья, бычачьи рога, вѣтви липпы и т. под., каковыя бывали и естественными, и искусственными. Въ Германіи нашлемники лишь со второй половины XIV вѣка становятся наслѣдовательными и одинаковыми въ одной фамиліи, иль же въ одной вѣтви рода.

всегда совершенно одинаковыми. Впрочемъ, встречаются и самостоятельные клейноды, которые не повторяют щитовой фигуры, но однако, въ большинствѣ случаевъ, соответствуютъ ей по тинктурамъ.

Клейноды, по правилу, ииѣютъ главные цвета щита; положеніе же ихъ согласуется со шлемомъ и должно быть изображаемо такъ, какъ оно было бы въ дѣйствительности въ тѣ времена, когда шлемъ на самомъ дѣлѣ носился со своимъ клейнодомъ рыцарями.

Главныя употребительныя формы самостоятельныхъ и вспомогательныхъ клейнодовъ суть слѣдующія: 1) *рога* (*Hörner*), 2) *крылья* (*Flüge, vols*), 3) *щитовыя доски* (*Schirmbretter*), 4) *шапки* (*Hüte*), 5) *перья*, пучки перьевъ (*Federköcher*) и *флаги*. Наконецъ, 6) *человѣческія и звериные фигуры*.

Рога всегда встречаются парами и выступающими по обѣ стороны шлема. Формою своею они или напоминаютъ воловьи, имѣющіе одинъ изгибъ въ формѣ полумѣсяца, или же съ двумя изгибами, т. е. искривленные, наподобіе большихъ бычачьихъ роговъ. Древнѣйшая изъ этихъ формъ первая, т. е. серпообразная, кончающаяся остриемъ, подобно воловьимъ рогамъ (ф. 64). Къ концу XIV-го вѣка они становятся больше, съ двумя изгибами и притомъ отшлифованными на концахъ (*abgesägt*) ф. 65, откуда въ XV вѣкѣ произошли такъ наз. *открытые рога* (*offene Hörner*), которые имѣютъ расширяющееся устье, кольцеобразной формы. Это даетъ имъ сходство съ охотничими рогами (*Blashörner*), снабженными мундштукомъ (ф. 66). Слѣдуетъ замѣтить, что рога дикаго быка, или зубра составляли весьма любимое головное украшеніе еще у древнихъ Германцевъ, чрезъ который они старались придать себѣ воинственный, устрашающій видъ.

Нѣкоторыми геральдистами совершенно ошибочно заостренные рога считались за щыки кабановъ, или слоновъ; открытые рога, т. е. съ отверстіями на концахъ (*Mundlöcher*), каковую форму они получаютъ въ эпоху упадка геральдики,—*слоновыми хоботами* (*proboscides*), *дудками* (*chalumeaux*), *охотничими рогами* (*cors de chasse*), или даже *рогами изобилия* (*Füllhorn*). Оправдание такиховыхъ ошибочныхъ толкованій можно видѣть

уже въ томъ, что встрѣчаются въ старину, рядомъ съ бычачьими рогами въ нашлемникѣ, также и уши этихъ животныхъ. Впрочемъ, формы роговъ, какъ заостренные и серповидные, такъ и изогнутые, открытые и т. под., всѣ одинаково геральдичны.

Нерѣдко такие рога въ нашлемникѣ украшались всаженными въ нихъ такъ наз. *листовыми стеблями*, иногда *трилистника* (*Blätter od. Kleestengel*) — въ видѣ концетрически вогнутыхъ палочекъ съ сердцевиднымъ, липовымъ, или клевернымъ листкомъ на концахъ и увѣшанныхъ небольшими бубенцами, которые при движениі звѣнѣли (ф. 64). Павлинъ перья, (иногда полные хвосты — *Pfauenspiegel*) также примѣнялись въ видѣ украшенія роговъ на шлемѣ, съ подобными же бубенцами. Въ отверстія открытыхъ роговъ нерѣдко втыкались вѣтви, цветы, перья и т. под.

Рога клейнода получаютъ обыкновенно, согласно упомянутому нами правилу, главная тинктура щита: поэтому они встрѣчаются, то съ поперечными полосками разныхъ цветовъ, то съ шахматнымъ, или ромбовиднымъ рисункомъ, то покрытыми бѣльчимъ мѣхомъ (*Feh*) и т. под. Когда пояса имѣются въ гербовомъ щитѣ, тогда и рога клейнода получаютъ таковые же (ф. 65) и являются такимъ образомъ вспомогательными клейнодами. Впрочемъ, вмѣсть съ рогами встрѣчается въ нашлемникѣ часто и обыкновенная фигура, (повторяющаяся и въ щитѣ): подобный клейнодъ помѣщается между двумя рогами, напр. сидящій левъ, или собака, охотничій рогъ и т. под. (ф. 66). Изображаются также иногда рога козла (*Steinbock*), оленя и единорога, хотя гораздо рѣже вышеупомянутыхъ. Изъ нихъ рогъ единорога встрѣчается нѣсколько изогнутымъ назадъ и зазубреннымъ. Этотъ послѣдній родъ роговъ относится къ *самостоятельнымъ* клейнодамъ, на которыхъ рѣдко повторяются гербовые фигуры щита.

Геральдическая крылья суть искусственно воспроизведенныя (изъ кожи, жести, картона и т. п.), но не дѣйствительно существующія орлиныя крылья, какъ парные, такъ наз. *лѣтѣ* (*Flug*), такъ и одиночныя, (врыло или *полу-лѣтѣ* — *Halbflug*). Въ первомъ случаѣ они, или расположены по обѣ стороны щлема распространеными (ф. 67), что называется *открытыми лѣтомъ*.

(*offener Flug*) — положение при прямо стоящемъ шлемѣ (*en face*); или же параллельно другъ къ другу, съ острыми концами, обращенными назадъ (ф. 68). Это послѣднее положение встрѣчается при шлемѣ, изображенномъ въ профиль; такой лѣтъ наз. *закрытымъ* (*geschlossener Flug*). Крылья всегда укрѣплены на теменной части шлема, какъ бы выростаютъ изъ него; одно крыло, или полулетъ, ставится также на верхнюю часть, или гребень шлема (ф. 69). Разница между открытымъ и закрытымъ лѣтомъ является геральдически не существеннымъ, такъ-какъ зависить отъ положенія шлема.

Форма крыльевъ болѣе или менѣе близка къ естественной. На древнѣйшихъ, горшковидныхъ шлемахъ она изображалась въ болѣе строгомъ стилѣ (ф. 67), часто въ видѣ усаженныхъ отдельными перьями дощечекъ, или брусковъ (*Leisten*) ф. 69, или же *роговъ*; иногда также въ видѣ досокъ, имѣющихъ очертаніе крыльевъ, которыхъ впослѣдствіи стали изображаться болѣе сходными съ природою (ф. 68, 70).

Крылья нашлемника обыкновенно получаютъ окраску, соотвѣтствующую тинктурамъ щита, или же на нихъ помѣщаются щитовые фигуры (ф. 68); они также, подобно рогамъ, украшаются листовыми стеблями, небольшими шарами (*Ballen*), павлиньими хвостами, страусовыми перьями и т. д., и между ними, кроме того, помѣщается часто также обыкновенная гербовая фигура, въ видѣ пластически представленного клейнода.

Щитовые доски (*Schirmbreter*) суть круглые шайбы, или угловатыя, (обыкновенно шестиугольныя), выгубренныя, вѣрообразныя доски, которыхъ укрѣпляются на шлемѣ въ стоячей положеніи. Это, въ сущности, родъ вспомогательныхъ клейнодовъ, на которыхъ повторяются фигуры гербового щита, а иногда и весь щитъ. Края, или углы этихъ досокъ обыкновенно бываютъ украшены шариками, бубенцами, кистями, павлиньими перьями и т. под., а иногда ставятся на особую подушку, покоящуюся на шлемѣ (ф. 71); онѣ особенно удобны для изображенія на нихъ гербовыхъ фигуръ.

Форма *головныхъ уборовъ* (шляпъ), употребляющихся въ видѣ нашлемниковъ, бываетъ весьма различная. Древнѣйшая изъ

таковыхъ есть низкая, съ широкими полями боевая шапка (*Sturmhut*), обыкновенно съ закругленною верхушкою, (такъ наз. *Kappe*); позднѣе встрѣчается обыкновенно шляпа съ отворотами (*Stulp-hut*): она имѣеть высокую, острую форму и отвороты другаго цвѣта. Эти послѣдніе часто замѣняются короною изъ листьевъ, (т. е. съ листовидными зубцами), а верхушку шляпы украшаютъ пучки перьевъ, шарики, цвѣты, коронки, ленты и т. под. (ф. 72). Въ видѣ нашлемниковъ встрѣчаются также иногда епископскія митры. Такъ-какъ на подобного рода головныхъ уборахъ весьма удобно помѣщать гербовые фигуры щита, то ихъ можно также разсматривать, какъ вспомогательные клейноды. Фигуры могутъ быть помѣщаемы, какъ на самой шляпѣ, такъ и на отворотахъ ея; особенно часто встрѣчаются отвороты, обложенныя розами, фузелями и т. под. Совершенно своеобразный клейнодъ, употребляющійся исключительно какъ вспомогательный, представляетъ въ нѣмецкихъ гербахъ такъ наз. *кошелеобразный нашлемникъ* (*Beutelstand*)—это есть надѣтый на верхнюю часть шлема стоячій колпакъ, кончающійся къ верху двумя острыми концами, которые украшены кистями, или перьями. Этотъ клейнодъ встрѣчается довольно рѣдко и притомъ лишь въ древнѣйшее время, въ особенности на Эльзасскихъ гербахъ.

Перья употребляются, какъ клейнодъ, или въ отдѣльности, или же въ пучкахъ; изъ нихъ наиболѣе древними являются въ нашлемникахъ пѣтушины и павлиньи перья, новѣе—страусовыя. Первые изображаются въ видѣ пучка перьевъ неравной длины, укрепленныхъ на вершинахъ головныхъ уборовъ, или же вставленныхъ въ цилиндрическія влагалища, или колчаны (*Köcher*). Павлиньи перья, въ видѣ распущенаго вѣрообразно хвоста, обыкновенно изображаются выходящими изъ короны, съ нѣсколькими рядами такъ наз. павлиньихъ глазъ. Страусовыя перья сверху загнуты, расположены симметрично вѣромъ, или въ видѣ вѣнца; иногда выходятъ изъ колчана (ф. 73). Они получаютъ, по правилу, тинктуры щита; притомъ, если имѣется одно перо, то оно раздѣляется цвѣтами, или же получаетъ металлическую тинктуру щита.

Колчаны, въ которые вставлены перья нашлемника, имѣютъ

обыкновенно цилиндрическую форму и весьма удобны для изображения на нихъ въ краскахъ гербовыхъ фигуръ (ф. 73): они часто бываютъ весьма удлиненными и тонкими, напоминая своюю формою столбы, или же залы. Изображать перья выходящими непосредственно изъ шлема, и не изящно, и въ то же время не соответствуетъ правиламъ геральдики. Если не примѣнено такого колчана, то перья должны выходить по брайней мѣрѣ изъ помѣщенной на шлемѣ короны.

Флаги на шлемахъ изображаются лишь въ маломъ видѣ, подобно вымпеламъ, или по одному, или же по нѣсколько вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ ихъ бываетъ обыкновенно по ровну съ каждой стороны и въ наклонномъ положеніи, вправо и влево. По цвету, флаги должны согласоваться съ тинктурами щита, а изображенія на каждомъ изъ нихъ фигуры—обращены въ сторону древка.

Человѣческія и звѣринные фигуры представляютъ весьма излюбленный и особенно красивый и оригинальный видъ шлемового украшенія. Онъ изображаются въ видѣ пластическихъ фигуръ на вершинѣ шлема, какъ бы выростающими изъ него и притомъ однимъ изъ четырехъ слѣд. способовъ:

1) *Отдельными частями тѣла*, особенно головы: мужскія, женскія и звѣринные (ф. 74), также руки (ф. 75), кисти рукъ, ноги (ф. 76), въ особенности часто въ болѣе древнихъ гербахъ.

2) *Туловищами (Rumpfe)* или *бюстами*, (съ конца XIV вѣка), т. е. голова съ верхнею частью тѣла, (причёмъ шея и грудь изображаются иногда въ преувеличенно-удлиненномъ видѣ), но безъ рукъ, или переднихъ ногъ (у звѣрей) ф. 77—80. Такія неполные фигуры изображаются обыкновенно обращенными нѣсколько вверхъ, съ отогнутою назадъ шею, мужскія—обыкновенно бородатыми и во всевозможныхъ головныхъ уборахъ, женскія—съ сильно развитою грудью, красивыми плетеніями волосъ и косами, которые часто бываютъ оттянуты назадъ въ прямую линію (ф. 78). Эти бюсты бываютъ облечены, или въ шлемовый наметъ (*Helmdecke*), который рисуютъ развѣвающимся внизу, или же въ костюмъ эпохи и притомъ съ различными фантастическими и необычайными головными уборами. Такъ напр. встрѣ-

чаются человѣческія головы съ олеными рогами, клювомъ аиста, вмѣсто носа, ослиными ушами и т. под. чудовищные образы: Изъ фигуръ животныхъ особенно часто встрѣчаются орелъ, левъ, собака (ф. 80), лебедь, единорогъ, грифъ. Подобныя неполивыя фигуры служатъ также для повторенія на нихъ гербовыхъ фигуръ щита, (въ особенности геральдическихъ); иногда имъ придавали вмѣсто рукъ, другія фигуры, напр. рога (ф. 79), крылья, розы (ф. 78), рыбъ и т. под., которые находились въ соотвѣтствіи съ щитовыми.

3) *Выростающими* (*wachsend*), т. е. видимыми до половины туловища, или даље, въ видѣ полу-фигуръ, съ руками, или передними ногами. Хотя таковыя встрѣчаются лишь въ болѣе позднѣе времена, но онѣ еще принадлежать къ хорошей эпохѣ геральдики. (ф. 81, 82). Украшенія ихъ сходствуютъ съ предыдущими, (туловищъ), отличаясь отъ нихъ только большею близостью къ природѣ (естественнотою), а также наличностью рукъ, (или переднихъ ногъ). Звѣринные фигуры нерѣдко украшались орнаментомъ въ видѣ фантастического гребня на спинѣ, какъ напр. выростающая пантера на ф. 82.

4) *Полными* человѣческими, или звѣринными фигурами, въ различныхъ положеніяхъ, соответственно тому, какъ онѣ изображены въ щите. Звѣринные фигуры изображаются на шлемѣ обыкновенно сидящими (ф. 66).

Кромѣ упомянутыхъ, существуетъ, конечно, еще безчисленное множество клейнодовъ, или нашлемниковъ, таѣ-каѣ обыкновенная гербовая фигура, какъ естественные, такъ и искусственные, весьма часто служить таковыми и помѣщаются на шлемахъ. Такъ напр. на шлемовомъ клейнодѣ Нюренбергскаго патриція *Зебальда Гейера* мы видимъ поставленную на камняхъ ступку (*Mörser*) ф. 83. Но и въ этомъ случаѣ, подобно тому, какъ при выборѣ гербовыхъ фигуръ, слѣдуетъ соблюдать рыцарско-геральдический стиль, избѣгая слишкомъ современныхъ формъ въ изображаемыхъ на шлемѣ эмблемахъ¹⁾.

¹⁾ До 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ, въ Россіи существовалъ обычай въ нашлемникѣ дворянскихъ гербовъ помѣщать три страусовыхъ пера.

Геральдическая лилія, служившая также въ древнее время шлемовымъ блейнодомъ, получала при этомъ форму двухъ неполныхъ лилій, или клеевъ, соединенныхъ на брестъ. Когда подобная фигура помѣщалась на дѣйствительномъ шлемѣ, то устраивалась иногда подвижною, наподобіе флюгера, и могла вѣртѣться по вѣтру (ф. 84).

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о геральдическомъ значеніи шлемового украшенія или блейнода.

Блейнодъ, какъ уже было сказано, не всегда является повторениемъ гербовой фигуры щита и даже весьма часто не имѣеть вовсе никакого отношенія и соотвѣтствія съ послѣднею. Но тѣмъ не менѣе основнымъ правиломъ все-же остается, что блейнодъ есть повтореніе гербовой фигуры въ ея главнѣйшихъ очертаніяхъ и цвѣтахъ.

Нерѣдко въ Германіи помѣщали надъ гербовымъ щитомъ одной фамиліи блейнодный шлемъ другаго герба, когда отъ послѣдній пріобрѣтался чрезъ брачный союзъ, наслѣдство, или покупку земельной собственности: при этомъ щитъ одного герба соединялся съ блейнодомъ другаго въ одинъ гербъ. Случалось и такъ, что фамилія принимала новопріобрѣтенный гербовый щитъ, сохраняя при немъ свой прежній родовой блейнодъ. Таже бываютъ случаи, что блейнодъ происходит отъ ранѣе употреблявшагося герба, тогда какъ гербовая фигура въ щитѣ была принесена въ позднѣйшее время; или же различныя вѣтви одной фамиліи, имѣющія общий гербъ, принимаютъ для различія разные блейноды. Наконецъ, нашлемникъ въ видѣ блейнодной фигуры жаловался иногда, какъ отличie, напр. въ нашихъ гербахъ — Императорскій орелъ, а въ нѣмецкихъ — орелъ Германской, или священной Римской имперіи. Въ Германіи блейноды служили также иногда въ прежнее время признаками извѣстной должности, или званія; таѣ напр. голова собаки на шлемѣ обозначала судью по охотничимъ тяжбамъ, павлинъ — турнирваго короля, епископская митра — попечительство надъ духовными учрежденіями и монастырями. Отсюда и произошли нашлемныя фигуры, не повторяющіяся въ соединенныхъ съ ними гербовыхъ щитахъ. Въ таѣ наз. гласныхъ гербахъ (*redende W., armes parlantes*)

нерѣдко слѣдуетъ искать соотвѣтствія съ именемъ владѣльца не въ щитѣ, а въ клейнодѣ.

Нерѣдко бываетъ, что клейнодѣ герба, пріобрѣтенного чрезъ бракъ, наслѣдство, или покупку имѣнія, присоединяютъ къ родовому, помѣщая оба на одноимъ и томъ же шлемѣ; или же, когда два герба соединены въ одномъ щитѣ, то шлемъ украшается клейнодами обоихъ. Въ нѣмецкой геральдикѣ, по правилу, шлемъ и клейнодѣ всегда бываютъ неразрывно связаны въ одно цѣлое и послѣдній никогда не является свободно висящимъ, или помѣщеннымъ на вѣнчика (*bourrelet*), какъ это часто имѣть мѣсто въ англійскихъ гербахъ. Встрѣчаются случаи, гдѣ шлемъ совершенно покрытъ нашлемникомъ, наподобіе чехла, причемъ шлемный намѣтъ совершенно отсутствуетъ. Таковъ напр. древній гербъ фамиліи *Ланшаденъ ф. Штейнахъ*, помѣщенный въ Цюрихскомъ гербовнике, гдѣ изображеніе волосатой личины, (такъ наз. *чертовой хари* — *Teufelsfratze*), совершенно покрываетъ собою шлемъ (ф. 85).

Во времена живой геральдики нашлемники изготавливались изъ кожи, дерева, картона, жести, плетенія, или изъ напитаннаго влесемъ, съ примѣсью мыла, холста, сукна (на шляпахъ) и т. под. Они укрѣплялись на шлемахъ или непосредственно, посредствомъ шнурковъ, винтовъ, ушковъ съ просовывавшимися чрезъ нихъ чеками, (для чего на сохранившихся подлинныхъ шлемахъ имѣются отверстія); или же посредствомъ особаго вѣнчика, обруча, или повязки, плотно ихъ прихватывавшихъ къ шлему. Подобнаго рода соединеніями шлема съ клейнодомъ, или подставками служить обыкновенно:

1. *Шлемовые короны* (*Helmkronen*), каковыя не слѣдуетъ смѣшивать съ коронами различныхъ достоинствъ дворянства, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Эти короны нашлемниковъ суть малые вѣнчики простѣйшей формы, по правилу, съ 4-я зубцами въ видѣ листьевъ, трилистниковъ, или геральд. лилій. Они представляютъ какъ бы нижнее окаймленіе выходящаго изъ нихъ клейнода (ф. 70, 76, 82). Эти короны на дворянскихъ шлемахъ первоначально являлись знакомъ отличія, но впослѣдствіи стали зауряднымъ украшеніемъ шлема, хотя и не составляютъ вовсе необходимой его принадлежности.

2. *Винчики* или *буррелеты* (*Wulste, bourrelets*), *буфы* (*Bauschen*) и *поязки*—изъ вихъ первые подобны вѣнкамъ, или кольцамъ, скрученнымъ изъ полосъ матерій, имѣющихъ тинктуры щита; иногда они бывають также свитыми изъ цѣльного головнаго покрываля и обвязаны цвѣтными лентами, съ развѣвающимися концами (ф. 83).

3. *Подушки* (*Kissen*) четырехугольной формы, наложенные на шлемъ плашия (ф. 71) и имѣющія по угламъ висти.

4. *Намѣты* или *шлемовые покровы* (*Helndecken*)—они являются самымъ обычнымъ и распространеннымъ въ геральдикѣ связующимъ звѣномъ между шлемомъ и его влейнодоиъ, а также и гербовымъ щитомъ. Поэтому мы остановимся на ихъ разсмотрѣніи нѣсколько подробнѣе.

Намѣтъ есть покрывающая шлемъ сверху ткань, свѣшивающаяся въ видѣ небольшого плаща (*Mäntelchen, mantelet*). Въ различныя эпохи геральдики намѣтъ получаетъ разнообразныя очертанія. Мы уже говорили раньше (стр. 26) о первоначальномъ происхожденіи шлемового покрова, или намѣта, имѣвшаго цѣлью укрывать дѣйствіе палящихъ лучей солнца, падавшихъ на отчищенную сталь рыцарскаго шлема, а также на затылокъ и шею¹). Впослѣдствіи намѣты стали также употребляться въ видѣ убраненія; и дѣйствительно подобное, развѣвавшееся по вѣтру покрывало, накинутое сверхъ массивнаго и тяжелаго шлема, могло представлять въ конномъ бою и на турнирѣ весьма красивую картину. Намѣты появляются съ XIV-го вѣка одновременно съ кадочнымъ шлемомъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что тесьмы, имѣющіяся на нижней части горшковидныхъ шлемовъ XIII вѣка, служили повидимому для привязыванія таковыхъ у подбородка и поэтому не могутъ разматриваться какъ намѣты (ф. 67). Въ XIV-мъ вѣкѣ намѣты появляются на шлемахъ уже въ видѣ небольшихъ плащиковъ, живописно и симметрично расположенныхъ и образующихъ складки (ф. 65), или же съ развѣвающимися концами (ф. 66). Подобные плащи, первоначально небольшаго

¹⁾ И въ вынѣшнее время у военныхъ съ этою же цѣлью примѣняются кѣтомъ такъ наз. назатыльники (*Genicktücher*).

размѣра, а затѣмъ и болѣе значительного, иногда тѣсно охватывали шлемъ (ф. 80), сливаясь съ клейнодами въ одну фигуру. Въ особенности при человѣческихъ туловищахъ намѣты представляютъ лишь нижній, свѣшивающійся край ихъ одеждъ (ф. 77—81); край этотъ, подобно одѣяніямъ тѣхъ временъ, вырѣзывался обыкновенно въ видѣ листьевъ, фестоновъ, или зубцовъ (ф. 71, 76). Иногда таковые обшивались бахромою, бистями, или бубенцами.

Мы уже упоминали (стр. 27) о томъ, откуда могли произойти намѣты въ видѣ узбихъ блочевъ, или полосъ матеріи (*lambrequin*). Въ нѣмецкой геральдикѣ подобные намѣты назывались — *gezaddelte Decken*, и окончательная художественная ихъ форма начинаетъ вырабатываться въ геральдикѣ со второй половины XV-го вѣка (ф. 70, 82). Изъ длинныхъ листовидныхъ лентъ они постепенно переходятъ въ вурчавые и заостренные въ видѣ арабесокъ завитки, которые въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ часто охватываютъ весь гербовый щитъ. Въ XVI вѣкѣ въ особенности намѣты уже вполнѣ измѣняютъ свой первоначальный видъ плащиковъ на подобный *листовидный орнаментъ* (*Laubornament*), на подобіе листьевъ *аканта*, въ которомъ отражается художественный вкусъ, или стиль эпохи. Древние мастера, (гравёры и живописцы) въ этомъ геральдическомъ орнаментѣ проявляли необыкновенное разнообразіе формъ, давая полный просторъ своей художественной фантазіи. Стойть только заглянуть въ одинъ изъ гербовниковъ XVI-го вѣка, какъ напр. *Лоста Аммана*, чтобы убѣдиться въ этомъ: между безчисленнымъ множествомъ гербовъ едва ли найдется два совершенно сходныхъ между собою по орнаменту.

Намѣты въ подобной стилевой формѣ, которые дѣйствительно еще носились на турнирныхъ шлемахъ XV-го и XVI столѣтій, также изготавливались изъ кожи, твердаго холста, жести и т. под.

По геральдическому правилу, виѣшняя и внутренняя сторона (*подкладка* — *das Futter*) шлемового намѣта должны быть различного цвета и притомъ имъ обѣимъ даются обыкновенно тинктуры щита; а таѣль-бакъ на послѣдней финифть и металль чередуются, то и намѣтъ получаетъ финифть и металль,

и притомъ обыкновено металль внутри, а финифть снаружи, (хотя послѣднее правило не постоянное). Когда гербовая фигура въ щитѣ имѣеть натуральный цветъ, который, слѣдовательно, не можетъ быть примѣненъ къ намѣту, то для послѣдняго избирается наиболѣе подходящій къ фигурѣ геральдическій цветъ. Когда нащемникъ, или влейнодъ непосредственно связанъ съ намѣтомъ, то цветъ первого распространяется и на намѣтъ (ф. 80, 81). Намѣты бываютъ также изъ горностаеваго и бѣличьяго меховъ (ф. 69), или же покрываются иногда щитовыми фигурами посредствомъ отдѣльныхъ вшивокъ, какъ напр. ромбами, фузеями, шахматнымъ дѣленіемъ, желѣзными шапочками, а иногда бываютъ усыяны таковыми, (напр. лиліями, липовыми листьями, звѣздами, сердцами). Впрочемъ послѣдній способъ украшенія намѣта примѣняется чаще въ англійской геральдикѣ.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что геральдикѣ неизвѣстно правило, по которому тинктуры намѣта должны быть согласованы съ таковыми же въ гербовомъ щитѣ. Изъ лучшей эпохи древней геральдики мы знаемъ достаточно примѣровъ, гдѣ это вовсе не имѣеть мѣста. „Впервые, говоритъ *Sacken*, совреиенная канцелярскія геральдика присоединила къ прочимъ своимъ, весьма сомнительнымъ и не выдерживающимъ научной критики правиламъ, и это—о согласованіи тинктуръ щита и намѣта“.

При двухъ, или болѣе шлемахъ, помѣщенныхъ на одномъ щитѣ, каждый шлемъ долженъ имѣть свой особый намѣтъ и считается вообще недопустимымъ распространять одинъ намѣтъ на несколько шлемовъ. Когда желаютъ помѣстить на одномъ намѣтѣ четыре цвета одного, или двухъ соединенныхъ гербовъ, то раздѣляютъ намѣтъ линіею, опущенною отъ средины шлема внизъ, на двѣ половины и даютъ правой сторонѣ нашѣта тинктуры болѣе почтнаго щита, (или полей), а лѣвой—другаго.

При изображеніи намѣта слѣдуетъ согласовать таковой по стилю съ помѣщеннымъ на гербѣ шлемомъ: такъ, къ кадочному шлему подходящимъ является намѣтъ въ видѣ небольшаго плаща, или покрывала, съ простымъ, или вырѣзаннымъ зубцами краемъ. Вычурный намѣтъ въ листовидномъ орнаментальномъ стилѣ подходитъ только къ коньевому шлему, или, еще лучше, къ позд-

нѣйшему турнирному рѣшетчатому шлему, употреблявшемуся въ тѣ времена, когда орнаментальные намѣты вошли въ обычай¹⁾.

XVII.

Короною называется головное украшеніе, служащее символомъ верховной власти и господства. Съ древнѣйшихъ временъ корона являлась признакомъ высшаго священнаго сана и состояла изъ вѣнца (обруча), или діадемы, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннаго металла, которые носились въ видѣ головного убора первосвященниками. Подражая имъ, и цари древности носили короны, соединяя въ своемъ лицѣ нерѣдко и духовную власть. Библія повѣствуетъ, что первый еврейскій царь, Сауль носилъ корону, а за нимъ и его преемники. Подобный обычай существовалъ и у другихъ народовъ древности. На древне-персидскихъ памятникахъ мы видимъ изображенія царей съ коронами въ видѣ закрытыхъ шапокъ на головахъ. У Персовъ и царицы носили короны, какъ напр. сообщается объ Эсѳери въ Библіи. Гомеръ въ Иліадѣ упоминаетъ о коронахъ царей, участвовавшихъ въ Троинской войнѣ, а Виргилій въ Энеїдѣ — о коронѣ царя Латина. По словамъ Діодора Сицилійскаго, шлемъ Александра Македонскаго былъ украшенъ золотымъ вѣнцомъ. Въ римскую эпоху мы встрѣчаемъ на монетахъ нѣсколько типовъ коронъ, которыхъ носились римскими императорами, а именно, въ видѣ лакроваго вѣнца, или же украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, или наподобіе шапки, или, наконецъ, въ видѣ обруча съ острыми зубцами, расходящимися въ видѣ радиусовъ. Византійскіе императоры приняли восточную форму короны, въ видѣ закрытой сверху діа-

¹⁾ Во французской геральдикѣ намѣты (*l'ambrequins*) получаютъ различныя навменованія. Они именуются *volets*, когда ткань изрѣзана и развѣвается по вѣтру, *capeline*, когда они имѣютъ видъ калишона, *tantale*, когда напоминаютъ небольшой плащъ, и *hachements*, когда они висятъ ключьями, въ видѣ ленты.

Ихъ называютъ также *feuillards*, *acanthes*, *panaches*, *plumages* и т. д., по ихъ сходству съ листьями, или съ перьями. Въ Наполеоновской геральдикѣ намѣты изображались исключительно мотающею ткантурѣ, т. е. золотыми, или серебряными, что совершенно не геральдично.

демы. Подобные же типы коронъ, имѣвшихъ видъ обруча, или же закрытой шапки съ навершьемъ, встречаются и въ западной Европѣ въ Средніе вѣка, напр. у Меровинговъ. Карлъ Великій носилъ закрытую корону, наподобіе митры, съ державнымъ яблокомъ и крестомъ наверху. Впослѣдствіи Капетинги во Франціи стали носить открытую корону изъ золота, въ видѣ обруча съ драгоцѣнными камнями, которая со времени Филиппа Валуа получила украшенія въ видѣ лілій.

По примѣру государей западной Европы, и представители герцогскихъ, ин旣жескихъ и др. титулованныхъ фамилій въ феодальную эпоху стали носить въ торжественныхъ случаяхъ головныя умрашенія въ видѣ коронъ, о чёмъ мы уже упоминали выше (стр. 51). Въ древней геральдикѣ, однако, мы вовсе не встречаемъ примѣненія подобныхъ отличительныхъ знаковъ сана или достоинства, и таковыя появляются лишь въ новѣйшее время подъ вліяніемъ усилившагося вкуса дополнять гербы всевозможными умрашеніями. Близайшую цѣлью этого нововведенія, появившагося не ранѣе XVII вѣка, было дать геральдическое выраженіе различнымъ степенямъ дворянства, а также другимъ почетнымъ званіямъ и отличіямъ, въ ихъ гербахъ. Это достигалось чрезъ помѣщеніе на гербовомъ щитѣ, вместо шлема, короны или другаго головнаго убора; или же чрезъ изображеніе особыхъ знаковъ отличія, принадлежащихъ известному достоинству, или званію, возлѣ щита, (позади, или вокругъ него). Отсюда получили примѣненіе въ геральдикѣ въ первомъ случаѣ: 1) короны достоинства или степеней и 2) шляпы и др. головные уборы; а во второмъ: 3) жезлы и т. под. эмблемы, поимѣнныя обыкновенно позади щита и 4) орденскіе знаки отличія.

Такъ наз. короны достоинства (*Rangkronen, couronnes des degr es de noblesse*), помѣщаемыя на головномъ щитѣ, вместо шлема, различаются между собою формою и умрашеніями, соотвѣтственно той, или другой степени знатности. Коронъ этихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутыми нами выше шлемовыми коронами (*Helmkronen*), служащими соединеніемъ между шлемомъ и клейнодомъ, а также и съ тѣи небольшими коронками, которыхъ

составляютъ лишь геральдическое украшение гербовыхъ фибуры щита и клейнода, (напр. человѣческихъ фибуры и животныхъ). Оба эти послѣдніе вида коронъ не имѣютъ въ гербахъ значенія дѣйствительныхъ головныхъ уборовъ, въ противоположность боронамъ достоинства.

Являясь эмблемою верховной власти, короны, строго говоря, приличествуютъ только лицамъ владѣтельныхъ и княжескихъ родовъ, или ихъ потомкамъ; однако въ настоящее время установился обычай помѣщать короны, взамѣнъ шлема, на всѣхъ вообще дворянскихъ гербахъ. Въ нашихъ русскихъ гербахъ корона нети-тулованного дворянства обыкновенно вѣнчаетъ шлемъ, но прежде утверждались дворянскіе гербы и безъ короны, или же корона помѣщалась свободно висящею надъ шлемомъ, что впрочемъ совершенно не геральдично. Въ нашихъ графскихъ и баронскихъ гербахъ корона помѣщается на щитѣ; бромъ того, если имѣется нѣсколько шлемовъ, то средній также вѣнчается такою же короною. Остальные шлемы покрываются дворянскою и баронскою коронами, если владѣлецъ герба имѣлъ раныне и этотъ титулъ. Княжеская шапка у насъ обыкновено помѣщается надъ мантіей, но можетъ также вѣнчать щитъ, или шлемъ. Но всѣ эти особенности нашихъ гербовъ не соотвѣтствуютъ основному правилу западно-европейской геральдики, по которому на щитѣ слѣдуетъ помѣщать, или шлемъ съ его клейнодомъ, или же *одну только корону достоинства*, помѣщаемую всегда на верхнемъ краю гербового щита.

Въ геральдикѣ между коронами достоинства выдѣляются въ особый разрядъ такія, которыя дѣйствительно носились, или носятся и въ настоящее время коронованными особами, а именно императорскія, королевскія и пр. (*couronnes de souveraineté*). Остановимся здѣсь на описаніи главнѣйшихъ изъ нихъ.

Императорская Россійская корона состоять изъ золотаго вѣнца (обруча), на которомъ возвышается раздвоенная сверху шарообразная шапка, также изъ золота, осыпанная брилліантами, между которыми много (58) весьма крупныхъ, и окаймленная по раздвоенію двумя рядами крупныхъ жемчужинъ. На раздвоеніи короны проходитъ спереди назадъ широкая, опи-

рающаяся на вѣнецъ дуга; на ней, вмѣсто яблока, вверху большаго размѣра рубинъ, окруженный крупными брилліантами, а надъ послѣднимъ — брилліантовый же крестъ. Подъ этою дугою на вѣнцѣ помѣщены соединенные пальмовая и лавровая вѣтви, листья которыхъ распространяются по бокамъ короны и также осыпаны брилліантами. Корона подбита краснымъ бархатомъ. Она была изготовлена по заказу императрицы Екатерины II ювелиромъ Позье, а вслѣдствіи увеличена для императора Павла I, и съ тѣхъ поръ служитъ при всѣхъ священныхъ коронованіяхъ.

Императорская корона, хотя и нѣсколько отличающагося отъ подлинника типа, изображается у насъ въ гербахъ губерній; изъ за краевъ ея выступаютъ андреевскія ленты. Въ государственномъ гербѣ она увѣничивается сѣнь.

Кромѣ Императорской короны, которую увѣничивается Россійской государственный гербъ, въ этомъ послѣднемъ являются еще особаго вида короны на слѣдующихъ 9-ти гербовыхъ щитахъ отдельныхъ частей Имперіи, помѣщаемыхъ вокругъ государственного герба:

1) *Шапка Мономахова* — по преданію, прислана была въ 988 г. византійскими императорами Василіемъ и Константиномъ великому князю Владиміру. Она состоитъ изъ 8-ми золотыхъ, отдѣланныхъ сканью, (т.-е. филиграномъ) пластинокъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и увѣнчана прорѣзнымъ яблокомъ и крестомъ съ жемчужинами на 4-хъ концахъ; нижняя часть ея опушена соболемъ. Она изображается надъ щитомъ, заключающимъ соединенные гербы великихъ княжествъ: *Кievskoю*, *Vladimirovskogo* и *Nosgorodskago*.

2) *Казанская шапка* — сдѣлана была въ Москвѣ, по указу царя Иоанна IV Грознаго, для послѣдняго казанскаго хана Эдигера, привившаго св. врещеніе подъ именемъ Симеона. Она украшена прорѣзными золотыми съ чернью пластинками и такъ наз. „городками“, съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и увѣничивается гербовый щитъ *Казанского* царства.

3) *Астраханская корона* символизируется богатою по своей отдѣлкѣ, изъ финифти и драгоцѣнныхъ камней, золотою шапкою первого наряда царя Михаила Федоровича, отовы изгеною въ

Москвѣ въ 1627 г.; она помѣщается на гербѣ царства *Астраханскаго*.

4) *Корона царства Сибирскаго* — символизируется алтабасною (парчевою) шапкою (третьяго наряда) царя *Иоанна Алексеевича*, упрашенною нашитымъ на ней драгоцѣнными запонами — на гербѣ царства *Сибирскаго*.

5) *Корона царства Таврическаго* — символизируется шапкою Мономаховою, втораго наряда, изготовленною по образцу древней, (но безъ сканной отдылки дощечекъ), для царя *Петра Алексеевича* — на гербѣ царства *Таврическаго*.

6) *Корона царства Польскаго* — символизируется короною императрицы *Анны Иоанновны*, напоминающей своею формою большую государственную корону, съ большимъ рубиномъ (маломъ) и алмазнымъ крестомъ наверху — на гербѣ царства *Польскаго*.

7) *Грузинская* ворона — золотая съ драгоцѣнными каменьями, состоять изъ 8 дужекъ, сходящихся подъ яблокомъ съ крестомъ; со времени императора Павла I представляетъ корону царства *Грузинскаго* и помѣщается на гербѣ его.

8) Корона *великаго княжества Финляндскаго*, въ дѣйствительности не существующая, но изображаемая по Высочайшеиу повелѣнію на гербахъ *финляндскихъ губерній*, (съ двуглавымъ орломъ на обручѣ).

9) Корона (геральдическая) на родовомъ гербѣ царствующаго *Дома Романовыхъ*.

Первые семь коронъ, принадлежащія къ Императорскимъ регалиямъ, сохраняются въ коронномъ залѣ Московской Оружейной Палаты.

Переходимъ бѣ описанію тѣхъ иностранныхъ коронъ, которые представляютъ особенный исторический интересъ.

Германская императорская корона въ древней геральдикѣ изображалась въ видѣ такъ наз. *листовидной короны* (*Blätterkrone*), съ одною, или нѣсколькими высокими дужками (*Bügeln*), которая рисовалась довольно различно. Заслуживаетъ вниманія, что подлинная корона Германскихъ императоровъ вовсе не встрѣчается въ древней геральдикѣ и ее вездѣ заимѣаетъ въ гербахъ упомянутая листовидная, а въ позднѣйшее время — такъ наз. *ро-*

довая корона (*Hauskrone*); въ настоящее время эта послѣдняя есть *Австрійская* императорская корона, представленная на ф. 97. Подлинная же корона Римско-германской имперіи имѣть совершенно своеобразное очертаніе: она состоить изъ 8-ми закругленныхъ сверху щитовъ, украшенныхъ изображеніями изъ эмали; сверху ея проходить дуга съ жемчугомъ, увѣнчанная крестомъ. Она приписывается Карлу Великому, но, по всему вѣроятію, происходить изъ Сициліи, и можно предполагать въ ней греческую работу XI-го вѣка; дуга на ней является позднѣйшою придумкою императора Конрада IV-го въ XIII вѣкѣ. Корона эта сохраниается въ Вѣнѣской императорской сокровищницѣ (*Schatzkammer*) вмѣстѣ съ другими регаліями священій Римско-германской имперіи.

Современная корона объединенной Германской имперіи, которую носятъ государи изъ дома Гогенцоллерновъ, изображена на ф. 98; она въ общихъ чертахъ напоминаетъ вышеупомянутую древнюю корону Римско-германской имперіи, хотя отличается отъ послѣдней въ подробностяхъ. На ф. 99 представлена корона Германской императрицы.

Относительно королевскихъ коронъ слѣдуетъ сказать, что до XV-го столѣтія они имѣли преобладающую форму въ видѣ головного обруча, украшенного драгоцѣнными камнями, по верхнему краю второго имѣлись небольшие зубцы въ видѣ листьевъ, лилій, или жемчужинъ. Бромъ того, они имѣли часто пурпуровый подбой, или вѣрно шапку, охваченную головнымъ обручемъ. Уже позднѣе они были дополнены нѣсколькими скрещивающимися дужками, на пересѣченіи которыхъ находится увѣнчивающее корону яблоко съ крестомъ. Подобные короны носятъ название *закрытыхъ* или *дуюобразныхъ* (*geschlossene od. Spanngenkronen*).

Между таковыми выдѣляются своею оригинальною формою, отличающеюся отъ обыкновенной, королевскія короны *Англіи* (ф. 100), *Венгрии* (ф. 101), *Богеміи* (Чешская) ф. 102 и, наконецъ, совершенно своеобразная таъ ваз. *желѣзная Ломбардская* корона. Обычно же формою королевской короны, которую пользуются также въ Германіи великие герцоги, а иногда и князья,

является корона съ 7-ю и 8-ю дужками, (изъ которыхъ 5 видимыхъ), представленная на ф. 103.

Великобританская (англійская) корона имѣеть 4 дужки набресть, и на каждой изъ нихъ, при соединеніи съ обручемъ, уширенный крестъ, а въ промежуткахъ между крестами, по обручу— лиліи.

Венгерская корона св. Стефана, одна изъ древнѣйшихъ, относится къ X или XI вѣку и представляетъ діадему, убраненную по обручу нешифованными драгоцѣнными камнями, которые чередуются съ древними финифтными изображеніями (XI вѣка). Надъ обручемъ возвышаются съ передней стороны короны 9 чередующихся полукруглыхъ и заостренныхъ щитковъ съ финифтью и двѣ плоскихъ, изукрашенныхъ ею же, дужки (X вѣка).

Чешская — таѣ наз. корона св. Вячеслава, отличается своими четырьмя весьма крупными лиліями, помѣщеными на обручѣ; ее вѣнчаетъ крестъ, укрепленный на дужкахъ. Корона эта относится къ XIV вѣку.

Тосканская (великогерцогская Флорентійская) корона состоитъ изъ остроконечныхъ зубцовъ, имѣющихъ на концахъ (черезъ одинъ) лиліи, Спереди и сзади короны находится по большой раскрытой (флорентійской) лиліи; она не имѣеть дужекъ и, следовательно, есть открытая корона.

Ломбардская или таѣ наз. жезльзная корона представляетъ увѣшенный эмалью и драгоцѣнными камнями обручъ изъ тонкаго золота, безъ зубцовъ: внутри его вѣланъ другой, же лѣзный обручъ, по преданію сдѣланный изъ гвоздя отъ животворящаго креста Господня. Первоначально эта корона, относящаяся къ VIII вѣку, не была предназначена для надѣванія на голову, но впослѣдствіи ее стали носить ломбардскіе короли. Корона эта хранится издавна въ соборѣ города Монцы, въ сѣверной Италии. Въ Средніе вѣка ею короновались императоры германскіе съ принятиемъ титула королей Италии; также поступали и австрійскіе императоры и Наполеонъ I, короновавшійся же золотою короною въ Миланѣ.

Во Франціи короны королей нѣсколько разъ измѣняли свою форму. Королевская корона, состоявшая изъ обруча съ зубцами,

въ видѣ лилий, была открытою до Карла VIII, который измѣнилъ ее въ закрытую. Эта послѣдняя форма установлена впрочемъ только при Генрихѣ II: она имѣла тогда 8 дужекъ, по числу лилий на обручѣ, и увѣничивалась большою двойною лиліею. На коронѣ *дофина* (наследнаго принца) четыре дужки образованы были изъ фигуръ дельфинокъ, соединенныхъ хвостами въ одно навершье; у прочихъ принцевъ Франціи короны не имѣли вовсе дужекъ.

Наполеоновская императорская корона имѣла на обручѣ одноглавыхъ орловъ, крылья которыхъ подняты къ верху, между дужками ея, и увѣничивалась яблокомъ съ крестомъ.

Такъ наз. короны достоинства (*Rangkronen*), примѣняемые въ современной геральдикѣ для различія титулованнаго и простаго дворянства, не принадлежать, конечно, къ дѣйствительно существующимъ, а лишь къ геральдическимъ. Онѣ состоять изъ обручей, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, (обыкновенно на пихъ чередуются рубины и изумруды въ круглой и квадратной оправѣ), съ листовидными и жемчужными зубцами. Въ различныхъ государствахъ Европы формы ихъ не одинаковы и не существуетъ одной, общей для всѣхъ странъ. Въ Германіи въ новѣйшее время принята слѣдующая:

1) *Графы* имѣютъ корону съ 9-ю шариками, или крупными жемчужинами (видимыми) ф. 105. Подобная же графская корона примѣняется также и во французской и русской геральдикѣ.

2) *Фрейтерры* (потомств. бароны)—корону съ 7-ю жемчужинами (ф. 104). Во французской и слѣдующей ей въ этомъ русской геральдикѣ *баронская корона* состоитъ изъ золотаго обруча, обвитаго 6 разъ жемчужиною нитью; (рѣже употребляется корона съ 7-ю жемчужинами, какъ у немцевъ).

3) *Рыцари и дворяне*—имѣютъ 5 (видимыхъ) жемчужинъ, или 3 листовидныхъ зубца, а между ними 2 зубца съ жемчужинами (ф. 106). Такимъ образомъ дворянская корона изображается и у насъ.

Во французской геральдикѣ существуютъ еще специальные короны для *маркизовъ, виконтовъ и видамовъ*, (бывшихъ вассаловъ духовныхъ феодаловъ). Корона *маркиза* имѣеть 3 листо-

видныхъ зубца, а между ними — по одному зубцу съ насаженными на немъ 3-мя жемчужинами, въ видѣ трилистника; на коронѣ *виконта* 3 большія жемчужины и, наконецъ, *видамы* имѣютъ, вмѣсто зубцовъ, три лапчатыхъ креста.

Бороны достоинства *англійскаго* дворянства имѣютъ своеобразные формы: всѣ онѣ не имѣютъ сверху дужекъ, но отличаются выступающею сверхъ обруча шапкою, съ кистью наверху, а снизу опущены горностаемъ. Онѣ действительно носятся высшимъ дворянствомъ (пѣрами) при нѣкоторыхъ особо торжественныхъ придворныхъ церемоніяхъ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ другимъ головнымъ уборамъ, примѣняемымъ въ западно-европейской геральдикѣ, *шапкамъ и шляпамъ* разнаго рода. Онѣ бываютъ или *сельскія*, которыми пользуются *курфирсты*, *герцоги* и *князья*²⁾, или духовныя, употребляемыя высшимъ духовенствомъ.

Герцогскія и княжескія шапки первоначально были головными уборами изъ пурпura, подбитаго горностаемъ, причемъ по склонѣ отворачивался къ верху, образуя опушку, обрѣзанную въ видѣ фестоновъ, полуокруглыхъ, или заостренныхъ, (*Stulp*). Уже позднѣе надъ этою опушкою стали прикрѣплять украшенныя жемчугомъ дужки, причемъ *шапка курфирста* имѣла таковыхъ 5 (видимыхъ) и на вершинѣ, вмѣсто первоначальнаго горностаеваго хвостика, державное яблоко (ф. 107).

Княжеская шапка имѣеть надъ опушкою изъ горностая обыкновенно 3 (видимыхъ) дужки (ф. 108). Герцоги имѣютъ ча-

¹⁾ Такъ наз. *башенныя* или *городскія короны* — новѣйшаго происхожденія. Онѣ примѣняются въ гербахъ городовъ и изображаются какъ бы сдѣланными изъ стѣнъ съ зубцами, или башнями. Въ вавилонѣ городскихъ гербахъ онѣ введены съ 1857 г. и бываютъ золотыми въ гербахъ губернскихъ городовъ и серебряными — уѣздныхъ, (червлеными — посадовъ). Онѣ имѣютъ *три* видимыхъ зубца; въ западно-европейской геральдикѣ послѣднихъ бываетъ 4 и 5, причемъ зубцы изображаются иногда въ видѣ небольшихъ башенокъ. Гербы крѣпостей и градоначальствъ у насъ имѣютъ особаго рода корову, увѣнчанную государственнымъ орломъ.

²⁾ Впрочемъ, герцоги и князья въ Германіи и Австріи часто также пользуются коронами.

сто, вмѣсто горностаевой опушки, коронный обручъ съ 5-ю видимыми листовидными уврашеніями и столькими же дужками.

Австрійская ерцгерцогская шапка, съ вырѣзанною въ видѣ заостренныхъ фестоновъ горностаевою опушкою, имѣть только одну дужку, проходящую спереди назадъ. Она сохраняется близъ Вѣны, въ монастырѣ *Klosterneuburg*.

Шапка Венеціанскаго дожа (ф. 109) имѣла форму фригійскаго колпака изъ золотой парчи, выходящаго изъ золотаго короткаго обруча и обвитаго одною, украшенною жемчугомъ, перевязью.

Въ нашихъ русскихъ гербахъ еще встрѣчаются:

Горлатнала шапка, которую носили въ старину *бояре*; она дѣлалась изъ мыха, обыкновенно соболяго, или куньяго (изъ *горла*, или душекъ) и отличалась своею вышиною; верхъ ея былъ бархатный, или парчевый.

Лейб-компанская шапка—помѣщается въ гербахъ лейбъ-компанцевъ и состоить изъ мягкой треугольной войлочной шляпы, отороченной галуномъ. На передней сторонѣ ея помѣщенъ двуглавый орелъ.

Чалма—употребляется въ гербахъ лицъ, происходящихъ отъ мусульманскихъ владѣтельныхъ князей.

Кирасирская каска—встрѣчается въ одномъ лишь гербѣ фамилии *Кирьевыхъ*, где она вѣнчаетъ шлемъ.

Главныя геральдическія формы духовныхъ головныхъ уборовъ въ западной Европѣ слѣдующія:

1. *Папская тіара*—высокая бѣлая, въ средней своей части вѣсколько болѣе выпуклая шапка или митра, съ тремя коронами, (съ начала XIV вѣка), а именно одною—внизу, другою—въ срединѣ и третьею—ближе къ вершинѣ, которуюувѣничивается державное яблоко со крестомъ; двѣ ленты свѣшиваются по обѣимъ ея сторонамъ (ф. 110). Тіара панъ называется иногда *Regnum*.

Епископская шапка (*Bischofsmütze*, *Inful*, *Mitra*), но-симая архіепископами, епископами и иѣкоторыми старѣйшими аббатами католической церкви, (также и епископами англиканской), какъ знакъ ихъ сана, представляеть митру въ видѣ лады

(*schiffartig*), образующей къ верху два острыхъ конца. Въ старину она имѣла болѣе треугольную форму и была ниже; позднѣе стала выше и въ срединѣ нѣсколько шире. Обыкновенно она окаймляется и богато убрана по бокамъ жемчугомъ и драгоценными камнями; имѣть также двѣ свѣшивающіяся внизъ ленты (ф. 111).

Шляпы духовныхъ лицъ католической церкви имѣютъ низкую форму съ плоскимъ полемъ; по обѣ стороны ихъ продѣты шнурь, которые переплетаются въ видѣ петлей и увѣшаны вистями (*fioschi*); эти послѣднія расположены въ симметричныхъ рядахъ по обѣ стороны щита. Цвѣтъ шляпы и число вистей обозначаютъ достоинство духовнаго лица. Приведемъ здѣсь лишь важнѣйшія изъ таکовыхъ:

1. *Кардиналъ* имѣеть красную шляпу съ такого же цвѣта 15-ю вистями по каждую сторону герба, расположеннымъ въ 5 рядовъ, какъ показано на ф. 112.

2. *Патріархъ* (католическій) — зелѣнную шляпу съ 15-ю такими же *fioschi*, какъ и кардиналъ, но только зелѣнными же.

3. *Архиепископъ* (*Erzbischof, archevêque*) — также зеленую шляпу и висти, но послѣднихъ по 10 съ каждой стороны.

4. *Епископъ* (*Bischof, évêque*), — также зеленую шляпу съ вистями, по 6-ти на каждой сторонѣ.

5. *Папскіе протонотары* имѣютъ лиловую шляпу съ 3-мя красными вистями на каждой формѣ.

Эти шляпы духовныхъ сановниковъ обыкновенно помѣщаются выше герба, на которомъ помѣщены виеннская шапка, графская или другая какая-либо корона, причемъ шляпы эти изображаются надъ єтими послѣдними. Впрочемъ шляпы єти и въ дѣйствительности носятся въ торжественныхъ случаяхъ духовными лицами, причемъ онѣ свѣшиваются за спину на обоихъ шнурахъ, которые привѣплены спереди, на груди.

Броиѣ коронъ и различныхъ головныхъ уборовъ, существующіи, какъ мы уже сказали, еще другіе отличительные знаки сана или разныхъ почетныхъ званій, какъ напр. жезлы, мечи,

ключи и т. под. Знаки эти помыщаются обыкновенно позади щита, располагая ихъ такъ, что они всегда выступаютъ своими видимыми концами сверху и снизу его. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. Два *ключа*, положенныхъ другъ на друга накресть: одинъ золотой — *вложущій* и другой серебряный — *разрывающій*. Они изображаются обыкновенно позади, а иногда сверху фамильныхъ гербовъ Римскихъ Папъ (ф. 110). Когда папскій престолъ бываетъ временно незамыщенъ, за смертью папы, то временно правящій за него кардиналъ, кромѣ того, примѣняетъ въ своемъ гербѣ такъ наз. *папскую хоругвь* (*bannière*), имѣющую форму открытаго зонтика, почему она и называется *ombrella*; ее изображаютъ стоящею за гербовымъ щитомъ.

2. *Епископскій жезлъ* или *посохъ* (*Krummstab*, *Pastorale*, *Pedum*), кончающійся сверху изукрашеннымъ крючкомъ, въ видѣ завитка. Его имѣютъ при своихъ гербахъ архиепископы, епископы и аббаты, изображая его позади щита въ стоячемъ, или наклонномъ положеніи. Въ прежнее время владѣтельные (суворенные) духовные имперскіе князья въ Германіи имѣли при гербѣ обнаженный мечъ, (знакъ отлучающей власти), перекрещивающійся съ посохомъ (ф. 111). Часто также епископскіе жезлы имѣли форму крестовъ съ однимъ, или двумя перекладинами. Пріоры имѣютъ обыкновенно за щитомъ посохъ пилигрима, а вокругъ него — чѣтки съ крупными шариками.

3. *Скипетръ*, съ изображеніемъ поднятой клянущейся руки на концѣ, (*Schurhand*, *main de justice*) имѣли въ старину французскіе короли, а позднѣе императоры, помыщая его позади щита.

4. *Маршальскіе жезлы* — цилиндрической формы, иногда богато разукрашенные. Они помыщаются еще и въ настоящее время накресть, позади щита въ гербахъ маршаловъ. Во Франціи въ прежнее время государственные сановники имѣли при своихъ гербахъ присвоенные ихъ сану знаки: такъ напр. канцлеръ и хранитель печати имперіи — два скипетра съ коронами на концахъ, оберъ-камергеръ — два ключа, маршалъ — два усѣянные лилиями жезла, генераль-адмиралъ — два якоря и т. д. Въ Германіи

фурфирсты также имѣли свои отличительные знаки достоинства, соотвѣтствовавшіе ихъ обязанности при императорскихъ коронованіяхъ; но эти знаки помѣщались въ самомъ щитѣ, какъ гербы должностные (*Amtswappen*), о которыхъ мы уже говорили раньше (см. стр. 105).

Наконецъ, еще одинъ родъ отличительныхъ знаковъ, украшающихъ въ современной геральдикѣ гербовый щитъ, составляютъ *орденскіе знаки отличія*. Между ними слѣдуетъ различать во первыхъ, древніе орденскіе знаки, учреждавшіеся съ особою практическою цѣлью, каковы напр. рыцарскіе ордена, (Темпльеры, Іоанниты или Мальтийцы и Тевтонскій орденъ, о которыхъ уже было нами говорено, см. стр. 62 и слѣд.), и во вторыхъ другіе ордена, основывавшіеся государами разныхъ странъ для награжденія заслугъ отдельныхъ выдающихся лицъ. Этихъ послѣднихъ орденовъ въ Европѣ съ 1500 года было учреждено болѣе ста.

Само собою разумѣется, что только лицо, награжденное орденомъ, или принятое въ составъ орденскаго братства, имѣть право украшать свой гербъ соотвѣтствующимъ отличительнымъ знакомъ. Учредители орденовъ и ихъ владѣтельныя потомки, жалующіе таковые, носить ихъ наслѣдственно; послѣднее право жаловалось иногда въ западной Европѣ государями, какъ особое преимущество, также и нѣкоторымъ знатнымъ фамиліямъ, а иногда за особые выдающіяся заслуги. Такъ напр. пожалованъ былъ знаменитому Суворову Сардинскимъ королемъ орденъ *Аннуциаты*, какъ наслѣдственный, за его боевые подвиги въ Италии.

Относительно того, гдѣ должны быть помѣщаемы орденскіе знаки при гербахъ, не существуетъ какого-либо опредѣленного, точно установленного правила, и это обыкновенно предоставляетъ желанію владѣльца герба. Впрочемъ, болѣе обычные способы суть слѣдующіе:

Въ древнѣйшее время ихъ помѣщали *въ самомъ щитѣ*, который орденскимъ крестомъ, (Мальтийскимъ, или Тевтонскимъ), раздѣлялся на четверочастный; или же гербъ въ первомъ и четвертомъ своемъ полѣ имѣлъ таковой крестъ ордена, а въ остальныхъ двухъ поляхъ—родовой гербъ владѣльца.

Въ XV вѣкѣ мы часто встрѣчаемъ орденскій знакъ *возль ёрба*, изображенный въ соединеніи со щитомъ послѣдняго, или же отдельно отъ него. Подобное изображеніе мы видимъ на ф. 113, гдѣ орденскій щитокъ какъ бы привѣшанъ къ гербовому цѣпочкою, пропущеною чрезъ отверстіе въ верхнемъ углу щита. Наконецъ, иногда *накладывали щитъ ёрба* на орденскій крестъ, изображенный самостоятельно, или же на тотъ же крестъ, изображенный въ щитѣ, такъ что четыре конца орденскаго креста виднѣлись изъ-за гербового щита; (этотъ послѣдній способъ былъ особенно обыченъ у Мальтійскихъ и Тевтонскихъ рыцарей).

Что же касается *орденовъ отличія*, жалуемыхъ въ награду владѣтельными особами, то таковыя чаще всего изображаются привѣшанными вокругъ щита на присвоенной имъ орденской цѣпи, (напр. орденъ св. Андрея Первозванного, Золотаго Руна и т. под.); или же ордена помѣщаются *ниже* щита, причемъ орденскія цѣпи, или ленты концами своими скрываются за нижнимъ щитовымъ краемъ, что впрочемъ мало соответствуетъ характеру древняго искусства герольдовъ.

Заверчивая нашъ обзоръ отличительныхъ украшеній, помѣщаемыхъ при гербахъ, слѣдуетъ упомянуть о существовавшихъ во Франціи отличительныхъ звакахъ у *дамскихъ гербовъ*. Въ ста-рину дѣвицы имѣли гербовый щитъ обычной женской гербамъ *ромбовидной формы* (таб. I ф. 5), окруженный розами, или зеленью. Замужвія женщины и вдовы съ XV-го вѣка стали примѣнять вокругъ своихъ гербовъ перевитые шнурки, такъ наз. *cordelières*; у первыхъ шнурки эти имѣли подвижные узлы, или петли, такъ наз. *узлы любви* (*lac d'amour*). Королева Анна Бретанская, супруга Людовика XII-го, во время своего вдовства одна изъ первыхъ женщинъ во Франціи стала примѣнять подобное украшеніе, въ честь св. Франциска Ассизскаго, а именно въ подражаніе его монашескаго пояса. Съ этихъ поръ и вообще вдовы дворянскихъ фамилій во Франціи стали примѣнять этотъ знакъ траура въ гербахъ, (причемъ шнурокъ изображался перевитымъ, чернаго и бѣлаго цвѣта).

XVIII.

Кромъ описанныхъ виѣшнихъ уврашеній щита, обозначающихъ, какъ мы видѣли, извѣстныя отличія званія, знатности, или особыхъ заслугъ владѣльца герба и связанныхъ поэтому съ извѣстными правами, существуютъ въ геральдикѣ еще и другія, менѣе существенныя. Это такъ называемые придаточные знаки роскоши (*Prachtstücke*), служащіе единственно лишь для уврашенія герба и для приданія ему большей пышности и великолѣпія.

Къ этому разряду геральдическихъ уврашеній, или придатковъ къ полному гербу относятся: 1) щитодержатели 2) гербовая мантия и сльнъ и 3) девизы.

Щитодержатели (*Schildhalter, tenants*) суть изображаемыя при нѣкоторыхъ гербахъ человѣческія, звѣринныя, или фантастическія фигуры; онѣ помѣщаются по сторонамъ гербового щита, который они какъ бы несутъ, или держатъ, стоя возлѣ, или позади его. Подобный обычай въ геральдикѣ вѣроятно произошелъ, какъ мы уже упоминали (стр. 77), отъ дѣйствительныхъ щитодержателей, которые при турнирахъ обязаны были носить за рыцаремъ шлемъ и щитъ его. Начало его восходитъ къ XIV-му вѣку, и съ этого времени щитодержатели довольно часто встрѣчаются на печатахъ и гербовыхъ изображеніяхъ.

Въ французской геральдикѣ существуетъ два различныхъ опредѣленія подобныхъ фигуръ. *Коломбіеръ* называетъ щитодержателями (*tenants*) фигуры ангеловъ, святыхъ, воиновъ, духовныхъ людей и т. под., вообще имѣющихъ человѣческій образъ; а щитоносцами (*supports*) — фигуры животныхъ, дѣйствительныхъ, или фантастическихъ. Другой французскій геральдистъ, *Палльо* опредѣляетъ ихъ иначе, называя щитодержателемъ (*tenant*) фигуру человѣческую, или звѣриную, когда она встрѣчается въ гербѣ единичною и помѣщается съ одной стороны щита, или же, чаще позади его; щитоносцами же (*supports*) онѣ называетъ двѣ подобныя же фигуры, помѣщаемыя по обѣ стороны герба.

Относительно выбора щитодержателей въ гербахъ никогда не существовало въ геральдикѣ опредѣленныхъ правилъ. Случалось даже, что въ гербѣ одной и той же фамиліи щитодержатели

измѣнялись. Такъ напр. въ XVII вѣкѣ въ гербѣ французскаго адмирала *de Graville* щитодержателями изображались, то два льва, или два грифона, то два орла, или два ангела. Иногда оба щитодержателя бывають одинаковы, какъ напр. въ древнемъ королевскомъ гербѣ Франціи со временемъ Генриха II изображались два ангела, поддерживавшихъ щитъ; иногда же они бывають и различны, какъ напр. въ гербѣ Великобританіи, гдѣ справа герба изображается коронованный золотой левъ съ синими вооруженіями (*armé et lampassé d'azur*), а слѣва—серебряный единорогъ съ золотою короною и длинною золотою же цѣпью на шеѣ.

Въ нашемъ русскомъ государственномъ гербѣ щитъ поддерживается двумя архангелами: архистратигомъ Михаиломъ и Гаврииломъ.

Особенно часто въ государственныхъ гербахъ, въ видѣ щитоносцевъ, встрѣчаются львы, (напр. въ гербахъ Баваріи, Гессена, Саксоніи, Нидерландовъ, Швеціи, Норвегіи, Болгаріи, Румыніи и др.). Въ гербѣ Виртемберга—черный левъ и золотой олень: Мекленбурга—черный быкъ и золотой грифъ, Ангальта—два черныхъ медвѣдя и т. под.

Въ гербахъ частныхъ лицъ щитодержатели иногда повторяютъ собою фигуры, находящіяся въ самомъ гербѣ, или же имѣютъ какое-либо отношеніе къ фамиліи даннаго лица ¹⁾, напр. указываютъ на происхожденіе ея, или же на званіе, службу или особыя заслуги лица, которому пожалованъ былъ гербъ. Въ древней геральдикѣ наиболѣе распространенными щитодержателями являются слѣдующіе: *ангелы*—стоащіе, колѣнопреклоненные, или летящіе, (въ особенности часто встрѣчаются въ X^{VI} вѣкѣ); *человѣческія фигуры* во всевозможныхъ одѣяніяхъ, какъ-то рыцари, оруженосцы, мавры, женщины, (иногда изображались жены рыцарей, владѣльцевъ герба). Особенно часто встрѣчаются такъ наз. *дикіе или лѣсные люди* (*Waldmenschen*), которые изображаются обнаженными и покрытыми волосами, съ вѣнкомъ на головѣ и поясомъ изъ листьевъ (*Laubkranz*), держащими въ свободной

¹⁾ Иногда они указываютъ на фамилію, какъ въ частныхъ гербахъ, напр. монахи въ гербѣ княжества Монако, медвѣдь (*orso*) въ гербѣ кн. Орсини въ Италии.

рукъ дубину съ уширеннымъ кондомъ (*Kesle*), какъ наприм. щитодержатели въ гербахъ королевствъ Пруссіи и Даніи.

Изъ различныхъ фигуръ *животныхъ* чаще всего изображались въ старину львы, грифы, собаки, драконы и лебеди. Птицы здѣсь являются вообще мало подходящими по свой фигурѣ, въ особенности орлы, которые, какъ щитоносцы, должны утрачивать свой геральдический типъ. Лучшіе геральдические образцы для фигуръ щитодержателей можно найти въ цѣлой серіи гравюръ съ изображеніемъ гербовъ, изданной *Мартиномъ Шонгауеромъ* и относящейся ко второй половинѣ XV столѣтія.

Положеніе щитодержателей бываетъ весьма различное, но самое обычное есть прямостоящее, причемъ они держать гербовый щитъ руками, (у животныхъ—передними лапами напр. ф. 114—гербъ *Бадена*), или же—одною рукою щитъ, а другою—шлемъ, или, наконецъ, въ другой рукѣ стягъ, мечъ, или иное оружіе. Иногда щитодержатели стоять какъ бы на стражѣ возлѣ щита, не касаясь его (ф. 115). Они обыкновенно изображаются обращенными къ щиту, иногда же смотрѣть при этомъ въ сторону, или назадъ, съ соотвѣтственно повернутую головою. Встрѣчаются также фигуры колѣнопреклоненные, прислоненные къ щиту и лежащія (ангелы), болѣе рѣдко лежащія фигуры звѣрей. При одной фигурѣ таковая часто держить щитъ обѣими руками, какъ напр. ангель на ф. 116. (Въ нашей геральдикѣ встрѣчается только одинъ случай *единичнаго* щитодержателя—въ гербѣ *графа Гаменскаго*).

Не всегда, но чаще всего щитодержатели находятся въ соотвѣтствіи съ гербовыми фигурами, причемъ иногда получаютъ тинктуры послѣднихъ, или же украшаются самою гербовою фигурою, какъ напр. ангелы французскаго королевскаго герба, съ золотыми лиліями на голубыхъ одѣяніяхъ. Иногда также головы ихъ бываютъ покрыты гербовыми шлемами, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, вслѣдствіе ихъ многочисленности, не умѣщаются на верхнемъ краю щита.

При щитодержателяхъ всегда изображается почва (*Boden*), на которой они стоять; этой послѣдней нерѣдко даются щитовые цвета, въ видѣ паркета, карниза, или панели (*Tafelwerk*), или

же она изображается съ растительностью. Исключение составляютъ лишь летящія фигуры, изображаемыя парящими въ воздухѣ, безъ почвъ.

Въ большинствѣ случаевъ примѣненіе щитодержателей въ гербахъ является совершенно независимымъ отъ достоинства, или званія владѣльца герба¹⁾. Въ Германии оно предоставлено даже свободному желанію и выбору каждого. Это совершенно соглашается съ древнимъ обычаемъ, хотя и оспаривается нѣкоторыми современными изобрѣтателями канцелярской геральдики.

Въ настоящее время у насъ, въ Россіи имѣютъ право помѣщать въ гербахъ своихъ щитодержателей только лица, принадлежащія къ дворянскимъ фамиліямъ, внесеннымъ въ IV, V и VI части родословной книги.

Гербовая мантія (*Wappenmantel, manteau*) есть изобрѣтеніе новѣйшей геральдики, хотя нѣкоторые геральдисты и приписываютъ ей болѣе древнее происхожденіе, будто она произошла отъ обычая, существовавшего при турнирахъ, вывѣшивать рыцарскіе щиты на дорогихъ коврахъ, или другихъ драпировкахъ.

Мантія помѣщается позади всего герба, въ видѣ широкой занавѣси, или драпировки, образуя вокругъ него какъ бы шатерь; она служить лишь украшеніемъ герба, не имѣя съ нимъ прямой связи. По правилу, мантія изображается съ верхней стороны подхваченою, на серединѣ и по угламъ, причемъ послѣдніе завязаны ниспадающими шнурами и образуютъ какъ бы помпоны (ф. 117). Приподнятая середина мантіи всегда бываетъ увѣнчана короной достоинства, а по бокамъ ниспадаетъ тяжелыми складками. Когда мантія образуетъ надъ гербомъ особаго рода закругленную вершину, вродѣ балдахина, а по бокамъ — куртины, то получаетъ название *гербового шатра*, или *слъни* (*Wappenzelt, pavillon, tente*). Въ нѣкоторыхъ гербахъ XVI и XVII столѣтій

1) Исключение составляетъ лишь Англія, гдѣ различныя морскія животныя, матросы и другія человѣческія фигуры въ должностныхъ одеждахъ обозначаютъ рангъ и достоинство владѣльца герба.

встрѣчаются намѣты, нѣсколько расширенные и приподнятые на углахъ, которые представляютъ переходную форму къ мантіи.

Гербовыя мантіи съ наружной стороны обыкновенно изображаются пурпуровыми, червлеными, или синими, подбивку же имѣютъ изъ горностаеваго мыха. Наружная сторона ихъ нерѣдко бываетъ усѣяна гербовыми эмблемами: напр. двуглавыми орлами (Росс. Имперіи), или одноглавыми (корол. Пруссіи), лиліями (корол. Франціи), пчелами (Франц. имперія) и т. д. По краямъ онъ обшиты баクロю, а на концахъ шнуромъ висятъ золотыя кисти.

Гербовыя мантіи и шатры появились въ геральдикѣ въ XVII вѣкѣ; изобрѣтатель ихъ былъ французы *Филипп Морд*. Французскіе короли начали примѣнять ихъ лишь съ 1680 года. Прототипомъ гербового шатра, или сѣни могли послужить средневѣковые троны французскихъ королей, помѣщавшіеся подъ особыми балдахинами, которые украшались изображеніями лилій. Древнѣйшии типы этихъ троновъ можно встрѣтить воспроизведенными на королевскихъ печатяхъ XIV-го вѣка, Филипповъ V-го и VI го, а въ болѣе полномъ развитіи, въ видѣ шатра съ круглою вершиною, на государственныхъ печатяхъ королей Карла VIII, Людовика XII-го и Франциска I, т. е. въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Вообще сѣнь служила всегда отличительнымъ признакомъ верховной власти и примѣнялась въ государственныхъ гербахъ, хотя и не повсемѣстно. Мантія употребляется, кромѣ государей и владѣтельныхъ князей и принцевъ крови, также боярскими фамиліями высшаго дворянства, а у насъ, въ Россіи также и нѣкоторыми дворянскими фамиліями, проишедшими отъ удѣльныхъ князей и сохранившими поэтому боярскіе гербы съ атрибутами таковыхъ, (напр. въ гербахъ Всеволожскихъ, Еропкиныхъ, Ильиныхъ, Сатиныхъ и др.).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ особомъ родѣ придаточныхъ знаковъ роскоши въ гербахъ, а именно о *девизахъ* (*Wahlsprüche, devises*). Девизы въ геральдикѣ бываютъ двухъ родовъ. Это суть или фигуры, имѣющія особое значение, какъ отличительные знаки, и помѣщаемыя возлѣ герба, на вто-

ростепенномъ мѣстѣ, (въ Англіи они называются — *badges*); или же это суть *словесные девизы* (*Wortdevisen*), заключающіеся въ изреченіяхъ, или отдельныхъ словахъ. Эти послѣдніе девизы бываютъ иногда загадочными, выраженнымыи въ отдельныхъ буквахъ, иногда же ясными, приведеннымыи дословно и безъ сокращеній.

Первый родъ девизовъ довольно рѣдокъ и встрѣчается почти въ однихъ лишь англійскихъ гербахъ. Онъ заключается въ извѣстныхъ изображеніяхъ, звѣриныхъ фигурахъ, цвѣтахъ и др. растеніяхъ и т. под., помѣщаемыхъ возмѣ, или подъ щитомъ; или же на самомъ щитѣ, въ видѣ украшенія, окаймленія вамета и т. под. Таковы наприм. въ Англіи бѣлая роза дома *Лоркъ* и красная — дома *Ланкастеръ*. Послѣ паденія этихъ двухъ домовъ, смѣнившій ихъ домъ *Тюдоровъ* принялъ въ свой гербъ, въ качествѣ такого девиза, или *badge*, розу обѣихъ названныхъ цвѣтовъ¹⁾. Подобные же фигурные, или иѣные девизы встрѣчаются и въ древней французской геральдикѣ (*devises de figures*). Таковы были напр. въ старину девизы герцоговъ Бургундскихъ и Бурбонскихъ: первые имѣли подобнымъ девизомъ *оливо*, (называвшееся въ старину *fusil*), а послѣдніе — изображеніе репейника (*chardon*).

Словесные девизы, или изреченія должны быть возможно вратки и выразительны, безъ всякаго многословія, и относиться или къ самому гербу, или же вообще къ извѣстному событию, дѣянію, отечеству, религіи и т. под.

1) Эти *badges* или *cognizances* (отличит. знаки) оставляютъ своеобразную особенность англійской геральдики и состоять изъ фигуръ, которыхъ могутъ и не входить въ составъ самого герба. *Badges* изображаются надъ гербовымъ щитомъ и даже отдельно отъ него и представляютъ болѣе удобства для различныхъ геральдическихъ украшеній, чѣмъ сложныя гербовыя фигуры. Въ старину ихъ носили оруженосцы на рукавахъ, груди, или спинѣ своихъ одеждъ; они изображались также на знаменахъ и баввіерахъ. Примѣромъ подобныхъ *badge* можно еще привести: три страусовыхъ пера въ коронномъ обручѣ, съ древненѣмецкимъ девизомъ: „*Ich dien*“ — *badge* принца Валлійскаго; червлевая лѣвая рука въ серебряномъ полѣ (*badge* провинціи *Ulster* въ Ирландіи), служащей отличительнымъ знакомъ достоинства баронета. Съ начала XVIII столѣтія, при королевѣ Аннѣ, *badges* англійского королевскаго дома стали постоянными, а именно: двуцвѣтная роза Тюдоровъ — для Англіи; репейникъ — для Шотландіи и трилистникъ — для Ирландіи. Въ недавнее время прибавился еще — для Индіи, цвѣтокъ лотоса.

Ménestrier различает между словесными девизами следующие виды:

1) Девизы, относящиеся къ именамъ; подобно гласнымъ гербамъ, они заключаютъ въ себѣ фамильное имя владѣльца герба. Напр. фамилия *de Vienne* въ Бургундіи: „*A bien vienne tout*“; *de Vaudray*:— „*j'ai valu, je vaux, je vaudray*“; *de Beaujeu*— „*A tout venant beau jeu*“; изъ новѣйшихъ: графа Тотлебена— „*Treu auf Tod und Leben*“.

2) относящиеся къ гербовымъ фигурамъ. Такъ напр. фамилия *Monchenu* имѣла въ гербѣ перевязь справа и девизъ: „*la droite voye*“ (прямой путь), фамилия *de Simiane* въ Провансѣ—въ гербѣ золотое поле, усѣянное синими лилиями и башнями, и девизъ: „*Sustenant lilia turres*“. Въ гербѣ русскаго рода Копьевыхъ изображена гора, въ которую ударяетъ громовая стрѣла, и девизъ: „*не поколеблетъ*“.

3) Энigmatische, или загадочные, которые были понятны лишь самому владѣльцу герба. Они были очень распространены въ эпоху турнировъ, участники которыхъ скрывали свое имя подъ девизами, известными лишь избранной дамѣ ихъ сердца. Таковы напр. девизы: *Jean de la Trémouille*: „*Ne m'oubliez*“; *Galiot de Genouillac*: „*j'aime fort une*“, герцога *d'Arschot*: „*j'y parviendray*“ и т. д.

4) девизы, состоящіе изъ поговорокъ, или изречений съ яснымъ смысломъ. Они весьма многочислены; таковы напр.: „*Semper immota fides*“ — девизъ графовъ Воронцовыхъ; „*Жизнь Царю, честь никому*“—князей Васильчиковыхъ; „*Не слыть, а быть*“—графовъ Перовскихъ, и т. под.

Междуда таковыми можно привести также весьма известные девизы нѣкоторыхъ государствъ, напр.: „*Со мною Богъ*“—России, „*Dieu et mon droit*“—Англіи, „*Je maintiendrai*“—Нидерландовъ, „*Nihil sine Deo*“—Румыніи, „*L'union fait la force*“—Бельгіи, „*Providentiae memor*“—Саксоніи и т. д.

5) девизы исторического характера, т. е. изречения, сказанныя при какомъ-либо дѣйствительномъ событии, или случай изъ истории государства, или отдельного лица и ставшія историческими (*mots historiques*). Такъ напр. древній французскій родъ *de Beau-*

tanoir въ Бретани послѣ боеваго подвига одного изъ его рыцарскихъ представителей въ известной исторической „битви тридцати“ (*combat des Trente*) въ 1451 г. принялъ своимъ девизомъ слова, обращенные тогда къ этому рыцарю, изнемогавшему въ бою отъ ранъ, его сподвижникомъ: „испей свою кровь, *Beaumanoir*, это утолить твою жажду“. („*Bois ton sang, Beaumanoir, ta soif passera*“). — Князья Витгенштейны принали въ 1813 году девизомъ слова на мечѣ св. Всеволода-Гавриила, князя Псковскаго: „чести моей никому не отдамъ“ („*Honorarem teum nemini dabo*“).

Къ подобнаго рода девизамъ можно также отнести такъ наз. боевые кличи (*Schlachtruf, cri de guerre*), действительно примѣнявшіеся въ старину во времена сраженій. Таковъ наприм. боевой кличъ Готфрида Бульонскаго и крестоносцевъ: „*Dieu le volt*“ (такъ хочетъ Богъ); кличъ Фландріи— „*Flandres au lion*“ (Фландрцы, собирайтесь вокругъ льва), „*Monjoie st. Denis!*“ (св. Діонисій нашъ покровитель)—королей Франціи. Обыкновенно въ феодальную эпоху каждый рыцарь-баниеретъ, т. е. имѣвшій право вести войско въ бой подъ своимъ знаменемъ (*droit de lever bannière*), имѣлъ также и свой боевой кличъ. („*Le cri suit la bannière*, т. е. кличъ слѣдуетъ за знаменемъ, по выражению *Ménéstrier*). Такъ напримѣръ, герцоги Брабанта имѣли боевой кличъ: „*Louvain au puissant duc!*“; графы Тулузскіе: „*Toulouse!*“, сеньёры de Coucy: „*Place à la bannière!*“ и т. под.

5) девизы, состоящіе изъ отдѣльныхъ буквъ, т. е. заглавныхъ. Таковъ напр. нѣмецкій: *W. G. W.* — *Wie Gott will* (такъ хочетъ Богъ); или древній буквенный девизъ Австріи: *A. E. I. O. U.*, значеніе котораго таково: „*Austriae Est Imperare Orbi Universo*“, т. е. Австріи дано повелѣвать всему свѣту. (Замѣтимъ здѣсь, кстати, что въ Австріи до сего времени каждый императоръ избираетъ при вступленіи на престолъ свой девизъ. Такъ напр. императоръ Фердинандъ имѣлъ девизъ: „*Justitia regnorum fundamentum*“; императоръ Францъ Йосифъ I: „*Viribus unitis*“). Девизы въ видѣ отдѣльныхъ буквъ помѣщаются обыкновенно около шлемового клейнода; они особенно часто примѣнялись въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Въ западно-европейской геральдикѣ каждый владѣлецъ герба имѣть право добавить къ таковому девизъ по своему желанію и вкусу, помѣщая его выше, или ниже щита. всякая же регламентація девизовъ, причемъ они жалуются по особымъ дипломамъ и блазонируется даже цвѣтъ ленты, на которой ихъ помѣщаются, и самыхъ буквъ, есть новѣйшее измышеніе такъ наз. баварской геральдики.

Девизы обыкновенно помѣщаются на узкихъ ярлыкахъ (*Zettel*), или лентахъ, ниже щита, обвивающихъ его нижній край; иногда же на особомъ цоколѣ подъ щитомъ; или, наконецъ, на лентѣ, которая обвита вокругъ нашлемника, или же держится фігурою клейнода.

Когда девизы помѣщаются въ самомъ гербовомъ щите, на поясѣ, перевязи, каймѣ, или оконечности, (что особенно часто встречается въ испанскихъ гербахъ, какъ напр. на табл. VI ф. 7 въ гербѣ фам. *Garcilasso de la Vega*), то причисляются къ гербовымъ фігурамъ.

Во французской геральдикѣ, когда словесный девизъ сопровождается въ гербѣ фігурою, которую онъ поясняетъ, или просто называетъ, то слова его получаютъ наименование *души девиза* (*l'âme de la devise*), а фігура—*тѣло* его (*corps*).

Къ геральдическимъ прилаткамъ роскоши, служащимъ украшениями герба, относятся также флаги, стяги (баниеры) и знамена различной формы. Ихъ изображаютъ укрѣпленными за щитомъ, или же въ рукахъ щитодержателей. Иногда это бывали действительно взятые въ бояхъ знамена, изображеніе которыхъ помало-вано было владѣльцу герба въ воздаяніе и въ память его доблести. Но въ XVII и XVIII столѣтіяхъ этотъ обычай началъ вырождаться, и съ этихъ поръ стали помѣщать вокругъ щита, или ниже его, всевозможные, безо всякаго изящества скученные трофеи, съ пушками, ядрами, барабанами и т. под.; они имѣютъ цѣлью лишь обозначать воинское званіе владѣльца герба, но на самомъ дѣлѣ весьма обезобразиваются и совершенно подавляютъ этотъ послѣдній.

XIX.

Въ западно-европейской геральдикѣ существуютъ издавна особаго рода различительные знаки, или такъ наз. *прибавленія* (*Beizeichen, Brüche; brisures*), которые служать для различенія отдельныхъ членовъ семьи, или различныхъ вѣтвей одной и той же фамиліи, пользующихся однимъ *общимъ* гербомъ.

Въ XII и XIII столѣтіяхъ между феодалами на Западѣ отецъ и сыновья, а также и братя между собою, обыкновенно различались по названіямъ своихъ замковъ и другимъ владѣніямъ, такъ-что нельзя было по ихъ фамильнымъ прозвищамъ и гербамъ догадываться о существовавшемъ между ними родствѣ. Впослѣдствіи родные братя, или вѣтви одного общаго родословнаго корня стали различаться между собою въ гербахъ чрезъ измѣненіе финифтей герба, или же чрезъ какія-либо перемѣны въ положеніи гербовыхъ фигуръ. Но подобные способы являлись все же недостаточными для означенной цѣли при многочисленности членовъ одной фамиліи, или вѣтвей ея. Это и вызвало необходимость въ особыхъ дополнительныхъ знакахъ, или *прибавленіяхъ*, которые стали вводить въ гербы для видоизмѣненія одинакового въ главныхъ чертахъ общаго родового герба. Изобрѣтеніе подобныхъ знаковъ первоначально появилось у французовъ и вошло въ обычай во французской геральдикѣ еще до Людовика IX. Въ Германіи оно менѣе распространено, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы; въ новѣйшей польской геральдикѣ и у насъ оно вовсе не примѣняется.

Этихъ *прибавленій*, или вѣрнѣе измѣнений въ гербахъ бываетъ два рода, изъ которыхъ одни производятся *въ щитѣ*, а другія — *въ шлемѣ*, въ особенности же на шлемѣ и его украшеніяхъ. Въ щитѣ таковыя производятся, частью чрезъ при加分іе и отнятіе, частью же чрезъ перемѣны фигуръ и цвѣтовъ. Эти различительные знаки называются *прибавленіями* (*Beizeichen*), или *преломленіями* (*Brüche*) и заключаются въ слѣдующихъ способахъ измѣненія первоначального герба:

1. *Измѣненіе финифтей*, напр. если въ родовомъ гербѣ извѣстной фамиліи имѣется фигура льва, то таковой получаетъ въ

различныхъ вѣтвяхъ разные цвѣта, посредствомъ чего и различаются вѣтви фамиліи.

2. *Измѣненіе* частное, или на обратное *въ положеніи гербовой фигуры*, напр. скачущій конь, измѣненный въ гербѣ боковой линіи въ идущаго, или же фигура, изображенная съ лица (*en face*), измѣненная на обращенную въ сторону.

3. *Увеличеніе*, или *уменьшеніе* той же гербовой фигуры. Такъ напр. различные вѣтви дома Медичисовъ различались по числу кружковъ, или шаровъ (8—6) въ гербѣ.

4. *Отпаденіе*, или пропускъ извѣстной фигуры, или части ея, или *отсѣченіе* (*Stümmelung*) таковой.

5. *Добавленіе* какой-либо фигуры по свободному выбору фамиліи, какъ напр. початковъ (*Schindeln*), полумѣсяцевъ, звѣздъ, геральдическихъ украшений разнаго рода, окаймленій и т. под., или же особаго рода фигуръ, служащихъ *исключительно* такого рода отличительными знаками, или *прибавленіями*, не встрѣчаясь въ гербахъ, какъ обыкновенные фигуры.

Только эти послѣднія могутъ быть названы *прибавленіями*, или различительными знаками въ собственномъ смыслѣ; къ тому же онѣ являются и лучше остальныхъ приспособленными для своей цѣли. Всѣ же прочія имѣютъ тотъ недостатокъ, что во 1-хъ, не достаточно своеобразны, почему случается, что и другая какая-либо фамилія можетъ имѣть такой же гербъ, каковъ измѣненный; во 2-хъ, иногда трудно бываетъ узнать въ гербѣ извѣстное измѣненіе, какъ различительный знакъ, отчего происходить часто ошибки и смѣщенія; этого при различительныхъ знакахъ въ собственномъ смыслѣ можно вполнѣ избѣжать.

Особенность подобныхъ различительныхъ знаковъ заключается въ томъ, что они помѣщаются въ самомъ гербовомъ щитѣ и притомъ не таѣ, какъ обыкновенная щитовая фигура, но бываютъ наложены на щитъ вмѣстѣ съ его фигурую, покрывая, или пересѣкая ихъ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. *Турнирный воротничок* (*Turnierkragen*, *lampeau*; *le lambel*), называемый также ошибочно въ иѣмецкой геральдикѣ граблями (*Rechen*), или мосткомъ (*Steg*), имѣеть видъ пояса съ обращенными внизъ, широко разставленными зубцами—ф. 86, 87.

Зубцы эти называются *лапами* (*Lätz*, *pendants*); по правилу, ихъ бываетъ три, рѣже—пять. Турнирный воротникъ, проходящій чрезъ весь щитъ и его гербовую фигуру, или нависающій надъ этою послѣднею, обыкновенно помѣщается въ головной части щита, иногда касаясь при этомъ верхняго края послѣдняго, напр. ф. 87, въ гербѣ Орлеанскаго дома. Цвѣтъ турнирнаго воротника отличается отъ цвѣта щита, однабо, какъ и всѣ различительные знаки, не подчиненъ опредѣленному правилу; поэтому встрѣчаются въ гербахъ и цвѣтные турнирные воротники на цвѣтныхъ же поляхъ¹⁾). Этотъ различительный знакъ во Франціи обыкновенно употреблялся младшими сыновьями, для отличія ихъ герба отъ гербовъ отца и старшаго брата, и отпадалъ, когда младшій сынъ наследовалъ. Въ Англіи, напротивъ, старшій сынъ пользуется турнирнымъ воротникомъ, таѣ напр. принцъ Валлійскій имѣть таковой серебряный въ королевскомъ гербѣ Англіи. Во Франціи Орлеанскій домъ имѣть серебряный же турнирный воротникъ въ голубомъ полѣ, съ 3-мя золотыми ліліями, какъ младшая вѣтвь Бурбоновъ. Младшій домъ Анжу во Франціи принялъ красный турнирный воротникъ въ голубомъ полѣ, усыпаннымъ золотыми ліліями. Этотъ же различительный знакъ былъ принятъ многими итальянскими фамиліями, какъ знакъ пожалованія, или воспоминанія.

2. *Нить* (*Faden*, *traverse*) есть узкая, проходящая чрезъ весь щитъ перевязь. При этомъ такая перевязь, или нить *справа*, (т. е. проведенная отъ праваго верхняго угла къ лѣвому нижнему), обозначаетъ младшую вѣтвь фамиліи (ф. 88); напротивъ, нить *слѣва* обозначаетъ незаконное рожденіе, побочнаго сына, или побочную вѣтвь (*branche batarde*) ф. 89. Эта различительная фигура нити часто изображалась также *укороченною*, таѣ что лишь малый отсѣкъ ея появлялся въ срединѣ щита. Въ этомъ случаѣ таковой получаетъ название *обломка* (*Einbruch*, *bâton pérî*). Онъ также встрѣчается въ двухъ направленіяхъ и имѣть при этомъ тѣ же значенія, что и нить — ф. 90. Мѣсто таѣго

¹⁾ Иногда, впрочемъ, во франц. геральдикѣ турнирный воротникъ употребляется, какъ *геральдическая фигура*, и въ этомъ случаѣ подчиняется общему правилу о цвѣтахъ.

обломка всегда въ серединѣ щита. Въ древнѣйшее время онъ изображался длиннѣе, а позднѣе становился короче. Во Франціи дофинъ, старшій сынъ короля, имѣлъ въ гербѣ нить справа, составленную изъ серебряныхъ и червленыхъ частей и обложенную фігурою синяго дельфина; слѣдующіе же по порядку рожденія королевскіе принцы имѣли часть нити, безъ этой фигуры.

Различительные знаки всегда помѣщаются въ щитѣ и не повторяются въ нашлемникѣ. Особенно употребительны различительные знаки во Франціи, и Англіи; они встрѣчаются также на Нижнемъ Рейнѣ, но рѣдко въ остальной Германіи. Въ первыхъ двухъ странахъ они были систематически выработаны и установлены, что имѣло основаніе въ строго проведенной маіоратной системѣ этихъ государствъ. Каймы (*Borde*) часто встречаются, какъ различительные знаки, въ испанской геральдикѣ.

Въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ употребительны для различенія въ гербахъ сыновей въ одной фамиліи установленны въ этомъ специальному значеніи гербовыя фігурь, а именно: старшій сынъ имѣть турнирный воротникъ (*label*), второй—полумѣсяцъ (*crescent*); третій—пятиконечную звѣзду, или колесцо оть шпоры (*mullet*); четвертый—обрубленную птицу (*martlet*); пятый—кольцо (*annulet*); шестой—лилію (*fleur de lys*); седьмой—пятилистную розу (*rose*); восьмой—якорный крестъ—(*cross moline*); девятый—двойной четырехълистникъ (*double quatrefoil*). Сыновья слѣдующаго поколѣнія въ такой же послѣдовательности облагаются своими различительными знаками различительный знакъ отца, такъ напр. старшій сынъ втораго по рожденію имѣть турнирный воротникъ (свой), наложенный на полумѣсяцъ (отца); третій сынъ пятаго—звѣзду сверхъ кольца, второй сынъ четвертаго—полумѣсяцъ сверхъ птицы и т. д. Эта система различительныхъ знаковъ и въ настоящее время примѣняется въ Англіи.

Въ Германіи для подобнаго различенія членовъ семьи и вѣтвей фамилій ограничиваются лишь измѣненіемъ нашлемника, не измѣняя щита; или же измѣненіемъ тинктуръ гербовыхъ фігуръ. Встрѣчаются иногда и совершенно произвольныя фігуры въ качествѣ различительныхъ знаковъ. Но тѣмъ не менѣе са-

мыми употребительными и предпочтительными по своей понятности слѣдуетъ признать упомянутые различительные знаки въ собственномъ смыслѣ, (т. е. турнирный воротникъ, нить и обломокъ).

XX.

Заканчивая наше изложеніе теоретической геральдики, намъ остается еще остановиться на главнѣйшихъ правилахъ, существующихъ для соединенія гербовъ, а также сказать нѣсколько словъ о порядкѣ, соблюдаемомъ при описаніи гербовъ, или такъ наз. *блазонированиіи*.

Посредствомъ соединенія получаются такъ наз. *составные гербы*, т. е. соединяющіе въ одно цѣлое нѣсколько отдѣльныхъ гербовъ, напр. гербъ государства — изъ гербовъ отдѣльныхъ странъ, его составляющихъ, или гербъ фамиліи — изъ гербовъ различныхъ ея владѣній; (эти послѣдніе встрѣчаются только въ западно-европейской геральдикѣ, къ которой принадлежать и наши Остзейскіе гербы). Подобное составленіе производится, или чрезъ приведеніе въ связь отдѣльныхъ щитовъ, сохраняющихъ при этомъ однако свою раздѣльность, или же — что бываетъ всего чаще — чрезъ соединеніе ихъ въ одинъ щитъ, причемъ отдѣльные гербы являются уже, какъ составныя части, или поля его.

Отдѣльные гербы могутъ быть *приведены въ связь*, оставаясь при этомъ раздѣльными, тремя слѣдующими способами:

1. *Сопоставленіемъ* (*Zusammenstellung*); при этомъ два щита обыкновенно наклоняются одинъ къ другому, три — соприкасаются, образуя треугольникъ; четыре располагаются въ порядке: 1. 2. 1., (причемъ почетнѣйший помѣщается верхнимъ). Когда же имѣется еще большее число щитовъ, то ихъ располагаютъ въ видѣ полукруга, или круга, съ главнымъ щитомъ посерединѣ.

2. *Смыканіемъ* (*Zusammenziehung*), причемъ они соприкасаются во всю длину боковыхъ сторонъ.

3. *Связываніемъ* (*Zusammenbindung*), посредствомъ ленты, или петель.

Что же касается *соединения* гербовъ въ одинъ щитъ, то таковой производится четырьмя слѣд. способами:

1. *Вмѣщеніемъ* (*Einfassung*), когда одинъ щитъ со своимъ гербомъ, изображенный въ мѣньшемъ масштабѣ, накладывается на другой, большаго размѣра гербовый щитъ.

2. *Разграничениемъ* (*Verschränkung*), причемъ отдельные гербы помѣщаются въ раздѣленномъ продольными и поперечными линіями щитъ, распредѣляясь въ образуемыхъ такимъ образомъ отдельныхъ частяхъ щита, или поляхъ его: это есть наиболѣе обыкновенный и употребительный способъ.

3. *Вставлениемъ* (*Einpflanzung*), когда фигуры, или гербы вставлены, или какъ бы втиснуты между отдельныхъ полей главнаго щита, а равно между дѣленіями его; причемъ, по правилу, такое вставленіе имѣть видъ фигуры острія, идущаго отъ средины нижняго щитового края, или же опрокинутаго. При этомъ фигура главнаго щита не должна быть разсѣчена этой вставкою—ф. 92.

4. *Присовокупленіемъ* (*Einverleibung*), или *наложеніемъ* (*Auflegung*), причемъ фигура герба *облаивается* фигурою другаго, (по другому выражению, бываетъ *обремененою*); напр. столбъ одного герба—фигурою льва изъ другаго, соединяемаго съ первымъ. Или же наложенный гербъ, вмѣсто цѣлаго щита, занимаетъ лишь съуженную часть послѣдняго, образующую геральдическую фигуру (столбъ, поясъ, перевязь и т. д.). Такъ напр. гербъ, заключающій 3 золотыя лилии въ красномъ полѣ, можетъ быть соединенъ съ другимъ такимъ образомъ, что на этотъ послѣдній онъ накладывается въ видѣ красной перевязи справа, обремененной золотыми лапами (ф. 93). Этотъ способъ соединенія чаще встрѣчается во французской геральдикѣ, а въ немецкой почти отсутствуетъ.

Малый щитъ, который налагается на большій (ф. 9) получаетъ название *средняго щита* (*Mittelschild*), а вмѣщающій его—*главнымъ* или *хребтовымъ* щитомъ (*Rückschild*); когда на средній щитъ наложенъ еще мѣньшій, то этотъ послѣдній называется *сердцевымъ* (*Herzschild*), о чёмъ уже было сказано нами раньше (стр. 142). Добавимъ къ этому, что средній щитъ въ

въвторыхъ рѣдкихъ случаихъ измѣняетъ свое обычное мѣсто въ срединѣ главнаго щита и помѣщается, или нѣсколько выше, на такъ наз. *почётномъ месте* (*Ehrenstelle*), или ниже его (*Nabelstelle*). При нѣсколькихъ среднихъ щитахъ таковыя обыкновенно располагаются въ видѣ столба, также креста, прямаго, или скошенного. При многопольномъ гербѣ мѣсто средняго щита—между полями, причемъ стараются, чтобы возможно менышея часть послѣднихъ являлась закрытою среднимъ щитомъ.

Средній щитъ содержитъ обыкновенно главный, или *родовой герб* (*Stammwappen*), такъ напр. въ государственныхъ гербахъ—обыкновенно гербъ царствующаго дома, или той страны, откуда эта династія происходитъ; въ фамильныхъ гербахъ, въ среднемъ щитѣ помѣщается обыкновенно болѣе древній, собственно *родовой* гербъ. Иногда этотъ щитъ содержитъ гербъ пожалованія.

Когда примѣняется способъ *разграничія*, то щитъ раздѣляется прямыми линіями на такое число мѣсть, или полей, сколько требуетъ число и свойство соединяемыхъ гербовъ. При соединеніи двухъ гербовъ щитъ разсѣкается, или же, если того требуетъ свойство фигуръ, то пересѣкается, чаще же всего дѣлится на четверочастный, причемъ, при двухъ гербахъ, 1-е и 4-е поля получаютъ одинъ, болѣе почетный гербъ, а 2-е и 3-е—другой. При трехъ гербахъ, второй помѣщается въ срединѣ, или же въ наложенномъ среднемъ щитѣ; при четырехъ—всего цѣлесообразнѣе помѣщать ихъ въ четверочастномъ щитѣ, при пяти же—къ таковому добавляютъ еще средній щитъ. Нѣсколько гербовъ помѣщаются въ одномъ щитѣ *рядами*, одианъ возлѣ другаго, или же въ видѣ фигуры *столба*.

Могутъ также имѣть мѣсто различныя комбинаціи посредствомъ всевозможныхъ дѣленій и посредствомъ присоединенія среднихъ щитовъ, каковые сообразуются съ особенностями соединяемыхъ гербовъ. Очень часто одинъ и тотъ же гербъ повторяется въ щитѣ два раза, (рѣдко чаще), и поэтому щитъ дѣлится нерѣдко на большее число полей, чѣмъ сколько соединяется въ немъ гербовъ, и притомъ одинаковые гербы, по правилу, помѣщаются въ діагональномъ направлениі одинъ отъ другаго.

При этомъ способѣ разграничія составнаго герба слѣдуетъ еще соблюдать слѣдующія практическія правила.

1. Должно принимать во вниманіе свойство, или родъ соединяемыхъ гербовъ, т. е. имѣютъ ли всѣ таковые одинаковое значеніе, или же смѣшаны съ должностными, пожалованными и т. под. гербами. При этомъ гербы одинакового рода не должны быть разъединены и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ перемѣщиваются съ частями же гербовъ другого рода. Важнѣйшій гербъ получаетъ почетнѣйшее мѣсто, справа, вверху, или же въ среднемъ щитѣ. Въ государственныхъ гербахъ, составленныхъ изъ гербовъ нѣсколькихъ странъ, таковые слѣдуютъ по порядку ихъ достоинства (старшинства), или же по времени ихъ присоединенія, причемъ гербы царствующаго дома обыкновенно помѣщаются въ среднемъ щитѣ.

Должностные, пожалованные и гербы покровительства предшествуютъ по достоинству фамильному гербу, а потому и помѣщаются на болѣе почетномъ мѣстѣ.

2. Слѣдуетъ затѣмъ обращать вниманіе на особенности фигуръ въ соединяемыхъ гербахъ и сообразоваться съ ними при подраздѣленіи общаго щита, такъ напр. для болѣе высокихъ фигуръ, (бакъ-то столбовъ, львовъ, деревьевъ и т. под.) приходится щить разсѣчь, или же, при многократномъ разсѣченіи, дѣлать поля болѣе удлиненными въ вышину. При широкихъ же фигурахъ, (поясахъ, главъ, шествующихъ животныхъ) — пересѣкать щить и вообще образовать болѣе широкія поля. Главное соображеніе здѣсь заключается въ томъ, чтобы ни одна фигура не являлась прикрытою другою, или измѣненою въ своемъ положеніи, но чтобы каждая была ясно видима и притомъ не стѣснена въ изображеніи своемъ, т. е. представлена также свободно, бакъ и въ отдѣльномъ щитѣ.

Примѣнная способъ *присовокупленія*, слѣдуетъ замѣтить относительно распределенія цветовъ, что тинктура налагаемой фигуры должна всегда различаться отъ тинктуры той, на которую наложена. Напр., если требуется наложить на пересѣченній щить, красный и золотой, 3 золотыхъ лилии, расположенныхъ въ формѣ такъ наз. антоніевскаго креста (т. е. буквы Г), то

объ верхнія лілії, попадающи въ красное поле, сохраняютъ свою тинктуру, нижня же—въ золотомъ полѣ, получаетъ цвѣтъ верхнаго поля, а именно красный, т. е. она *обмѣнивается съ нимъ цвѣтомъ*. Подобныя соединенія съ обмѣнивающимися тинктурами фигуръ встречаются весьма часто. Иногда вмѣсто того, чтобы дѣлить фигуру чрезъ обмѣнъ цвѣтовъ въ разныхъ поляхъ, таковую помѣщаютъ въ цвѣломъ видѣ въ каждомъ полѣ щита, съ перемѣнною цвѣтовъ. Напр. вмѣсто того, чтобы наложить на пересѣченный, красный и серебряный щитъ серебряный крестъ, (причемъ послѣдній былъ бы въ верхнемъ красномъ полѣ—серебрянымъ, а въ нижнемъ серебряномъ—краснымъ), помѣщаютъ въ каждомъ полѣ по цвѣлому кресту: въ верхнемъ—серебряный, а въ нижнемъ—красный.

Относительно шлемовъ при соединеніи гербовъ слѣдуютъ правилу, что таковыя помѣщаютъ надъ общимъ щитомъ, или же на одномъ шлемѣ соединяютъ блейноды двухъ, (рѣже иѣсколькихъ) гербовъ. Иногда, впрочемъ, изображаютъ на соединенномъ гербѣ только одинъ шлемъ главнаго герба, или только иѣсколькихъ избранныхъ, и совершенно опускаютъ шлемы остальныхъ, подчиненныхъ гербовъ¹⁾.

Въ женскихъ гербахъ западной Европы соблюдаются при соединеніи таковыхъ съ гербами мужей слѣдующія правила. Замужнія, или вдовы присоединяютъ свой (отцовскій) родовой гербъ къ гербу супруга, при чемъ этотъ послѣдній имѣть преимущество и поэтому при раздѣльныхъ щитахъ стоять направо; при разсѣченномъ щитѣ помѣщается въ правой половинѣ, а при пересѣченномъ—въ верхней. Когда соединеніе гербовъ супруговъ произведено чрезъ *смыщеніе*, то родовой гербъ жены находится обыкновенно въ главномъ щитѣ (снизу), а гербъ мужа—въ наложенномъ среднемъ щитѣ.

¹⁾ Рѣже встречаются наложенные полные гербы, вмѣстѣ со шлемомъ и короной достоинства, напр. въ императорскомъ Австрійскомъ гербѣ. Обыкновенно же изъ коронъ помѣщается на соединенномъ гербѣ лишь та, которая обозначаетъ высшее достоинство, напр. императорская, или королевская, надъ общимъ гербомъ государства, состоящимъ изъ соединенныхъ гербовъ отдѣльныхъ странъ.

При соединеніи родительскихъ гербовъ съ гербами ихъ дѣтей, первые помѣщаются въ среднемъ щитѣ, въ томъ же порядке, (т. е. отцовскій справа и сверху); при нѣсколькоихъ предкахъ, мужскіе гербы получаютъ почетнѣйшія мѣста въ ряду другихъ.

По правилу, въ настоящее время *брачные или союзные гербы* (*Ehe oder Allianceswappen*) соединяются лишь по способу сопоставленія, чтѣ впрочемъ встрѣчается въ нѣмецкой геральдикѣ и въ старину. Таковъ напр. составной брачный гербъ герцога австрійскаго Альбрехта III, (изъ Арльбергскаго гербовника), къ щиту котораго привѣшенъ въ маломъ щитѣ гербъ его второй жены, Беатрисы Гогенцоллернской; къ шлему этого герба привѣшены также знакъ древняго фамильнаго ордена Гогенцоллернскаго дома, *Лебедя* (*Schwanenorden*) ф. 94.

Въ заключеніе намъ остается указать общія правила, соблюдаemyя при *блаzonировaniu*, т. е. при описаніи гербовъ, согласно основнымъ геральдическимъ положеніямъ.

Правильное блаzonированіе должно быть обязательно краткимъ, съ примѣненіемъ для сего употребительныхъ и наиболѣе приспособленныхъ для этой цѣли специальныхъ геральдическихъ терминовъ. При этомъ оно должно быть настолько опредѣленнымъ и яснымъ, чтобы дать точное и ясное понятіе объ описываемомъ гербѣ, а также настолько повятнымъ, чтобы по такому описанію возможно было правильно изобразить гербъ. Необходимо следовать при этомъ извѣстной системѣ, описывая последовательно главныя части герба и опуская все несущественное. О специальной геральдической терминологіи, примѣняемой при этомъ, мы уже говорили раньше, при описаніи фигуръ. Напомнимъ здѣсь только, что блаzonируя, напримѣръ, трижды разсѣченный щитъ, достаточно указать цвѣта его: червленый и серебряный, либо цвѣтъ, стоящій справа, всегда называется первымъ и этого не требуется отдельно пояснить. При блаzonированіи обыкновенныхъ фигуръ, (какъ напр. льва, орла и т. под.), несущественные признаки таковыхъ, не имѣющіе специальныхъ геральдическихъ терминовъ, вовсе не указываются.

При составныхъ гербахъ бываетъ необходимо прежде всего уяснить себѣ расположение частей, или, такъ сказать, общий планъ блазонируемаго герба. При этомъ начинаютъ съ важнѣйшихъ гербовъ и смотря по тому, находятся ли таивые въ среднемъ, или главномъ щитѣ, начинаютъ блазонировать съ первого, или послѣдняго щита. По общему правилу, первымъ называютъ средній щитъ, находящійся въ сердцѣ главнаго щита.

Гербы въ главномъ щитѣ (*Rückenschild*) слѣдуютъ при блазонированіи въ порядкѣ рядовъ, или столба, или, вавонецъ, по разрядамъ. При первомъ порядкѣ начинаютъ съ верхняго ряда справа и продолжаютъ далѣе, слѣдя рядамъ. Рѣже встрѣчается такое расположение гербовъ въ рядахъ, что начинаютъ ихъ блазонировать съ обоихъ среднихъ мѣсть, какъ напр. въ *Прусскомъ королевскомъ гербѣ*, а именно въ слѣдующемъ порядкѣ:

5	3	1	2	4	6
11	9	7	8	10	12

При расположениіи гербовъ въ порядкѣ столба, блазонируютъ сначала средній столбъ, затѣмъ — стоящій вправо, далѣе лѣвый (ф. 95). Соединеніе нѣсколькихъ гербовъ въ одну группу, или классъ называется порядкомъ *по разрядамъ гербовъ*; при таковомъ подраздѣленіе отдѣльныхъ разрядовъ или группъ гербовъ въ общемъ щитѣ производится чрезъ четверочастное дѣленіе (главнаго щита). Каждая изъ образующихся такимъ образомъ 4-хъ группъ имѣть свой особый средній щитокъ. Бываютъ и болѣе сложныя дѣленія, какъ напр. въ *Австрійскомъ гербѣ*, имѣющемъ 62 отдѣльныхъ герба въ 9-ти одинакового размѣра отдѣленіяхъ; или въ *Чешскомъ* и *Венгерскомъ*, имѣющихъ 4 разряда (ф. 96). При четверочастномъ распределеніи начинаютъ блазонированіе съ первого квартала, т. е. сверху, справа; при разсѣченномъ главномъ щитѣ — справа, и далѣе продолжаютъ, какъ при порядкѣ рядовъ.

Вообще при блазонированіи слѣдуетъ соблюдать правило, что прежде всего упоминается дѣленіе щита, (разсѣченный, одинъ

или нѣсколько разъ; пересѣченный, четверочастный и т. д.); затѣмъ, послѣдовательно должны быть названы: средвіе и сердцевые щиты, глава, подножіе, боковые стороны щита и, наконецъ, вставленіе.

При описаніи отдельныхъ геральдическихъ фигуръ называютъ сначала родъ ихъ и финифти и при этомъ первою блаzonируютъ ту фигуру, которая при разсѣченномъ щитѣ стоитъ справа, при пересѣченномъ — сверху, при скосленномъ дѣленіи — въ правомъ верхнемъ углу. Когда въ щитѣ находится нѣсколько гербовыхъ фигуръ, то начинаютъ съ главныхъ.

Послѣ описанія щита, переходятъ въ верхней части герба (*Obergarren*), причемъ описываютъ шлемъ, лишь въ общихъ чертахъ), съ его намѣтомъ, (обозначая финифти), нашлемникомъ и короною достоинства, или другимъ головнымъ уборомъ, и т. д. Далѣе описываютъ придаточные знаки роскоши: щитодержателей, знаки почетныхъ званій, помѣщенные въ щита, орденскіе знаки, гербовую мантію, или сѣнь и, наконецъ, девизъ, находящійся ниже щита, или окружающей его.

XXI.

Въ Западной Европѣ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтало нѣкогда рыцарство, а именно въ Германіи, Франціи, Англіи, Италии, Испаніи и Португаліи, съ давняго времени сложился извѣстный, свойственный каждой изъ этихъ странъ, своеобразный типъ гербовъ. Согласуясь съ основными правилами общепринятой геральдики, они представляютъ однако мѣстныя национальныя особенности. Таковыя выражаются, то въ извѣстной преобладающей окраскѣ щитового поля, то въ характерѣ фигуръ, шлемовыхъ украшеній и т. д.

Особенности эти можно сравнить съ архитектурными стилями средневѣковой Европы, которые, хотя въ общихъ чертахъ и одинаковы въ различныхъ странахъ, однако отличаются въ подробностяхъ, соответствующихъ мѣстному вкусу и художественной фантазіи той, или другой страны.

Подобный национальный характеръ гербовъ, отражающій въ себѣ общее міровоззрѣніе, управлѣніе художественного вкуса и глубоко вкоренившіяся особенности каждого народа, сохранился въ геральдикѣ и до настоящаго времени.

Мы постараемся въ общихъ чертахъ указать на эти мѣстные особенности геральдики въ различныхъ странахъ.

Во *Франціи*, гдѣ геральдика получила свое первоначальное развитіе, мы замѣчаемъ особенную выработанность геральдическихъ эмблемъ. Сообразно национальному характеру, здѣсь замѣтна большая любовь къ пышности и роскоши; отсюда въ гербахъ преобладаютъ блестящіе цвѣта и мѣха. Большое примѣненіе имѣютъ такъ наз. геральдическія фигуры, которыя въ старину обозначали принадлежность къ древнѣйшему знатному дворянству. Весьма часто встрѣчаются также бѣличій (*vair*) и горностаевый (*hermine*) мѣхъ и усыпанныя, или усыпаныя фигурами поля щита; даѣте многоцвѣтные намѣты съ каймами, шлемы, почти всегда открытые (рѣшетчатые), съ различнымъ числомъ рѣшетинъ, соразмерно степенямъ дворянства, иногда вызолоченные, или посеребренные; сѣни и другіе знаки пышности.

Въ старайнныхъ французскихъ гербахъ явится преобладающимъ цвѣтомъ щитового поля — голубой, въ подражаніе цвѣту королевскаго герба. На этомъ же основаніи въ гербахъ древнаго *Бургундскаго* герцогства чаще всего встрѣчается красный цвѣть; особое же почитаніе въ Бургундіи св. апостола Андрея выразилось здѣсь въ гербахъ частымъ примѣненіемъ андреевскаго креста.

Въ *Бретани* преобладалъ въ гербахъ горностаевый мѣхъ, въ подражаніе герцогамъ Бретанскимъ; также часты здѣсь такъ наз. *billettes* — гербовая фигура фамилії *Beaumanoir*, и *tacles* — фамилії *Rohan*. Оба эти знаменитые дома имѣли въ Бретани многочисленныхъ вассаловъ, пользуясь правами сюзереновъ. Такъ наз. добавленія (*brisures*), примѣнявшіяся въ гербахъ королевскихъ принцевъ Франціи, имѣли подражанія и въ дворянскихъ гербахъ.

Геральдическія фигуры *главы* и *перевязей* особенно часты въ гербахъ центральныхъ провинцій Франціи, вѣроятно, въ подражаніе могущественному доиу *de Poitiers*, имѣвшему вассаловъ въ провинціяхъ *Bauphiné* и *Valentinois*.

Въ *Прованс* гербы имѣютъ совершенно отличный характеръ отъ соседнихъ провинцій, по той причинѣ, что большая часть дворянскихъ фамилій Прованса происходитъ изъ Италіи и Испаніи. Поэтому здѣсь особенно часто встречаются въ гербахъ башни, замки, кружки (*tourteaux*), безанты, звѣзды, кресты и т. п.

Кресты и раковины также весьма распространены въ гербахъ *Нормандіи*, такъ какъ многія рыцарскія фамиліи этого края участвовали въ крестовыхъ походахъ. Фигуры *столба* и *каймы* часто встречаются въ гербахъ *Лангедока*, въ подражаніе владѣтельнымъ домамъ *Каталоніи*, *де-Фуа* и *Арагоніи*. Львы и леопарды преобладаютъ въ гербахъ *Гюенніи*, *Нормандіи* и *Никардіи*, въ чёмъ отразилось временное владычество Апгліи надъ этими провинціями. *Мерлетты* часты въ гербахъ *Шампани* и *Нормандіи*, по причинѣ заморскихъ путешествій, предпринимавшихся здѣшними рыцарями.

Въ *Италіи*, *Испаніи* и *Португаліи* геральдика въ общихъ чертахъ ближе всего примыкаетъ къ французской.

Въ *Италіи*, гдѣ культура классической древности никогда не прекращалася и великие памятники древняго искусства всегда сокращали влияніе на направление художественного вкуса, и въ геральдикѣ замѣчается предпочтеніе къ античнымъ мифологическимъ фигурамъ: они являются здѣсь какъ въ гербахъ, такъ и въ видѣ щитодержателей. Нигдѣ такъ наз. *гласные гербы* не получали такого значительного распространенія, какъ въ Италіи; это отчасти объясняется тѣмъ, что здѣсь большинство фамильныхъ прозвищъ сохранилось съ древнихъ временъ и не было замѣнено названіями земельныхъ владѣній, какъ это было въ другихъ странахъ западной Европы. Весьма часты въ итальянскихъ гербахъ, а именно въ Миланѣ, Генуѣ, Болонїѣ, Пармѣ, Павіи, Піаченцѣ и др. эмблемы французскихъ королей (3 лилии), а также орелъ Римской Имперіи; первыя жаловались королями Франціи фамиліямъ изъ партіи Гвельфовъ, а послѣдній—императорами, Гибеллинамъ: эмблемы эти помѣщаются обыкновенно во главѣ гербовъ.

Въ *Испаніи* и *Португаліи* въ гербахъ весьма обычны особыго рода *окаймленія*, составленные изъ кусковъ, а равно и

многочастныя дѣленія щита. Въ гербахъ встрѣчаются самыя разнообразныя сочетанія геральдическихъ фигуръ съ крестами, звѣздами, полумѣсяцами и фигурами животныхъ. Такое разнообразіе произошло оттого, что здѣсь знатныя фамиліи присоединяли къ своимъ родовымъ гербамъ также и гербы своихъ феодальныхъ владѣній и титуловъ. Изъ фигуръ въ испанскихъ гербахъ своеобразны весьма часто встрѣчающіеся *котлы* (*calderas*), — особенная принадлежность знатныхъ *Ricos hombres*; также лиліеобразные кресты, раковины св. Іакова, безанты и кружки (*roeles*), обозначавшіе число укрѣпленныхъ зѣмковъ, принадлежавшихъ владѣльцу герба. Встрѣчаются также *цѣпли*, которыяувѣковѣчиваются знаменитую побѣду короля Санхо Могучаго надъ Маврами въ 1212 г., и андреевскіе кресты, въ память взятія у Мавровъ г. Баэзы въ 1489 г., въ день памяти св. Андрея. Шахматный геральд. фигуры, полумѣсяцы и звѣзды также обозначали побѣды, одержанные надъ Маврами *въ ночныхъ сраженіяхъ*. Нѣкоторыя испанскія фамиліи французскаго происхожденія помѣщали въ своихъ гербахъ *лиліи*. Въ гербахъ *Бискайи*, *Каталоніи* и *Наварры* весьма часто встрѣчаются *волки*. Въ окаймленіяхъ испанскихъ гербовъ преобладаютъ эмблемы королевствъ *Кастиліи* и *Леона*, жалованыя королями, а иногда встрѣчаются и цѣлые девизы, помѣщенные въ самомъ щите.

Англійскіе гербы отличаются заостренною формою своихъ щитовъ, съ выступающими верхними углами; впрочемъ, иногда они бываютъ и круглые, съ окаймленіемъ, наподобіе застегнутаго пряжкою ремня, содержащаго девизъ. Самые гербы въ Англіи не представляютъ существеннаго различія отъ французскихъ; развѣ только въ томъ, что дѣленія щита бываютъ въ нихъ очень многочисленными и гербы каждой фамиліи осложняются множествомъ добавочныхъ фигуръ, обременяющихъ собою такъ наз. геральдическую. Очень часты здѣсь *мыса*. Обыкновенные фигуры изображаются не въ геральдическомъ стилѣ, а по возможности сходными съ природою.

Особенно распространеными и свойственными англійской геральдикѣ являются въ древнихъ гербахъ *леопарды*, (эмблема Нормандіи и дома Плантагенетовъ); *розы*, красная и бѣлая, (до-

мовъ Ланкастеръ и Йоркъ), рукава одеждъ своеобразнаго очертанія, (такъ наз. *manche mal taille*), водосточные трубы (*water-bouget*, въ видѣ буквъ *M*, пересѣченной горизонтальною чертою). Въ новѣйшей англійской геральдикѣ особенно излюблены эмблемы, имѣющія отношеніе къ морской жизни, какъ-то: корабли, маяки, весла и проч.; также въ видѣ щитодержателей встрѣчаются: матросы, тритоны и т. под. Система различительныхъ знаковъ, также какъ и во Франціи, точно выработана и строго примѣняется въ англійскихъ гербахъ. Какъ мы уже упоминали, въ Англіи издавна шлемъ вовсе не изображался на гербахъ и, вмѣсто него, клейнодъ (*crest*) помѣщался на вѣнчикѣ, свободно висящимъ падь щитомъ. Девизы въ Англіи очень распространены и признаются почти необходимыми въ гербахъ: они отличаются краткостью и выразительностью.

Въ Германіи геральдика получила особенно многостороннее и цѣлесообразное развитіе и сохранила свои древнія формы отчасти и донынѣ. Геральдическими образцами здѣсь особенно богаты 14-е и 15-е столѣтія. Цвѣта по большей части просты, мѣхъ рѣдки. Изъ фигуръ преобладаютъ въ гербахъ обыкновенные, т. е. естественные и искусственные; геральдическая же встрѣчается рѣже. Особенное развитіе въ нѣмецкихъ гербахъ имѣютъ шлемовые клейноды, придающіе имъ много красоты и пышности и повторяющіе нерѣдко гербовую фигуру щита.

Знаки пышности встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы и притомъ только у высшаго дворянства. Также и система различительныхъ знаковъ здѣсь почти не привилась. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи гербы имѣютъ своеобразный отпечатокъ и особы, мѣстно встрѣчающіяся фигуры. На нижнемъ Рейнѣ и въ Нидерландахъ геральдика является смѣстью нѣмецкой и французской: здѣсь часто встрѣчаются мѣха, обрубленные фигуры, усыпанные фигурами поля щита, ромбы, початки и т. под., свойственные французской геральдикѣ; вмѣсть съ тѣми нашлемники изображаются въ совершенно нѣмецкомъ стилѣ. Въ сѣверной Германіи часто встречается фигура котловаго крюка (*Kesselhaken*); гербы восточной Пруссіи носятъпольскій отпечатокъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что не во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ въ настоящее время употребляются гербы, геральдика достигла одинакового развитія. Здѣсь мы разумѣемъ тѣ европейскія страны, которыя въ Средніе вѣка стояли на низшей степени культуры и гдѣ рыцарства или вовсе не было, или же оно никогда не достигало такого процвѣтанія, какъ на Западѣ. Въ такихъ именно условіяхъ находились всѣ славянскія государства восточной Европы, гдѣ геральдика не стала на твердую почву въ тѣ времена, когда она на Западѣ уже находилась въ періодѣ своего полнаго развитія и процвѣтанія, основываясь на твердыхъ, вполнѣ выработанныхъ началахъ.

Въ двухъ первенствующихъ славянскихъ государствахъ, *России* и *Польши* геральдика, какъ плодъ западной культуры, явилась лишь какъ заимствованіе болѣе поздняго времени, перенесенное на совершенно иную и мало свойственную ей почву, почему она и является здѣсь въ совершенно иномъ видѣ.

Къ намъ, въ Россію западная геральдика проникла несомнѣнно черезъ Польшу, хотя и получила впослѣдствіи свои мѣстныя особенности, относящіяся, впрочемъ, по большей части къ болѣе позднему времени.

Въ виду важности *польской геральдики* для исторіи происхожденія нашихъ русскихъ гербовъ, мы остановимся на ней подробнѣе. Въ Польшѣ не было рыцарства, подобнаго западно-европейскому, и установленій, тѣсно съ нимъ связанныхъ; поэтому и гербы въ этой странѣ не могли образоваться *самостоятельно* изъ туземныхъ элементовъ, да и будучи привнесены извнѣ, не могли найти въ ней благопріятныхъ условій для своего развитія. Система польскихъ гербовъ рѣзко отличается отъ системы гербовъ западно-европейскихъ, какъ своимъ чрезвычайно простымъ составомъ, такъ и тѣмъ, что въ ней каждый гербъ, нося свое название, употребляется множествомъ разныхъ фамилій и такимъ образомъ теряетъ ту тѣсную, неразрывную связь съ личностью владѣльца, которая существуетъ на западѣ Европы, теряетъ тѣ особенности, которыя способствуютъ развитію геральдики, какъ науки.

Въ Польшѣ занесенная съ Запада культурная геральдика попала на почву, уже имѣвшую свои существенные национальные особенности: здѣсь не было ни феодальной системы, ни рыцарства, но развито было *родовое начало*. Сосѣдніе землевладѣльцы, которые первоначально находились несомнѣнно въ родственныхъ между собою связяхъ, въ случаѣ угрожавшей имъ опасности собирались подъ одно *общее знамя*, на которомъ помѣщался какой-либо *знакъ*, переходившій затѣмъ и къ лицамъ, собиравшимся около этого знамени. Когда геральдика проникла съ Запада въ Польшу въ XIV вѣкѣ, то эти родовые знаки подчиныены были точнымъ геральдическимъ правиламъ и такимъ образомъ сложилась таѣь наз. *польская система гербовъ*.

Итакъ, въ основу польской геральдики легло *родовое начало*, въ отличие отъ западно европейской, гдѣ она основывалась на началѣ *личномъ*. Прослѣдимъ въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ происходилъ этотъ процессъ превращенія первобытной польской геральдики въ культурную, европейскую.

Новѣйшія изслѣдованія въ области польской геральдики Пекосинскаго и др. доказали, что самые древніе знаки на печатяхъ польского дворянства, не поддающіеся ясному толкованію, происходятъ отъ *руническихъ письменъ*. Рунические знаки занесены были въ Польшу еще въ концѣ VIII или началѣ IX-го вѣка, когда нѣсколько прилабскихъ лехитскихъ племенъ появились въ мѣстности между Вартой и Одромъ и положили начало польскому государству. Представители этихъ племенъ, живя въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Норманнами, переняли отъ послѣднихъ, въ числѣ другихъ военныхъ обычаевъ, и примѣненіе руническихъ письменъ, какъ знаменыхъ знаковъ. Перенесенный въ Польшу, ови удержались здѣсь въ теченіе многихъ вѣковъ, несмотря на то, что знаніе рунъ, вслѣдствіе утраты сосѣдства съ Норманнами, стало всборѣ забываться. Въ періодъ нѣсколькихъ вѣковъ, прежде чѣмъ эти руны, какъ гербы, нашли почетное мѣсто въ польской геральдикѣ, они прошли чрезъ нѣсколько фазисовъ преобразованій, которыя наложили на нихъ свои характерныя черты.

Прежде всего повлияло на видоизмѣненіе руническихъ военныхъ знаковъ, которые носились на жезлахъ еще въ періодъ

язычества, принятіе Поляками христіанства: въ это время бъ ру-
намъ прибавлены были кресты, видоизмѣнившіе ихъ первоначаль-
ныя очертанія. Второй фазпсъ наступилъ съ тѣхъ поръ, какъ
стали въ Польшѣ употреблять на войнѣ знамена, измѣни древ-
нихъ жезловъ; при этомъ произошли новые видоизмѣненія руническихъ
знаковъ, чрезъ отпаденіе нижнихъ ихъ концовъ, при-
креплявшихся бъ жезламъ. Наконецъ, окончательный фазпсъ
преобразованія этихъ знаменныхъ знаковъ наступилъ въ эпоху,
когда появились въ Польшѣ гербы, созданные по правиламъ
западно-европейской геральдики. Эта послѣдняя уже застала въ
Польшѣ упомянутые знаменные знаки, издавна употреблявшіеся
польскимъ дворянствомъ, и видоизмѣнила ихъ въ гербы. Отсюда
объясняется, что польская геральдика весьма мало позаимство-
вала у западно-европейской и главная часть послѣдней—гераль-
дическая фигуры—въ ней почти отсутствуютъ. Впрочемъ, иѣко-
торыя правила западной геральдики нашли и въ Польшѣ примѣ-
неніе, и съ введеніемъ гербовъ появляется здѣсь и должность
герольда. Изъ руническихъ непонятныхъ знаковъ стали сочи-
пяться тогда гербы, отвѣчавши вполнѣ геральдическимъ прави-
ламъ, таѣ-что ихъ можно было описать, или блазонировать.

Эпоха преобразованія руническихъ знаковъ въ геральдическій
эмблемы совпадаетъ приблизительно со второй половиной XIII вѣка,
и уже съ начала XIV-го в. появляется въ Польшѣ множество гер-
бовъ, составленныхъ по правиламъ и образцамъ западно-европей-
скимъ. При Казимирѣ III Великомъ, который присоединилъ къ
Польшѣ Волынь и Червонную Русь, влияніе западной геральдики
стало быстро вытеснять тѣ начала, на которыхъ до тѣхъ поръ,
въ теченіе почти пяти вѣковъ, развивалась национальная система
родовыхъ знаменныхъ отличій. Съ этого времени польская гераль-
дика стала утрачивать одно изъ характерныхъ своихъ свойствъ,
а именно свободу вырабатыванія различающихся между собою
эмблемъ изъ главнаго прототипа. Гербъ, перешедшій впослѣдствіи
на геральдической щитѣ польского дворянина (или рыцаря), перво-
начально былъ ничѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ, помѣщавшимся
на знамени. Это *родовое знамя* находилось на главной военной ста-
нции и служило отличительнымъ знакомъ главного начальника, или

воеводы. Но такъ какъ это званіе было потомственнымъ и притомъ переходило лишь къ старшему въ родѣ, то младшіе братья, образуя новыя станицы, подчиненные старшему воеводѣ, принимали тотъ-же *родовой знакъ* на знамени для доказательства принадлежности вмѣстѣ съ старшимъ братомъ къ одному роду; но при этомъ, для различія, нѣсколько видоизмѣняли таковой какимъ либо незначительнымъ *дополненіемъ*, или же *убавкою*. Подобное преобразованіе родового знамени имѣло значеніе только до тѣхъ поръ, пока оно въ военное время играло извѣстную роль: при этомъ родовое знамя во время похода находилось въ отрядѣ старшаго брата, воеводы; младшіе же братья, полковники, или сотники, употребляли его въ походѣ съ извѣстными измѣненіями. Такъ какъ *знакъ станичный* точно изображался на щитѣ начальника и служилъ гербомъ, то и видоизмѣненія этого знака также служили гербами. Но при Казимирѣ Великомъ въ этотъ порядокъ введено было существенное измѣненіе: вмѣсто *родовыхъ* знаменъ устанавливаются *областныя*, и верховное начальство во время похода переходитъ къ областному воеводѣ. Съ этихъ именно поръ прекращается въ Нольшѣ исконная система *преобразованія родового знамени* и польская геральтика подчиняется вполнѣ правиламъ западно-европейской.

Заслуживаетъ вниманія, что руническіе знаки встрѣчаются не только въ польскихъ гербахъ, но еще въ гораздо большемъ количествѣ въ гербахъ западно-руссихъ. Этотъ любопытный фактъ привелъ сначала къ предположенію, что эти русскіе руническіе гербы берутъ свое начало отъ варяго-руссихъ Норманновъ, и этой теоріи придерживались многіе ученыe. Но специальная изслѣдованія доказали совершенную ошибочность такого предположенія: русскіе гербы съ руническими мотивами появляются, и даже въ большомъ количествѣ, лишь въ тѣхъ русскихъ областяхъ, которыхъ нѣкогда зависѣли отъ Польши, т. е. малоруссвой и бѣлорусской шляхты. Нѣть сомнѣнія, что гербы занесены были туда польскою шляхтою и приняты русскими фамиліями.

Этотъ фактъ приводить насъ къ разсмотрѣнію вопроса о переходѣ польскихъ гербовъ въ подпавшія польскому господству древнія русскія области юго-западной Россіи, которыхъ послѣ та-

тарского погрома не долго сохраняли свою политическую самостоятельность. Сначала онъ, за исключениемъ Червонной Руси, подчинившейся въ 1340 г. Польшѣ, вошли въ составъ Литовского княжества, а затѣмъ, въ 1386 г. стали входить, а чрезъ Люблинскую унію (1569 г.) и окончательно вошли въ составъ польской короны. Усвоивъ внѣшній языкъ польской цивилизациіи и шляхетско-польскія воззрѣнія, литовско-русские аристократы не могли не проникнуться любовью къ гербамъ, или такъ каз. *гербами изъ клейнодамъ*, которая царила въ тогдашней Польшѣ, и не стремиться къ приобрѣтенію столь высокого чтимыхъ въ тѣ времена атрибутовъ благородного званія. Послѣднему впрочемъ содѣйствовало и само польское привительство. Поставивъ главною цѣлью своей политики объединить съ Польшею литовско-русскія земли во всѣхъ отношеніяхъ, оно за самое вѣрное средство для этого признало, между прочимъ, уравненіе въ гражданскихъ правахъ литовско-русской знати съ польскимъ шляхетствомъ, и одною изъ главныхъ мѣръ для такого уравненія—надѣленіе первой гербами послѣдняго.

Обыкновенно первое появленіе гербовъ между литовско-русской аристократіею относять къ 1413 году. Въ этомъ году на Городельскомъ сеймѣ великий князь литовскій Витовтомъ и польскимъ королемъ Ягелломъ подписана была договорная союзная грамота, которою, между прочимъ, объявлена была литовско-русскому дворянству католического исповѣданія раздача гербовъ¹⁾), соединенная съ разными преимуществами польской шляхты.

Къ первой же половинѣ XV вѣка относятся жалованія, или вѣрные подтверждительные грамоты на гербовые печати, выдававшіяся польскими королями княжескимъ фамиліямъ, происшедшими отъ Гедимина и Владимира Святаго, изъ которыхъ видно, что печати эти употреблялись этими фамиліями еще въ болѣе раннее время. Извѣстно, что князья русскіе и литовскіе издавна имѣли печати съ символическими изображеніями на нихъ. Печати эти сначала не переходили по наслѣдству и даже нерѣдко одинъ и

1) Всѣхъ гербовъ раздано было на Городельскомъ сеймѣ 47. (*Herbarz Nicieckjego I. 557*).

тотъ же князь при различныхъ обстоятельствахъ прикладывалъ не одинаковыя печати; но съ течениемъ времени символы на печатяхъ дѣлаются постоянными, наследственными. Такъ папр. Витень, говорить наша Ипатьевская лѣтопись: «нача княжити надъ Литвою (1278 г.), измысли себѣ гербъ и всему князству Литовскому печать: рыцарь збройный на конѣ, съ мечемъ, еже нынѣ нарочуть погоня». Преемникъ его, Гедиминъ избралъ для своей печати новый символъ—ангела; но большая часть послѣдующихъ литовскихъ князей опять возвращается къ прежней эмблемѣ: рыцарю збройному на конѣ, которая такимъ образомъ становится какъ бы наследственною. Къ этому же времени принадлежать, на конецъ, два важныхъ для исторіи западно-русской геральдики акта, а именно грамота короля Владислава—Ягайлы отъ 15 октября 1432 г. и другая, Сигизмунда, великаго князя литовскаго и наследственныхъ русскихъ земель, 1434 г. Въ первой грамотѣпольский король разрѣшаетъ русскимъ князьямъ, дворянамъ и боярамъ пользоваться тѣми же правами и привилегіями, какъ и литовскіе, употреблять тѣ же дворянскіе гербы, какъ и литовцы, которые заимствовали свои гербы отъ польского дворянства и употребляютъ ихъ до послѣдняго времени. Эти литовцы, войдя сначала въ соглашеніе съ поляками, употреблявшими тѣ же гербы, должны приписать русское дворянство къ своимъ гербамъ. То-же самое повторяется и въ упомянутой грамотѣ вел. князя литовскаго Сигизмунда. Такимъ образомъ этими двумя актами гербы польскихъ фамилій розданы были, (чрезъ причисленіе къ нимъ), и всѣмъ остальнымъ влиятельнымъ личностямъ Литовско-русскаго княжества, независимо отъ ихъ вѣронивѣданія. Нѣть никакого сомнѣнія, говорить Бобровичъ, что всѣ знатные паны и бояре, владѣющіе значительными помѣстьями, постарались обзавестись гербовыми клейнодами вскорѣ послѣ Городельскаго сейма. И действительно, у нѣкоторыхъ документовъ, изданныхъ вскорѣ послѣ Городельской унії (1431—33 гг.), мы встрѣчаемъ уже цѣлый рядъ печатей литовскихъ и западно-русскихъ, на которыхъ изображены гербы и, что замѣчательно, не только изъ числа вышеупомянутыхъ 47-ми, но и такихъ, которыхъ совсѣмъ не встрѣчается въ польской геральдикѣ того времени. Хотя эти по-

слѣдніе и польского происхожденія, но гораздо болѣе древніе, сохранившіеся только въ литовскихъ и западно-русскихъ фамиліяхъ отъ прежнихъ временъ.

Только мелкое литовско-русское дворянство, (сословіе зависимыхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ мелкихъ западно-европейскихъ вассаловъ,) не такъ скоро получило право имѣть гербы. Но въ 1569 г., во время Люблинской уніи, и это сословіе было уравнено въ правахъ и преимуществахъ съ польской шляхтою и получило давно желаемые имъ гербы, которые съ этого времени, по выражению *Бобровича*, начали широкимъ потокомъ разливаться по всему литовско-русскому бояжеству, охватывая всѣ слои туземного дворянства, не исключая и высшаго духовенства¹).

Замѣтимъ, что въ южно-русской литературѣ XVII в. важную роль играло описание и истолкованіе дворянскихъ гербовъ—*клейнодовъ*, какъ тогда большою частью ихъ называли. Гравированные гербы и толковательныя къ нимъ эпиграммы помѣщались на оборотѣ, а иногда и на лицевой сторонѣ заглавнаго листа почти каждой выходившей въ то время книги, какого бы содержавія она ни была. Герботолкованіе входило, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ панегирики, иногда въ посвятительныя домагнатовъ *предмовы* (предисловія въ книгахъ), эпиграфіи и пр. Въ проповѣдяхъ, произносимыхъ при погребеніи знатныхъ лицъ, считали приличнымъ обращать вниманіе на гербъ умершаго и заниматься разъясненіемъ символического значенія его *эмблемъ*²).

1) Хотя *Лакіеръ* и говорить, что для русскаго духовенства особыхъ гербовъ не образовалось, несмотря на попытки Петра Могилы (?) и патріарха Никона сочинить себѣ гербы, но это не совсѣмъ вѣрно; это совершенно справедливо только по отношенію къ сѣверо-восточной Руси, где патріархъ Никон, действительно сочинилъ себѣ гербъ и где попытка эта не имѣла успѣха. Что же касается до Руси юго-западной, то здѣсь, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Польши, это происходили иначе. Высшее духовенство избиралось преимущественно изъ шляхетства и сохраняло свои родовые гербы, дополняя ихъ атрибутами духовнаго сана, какъ то: митрою, крестами, архиерейскими посохомъ и проч.

2) См. по этому вопросу статью С. Голубева: „Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-русскихъ фамилій въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVII в.“ въ Трудахъ Кіенск. Дух. Академіи 1872 г. кн. X. стр. 295—352. Замѣстуемъ позѣ этой статьи образцы южно-русскихъ гербовъ XVI и XVII вѣка, помѣщенные на таблицахъ.

Хотя родовые знамена, какъ мы видѣли, и замѣнены были въ Польшѣ съ XIV го вѣка областными, одиако въ древнихъ русскихъ областяхъ и вел. княжествѣ Литовскомъ продолжалъ до конца XVII вѣка существовать обычай приписываться къ одному знамени и помѣщать на немъ родовой гербъ старшаго областнаго воеводы, или полковника. Такъ напр. послѣ взятія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Полоцка и Смоленска многія фамиліи *Полоцкой* и *Смоленской* шляхты, приписанныя, какъ значится въ актахъ, къ знаменамъ, черному и красному, переселены были въ въ Уфимскій край, гдѣ сдѣлались родоначальниками многихъ русскихъ дворянскихъ фамилій¹⁾.

Другой весьма интересный примѣръ подобнаго гербового знамени сохранился въ дворянскомъ родѣ *Каховскихъ*, принадлежавшихъ къ Смоленской шляхтѣ и перешедшихъ въ русское подданство и православіе въ 1654 г., со взятиемъ Смоленска. На этомъ знамени, которое, по семейному преданію, служило *полковымъ* для Смоленской шляхты еще при польскомъ господствѣ, мы видимъ, подъ священными изображеніями Богоматери и святыхъ, польскій гербъ *Нечул*, которымъ пользовались Каховскіе²⁾. На другомъ польскомъ знамени 1649 г., повидимому, Волынскаго воеводства, которое сохраняется въ Московской Оружейной Палатѣ, изображена фигура архангела Михаила, а возлѣ нея, подъ четырехъ-конечнымъ уширеннымъ крестонъ (гербъ Волыни), помѣщенъ въ щитѣ гербъ такъ наз. *Strzala sovita*,³⁾ принадлежавшій одной изъ фамилій этого герба. Чтобы нѣсколько ознакомиться съ геральдическимъ типомъ гербовъ юго-западной Руси, приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ, которые мы заимствуемъ изъ печатныхъ изданій

1) См. *Сборникъ материаловъ для истории Уфимского дворянства* Б. А. Носикова, изд. Гуревичемъ. Уфа. 1904 стр. 25. „Служилые люди, бывшіе первоначальными поселенцами Уфимского края, происходили изъ Смоленской и Полоцкой шляхты 4-хъ знаменъ, присланной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1655 г. и привившей подданство Россіи по взятію Смоленска. Изъ нихъ 124 чел., при черномъ знамени, поселены въ Мензелинскѣ; 126, при красномъ знамени—въ Шашминскѣ.

2) Свѣдѣнія объ этомъ знамени, рисунокъ котораго мы даемъ на таб. И. ф. 5, любезно сообщены намъ полковникомъ Б. В. Каховскимъ. Каховскіе въ Польшѣ жили въ Сандонірской области, гдѣ владѣли Каховыми и г. Кониномъ. Въ XV вѣкѣ одна вѣтвь ихъ перешла въ Смоленскую область, а впослѣдствіи и въ русское подданство.

3) *Herbarz Kojalowicza* p. 296

XVI и XVII вѣка. Эти образцы представляютъ особенный интересъ для нашей русской геральдики, какъ прототипъ нашихъ позднѣйшихъ русскихъ гербовъ, какъ первые гербы, переходившіе къ намъ изъ Польши и Литвы. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ многія фамиліи изъ Литвы, а также изъ возвращенныхъ Московскимъ государствомъ древнихъ русскихъ областей, Малороссіи и Смоленска, переходя на службу русскаго государя, удерживали свое древнее отличіе—гербъ, и позднѣе, въ концѣ XVII вѣка, только просили царя объ утвержденіи за ними таковаго.

Начнемъ съ *княжескихъ* гербовъ Западной Руси. Гербъ *князей Острожскихъ*, помѣщенный на оборотѣ заглавнаго листа Острожской Библіи изд. въ 1581 г. (таб. Д. ф. 122), представляетъ четверочастный щитъ, имѣющій форму тарча; надъ нимъ шлемъ, увѣнчанный 5-ю страусовыми перьями и съ двухъ вѣтвями намѣтомъ, окружающимъ щитъ. Въ первомъ полѣ его изображенъ обращенный вѣво всадникъ, поражающій копьемъ дракона (св. Георгій): эта фигура употреблялась кн. Острожскими, какъ и другими Рюриковичами, въ память ихъ происхожденія отъ князей Русскихъ¹⁾). Во второмъ полѣ — всадникъ обращенный вправо съ поднятымъ мечемъ — это упоминавшаяся выше такъ наз. *Погонь (Рогон)*—гербъ вел. княжества Литовскаго: она принята была княземъ Константиномъ Острожскимъ первымъ въ память родственного союза съ некоторыми фамиліями изъ дома кн. Литовскихъ. Остальные двѣ гербовые фигуры: въ 3-мъ полѣ — польскій гербъ *Огончикъ*, и въ 4-мъ — гербъ *Лелива*, указывали также на брачные союзы княжеской семьи съ польскими фамиліями, имѣвшими эти гербы; впрочемъ, по другому толкованію, соединенные эмблемы двухъ послѣднихъ гербовъ, (*Огончикъ* сверхъ *Леливы*), и составляли собственно родовую гербовую эмблему кн. Острожскихъ.

Гербъ *князей Вишневецкихъ* (таб. Е. ф. 125), потомковъ Гедимина, (изъ книги, изд. въ Киевѣ въ 1632 г.), содержитъ въ

¹⁾ Существуетъ, впрочемъ, другое мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ, а также и упоминаемыхъ ниже кн. Четвертинскихъ, которое производить ихъ отъ Литовскихъ князей, племени Гедимина. См. *Исторію родовъ русскаго дворянства*, П. Петрова. Спб. 1886, стр. 159.

сердцевомъ щитъ — родовой гербъ вел. кн. Литовскихъ — *Погонь*; далѣе, въ первомъ полѣ — гербъ *Корибутъ* (Ольгерда), во второмъ — полумѣсяцъ рогами внизъ, съ крестомъ сверху; въ третьемъ и четвертомъ — гербовые эмблемы *Молдавіи* и рода *Могилъ*, вѣроятно, указывающія на брачные союзы княжеской фамилії.

Гербъ князей Четвертинскихъ (таб. Д. ф. 124), изъ книги, изд. въ Киевѣ въ 1641 г., заключаетъ въ верхней части пересѣченного щита св. Георгія, (по той же причинѣ, какъ и въ гербѣ кн. Острожскихъ), а въ нижней — скакущаго на неосѣданномъ бѣломъ конѣ совершенно обнаженнаго юношу (*младзіан*) съ мечемъ въ рукѣ. (Впрочемъ, кн. Четвертинские, по происхожденію Рюриковичи, имѣли и другой гербъ, болѣе сложный).

Переходимъ къ гербамъ духовныхъ сановниковъ юго-западной Руси. Гербъ Петра Могилы, митрополита Киевскаго (таб. Е. ф. 130), заимствованный изъ книги, изд. въ Киевѣ въ 1630 г., представляетъ щитъ, пересѣченный и дважды разсѣченный, образующій 6 полей. Въ 1-мъ и 4-мъ поиѣщены гербовые эмблемы *Молдавіи*, (голова буйвола и пр.) и *Валахіи*, (вороны съ крестою въ клювѣ), на томъ основаніи, что *Могилы* были нѣкогда господарями этихъ странъ. Во 2-мъ (верхнемъ) полѣ родовой гербъ Могилъ — двѣ перекрещенные сабли, съ крестами на концахъ; въ 3-мъ полѣ —польскій гербъ *Елита*, въ 5-мъ — гербъ *Остоля*, въ 6-мъ — гербъ *Новина*. Всѣ эти гербы помѣщались въ клейнодѣ фамиліи Могилъ, какъ брачные, или какъ гербы покровительства, (*Елита* — гербъ Замойскихъ). Гербъ митрополита увѣнчивался, кроме геральдическихъ шлемовъ съ коронами и нашлемникаи, еще митрополичею митрою, (на другихъ изображеніяхъ — шляпою, вродѣ католического каплюша).

Гербъ Кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны (Табл. Е. ф. 128), изображенный въ книгѣ, изд. въ Киевѣ въ 1648 г., имѣть въ сердцевомъ щитѣ литовскую *Погонь*, а въ поляхъ четырехчастнаго щита польскіе гербы: *Гоздава* (лилія), *Друцкі* (четыре полумѣсяца, между ними мечъ), *Елита* (три золотыхъ копья, сложенныхъ въ видѣ звѣзды) и *Побогъ* (подкова, подъ нею крестъ).

Гербъ пановъ *Балабановъ*, изъ дома которыхъ происходилъ митрополитъ Киевскій Діонисій Балабанъ (Табл. Е. ф. 126), изображенъ въ книгѣ, изд. въ 1606 году, и заключаетъ гербовую эмблему *Корчакъ*: въ нашлемнике — собачья голова, возникающая изъ котла щитовыхъ цвѣтовъ.

Изъ гербовъ южно-русскихъ фамилій уважемъ еще древній гербъ извѣстнаго въ исторіи Малороссіи кіевскагомагната *Адама Киселя* (Таб. Д. ф. 123), изъ кіевскагоизданія 1635 г. Это такъ наз. гербъ *Свентольдичъ*, изображающій въ червленомъ полѣ бѣлый шатеръ, имѣющій черную съ бѣлымъ вершину, съ золотымъ крестикомъ надъ нею; по сторонамъ шатра — двѣ звѣзды. Въ нашлемнике герба — три кирпичныя башни. Гербъ этотъ имѣеть свою исторію. По преданію, внесенному отчасти и въ нашу лѣтопись, въ княженіе Владимира Мономаха воевода Свентольдъ Кисель, въ отсутствіе великаго князя, съумѣлъ спасти Кіевъ отъ осаждавшихъ его Печенѣговъ слѣдующою хитростью: когда въ Кіевѣ сдѣлался голодъ и осажденные стали упадать духомъ, Кисель велѣлъ вырыть двѣ ямы, изъ которыхъ въ одну насыпалъ муки, а въ другую налилъ воды и, подсластивъ ее медомъ, смѣшаль, что и образовало сіѣсь, въ родѣ *киселя*. Кіевляне, увидѣвъ, что земля ихъ производить муку и медъ и сама даетъ готовую пищу, ободрились и отбили непріятеля ¹⁾). Этотъ гербъ принадлежитъ у насъ дворянскимъ родамъ *Киселевыхъ* и *Брусиловыхъ*. Въ Литвѣ были извѣстны Кисели — Брусиловскіе, изъ дома которыхъ происходилъ и Адамъ Кисель, каштелянъ Кіевскій и воевода Брацлавскій. Другой гербъ, фамиліи *Стеткевичей* (Таб. Е. ф. 129) содержитъ въ четверочастномъ щите польскіе гербы: въ 1-мъ полѣ — *Косцельша*, во 2-мъ — *Огинецъ*, въ 3-мъ — *Друцкъ* и въ 4-мъ — *Богорія*. Въ нашлемнике его — 3 страусовыхъ пера. Наконецъ, заимствованный изъ *Евангелія учительного*, кіевскагоизданія 1637 г., гербъ принадлежитъ древней малороссійской фамиліи *Проскура - Сущанскихъ* (таб. Е. ф. 127) и содержитъ руническую эмблему.

Изъ всего сказаннаго достаточно явствуетъ, что наша рус-

¹⁾ *Лакієръ*, Русская геральдика II стр. 431.

ская геральдика, появившаяся не раньше второй половины XVII-го вѣка, имѣла уже готовые образцы въ тѣхъ гербахъ, которые во множествѣ заносились въ предѣлы Московского государства, не только изъ сосѣдней Польши и Литвы и возвращенныхъ русскихъ областей, но также и многочисленными выходцами изъ другихъ странъ западной Европы. Это не замедлило, конечно, повлиять на появление и развитіе у насъ геральдического вкуса. Мы уже упоминали выше (стр. 44) о зарожденіи государственной геральдики при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при чёмъ дѣятельная роль выпала на долю Посольского приказа съ его тогдашимъ начальникомъ, любителемъ просвѣщенія и западныхъ новшествъ, бояриномъ А. С. Матвѣевымъ. Гербы, въ настоящемъ значеніи этого слова, стали употреблять въ Россіи прежде другихъ иностранцы, состоявшіе тогда въ вѣдѣніи Посольского приказа. Этимъ объясняется, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII вѣка *гербы скazyвались* изъ Посольского приказа, что и оставалось такъ до учрежденія Герольдіи при Петрѣ.

Развитіе геральдического вкуса, распространявшагося у насъ въ то время главнымъ образомъ чрезъ Польшу, отразилось между прочимъ и въ дошедшихъ до насъ *зnamenakhъ и прaporахъ* временъ царя Алексѣя Михайловича. Таково, наприм., такъ наз. *гербовое знамя* 1666 — 1678 г., на которомъ, вокругъ Московскаго герба, изображены въ kleymахъ областные гербы (*Oруж. Пал.* № 4071). Нѣсколько знаменъ *стрѣлецкихъ и иноземскихъ* полковъ того времени представляютъ также несомнѣнныи геральдическій интересъ, почему мы воспроизводимъ ихъ здѣсь по подлинникамъ, сохранившимся въ Оружейной Палатѣ¹⁾.

На двухъ *стрѣлецкихъ* знаменахъ № 4141 (*таб. II ф. 3*) мы видимъ въ кругломъ kleymѣ правильное геральдическое изображеніе возстающаго коронованнаго трифы съ мечемъ въ правой лапѣ; на другихъ двухъ *драгунскихъ* знаменахъ XVII-го вѣка (№ 4171 *Oруж. Пал.*) изображены также, согласно описи: „*зельръ трифъ, повыше зельра — по кресту лазоревому*“. (*таб. II ф. 1*).

1) Знамена эти издаются здѣсь впервые, послѣ произведенной нами реставраціи оригиналовъ, чрезъ нашивку ихъ на туль.

На солдатскомъ знамени (№ 4144 *Оруж. Пал.*) конца XVII вѣка мы видимъ изображеніе птицы — трифа (съ рогами) въ кругѣ; въ углу вшить 6-ти конечный крестъ, на поляхъ 8 звѣздъ. (таб. К ф. 2).

Далѣе укажемъ два знамени XVII в., *Сибирскихъ стрельцовъ* (№ 4173—74 *Оруж. Пал.*), на которыхъ изображены посреди, въ совершенно геральдическомъ стилѣ, излюбленныя у насъ въ то время эмблемы льва и единорога, стоящихъ и обращенныхъ лицомъ другъ къ другу: на каймахъ этихъ знаменъ, сдѣланныхъ изъ холста, вшиты изображенія: *солница, креста изъ лилий и осьмилистника, или розы*, (таб. К ф. 5) ¹⁾.

На солдатскомъ знамени конца XVII в. (№ 4147) вшито изображеніе *Китовраса*, пускающаго стрѣлу (таб. К ф. 6); на другомъ (№ 4145 таб. К ф. 1) выходящая изъ облака *рука, закованная въ латы, со мечемъ*. Обѣ эти эмблемы встрѣчаются въ польской геральдикѣ, гдѣ первая носить название герба *Kitawrus*, а вторая — меньшей *Погони* (*Pogon tnieysza, или Sdarbozec*) ²⁾.

На сотенныхъ знаменахъ *Астраханскихъ стрельцовъ*, конца XVII в. (№ 4108—4114 *Оруж. Пал.*) мы видимъ изображеніе *Астраханскаго герба* (изъ *Царскаго титуларника*): въ лавровомъ полѣ сабля бѣлая подъ короною Астраханскою, черенъ сабли и корона золотые.

Укажемъ, наконецъ, знамена полковъ *московскою строю* (№ 4121—25), временъ царя Михаила Федоровича, изъ желтой шелковой камки, съ вшитыми въ нихъ совершенно геральдическими андреевскими, такъ наз. *пнистыми крестами* (*schräges Astkreuz*). Здѣсь мы встрѣчаемъ важное для насъ указаніе на то, что геральдическія эмблемы въ нашихъ войскахъ XVII в. полу-

¹⁾ Знамена эти, безо всякаго основанія, въ *Описи Оруж. Палаты* отнесены къ XVI в., и значатся будто-бы принадлежавшими Ермаку и его сподвижникамъ.

²⁾ Въ польской геральдикѣ есть пять видовъ герба такъ наз. *Погони*, изъ которыхъ три изображаютъ съ различными вариантами *сабника со мечемъ*, а двѣ остальные — *руку со мечемъ*. Обѣ эмблемы эти употреблялись въ гербахъ фамилій литовскаго происхожденія (первый видъ *Погони* — княжескими фамиліями, происходившими отъ Гедимира). Послѣднею особенно изобилуютъ наши русскіе гербы, часто безо всякаго отношенія къ происхожденію изъ Польши и Литвы.

чали распространение также и чрезъ служившихъ у насть тогда иноземцевъ, выходцевъ изъ западвой Европы. Упомянемъ здѣсь также нагрудные знаки съ львиными личиками, украшавшіе въ тѣ времена грудь нашихъ *пушкарей*, каковые, несомнѣнно, западнаго происхожденія и имѣютъ также геральдическій типъ¹⁾.

Съ XVII-го вѣка появляется у насть обычай употребленія царскими послами при дипломатическихъ встрѣчахъ съ иноземными послами, какъ напр. при посольскихъ съѣздахъ, особыхъ *прапоровъ*, или, по западному, *баниеръ*. Прапоры эти, вѣроятно, введены были у насть тогда по примѣру подобныхъ же, существовавшихъ въ сосѣдней Польшѣ. Они украшались различными эмблемами, въ томъ числѣ иногда гербами той или другой области, въ соотвѣтствіи съ почетными титулами *намѣстниковъ* таковыхъ, которые давались государевымъ посламъ. Такіе посольские прапоры носятъ иѣкоторый геральдический отпечатокъ, но въ то же время подтверждаютъ и тотъ фактъ, что личныхъ гербовъ у насть въ то время еще не было, даже у самыхъ сановитыхъ лицъ; если же они и выбирали какую-нибудь геральдическую эмблему, то она имѣла лишь случайный характеръ и не являлась наслѣдственною, т. е. гербомъ въ дѣйствительномъ его значеніи. Въ Оружейной Палатѣ сохраняются два такихъ прапора — боярина *Василія Семеновича Волынскаго*, большой и малый: они служили, вѣроятно, подобнымъ знакомъ достоинства при посольскихъ переговорахъ его съ Польшею. Извѣстно, что въ 1671 г. онъ посланъ былъ на Андрусовскій съѣздъ; въ слѣдующемъ году отправился полномочнымъ посломъ въ Милютичи для рѣшенія пограничного спора между Литвою и Запорожскими казаками; наконецъ, онъ жеѣздилъ посломъ и въ Варшаву. На большомъ шелковомъ прапорѣ, или знамени Волынского, червленаго цвета, (№ 4201) изображенъ царь Константинъ, поклоняющійся св. кресту, съ надписью: „*Симъ побѣдиши враги*“, а внизу

¹⁾ Въ росписи оружія 1664 г. сказано: „отпущенено изъ Оружейной Палаты въ Пушкарской приказъ пушкарямъ 34 пары кругловъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ пары желѣзныхъ круговъ, льговы головы, да въ рому пушки, на желѣзныхъ кругахъ писаны орлы одноглавые, въ правой лапѣ пушки, въ лѣвой — трость. (Арх. Оруж. Пал. роспись 172 г. лл. 1—4, 8, 16).

знамени, по польски: „*Snamie Basily Siemonewitz Wolynskiego*“. По полю и откосамъ его разсыпаны золотыя звѣзды. Малый прaporъ того-же Волынскаго былъ уже нами описанъ выше (стр. 194, прим. 2) и воспроизведенъ на таб. II ф. 2.

Подобный же характеръ посольскихъ имѣютъ относящіеся также къ XVII вѣку прaporы (№№ 4199, 4200 *Оруж. Пал.*), изъ нихъ послѣдній — съ *Владимирскимъ гербомъ*; на откосахъ ихъ изображены львы и драконы. (Таб. К ф. 8. Таб. II ф. 4). Наконецъ, на прaporѣ № 4195 изображенъ Архангель Михаилъ на огненномъ конѣ, (около него булавы З. А. Н. В. С., обозначающіе, вѣроятно, кому принадлежало это знамя, или прaporъ); на сохранившемся откосѣ его — геральдический левъ. (Таб. К ф. 3).

Всѣхъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, насколько геральдическая эмблемы, пропиавшія съ Запада, сдѣлались у насъ обычными въ XVII вѣкѣ. Это создало ту геральдическую почву, на которой въ исходѣ этого вѣка могли появиться у насъ, наконецъ, и родовые гербы.

XXII.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наша русская геральдика слагалась подъ влияніемъ Запада и главнымъ образомъ Польши; но также, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, она получила и у насъ свои особенности, заимствованныя изъ мѣстныхъ культурно-историческихъ условій.

Хотя понятіе о гербѣ перешло къ намъ изъ Польши и Литвы, но идея, лежавшая въ основѣ польской геральдической системы, не могла найти у насъ полнаго примѣненія уже и потому, что наша русская геральдика ииѣла и свои чисто русскіе источники, а именно древніе знамя, или знамена, служившія для означенія родовыхъ владѣній и перешедшія затѣмъ въ печати и, наконецъ, и въ гербы княжескихъ родовъ.

Элементы первобытной геральдики, въ видѣ особыхъ знаковъ для узнаванія другъ друга въ бою, а также для обозначенія разныхъ видовъ собственности, существовали издавна и у насъ,

какъ и у другихъ народовъ Востока и Запада. Такъ наприм. въ Новгородской лѣтописи подъ 1016 г. приводятся слова Ярослава къ дружинѣ: „*зnamenайтесь, повивайте себѣ убрусы голову*“ (*Новг. I лѣт. 1016 г.*) Безъ сомнѣнія, существовали и другіе отличительные боевые знаки, какъ напр. *червленые щиты* русскихъ воинокъ, упоминаемые въ «*Словѣ о полку Игоревѣ*». и т. под. Въ другой лѣтописи упоминается о томъ, что: «*ловища вел. княгини Ольги суть по всей земли знамяна, и мѣсты и повости.*» (*Пов. времен. лѣтѣ 947 г.*). Издавна принято было на Руси обозначать межевые грани земельныхъ владѣній особыми знаками, (какъ напр. топоръ, мукъ, вилы, борода, косы, мотовило и т. под.), каковыми изобилуютъ наши древнія писцовые книги. Знаки подобнаго рода встрѣчаются у насъ и на монетахъ. Извѣстны напр. такие родовые знаки на монетахъ Владимира Святаго и его сыновей, Святополка и Ярослава¹). Древній княжескій бытъ не далеко уходилъ тогда отъ быта простонародья тѣхъ временъ. Какъ князь, такъ и смердь имѣли одинакового рода собственность, заключавшуюся въ скотѣ, скирдахъ, хлѣбѣ, бортяхъ пчель и т. под. На эти предметы являлась надобность *класть знакъ*, указывающій на ихъ принадлежность; отсюда и произошли созданные самою жизнью *знакена, рѣзы и пятна*, примѣнявшіеся на всей собственности князей и распространявшіеся и на чеканившуюся ими монету.

Наконецъ, и у насъ, на Руси существовали съ древнѣйшихъ временъ шлемы, щиты, кольчуги и другія принадлежности боеваго вооруженія. Однако изо всѣхъ этихъ, перечисленныхъ нами элементовъ, въ силу особыхъ условій нашей культуры, не выработалось геральдическихъ формъ въ видѣ наследственныхъ гербовъ, какъ мы это видѣли на Западѣ. Боевыми символами являлись у насъ исключительно *священные изображенія*, помѣщавшіяся

1) Этотъ родовой знакъ на монетахъ Владимира Святаго имѣетъ форму *трезубца*, съ крестомъ надъ среднею его чертой; знакъ этотъ на монетахъ его сыновей представляетъ незначительная *измененія*, которымъ исследователи приписываютъ значение тѣкъ наз. геральдическихъ *brisures*. См. статью А. В. Орешникова: „*Новые материалы по вопросу о загадочныхъ фигурахъ на древнейшихъ русскихъ монетахъ*“. *Археолог. Изв. 1894. № 10.*

на военныхъ знаменахъ, а иногда и на щемахъ военачальниковъ, (каково напр. изображеніе св. архистратига Михаила на щемѣ великаго виця Ярослава Всеволодовича, или же изображеніе такъ наз. *Десуса (моленія)* и святыхъ на княжеской боевой шапкѣ византійскаго типа, XIII вѣка). Такимъ образомъ на боевомъ оружіи нашихъ князей свѣтскія эмблемы, въ силу религіозныхъ взглядовъ, признавались неумѣстными; тавовыя допускались иногда на княжескихъ печатахъ, хотя и на этихъ послѣднихъ все же преобладали священные изображенія¹⁾.

Какъ мы уже замѣтили выше (стр. 89), въ нашей русской геральдикѣ печати предшествовали гербамъ и поэтому изученіе чисто русскихъ источниковъ нѣкоторыхъ нашихъ гербовъ болѣе древнаго происхожденія находится въ тѣснѣйшей связи съ русскою *сфрагистикой*. Слѣдя за исторіею нашихъ печатей, государственной и частныхъ лицъ, мы постепенно приближаемся къ *гербу*, т. е. печати съ признакомъ наследственности, каковой появляется у насъ для частныхъ лицъ не ранѣе ѣпохи Петра Великаго. Исторія русской государственной герба тѣсно связана съ исторіей печатей Московскихъ государей, служившихъ первоначальнымъ его проявленіемъ.

Употребленіе печатей на Руси вообще восходитъ до отдаленныхъ временъ договоровъ древнихъ Руссовъ съ Греками. Упомянутый нами обычай ставить знаки собственности на великонижескихъ монетахъ перешелъ и въ болѣе позднюю (XIV—XV в.) ѣпоху; но только *родовой знак* замѣнился изображеніемъ *перстной княжеской печати*, которая вырѣзывалась на монетномъ штампѣ, вокругъ коего прибавлялась надпись: «печать князя, или великаго князя» и отчеканивалась на монетѣ. Печати, употреблявшіяся удѣльными и великими князьями древней Руси, изображали чаще всего либо Спасителя, Богоматери съ Младенцемъ,

1) Причинъ такой исключительности слѣдуетъ искать отчасти въ самомъ характерѣ нашего древнерусского искусства, имѣвшаго исключительно религиозный, церковный характеръ, въ противоположность западному. Такъ напр. на Западѣ средневѣковая архитектура изобилуетъ изображеніями животныхъ въ разныхъ чудовищъ, въ видѣ наружныхъ прилѣповъ на храмахъ и др. зданияхъ; у насъ же такихъ изображеній запрещаются, не только въ церквяхъ, но и на воротахъ домовъ. См. Ф. И. Буслаева *Сочиненія*, т. I, стр. 28, изд. 1908 г.

или же особенно почитаемаго святаго, обыкновенно соименнааго князю, владѣтелю печати. Но вообще всѣ дошедшія до настѣ печати русскихъ князей татарскаго періода носятъ весьма разнообразный и случайный характеръ, что объясняется отсутствіемъ въ тѣ времена понятія о наслѣдственной эмблемѣ или гербѣ. Въ XIV—XV вв. печати не имѣли еще того значенія, которое онѣ стали получать позже, начиная съ Иоанна III, при которомъ понятіе о государственности, а въ связи съ нимъ и наглядное представлениe о ней въ формѣ герба, получило большее развитіе.

Каждый князь, властствуя въ своемъ удѣлѣ, имѣлъ и необходимость въ печати, которую онѣ утверждалъ, какъ свои договоры съ Москвою и иными городами, такъ и акты своихъ подданныхъ. Если печати эти, первоначально произвольныя, часто видоизмѣнялись, если нельзя положительно сказать, что всѣ онѣ перешли въ гербы, тѣмъ не менѣе было явленіемъ совершенно естественнымъ, что удѣльные князья, утративъ свою самостоятельность и занявъ въ рядахъ Московскихъ служилыхъ людей самое почетное мѣсто, по обычаю, существовавшему издавна, сохраняли въ печатяхъ своихъ изображенія, которыхъ были первоначально эмблемами ихъ владѣнія тѣль или другимъ княжествомъ и получали затѣмъ наследственный характеръ герба. Такимъ образомъ печати предшествовали у настѣ фамильнымъ княжескимъ гербамъ, появившимся гораздо позднѣе.

Самостоятельныя области, Новгородская и Псковская также имѣли свои собственные печати, еще до присоединенія ихъ къ Москвѣ¹⁾). Впослѣдствіи каждая присоединенная къ Московскому

1) Первоначально печать Великаго Новгорода имѣла изображеніе „ельческѣ ступеней, съ положенными на нихъ похожими архиепископа“ и надписью: „господина Великаго Новгорода“. Впослѣдствіи къ этому основному изображенію были прибавлены: медведь и собака, на печати Грознаго, съ надписью: „печать намѣстника Вел. Новгорода“ (Таб. Ж ф. 6) и, ваконецъ, въ XVII вѣкѣ—два медведя и внизу 2 рыбы (на царскомъ покровцѣ и тарелкѣ царя Алексея Михайловича ф. З. 7.) Любопытство, что въ Гамбургѣ, въ числѣ другихъ гербовъ городовъ Ганзейской союза, сохранился древній гербъ Вел. Новгорода съ изображеніемъ золотой фигуры великаго князя, въ Мономаховой шапкѣ. Гербъ этотъ, конечно, иноземнаго происхожденія и у насъ, повидимому, примѣненія не получилъ. Гербъ Псковскій: бѣющій вправо барсъ—изображенъ также на печати Грознаго (ф. 6) и на тарелкѣ ц. Алексея Михайловича (ф. 10). По мнѣнію Лагюра, эмблема Псковскаго герба Ганзейскую происхожденія.

государству область получала свою особую, *путную* печать, (для автювъ, исходившихъ отъ государева именіи, изъ разныхъ *путей* центрального управления). Отсюда понятно, что и такія завоеванія, какъ Смоленскъ, царство Казанское и царство Астраханское, по примѣру Новгорода и Пскова, получали немедленно же свои особыя печати. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна сохранившаяся до настоящаго времени большая печать *Ливонской земли*, на автѣ 1564 года¹⁾. Печать эта прекрасно выполнена и замѣчательного рисунка. Двуглавый русскій орелъ, съ Московскимъ всадникомъ на груди, попираетъ ногами два геральдическихъ щита, на одномъ изъ которыхъ—Литовская *погоня*, а на другомъ—мечъ, крестъ на крестъ съ ключемъ. Изъ официальнаго лѣтописнаго объясненія мы узнаемъ и причину помѣщенія этихъ гербовъ. «Того лѣта (1564), говоритъ лѣтопись, повелъ царь и вел. князь сдѣлать печать въ свою вотчину, Вифляндскую землю, въ градъ Юрьевъ, а на печати клеймо—орелъ двоглавый, а у орла, у правые ноги *гербы*, печать магистра Ливонского, а у лѣвые ноги гербы, печать Юрьевскаго бискупа»¹⁾.

Государственная печать, или *герба Московскаго государства* установилась, какъ известно, при Иоаннѣ III, послѣ брака его съ греческою царевной Софией Фоминичной Палеологъ, изъ послѣдняго императорскаго рода Византіи. Печать эта двухсторонняя: на одной сторонѣ ея изображенъ скакущій вправо крылатый всадникъ, который поражаетъ копьемъ змѣя; на другой сторонѣ—изображеніе двуглаваго орла съ опущенными распластанными крыльями и съ короной на каждой головѣ. Изъ этой первоначальной государственной печати, чрезъ частичныя видоизмѣненія и дополненія ея, постепенно слагался Россійскій государственный гербъ въ его нынѣшнемъ видѣ. При отсутствіи у насть до конца XVII в. гербовъ у частныхъ лицъ можно рассматривать нашъ государственный гербъ со входившими въ его составъ областными печатями, или гербами, какъ полное отраженіе нашей русской государственной геральдики въ эту первоначальную ея эпоху.

¹⁾ *Русск. Историч. Библиотека* т. III. стр. 230. Снимка древн. русск. печат. М. 1882. Таб. 67. См. Н. Лихачев. *Дѣло о прѣзѣде въ Москву Антонія Поссеиниа*. Спб. 1893. стр. 129.

Важнейшимъ видоизмѣненіемъ двухсторонней печати Иоанна III было соединеніе въ одно обѣихъ составныхъ частей ея, т. е. всадника стали изображать на щитѣ, на груди орла, что и дало печати характеръ законченного герба. Впервые печать и золоты монеты съ такимъ соединеніемъ встрѣчаются въ царствованіе Иоанна IV Грознаго. Затѣмъ мы видимъ печати съ такимъ же соединеннымъ изображеніемъ орла со всадникомъ въ царствованіе Феодора Иоанновича, обоихъ Лжедмитріевъ и царя Михаила Федоровича.

Изъ частныхъ дополненій герба Иоанна III-го важнейшее состояло въ томъ, что вокругъ двуглаваго орла стали изображать гербы главныхъ областей, присоединенныхъ къ Московскому государству. Первый примѣръ герба съ такимъ дополненіемъ сохранился на печати царя Иоанна IV Грознаго, которая находится при грамотѣ первого Лжедмитрія къ его тестю, Юрію Миншень. На этой печати, вокругъ двуглаваго орла съ всадникомъ на груди, изображены печати, или гербы областей: Казанской, Нсковской, Тверской, Пермской, Болгарской, Черниговской, Нижегородской, Вятской, Югорской, Смоленской, Астраханской и Новгородской (Tab. Ж ф. 6) ¹⁾. При царь Алексѣѣ Михайловичѣ въ большой государственной печати гербы отдельныхъ областей замѣнены болѣе общими эмблемами, именно: на правой сторонѣ изображены три городка и надъ ними буквы *B. M.* и *B.*, т. е. *Великая, Малая и Большая Россия*; а на лѣвой сторонѣ отъ орла другіе три городка съ буквами *B. Z.* и *C.*, т. е. *Восточная, Западная и Сѣверная* страны. Подъ орломъ помѣщены эмблематический знакъ «*отчича и дѣдича*», (два прапора, между которыми помѣщены *въ столбъ 4* равноконечныхъ крестика), охраняемый съ каждой стороны *5-ю* вооруженными воинами. Надъ орломъ—три короны, которые, по официальному объясненію того времени, обоз-

¹⁾ Надъ орломъ уже въ государственной печати Иоанна Грознаго появляется посрединѣ корона, которая однако становится *постояннымъ атрибутомъ* двуглаваго орла лишь со времени царя Михаила Федоровича. Въ окружной царской грамотѣ 1625 г. о *сдѣланіи новой государственной печати* (изд. въ ч. II. № 70. Собр. Госуд. Грамоты и дооворовъ), говорится: «*а что у нашей прежней печати были промежъ глазъ орловыхъ слова, иныѣ у новыя нашей печати слогъ иже, а надъ глазами у орла—коруна*». Так. обр. съ этихъ поръ орелъ получаетъ 3 короны.

начали «*три великихъ славныхъ царства: Казанское, Астраханское и Сибирское*»¹⁾.

Упомянемъ о другомъ варіантѣ государственного герба, сдѣланномъ при Иоаннѣ IV Грозномъ: онъ состоялъ въ присоединеніи къ двуглавому орлу „единорога“, особенно на двухстороннихъ печатяхъ²⁾). При этомъ на одной сторонѣ печати изображался орелъ со всадникомъ на груди, а на другой сторонѣ—орелъ съ фігурою единорога, (вместо всадника) Такая усложненная форма герба встрѣчается и въ царствованіе Бориса Годунова и царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Мы уже упоминали о томъ, что единорогъ является эмблемою на частной печати Иоанна Грознаго. При царь Алексѣѣ Михайловичѣ, при геральдизаціи государственного герба, рѣшительное предпочтеніе дано было изображенію всадника, и съ этихъ поръ эмблема единорога исчезаетъ отсюда окончательно.

Та же форма и тѣ-же изображенія, какія находились на большой печати царя Алексѣя Михайловича, сохранились также въ государственныхъ печатахъ Феодора Алексѣевича и первыхъ годовъ царствованія Петра. Гораздо познѣе атрибуты въ государственномъ гербѣ, приложенномъ къ дневнику иностранца *Корба*, бывшаго въ Россіи въ концѣ XVII вѣка: здѣсь мы видимъ на груди орла—Московскій гербъ; на правомъ крылѣ его—зnamена: Киевское, Новгородское и Астраханское, а на лѣвомъ—Владимирское, Казанское и Сибирское. Вокругъ всего герба, на особыхъ щиткахъ—26 другихъ гербовъ областей и городовъ, упоминаемыхъ въ титулѣ Русскаго Царя, ему принадлежащихъ, равно и тѣхъ областей, на которые Россія имѣла притязаніе. (Таб. 3).

По иѣрѣ увеличенія предѣловъ Россіи должны были измѣняться и гербы, окружающіе двуглаваго орла: гербы городовъ, прежнихъ столицъ бывшествъ, уступили мѣсто гербамъ отдѣльныхъ царствъ и государствъ, присоединенныхъ къ Россіи. Въ

¹⁾ См. статьи наказа, даннаго переводчику Посольского приказа Василию *Боушу* въ 1667 г. изд. въ ч. IV. № 57. *Собр. Госуд. Грам. и договоровъ*. Три короны, вѣнчающія двуглаваго орла, при царь Алексѣѣ Михайловичѣ стали по формѣ ближе подходить къ шапкѣ Мономаха.

²⁾ См. *Таб. Ж* ф. 1.

настоящее время на правомъ крылѣ орла, въ государственномъ гербѣ помѣщаются гербы царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, а на лѣвомъ — царствъ: Польскаго, Таврическаго и великаго княжества Финляндскаго. Въ большой же государственной печати, кромѣ того, вокругъ щита — гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей.

Три царскія короны, вѣнчающія двуглаваго орла, при Петрѣ I измѣнены были, съ принятіемъ имъ императорскаго титула, въ императорскія.

Кромѣ государственной печати, весьма важный матеріаль по изученію вопроса о возникновеніи областныхъ и городскихъ гербовъ представляютъ: «*Снимки съ древнихъ русскихъ печатей, изданные Комиссіей печатанія Госуд. грамотъ и договоровъ при Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ*», а также помѣщенные въ «*Сборнику съ древнихъ печатей Моск. Арх. М. Юстиціи*», изд. Ивановы мѣ. Въ приложеніи приводимъ интересную въ этомъ же отношеніи архивную *роспись 1656 г. печатей Сибирскихъ городовъ*, съ описаніемъ ихъ гербовъ, времени царя Алексія Михайловича.¹⁾

Замѣчателенъ также для государственной геральдики XVII-го вѣка сохраниющейся въ Оружейной Палатѣ царскій *сайдачный покровецъ* (№ 6356). Въ серединѣ его вышить волоченымъ золотомъ и жемчугомъ двуглавый орелъ съ Московскими гербами на щите; вокругъ покровца, на красной атласной коймѣ, въ щитахъ, обнizанныхъ жемчугомъ, вышиты гербы: Казанскій, Астраханскій, Сибирскій, Новгородскій, Псковской, Тверской, Пермскій, Вятскій, Волгарскій, Нижегородскій, Рязанскій и Ростовскій²⁾.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія сохраниющейся тамъ-же *тарелка царя Алексія Михайловича* (*Древн. Государ. Росс. Отд. IV. № 42*); на ней также изображены финифтью: въ сре-

1) Документъ этотъ любезно сообщенъ намъ А. В. Оршинниковымъ.

2) На Таб. Ж мы даемъ взятые съ этого *покрова* изображенія гербовъ: ф. 7 — *Новгородскою*, ф. 8 — *Сибирскою* ф. 9 — *Тверскою* и ф. 10 — *Псковскою*. Лакіеръ ошибочно считаетъ этотъ покронецъ принадлежащимъ къ трону царя Михаила Федоровича. Въ описи 1687 г. онъ значится, какъ покровецъ *сайдачный*, болѣе маю *наряда* и, следовательно, никакого отношения къ означенному царскому трону не имѣть.

динѣ—государственный гербъ, а по краямъ, въ орнаментѣ—16 гербовъ, каждый въ особомъ щитѣ. Гербы главныхъ княжествъ, (въ томъ числѣ Смоленскаго), изображены здѣсь въ большихъ щитахъ, подъ особыми коронами (*Таб. Ж ф. 2*), а гербы второстепенныхъ—въ малыхъ щитахъ. Здѣсь видна уже попытка изобразить гербы *въ краскахъ*, чего прежде не было, (см. также *Таб. Ж ф. 3. 4. 5.*).

Изъ всего сказаннаго становится яснымъ, что историческимъ началомъ русской геральдики слѣдуетъ признать *постепенное развитие государственную герба* и геральдизацію вошедшихъ въ его составъ областныхъ печатей, которая отчасти вошли затѣмъ и въ княжескіе гербы.

Орелъ въ русскомъ государственномъ гербѣ съ конца XV вѣка есть двуглавый, черный; измѣнялось лишь положеніе крыльевъ его. На печати Иоанна III мы видимъ его съ опущенными крыльями. Такая форма ихъ оставалась безъ измѣненія до конца XVI вѣка; затѣмъ орель съ распущенными крыльями появляется на нѣкоторыхъ печатяхъ Лжедмитрія, но въ гербѣ временъ царя Михаила Феодоровича они опять спущены. Наконецъ, въ царствованіе Алексія Михайловича, когда окончательно сложился нашъ государственный гербъ, орель стала изображаться съ распостертыми крыльями. Въ концѣ XVII вѣка геральдический типъ двуглаваго орла является уже вполнѣ выработаннымъ; таковымы мы встрѣчаемъ его напр. на *стрелецкомъ знамени конца XVII в.* (№ 4143), хранящемся въ Оружейной палатѣ: здѣсь орель весьма приближается по своему типу къ нынѣшнему, и въ рисункѣ и окраскѣ его замѣтенъ уже геральдический отпечатокъ; (такъ напр. *вооруженія* орла имѣютъ особый цвѣтъ). Орель изображенъ здѣсь безъ сердцеваго щитка. (*Таб. К ф. 7*). Изъ другихъ дополненій государственного герба укажемъ еще на то, что съ вел. князя Василія Иоанновича главы орла стали изображаться съ открытыми клювами и съ выдающимися изъ послѣднихъ языками и что со временъ царя Михаила Феодоровича въ лапахъ орла стали изображать иногда *скипетръ* и *державу*; (это, впрочемъ, не считалось существеннымъ даже при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ).

Что же касается *всадника* въ Московскомъ гербѣ, поиѣщаемомъ на груди орла, то въ изображеніи таковаго долгое время существовала неустойчивость: всадникъ, колющій змія, изображался въ различныхъ одѣяніяхъ, обращеннымъ чаще влѣво (геральдически), но иногда и вправо. Притомъ и самое значеніе его бывало еще тогда различное: такъ напр. онъ часто олицетворялъ самого великаго князя, или его наследника¹⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ, выписавъ изъ Австріи императорскаго герольдмейстера Лавренція Хурелевича, поручилъ ему точнѣе формулировать русскій государственный гербъ. Въ 1667 г., для скрѣпленія мирнаго Андрусовскаго договора съ Польшою, сдѣлана была новая большая царская печать и вмѣстѣ съ тѣмъ издано узаконеніе, разъясняющее значеніе изображенаго на ней государственного герба, которое мы уже приводили выше.

Такимъ образомъ мы видимъ, что государственная печать Московскихъ царей слагалась путемъ чисто историческимъ и развилась въ гербѣ подъ западнымъ вліяніемъ.

Ознакомившись съ исторіей нашего государственного герба, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о развитіи у насъ понятія о *частномъ гербѣ*. Здѣсь мы также встрѣчаемъ первоначальную *сфрагистическую* эпоху, предшествовавшую *геральдической*. До насъ дошелъ длинный рядъ печатей намѣстниковъ, воеводъ, судей, писцовъ, губныхъ старости, городскихъ прикащиковъ и т. д., свидѣтельствующихъ объ употребленіи на официальныхъ актахъ по должностіи *личныхъ печатей* самыхъ разнообразныхъ изображеній. Въ этомъ числѣ мы встрѣчаемъ печати нѣсколькихъ большихъ Дворецкихъ, т. е. начальниковъ Большаго Дворца, каковы напр. печати *боярина Никиты Романо-*

¹⁾ До самого конца XVII вѣка изображеніе всадника въ гербѣ никогда не признавалось у насъ за изображеніе *св. Георгія*, но извѣстно было подъ простымъ названіемъ „*лодца*“ (ѣздока). *Лакіеръ* считаетъ вѣроятнымъ заимствованіе изображенія этого скачущаго всадника въ первоначальной его формѣ, т. е. съ занесеною въ руку саблею, изъ Литовскаго герба „*Погони*“, отъ которымъ онъ имѣть весьма много общаго. Этому заимствованію могъ способствовать бракъ в. к. Василия Дмитріевича на литовской княжнѣ Софіи Витовтовнѣ. См. *Русскій Геральдика*, стр. 117—118. *Запоскіль. Исторія права Московскаго государства*, стр. 201—202.

вича Юрьева (*Сборн. снимковъ древн. печат. Иванова № 100.* 1565 г.), князя Ф. И. Хворостинина (*ibid. № 116—1576 г.*), боярина Григорія Вас. Годунова (*№№ 132, 143—1586—94 гг.*), перешедшая по наследству къ его брату, Степану Вас. Годунову (1605 г.)

Особое значение имѣли печати царскихъ пословъ при посольскихъ съѣздахъ съ иноземцами. Нѣкоторые документы при этомъ печатались частными печатями русскихъ дипломатовъ, высланныхъ на съѣздъ; печати эти, за полною произвольностью изображеній на нихъ, предварительно показывались государю. Такія печати мы видимъ напр. на договорной записи, заключенной со Шведами въ 1585 г. на посольскомъ съѣздѣ на р. Наровѣ; ихъ три, по числу пословъ. На печати князя Федора Дмитріевича Шестунова-Ярославскаго изображенъ конный стрѣлецъ, съ подробною подписью вовругъ; на другой печати, думного дворянинна Игнатія Татищева — изображеніе Самсона, раздирающаго пасть льва; наконецъ, на третьей, дьяка Петра Тіунова — ангелъ, вѣдущій за собою на цѣпи льва. (См. *Снимки древн. русск. печатей*, изд. Комм. печ. грам. и договоровъ №№ 87. 88. 86).

Замѣтимъ, что еще съ конца XVI-го вѣка представители нѣкоторыхъ княжескихъ нашихъ фамилій, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Польши, начинаютъ пользоваться печатями съ юмблетами геральдического типа. Какъ известно, князь Андрей Михайловичъ Курбскій-Ярославскій, бѣжавшій отъ Иоанна Грознаго въ Литву, геральдизировалъ свою печать, которая утверждена была за его родомъ польскимъ королемъ: это таѣ наз. гербъ *Левъ*, въ которомъ этотъ послѣдній изображенъ возстающимъ и обращеннымъ вправо, въ червленомъ полѣ¹⁾. Позднѣйшее объясненіе этого герба, данное въ XVII в. *Окомскими*, едва ли можетъ считаться достовѣрнымъ, ибо, какъ мы видѣли, гербы литовскихъ и русскихъ княжескихъ фамилій вел. княжества литовскаго обыкновенно не давались вновь, а лишь утверждались за пизи королями польскими. Но помимо этого примѣра, который

¹⁾ См. *Herbarz Rycerstwa Litewskiego* — Kojalowicza, изд. Пекосинскими, стр. 144.

можеть быть признанъ исключительнымъ, мы имѣемъ еще и другое. Такъ напр., намъ известно, что въ 1611 году князь Федоръ Ивановичъ *Мстиславскій* пользовался печатью, рѣзанной для него, вѣроятно, какимъ-нибудь иностранцемъ, по всѣмъ правиламъ геральдики. Мы видимъ здѣсь въ гербовомъ щитѣ коронованнаго льва, а надъ щитомъ буквы: *F. D. G. D. M.*, обозначающія, по объясненію *Н. П. Лихачева*, что Мстиславскій былъ „*Dei gratia dux*“. Печать эта приложена къ отвѣтной грамотѣ, писанной отъ управлявшихъ государствомъ бояръ къ польскому королю Сигизмунду, въ январѣ 1611 г.¹⁾). Другая известная намъ печать геральдического типа принадлежитъ знаменитому князю Дмитрю Михайловичу *Пожарскому-Стародубскому* и относится къ 1612 г. На ней мы видимъ геральдический щитъ, въ видѣ картуша, съ изображеніемъ одноглаваго орла съ подвѣтыми крыльями, обращеннаго вѣво и клюющаго мертвую голову (*Снимки древн. русск. печатей*, изд. 1882 г. № 90). Такая печать имѣть совершенно случайный характеръ, не соотвѣтствуя званию *Стародубскаго княжества*, изображавшему *старый дубъ*: эту послѣднюю эмблему мы встрѣчаемъ въ другой, позднейшей печати, князя Михаила Григорьевича *Ромодановскаго Стародубскаго*, 1689 г. (дубъ, подъ нимъ медвѣдь, вѣво идущій)²⁾). Но подобныхъ, известныхъ примѣровъ мы могли бы привести еще не сколько. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что выборъ эмблемъ на русскихъ печатахъ XV—XVII вв. поражаетъ своимъ разнообразіемъ и часто полною неожиданностью; эмблемы эти имѣютъ въ большинствѣ своеемъ случайный характеръ. Это объясняется тѣмъ, что печати Московской Руси не были гербами и не претендовали даже на такое значеніе.

„Въ то время, говорить нашъ ученый изслѣдователь

¹⁾ Напечат. въ *Собр. Госуд. прав. и договоровъ* ч. II. № 222. Любопытна также гербоная печать, приложенная къ свидѣтельству самозванца Тимошки Акандинова, выдававшаго себя за сына царя Василія Шуйскаго, князя Иава. Къ свидѣтельству этому, давному имъ въ Венеции въ 1648 г., приложена печать съ изображеніемъ фантастического герба, заключающаго эмблемы: медведя, льва, креста, стрѣлы, звѣзды, лука и посохъчника. *Тамъ же* ч. III, № 132.

²⁾ *Ibid.* № 100.

Н. П. Лихачев¹⁾, какъ западная европейская сфрагистика *тѣсно сроднилась съ геральдикой* и выработала цѣлую систему правилъ о типахъ, формѣ, величинѣ печатей, русская сфрагистика не поддается систематизаціи. Мало того, въ этой сфрагистикѣ мы видимъ полное отсутствие того консерватизма, того пристрастія къ старыи формамъ, въ которыхъ такъ часто, (и нерѣдко произвольно), упрекаютъ до-Петровскую Русь. Московское правительство и его чиновники быстро забыли византійскія преданія, замѣтныя въ древнѣйшихъ печатяхъ. Въ частныхъ печатяхъ мы видимъ невозбранное привнесеніе всякихъ новшествъ. Старыя геммы и разные домашней работы птицы и звѣри свободно замѣнились гербовыми щитами съ произвольно взятыми эмблемами. Никакого сходства съ позднѣйшими гербами мы не замѣчаемъ: *дворянская геральдика искусственно сочинена была въ исходѣ XVII вѣка*, и знаменитѣйшиe дѣятели Московской Руси пользовались разнообразными печатями, не помышляя о родовыхъ гербахъ. Мало того, такие роды, какъ напр. *князья Глинскіе*, какъ бы утрачиваются у насъ память о своемъ гербѣ».

Подобный отрицательный взглядъ на сфрагистические основы русской геральдики находитъ себѣ вѣскую опору въ свидѣтельствѣ извѣстнаго *Котошихина*, въ его сочиненіи *о Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича*. Свидѣтельство это для насъ имѣть тѣмъ большее значеніе, что авторъ, бывъ за границею, уже имѣть точное и вѣрное понятіе о гербахъ и прямо различаетъ ихъ отъ печатей. „А кому царь, пишетъ онъ, похочеть вновь дати боярство и окольничество и думное дворянство изъ стольниковъ и изъ дворянъ, или дворянину изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ, или изъ военныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамотъ и гербовъ ка дворянство ихъ и на боярство никому не даетъ, потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ, да не только кому боярину, или иному человѣку не даются гербы, но и самъ царь гербомъ своимъ Московскимъ печатается на грамотахъ въ христіанскія государства не истиннымъ

¹⁾ *Дѣло о прѣводѣ въ Москву А. Поссевина*, стр. 139 и слѣд.

своимъ прямымъ, а печатается своимъ истиннымъ гербомъ къ Крымскому хану и Калмыкамъ; также и у старыхъ родовъ князей и бояръ и у новыхъ, *истинныхъ своихъ печатей нѣтъ*, да не только у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всячаго чину людей Московскаго государства *гербовъ не бываетъ*; а когда случится кому къ какимъ письмамъ, или посломъ къ посольскимъ дѣламъ, прикладывать печати, и они прикладываются, *какая у кого печать приучилась, а не породила*“. (Гл. II, ст. 12).

Нельзя впрочемъ вполнѣ согласиться съ вышеприведеннымъ взглядомъ *Лихачева*, что вся наша дворянская геральдика въ исходѣ XVII вѣка была *искусственно сочинена*. Послѣ того, какъ писалъ Ботошихинъ, въ царствованіе Феодора Алексѣевича распространеніе польскихъ обычавъ у насъ замѣтно усилилось подъ вліяніемъ южно-русской книжности, а можетъ быть также и вслѣдствіе брака царя съ Агаѳіей Грушецкой, происходившей изъ польского шляхетства. Къ этому именно времени относится первое появленіе у насъ гербовъ, которые по большей части *заимствовались* тогда изъ *польскихъ источниковъ*, какъ напр. изъ „*Гербовника шляхетскаго, Польскаго и Литовскаго народа*“, *Окольскаго*, изданного въ Краковѣ въ 1641 г. на латинскомъ языке и появившагося тогда въ Посольскомъ приказѣ для *справокъ*. Подобное *заимствованіе польскихъ гербовъ*, какъ мы видѣли, было весьма распространено и въ Литвѣ, и южной Руси, и поэтому подражаніе таковому у насъ являлось весьма естественнымъ и ему недоставало только санкціи со стороны высшей власти. Въ это же время и наши родовитыя княжескія фамиліи, происходившія отъ удѣльныхъ князей, Рюриковичей, а также отъ Гедимина, стали употреблять на своихъ печатяхъ гербы, образовавшіеся изъ древнихъ княжескихъ *знаменъ*. Намъ извѣстно нѣсколько подобныхъ, вполнѣ геральдическихъ печатей частныхъ лицъ XVII вѣка, которые заключаютъ эмблемы, дѣйствительно перешедшія затѣмъ въ наследственные гербы тѣхъ же фамилій. Таковы напр. печати: князя Василія Васильевича *Голицына* 1684 г. (*погонь*, обращ. вѣво, въ польской стилизациі); князя Аврама Никитича *Пріамкова-Ростовскаго* 1687—93 г. (въ щитѣ, увѣнч. княжескою шапкою, бѣгущій вправо олень); Алексія Пе-

тровича *Салтыкова* 1684 г. (въ щитѣ — одноглавый орелъ); Прокопія Богдановича *Возницина* 1688 г. (въ гербовомъ щитѣ, съ шлемомъ и намѣтомъ — *шествующій волъ*; послѣдній повторяется также и въ нашлемнике), и др.¹). Мы встрѣчаемъ также въ это время гербы на нѣкоторыхъ цѣнныхъ предметахъ утвари, какъ напр. гербъ князей *Волконскихъ*, (съ датою 1696 г.) на серебряныхъ братинѣ и блюдѣ²) и т. под.

Учреждая герольдию, (по мысли барона *Гейзена*), Петръ Великій въ своемъ указѣ упоминаетъ о гербахъ, какъ о чёмъ-то уже существующемъ у насъ. „Въ архивахъ нашихъ, говоритъ *Лакіеръ*, хранятся цѣлые производства, возникшія тотчасъ послѣ уничтоженія мѣстничества и сожженія разрядовъ, при представлѣніи *выѣзжими родами* доказательствъ о благородномъ происхожденіи, дававшемъ имъ право на внесеніе въ родословную книгу. Такимъ образомъ въ послѣдней четверти XVII вѣка учрежденіе гербовъ было уже въ ходу, дѣленія герба и лучшая геральдическая сочиненія были извѣстны и когда издавался указъ, чтобы *каждый благородный имѣлъ гербъ*, цѣль законодателя была, на оборотъ, ограничить излишнее число гербовъ и противозаконное употребленіе ихъ тѣми, которые не имѣли на это отлиchie права. А въ 1722 г. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводить въ дворянство и жаловать гербомъ и печатью можетъ одинъ только Государь. Тогда же установлена была имъ должность герольдмейстера. Есть положительные факты, которые подтверждаютъ мысль, прямо впрочемъ вытекающую изъ словъ указа, что Петръ Великій засталъ уже у насъ гербы³).

Въ нашей геральдикѣ позднѣйшаго периода дворянскіе гербы дѣйствительно стали уже *сочиняться*, болѣе или менѣе удачно. Почтенная и талантливая попытка *Лакіера* установить при ихъ систематизаціи твердая начала, основанныя на *происходженіи* русскихъ дворянскихъ фамилій, не можетъ быть признана вполнѣ

¹⁾ См. *Снимки древніхъ русск. печатей*, изд. 1882 г. №№ 93, 98, 97, 99 и другіе.

²⁾ См. *Художеств. Сокровища Россіи* 1905 г. вып. I, стр. 19.

³⁾ Для изученія нашей геральдики Петровской періода имѣеть важное значеніе рукописный *Гербовникъ Князева*, сохранившийся въ библіотекѣ Казанскаго Университета.

удачною и примѣненою. Если первоначально известныя правила при выборѣ гербовыхъ эмблемъ и соблюдались, то впослѣдствіи таковыя были совершенно забыты, и гербы у насъ стали сочиняться совершенно произвольно и безо всячаго соблюденія геральдического стиля, представляя лишь продуктъ такъ наз. *канцелярской геральдики*. Къ таковой должны быть отнесены также въ большинствѣ случаевъ и сочиненные въ началѣ XVII столѣтія графомъ *Санти* (1727 г.) гербы городовъ, (за исключеніемъ лишь *древнихъ* городскихъ гербовъ, происшедшихъ отъ печатей). Задачею нашей русской геральдики въ будущемъ, по нашему мнѣнію, является по мѣрѣ возможности исправить допущенное безвкусіе и выработать въ нашихъ городскихъ и дворянскихъ гербахъ, при помоши художественной археологии, болѣе свойственные ей типы фигуръ, согласуя ихъ, конечно, съ общепринятыми геральдическими правилами.

При составленіи же *новыхъ* гербовъ казалось бы возможнымъ и допустимымъ примѣнять у насъ въ таковыхъ иногда нѣкоторыя русскія эмблемы, (напр. *птицу—сирину, гамаюна, барса, китовраса*, различные фигуры, заимствованныя изъ древнерусского военного и гражданскаго быта, и т. под.; наконецъ, нѣкоторыя священные изображенія, столь употребительныя у насъ въ старину, въ древней стилизациѣ). Это дало бы русской геральдики свой оригинальный и притомъ болѣе обоснованный, *национальный* отпечатокъ. Подобные типы фигуръ могли бы заимствоваться нашою геральдикой изъ русскихъ художественныхъ памятниковъ XVI и XVII-го столѣтій, т. е. изъ той эпохи, когда у насъ впервые стали вырабатываться геральдическая эмблемы. Другую характеристическую особенность нашей геральдики могло бы представить болѣе частое введеніе въ нее, въ видѣ гербовыхъ фигуръ, различныхъ *родовыхъ знаковъ* и *тамогъ* для признаваемыхъ въ дворянскомъ достоинствѣ фамилій *монгольского* происхожденія, а также *кавказскихъ* и другихъ инородческихъ родовъ, какъ мы видимъ это напр. въ гербѣ *киргизскихъ князей Чингисовъ*¹⁾.

¹⁾ Даємъ описание этого герба, Высочайшо утвержденного въ 1873 году: щить раздѣленъ на три части перпендикуляромъ. Въ первой части (*шашъ*), въ

Въ заключеніе нашихъ лекцій не излишнимъ будетъ привести взглѣдъ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ геральдистовъ, *Сакена* на задачи современной геральдики.

Гербы, вполнѣ удовлетворяющіе основнымъ правиламъ геральдики, говорить онъ, встрѣчаются въ настоящее время весьма рѣдко; въ большинствѣ же ихъ замѣчается отсутствіе вкуса эпохи *Рококо* и недостатокъ стиля послѣдующаго времени. Если же геральдика должна соотвѣтствовать своимъ существеннымъ задачамъ и особенностямъ, то ей слѣдуетъ возвратиться къ основнымъ положеніямъ и законамъ и на этихъ историческихъ ея основахъ вырабатывать геральдическое искусство въ духѣ лучшей эпохи его процвѣтанія.

Для достижениія этого слѣдуетъ, чтобы научное изученіе гербовъ — гербовѣдѣніе и геральдическое искусство въ точнѣйшемъ его смыслѣ—шли рука объ руку. Первое должно разрабатывать законы и положенія, раздѣлять существенное въ гербахъ отъ произвольныхъ прилатковъ и выяснить такимъ образомъ истинное значеніе и смыслъ геральдики. Съ этою цѣлью гербовѣдѣніе излагаетъ исторію развитія геральдического искусства и указываетъ на значеніе фигуръ и ихъ отношеніе къ жизни. Такимъ образомъ наука даетъ художнику матеріалъ въ руки; ему же предоставляется задача усвоить идею и истинный стиль изображенія и, вдохновившись ею, создать вполнѣ геральдическій и правильный рисунокъ герба.

черномъ полѣ—лукъ и стрѣлы, какъ оружіе, обычное у Киргизовъ; во второй (правой нижней) въ лазоревомъ полѣ—серебряный знакъ (X) *тамга Чинизэ-хана*, указывающая происхожденіе кважескаго рода отъ этого завоевателя; а въ третьей части (левой нижней) на красномъ полѣ—*тамга Букеева рода* (III) золотая. Щитодержатели—воины въ восточномъ вооруженіи.

Приложение.

1656 г. Ростись печатинъ Сибирскихъ городовъ съ описаниемъ ихъ гербовъ.

Ростись Государевымъ Царевымъ и Великаю Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Еольныя Росии Самодержца, печатемъ, какою въ которомъ городъ или острогъ и что на которой печати вырѣзано.

На Тобольской, два соболя, межъ ими стрѣла, а около печати вырѣзано: „печать царства Сибирского города Тоболска“.

На Верхотурской, соболь подъ даревомъ, а около вырѣзано: „печать земли Сибирскія города Верхотурия“.

На Березовской, соболь же да стрѣла, а около вырѣзано: „печать земли Сибирскія Березова города“.

На Обдорской, что на Собскомъ устьѣ, лисица держитъ стрѣлу, а около вырѣзано: „печать Государева, Сибирскія земли Собского устья“.

На Мангазейской, олень, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскія Мангазейскаго города“.

На Тарской, лисица, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскія Тарскаго города“.

На Тюменской, лисица да бобръ, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскія Тюменскаго города“.

На Туринской, россомаха, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскія Туринскаго острогу“.

На Печымской, лось, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскія Печымскаго города“.

На Сургутской, двѣ лисицы, а межъ вми соболь, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскія Сургутскаго города“.

Въ Томскомъ разрядѣ.

На Томской, коруна, а около вырѣзано: „печать Государева, Томскаго города“.

На Енисѣйской, два соболя, межъ ими стрѣла, а подъ ними лукъ внизъ тетивою, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Енисѣйскаго острогу“.

На Кетцкой, рысь, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Кетцкого острогу“.

На Нарымской, бѣлка да горностай, межъ ими стрѣла, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Нарымскаго острогу“.

На Красноярской, иирогъ, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Красноярскаго острогу“.

На Кузнецкой, волкъ, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Кузнецкаго острогу“.

На великой рѣкѣ Ленѣ печать, орелъ поймалъ соболя, а около вырѣзано: „печать Государева Новые Сибирскіе земли, что на великой рѣкѣ Ленѣ“.

На Ленской таможенной, барсъ изымалъ соболя, а около вырѣзано: „печать Сибирскаго Государства великія рѣки Лены, таможенная“.

Дополнение.

(Описание фибулъ 1 и 3 на таб. I).

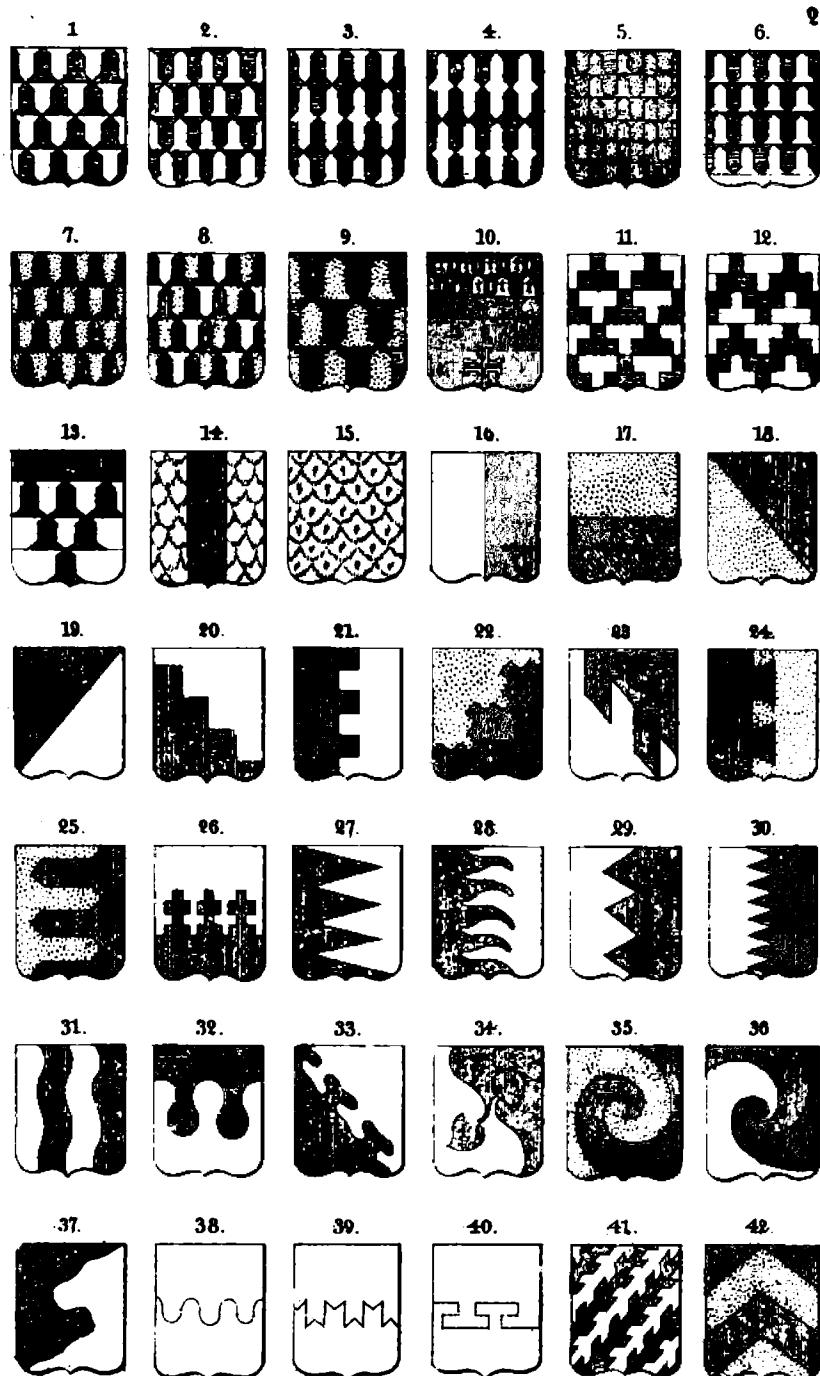
1. Австрийскій герольдъ временъ императоровъ Фердинанда II (1578—1637) и Леопольда I (1658—1705). Костюмъ его составляетъ длинная черная одежда съ широкими рукавами, усаженная спереди, сверху до низу, пуговицами, съ петлицами. Сверхъ нея епанча, доходящая до колѣни, тоже шелковая, сшитая изъ двухъ половинъ: правая (геральдический) изъ красного шелка съ поперечнымъ поясомъ изъ серебряной парчи (гербъ Австрии), а левая—синяя съ золотыми одноглавыми орлами, расположенными по два (гербъ Лотарингии). Шляпа треугольная, съ бѣлыми и красными перьями; на ногахъ—башмаки съ пряжками и въ правой руке герольда серебряный скипетръ, увѣянный золотымъ орломъ на шарѣ.

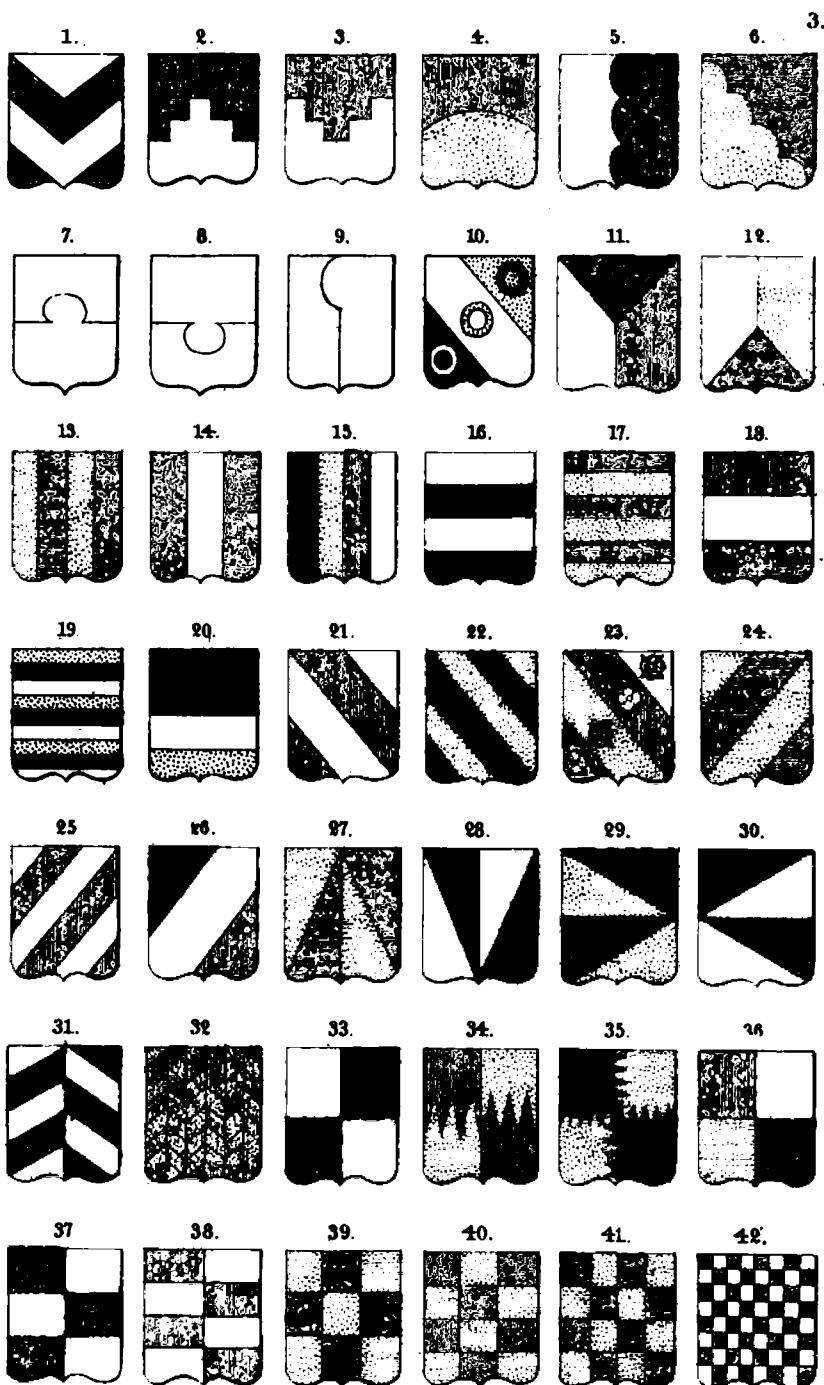
3. Герольдъ церцогства Гельдернъ (въ Голландіи). Костюмъ его голубой, на немъ обращенный вправо золотой левъ, съ красною короною на головѣ; такие же львы и на рукавахъ костюма.

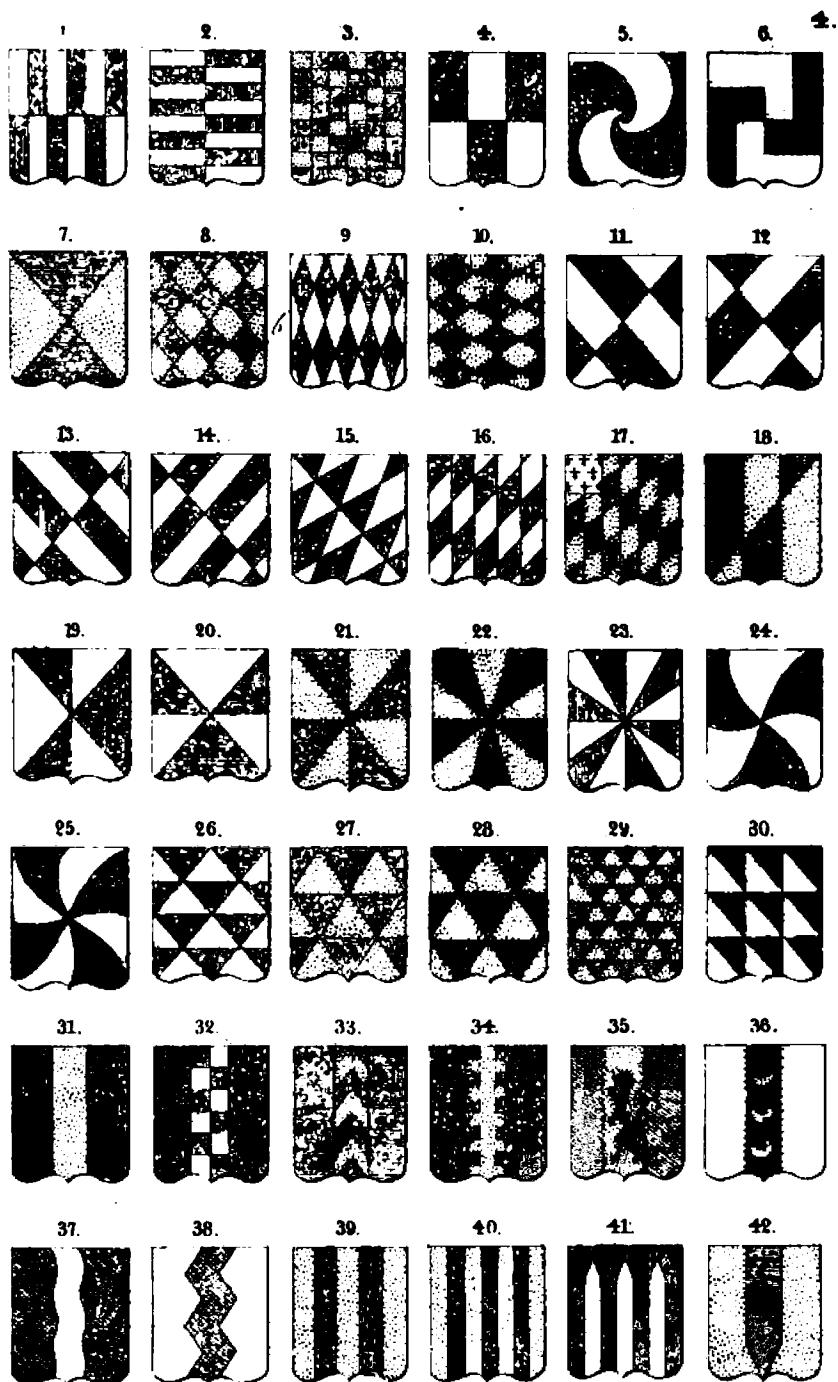
(Bernd. Wappenwissenschaft II. p. 17).

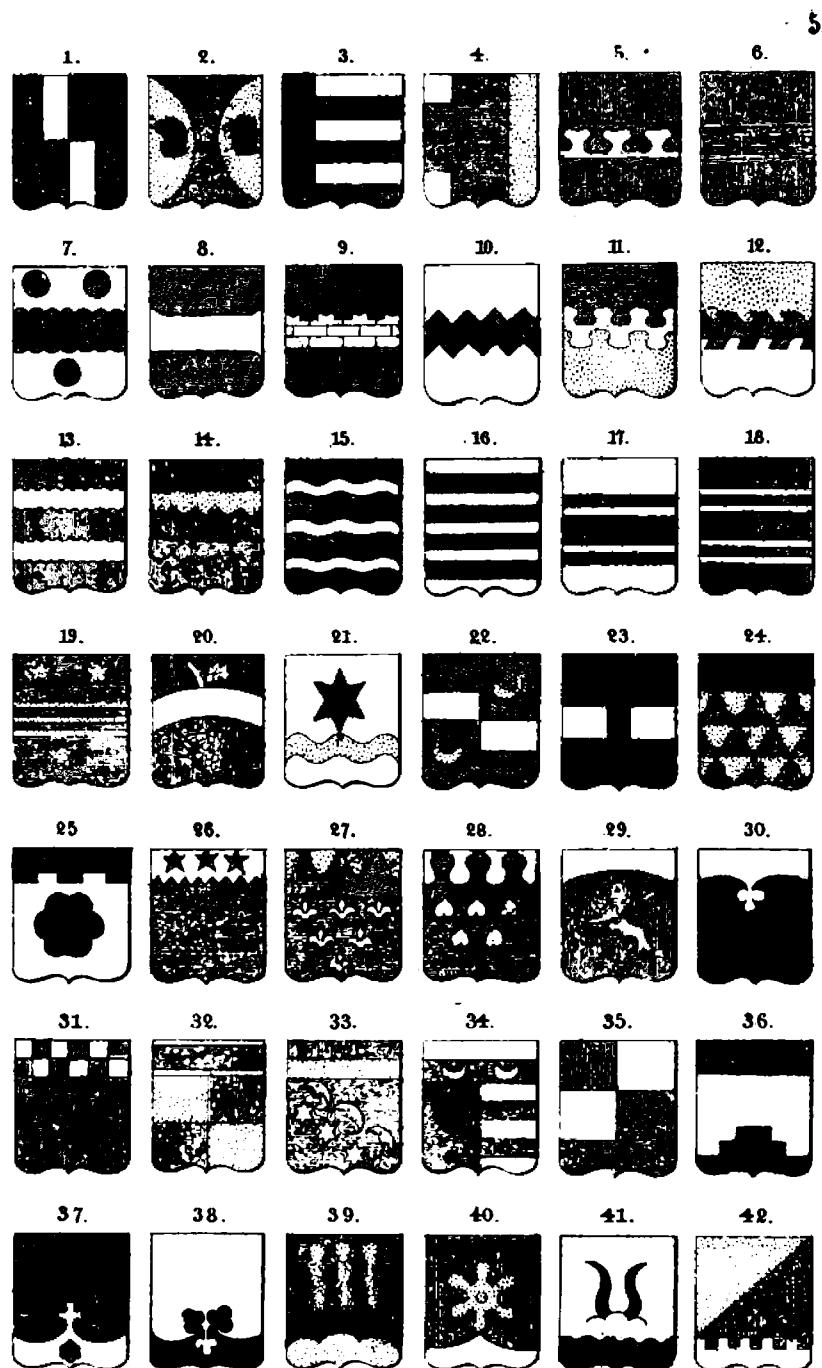
ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

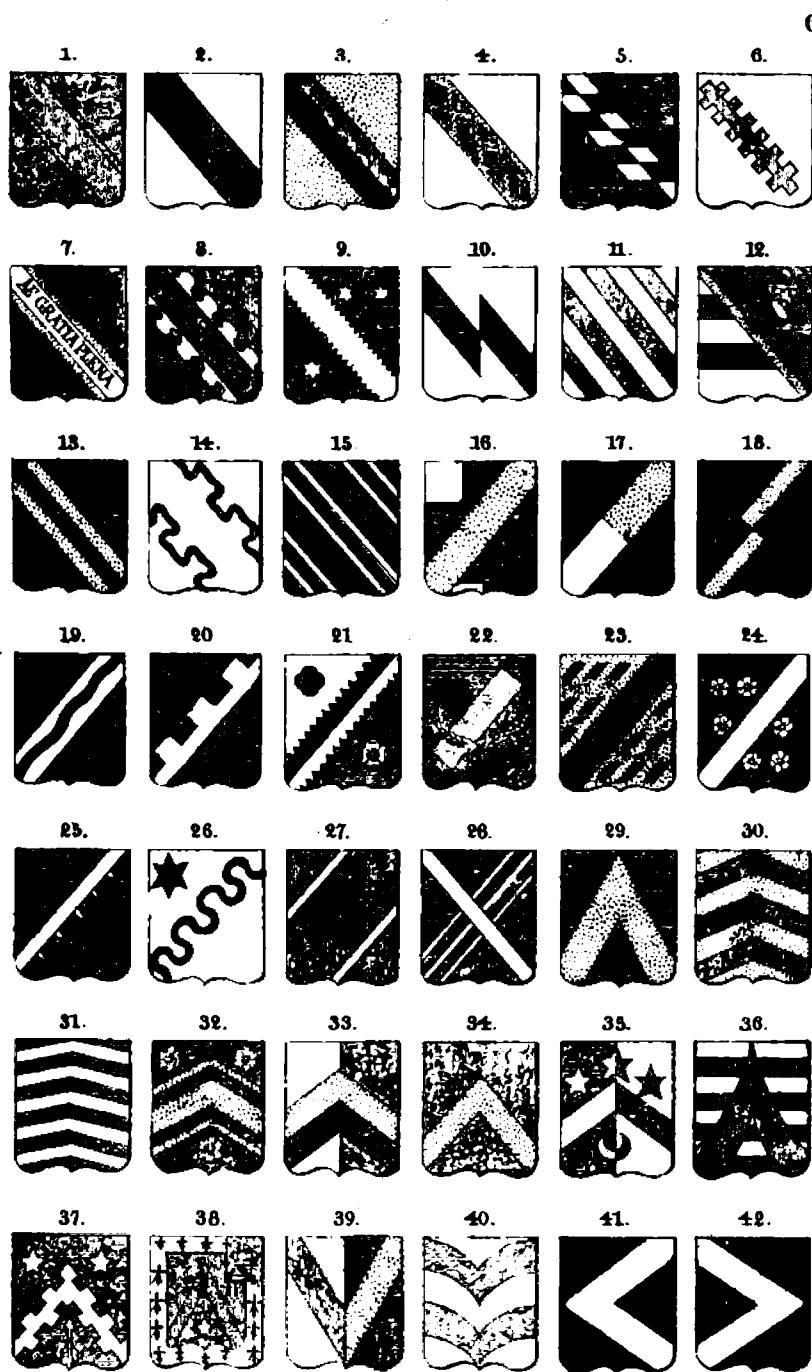
<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
10	7 сверху	незапамятныхъ	незапамятныхъ
15	6 "	геральдические	геральдическая
20	12 "	боевые	боевые
29	8 снизу	чудные	чудные
63	9 сверху	Карломъ I	Карломъ V
64	16 снизу	превилегіи	привилегіи
113	4 "	<i>Berud</i>	<i>Bernd</i>
123	8 "	<i>estmoldz</i>	<i>estmaldas</i>
132	10 снизу	<i>Эимбахера</i>	<i>Зибмалгера</i>
142	1 "	геральдики;	геральдики,
163	5 сверху	именино	именно
164	10 снизу	красныя	красные
"	11 "	голубыя	голубые
166	1 " (<i>примѣчаніе</i>)	Таб. Д.	Таб. Д. фиг. 118—121.
181	19 сверху	герба..ъ	гербахъ
196	1 "	См. Табл.	См. Таб. К. ф 6.
199	6 "	озображаемы	изображаемы
229	1 снизу	отовъ изгеною	изготовленною
241	17 сверху	Виртемберга	Вюртемберга
242	17 "	существовавшего	существовавшаго

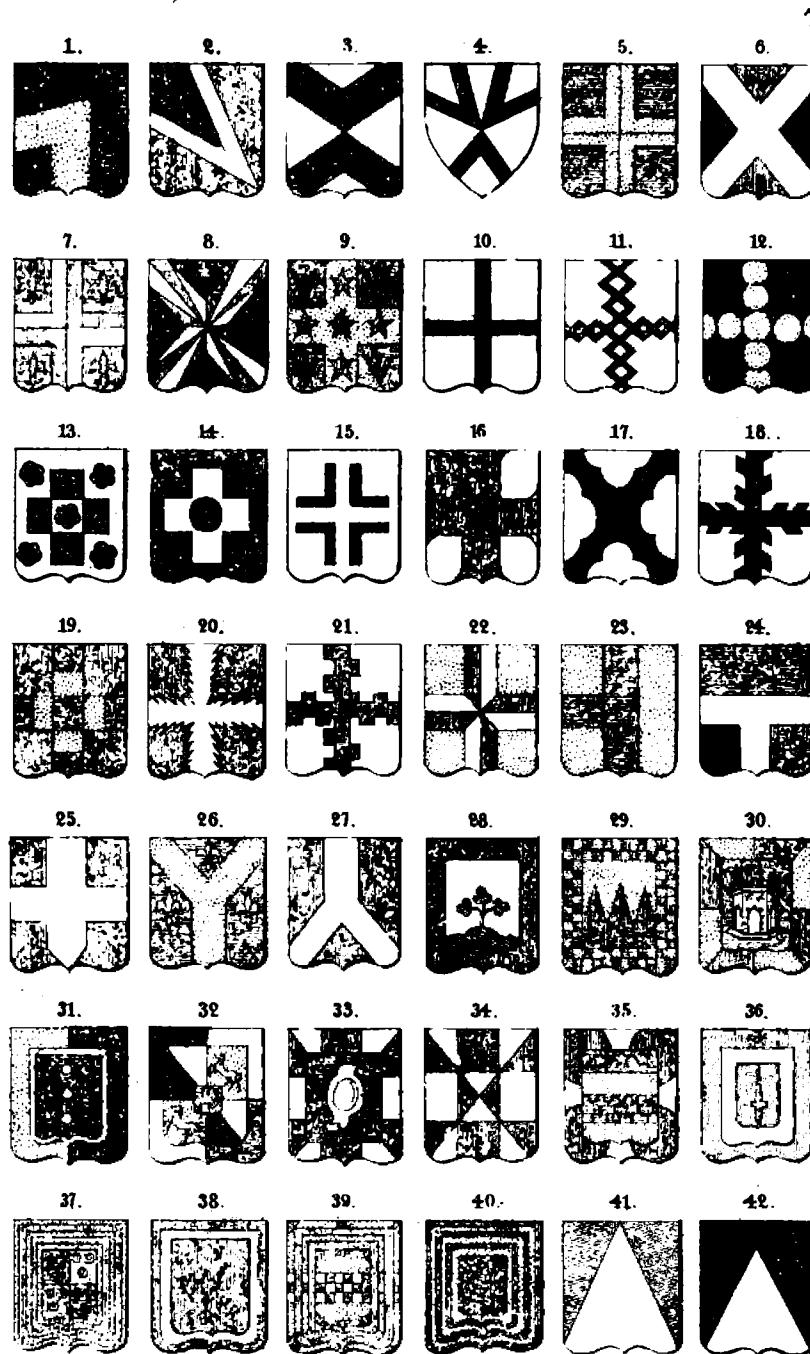




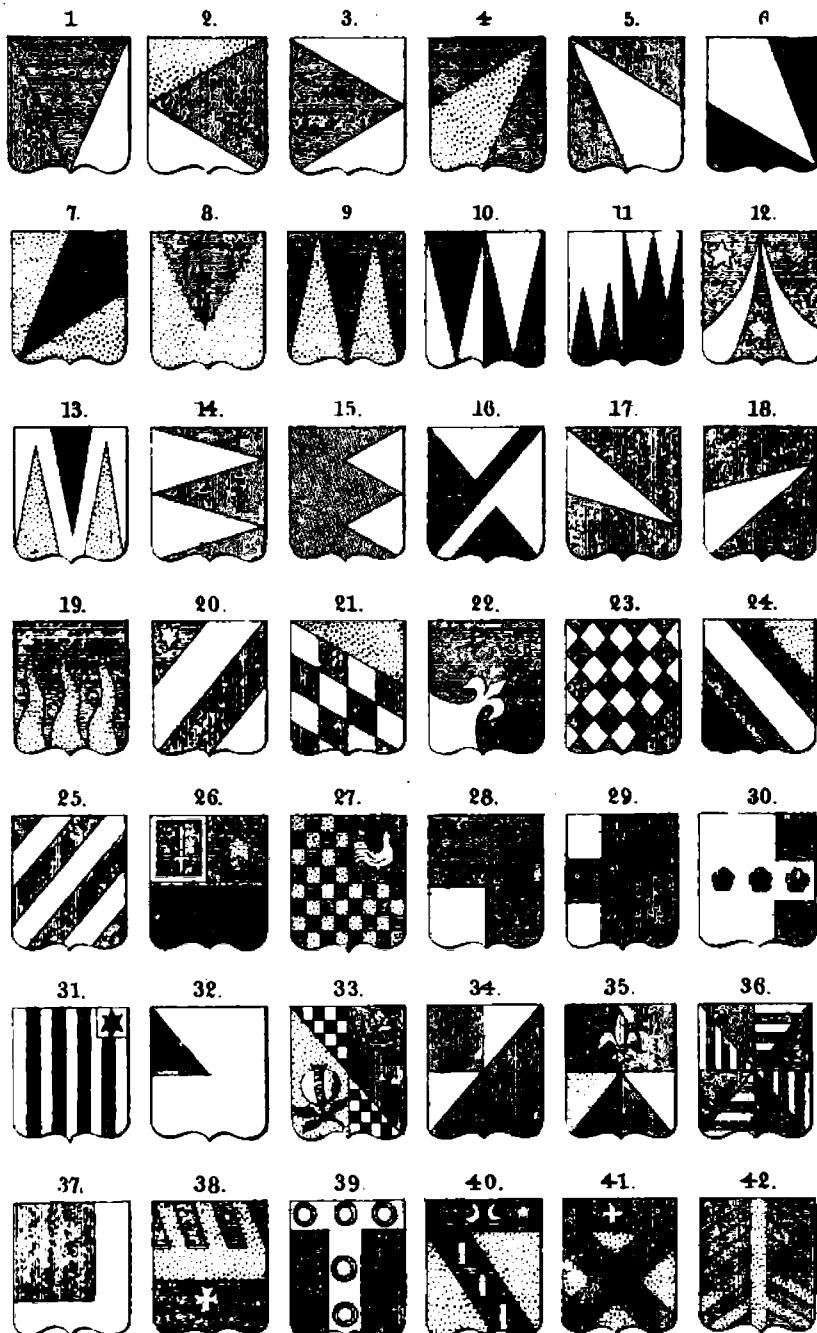


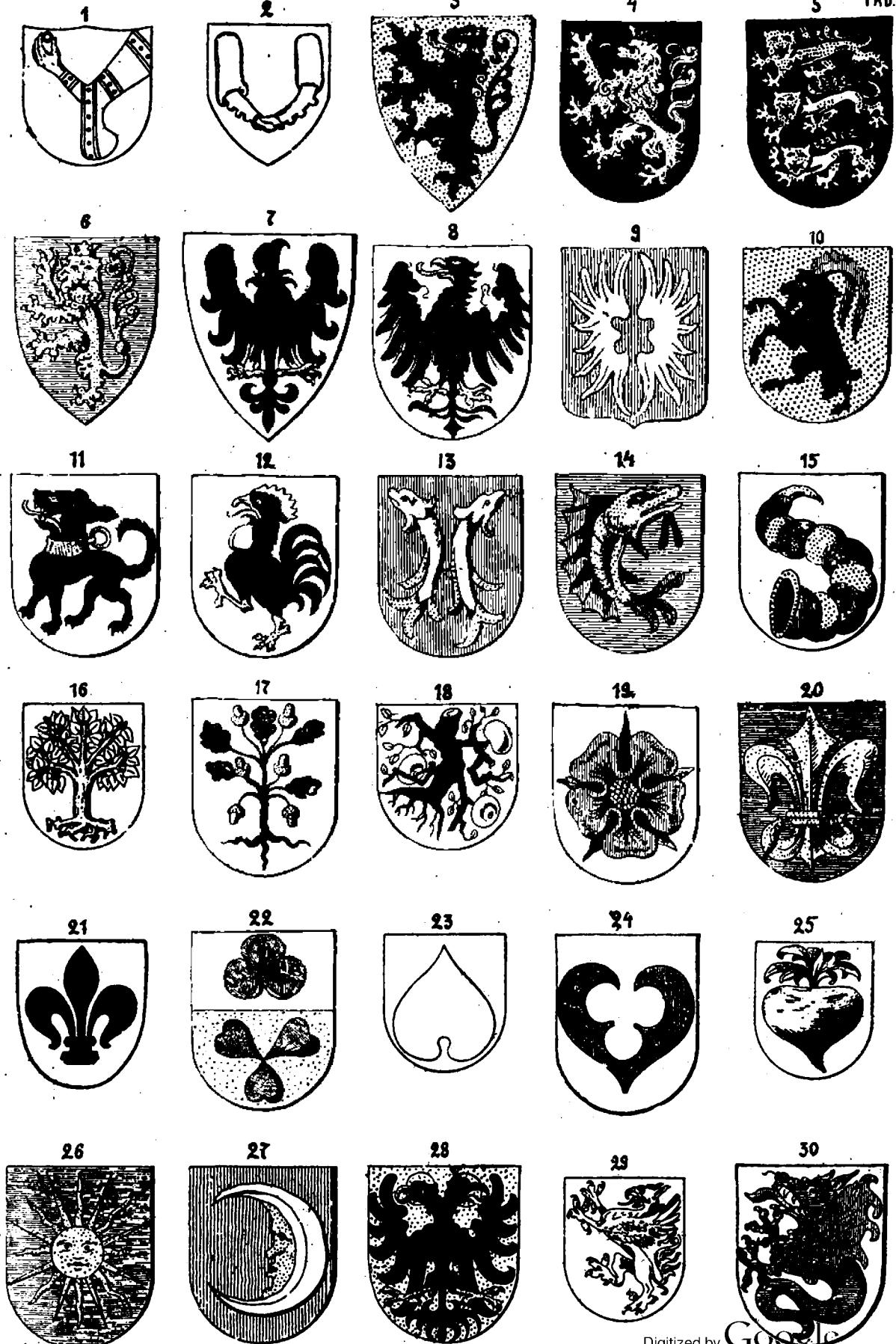


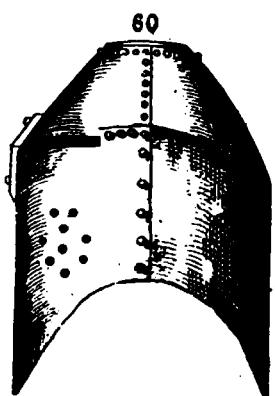
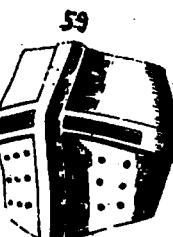
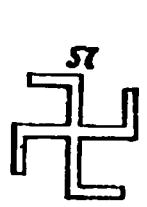
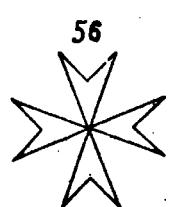
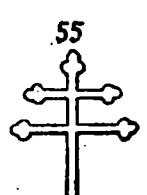
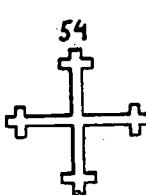
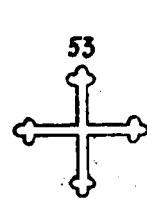
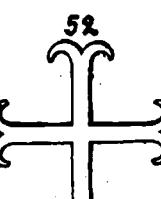
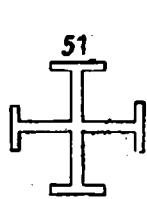
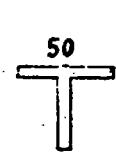
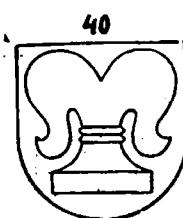
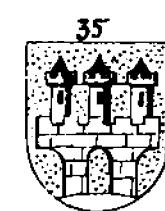




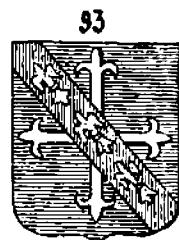
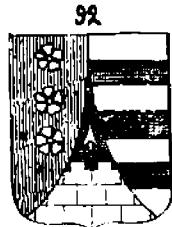
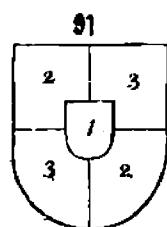
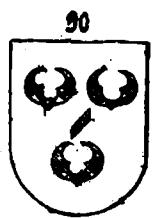
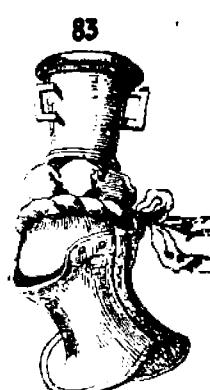
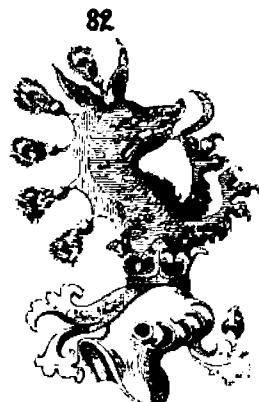
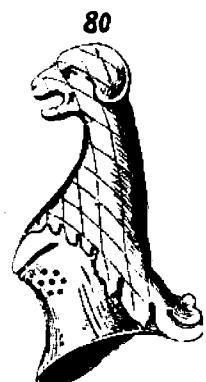
8.



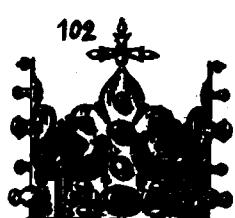
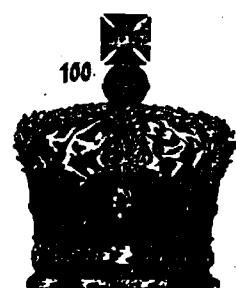
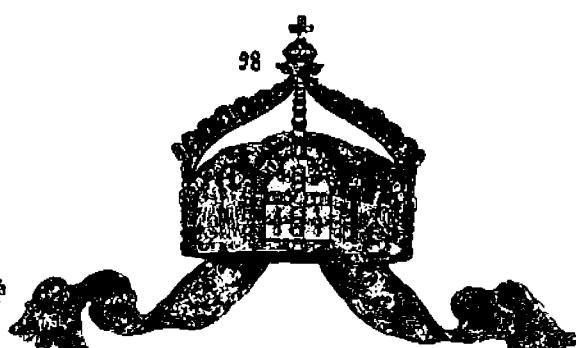
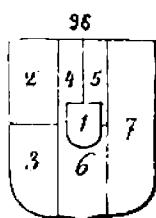


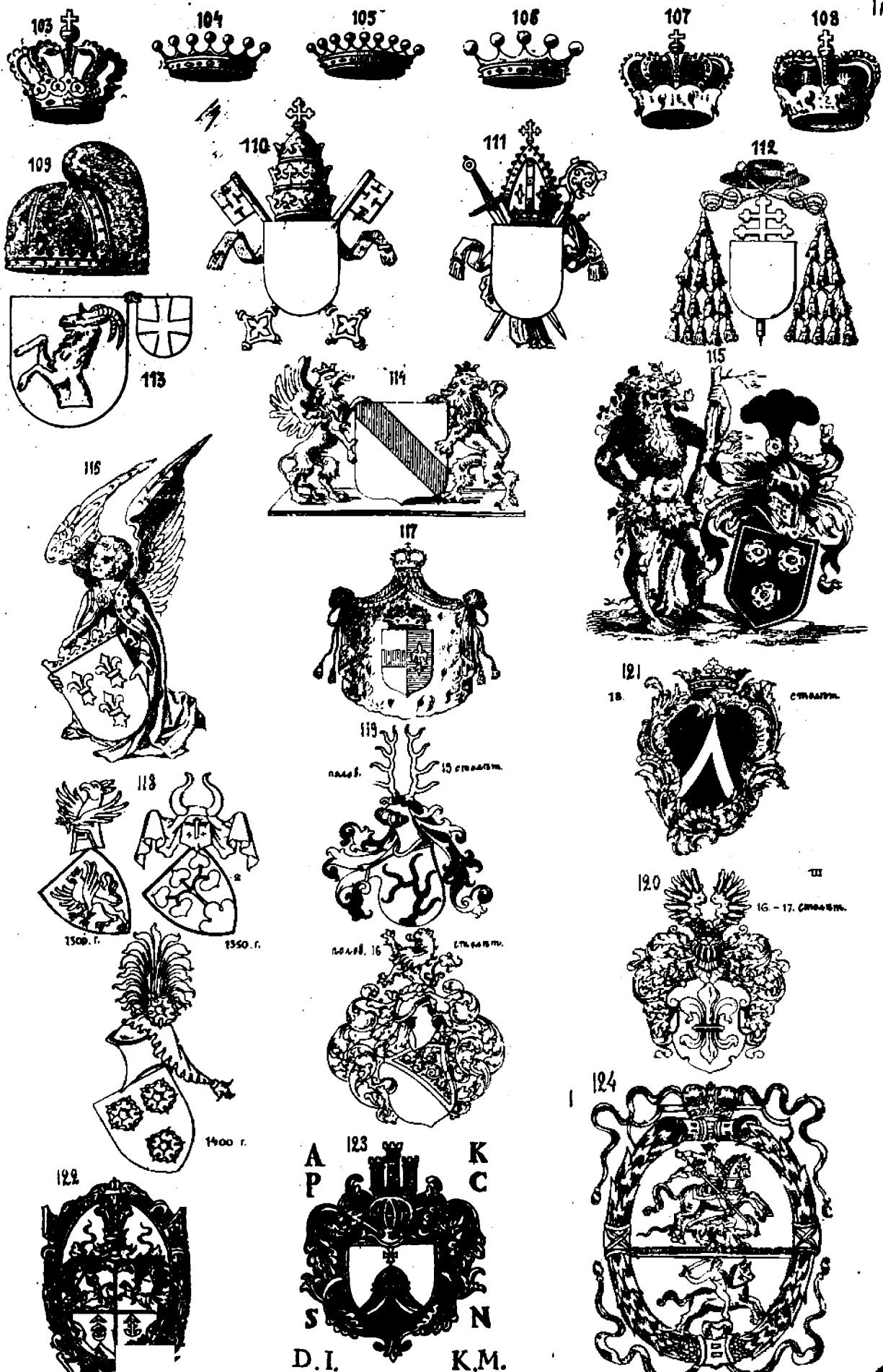


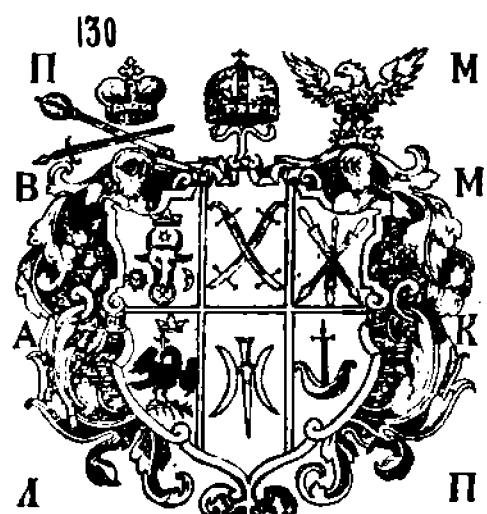
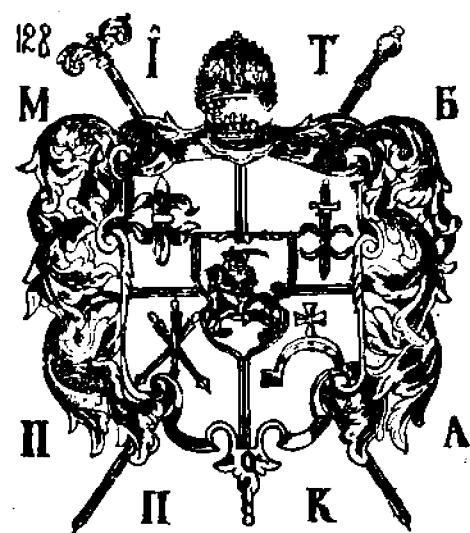


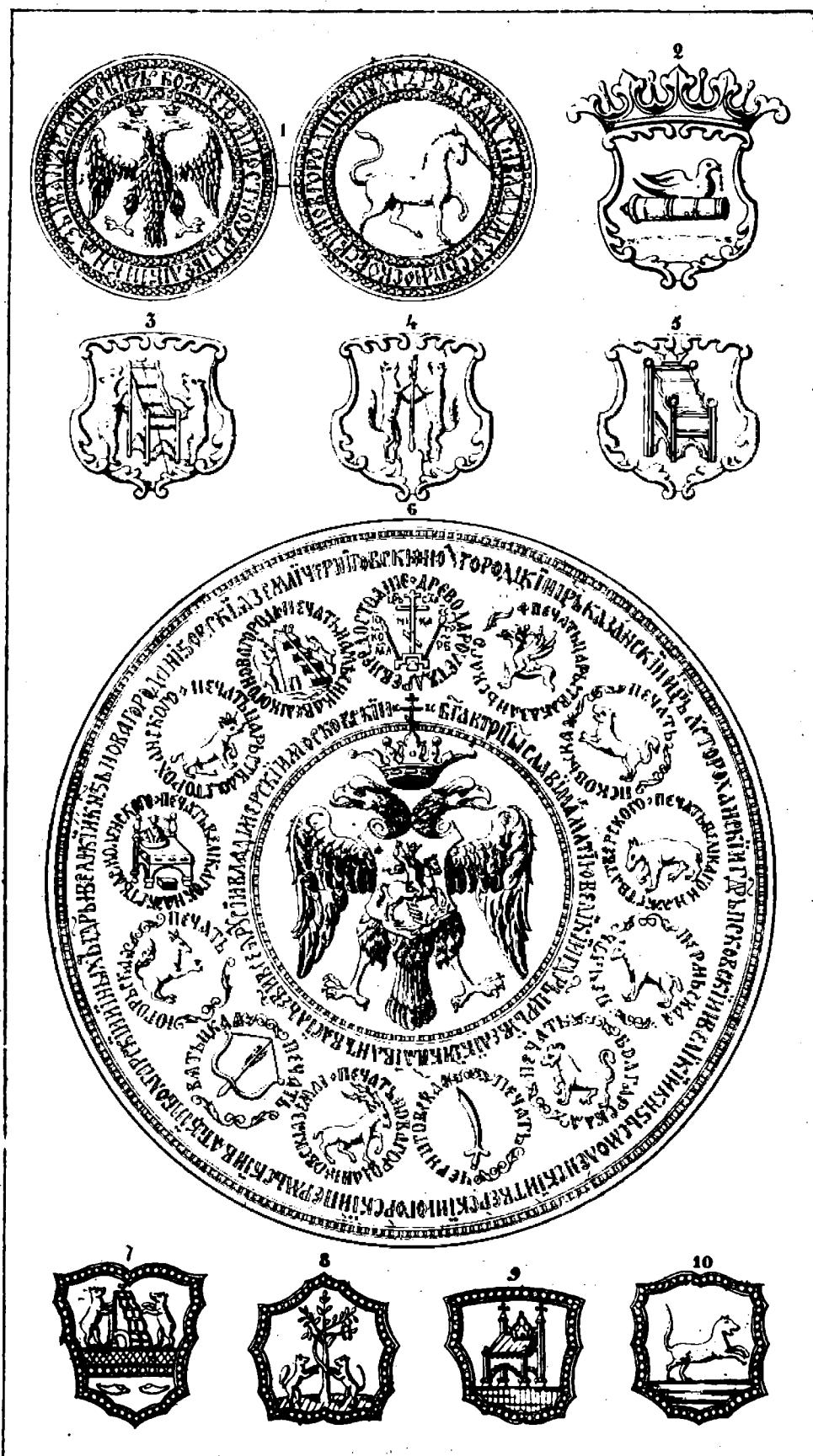


3	4	5	10	11
2		9		
6	7	8	12	13
16	17	18	23	24
19	20	21	26	27
			22	25
			28	

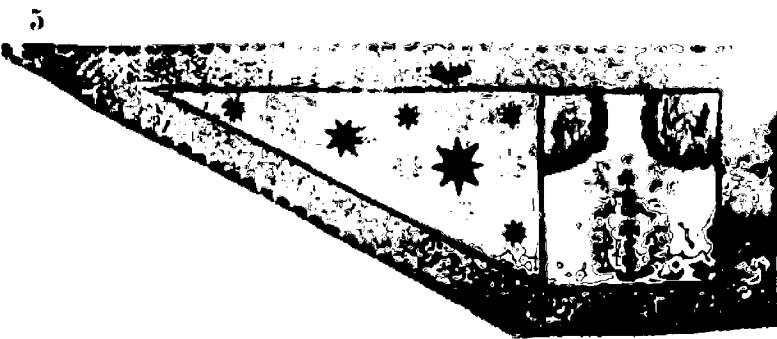
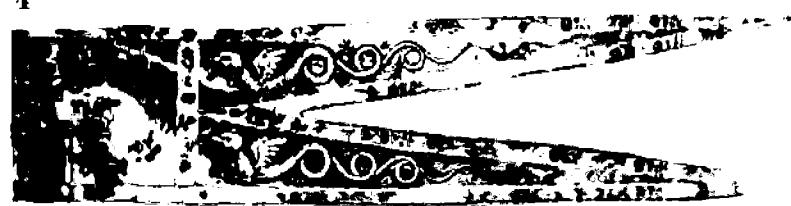
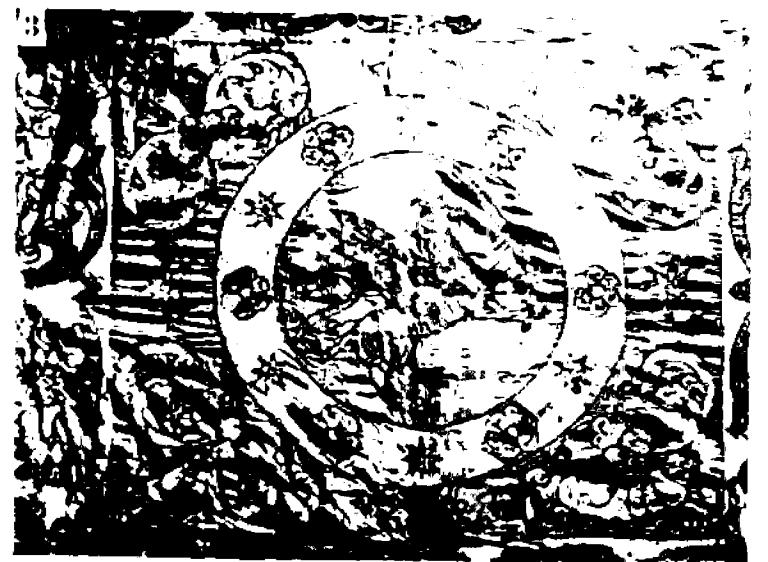


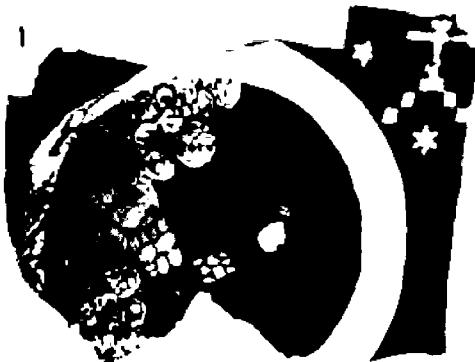












This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

JUL AUG 7 1931

~~CANCELLED~~ NOV 10 1931

~~JUL 20 1930~~

JUN 18 '59 H

~~CANCELLED~~ 55450
~~JUN 6 1971~~